
СЕМЕН РЕЗНИК

ВМЕСТЕ?
ИЛИ
ВРОЗЬ?

СУДЬБА ЕВРЕЕВ В РОССИИ

СЕМЕН РЕЗНИК

ВМЕСТЕ
ИЛИ ВРОЗЬ?

СУДЬБА ЕВРЕЕВ В РОССИИ

Александр
Белоусенко
- в знак уважения
к вашей доблестной
культурно-просветительской
деятельности.

От автора

Сем. Резник

11-29-2006

Вашинтон

ЗАХАРОВ

СЕМЕН РЕЗНИК

ВМЕСТЕ
ИЛИ ВРОЗЬ?

СУДЬБА ЕВРЕЕВ В РОССИИ

*Заметки на полях диалоги
А.И.Солженицына*

2-е издание, расширенное и исправленное

ЗАХАРОВ · МОСКВА

Если такое изложение истории считать объективным, то до истины не договориться.

А.И. Солженицын

*Художник
Григорий Златогоров*

Р 34 Резник С. Вместе или врозь? Заметки на полях книги А.И.Солженицына. — М.: Захаров, 2005. — 720 с.

Семен Резник, писатель, историк и журналист, автор исторических романов, научно-художественных биографий, историко-публицистических книг о России последних двух столетий. Живет в США. Сотрудник радиостанции «Голос Америки».

Книга Семена Резника — это не столько анализ труда Александра Солженицына «Двести лет вместе», сколько параллельное с ним прочтение политической истории России, с попыткой определить реальное место в ней евреев и так называемого еврейского вопроса. Если Солженицын привлекает в основном «еврейские» источники, преимущественно вторичные (материалы «Еврейских энциклопедий», публицистические работы и мемуары по большей части второстепенных лиц), то автор этой книги основывается на документах-первоисточниках, свидетельствах высших чинов царской администрации, прямых участников событий, в отдельных случаях — на специальных трудах историков. Эта книга не только про евреев в России, но и про их гонителей. Про тех, кто сваливал на них грехи власти, а в результате свалил в пропасть и их, и себя, и всю страну.

ISBN 5-8159-0

УДК 882-95

© С.Е.Резник, автор, 2005

© И.В.Захаров, издатель, 2005

От автора

«Треть евреев вымрет, треть евреев выселится, а треть евреев совершенно растворится среди окружающего населения».

Так в конце XIX века П.К.Победоносцев — один из ведущих государственных деятелей двух последних царствований — сформулировал генеральную линию российской власти по отношению к евреям. Как это ни парадоксально, но в Советской России программа идеолога царизма осуществлялась с еще большей энергией: социальные перевороты и катаклизмы тектонического масштаба лишь ускоряли ее реализацию. Если жизнь вносила в формулу поправочные коэффициенты, то в том смысле, что, либо *вымирание* проводилось более интенсивно, чем *переселение*, либо *переселение* опережало *растворение*. Задачи были определены, цели поставлены — они оставались неизменными.

В годы Второй мировой войны «решению вопроса» сильно способствовал Гитлер, уничтожавший еврейское население оккупированных территорий (вот когда *вымирание* многократно перекрывало действие остальных факторов), но ликвидация евреев как религиозно-этнической общности со своим «лицом не общим выраженьем» не прекращалась властями России ни до, ни после войны. В XIX веке примерно две трети мирового еврейства проживало в Российской империи — 6—6,5 миллионов человек; к концу XX века в Российской Федерации осталось примерно 2—3 процента еврейского населения — несколько более 300 тысяч; а на всех территориях бывшей Российской империи 6—7 процентов — 600—700 тысяч. Причем, эти остатки крупнейшей еврейской общины настолько ассимилированы, что никакой связи со своими национальными корнями большинство из них не чувствует и охотно забыло бы о них, если бы не настойчивые напоминания со стороны антисемитов.

Попытки возрождения еврейской культуры в пост-советской России приносят определенные плоды: вновь появились еврейские школы, синагоги, музеи, научные и культурные центры. Но большинство «лиц еврейского происхождения» держится от них в стороне — либо из полного равнодушия, либо из страха. В современной России глумление над евреями и всем еврейским — это «бытовое явление», нередко сопровождающееся актами вандализма, насилия и угрозами насилия. Так было всегда, но теперь выражается с беспрецедентной откровенностью и цинизмом.

Объектами особой ненависти становятся русские интеллигенты, которые пытаются противостоять коричневой чуме. Заказное убийство летом 2004 года — воровски, через дверь — петербургского этнографа и эксперта по национальным отношениям Н.М.Гиренко вызвало ликование национал-патриотов. Они публично поздравили убийц с успехом, публиковали на своих вэбсайтах списки «недругов России», подстрекая к новым актам нацистского террора. Убийцы «не найдены», подстрекатели, которых разыскивать не надо — имена и адреса известны, — к ответственности не привлечены.

Убыль еврейского населения продолжается быстрыми темпами — за счет всех трех победоносцевских факторов: *вымирания*, *переселения* (эмиграции) и *растворения* (смешанные браки, сокрытие еврейских корней).

То, что происходило и продолжает происходить с евреями в России—СССР—России, возможно, не подпадает под понятие *геноцид* (физическое уничтожение народа), но безусловно подпадает под понятие *этноцид*. Как и какими методами он осуществлялся, чем обосновывался, какое воздействие оказывал на общий моральный и политический климат страны, как отражался на судьбах русской государственности и «коренного» народа — об этом мое историко-документальное повествование.

Книга написана в два этапа. Я приступил к «заметкам на полях» сразу же после выхода в свет *первого* тома диалогии А.И.Солженицына «Двести лет вместе», охватывающей дореволюционный период. Так появилась работа «Вместе или врозь?». Она печаталась главами в балтиморском журнале «Вестник», издательство «Захаров» выпустило ее отдельной книгой в Москве. Рукопись была в работе, когда появился второй том диалогии Солженицына — о советском периоде. В последний момент я успел добавить сжатый «Необязательный постскрипtum о втором томе», чем и поставил (как тогда считал) последнюю точку.

С начала публикации журнального варианта стали приходиться устные и письменные отзывы, комментарии, замечания; после выхода книги в Москве этот поток усилился. Настойчивее других мне высказывались пожелания продолжить «заметки на полях» — для более углубленного освещения советского периода. Поначалу я отмахивался от этой идеи, но постепенно стал сознавать, что, густо разрисовав поля первого тома диалогии, не могу ограничиться лишь несколькими отметинами на полях второго тома. Это мнение особенно укрепилось во мне в декабре 2003 года, в Москве, где мне пришлось встречаться с писа-

телями, читателями, журналистами и с моими добрыми издателями — президентом издательства «Захаров» Игорем Валентиновичем Захаровым и директором издательства и редактором книги Ириной Евгеньевной Богат. Было решено подготовить новое, *исправленное и дополненное* издание.

Исправить мелкие погрешности, пойманные некоторыми читателями, было несложно, а вот *дополнение* потребовало целого года напряженной работы. Надеюсь, мне удалось показать, что антисемитская политика царского режима по своей жестокости и лицемерию была лишь бледной тенью того, что творила «диктатура пролетариата». Так появилась фактически новая книга. «Вместе или врозь?» входит в нее как составная часть.

Хочу возразить некоторым критикам: тем, кто, даже при общей положительной оценке моей работы, воспринял ее как «еврейский ответ русскому писателю»; и еще тем, кто недоумевал — почему «заметки на полях», ведь книга вовсе не сводится к полемике с Солженицыным.

В свое «оправдание» могу сказать вот что.

Все мы питаемся соками и отравляемся ядами духовного, интеллектуального, идейно-информационного пространства, в котором живем и чьими испарениями дышим. По большому счету, почти все, что мы пишем, это «заметки на полях» написанного кем-то до нас. Мы развиваем идеи предшественников, либо их отвергаем, оспариваем, либо популяризируем.

Моя книга инспирирована книгой Солженицына, моим несогласием с ним, но это не ответ автору диалогии и, тем более, не изложение *еврейской* точки зрения в противовес *русской*. У Солженицына, по его собственным словам, «еврейские голоса звучат много обильнее, нежели русские», тогда как у меня «много обильнее» звучат русские голоса. Историческая правда не может быть русской или еврейской или еще какой-то. Правда одна, хотя ни у кого нет монопольного права на нее. Я попытался рассказать правду — в той мере, в какой она мне открылась за десятки лет изучения данной темы, — которую Солженицын частью не знает, частью игнорирует и частью искажает.

Мною дается *параллельное прочтение* политической истории России, с попыткой определить реальное место в ней евреев и так называемого еврейского вопроса. В какой мере убедительно *мое* прочтение, судить не мне.

Если Солженицын привлекал преимущественно вторичные источники (материалы «Еврейских энциклопедий», публицис-

тические работы и мемуары по большей части второстепенных «еврейских» авторов), то я полагался на документы-первоисточники, свидетельства высших чинов царской администрации, советских политических деятелей и идеологов, прямых участников событий, в отдельных случаях — на специальные труды историков. Ссылки на цитируемые мною работы даны в подстрочных примечаниях, а номера цитируемых страниц двухтомника Солженицына обозначены в скобках после самих цитат.

Журнальный вариант книги, как говорилось, был «обконтан» в журнале «Вестник» (№№ 8—26, 2002; №№ 1—3, 2003; №№ 14—26, 2004), за что я признателен его издателю и редактору В. Прайсу. Многочисленные отзывы, замечания, советы, материалы, указания на библиографические источники, которые я получал, служили большой моральной поддержкой и конкретной помощью в работе. Всем, кто откликнулся, моя сердечная благодарность, в особенности Марку Авербуху (Филадельфия), Семену Бадашу (Бед Эмс, Германия), Иззи Вишневецкому (Уилмингтон, Пенсильвания), Виктору Жуку (Москва), Семену Ицковичу (Чикаго), Борису Кушнеру (Питтсбург), Льву и Ирине Левинсон (Израиль), Якову Лотовскому (Филадельфия), Владимиру Нехамкину-Мохову (Минск), Владимиру Порудоминскому (Кельн), Сергею Романову (Новгород), Иосифу Саксонову (Лос-Анджелес), а также моей жене Римме Резник, терпеливо переносившей мои полуночные бдения у компьютера, читавшей черновые варианты рукописи и всеми другими способами помогавшей мне в работе.

Особая признательность моим издателям И.В.Захарову и И.Е.Богат — за необыкновенно бережное отношение к авторскому тексту, за деловитость, оперативность и просто за доброе отношение.

*С.Р.
Декабрь, 2004
Вашингтон*

КНИГА ПЕРВАЯ
ВМЕСТЕ ИЛИ ВРОЗЬ?
(До февраля 1917)

ЧАСТЬ I

Ожидание шедевра

Книга Александра Солженицына «Двести лет вместе (1795—1995), часть I» у меня не вызвала изумления. Те, кто читает (а не только почитает) А.И.Солженицына, знают, что в ней нет ничего неожиданного. Вопреки претензии автора на то, что он посягнул на какую-то запретную, табуированную тему (более десятилетия назад такую же претензию заявил И.Р.Шафаревич, автор «Русофобии»), в России (и не только в ней) публикуется множество книг аналогичного содержания и направленности, причем некоторые из них написаны гораздо сильнее.

Вялая по стилю, рыхлая по композиции, опирающаяся на вторичные, селективные, тенденциозно или поверхностно толкуемые материалы, книга Солженицына совершенно не оригинальна. Если бы она вышла под другим именем, на нее мало кто обратил бы внимания. Но громкое имя обладает особой притягательной силой, а имя Солженицына в этом отношении совершенно уникально. Когда вспоминаешь масштаб его таланта, проявившегося в произведениях ГУЛАГовского цикла; когда вспоминаешь о той беспримерной стойкости, с какой «теленки» бодался с дубом советского тоталитаризма; когда думаешь об орлиной высоте, на которую он взмыл, чтобы охватить единым взором весь мертвый ландшафт кровавого коммунистического режима; когда, наконец, вспоминаешь о тех острых переживаниях, которые испытывали многие из нас, вертя ручки радиоприемников, чтобы, сквозь треск глушилок, услышать набатный солженицынский призыв «жить не по лжи», то от каждой его новой работы ждешь нового, проникновенного СЛОВА. Заранее полагаешь, что ничего, кроме шедевра, из-под пера *такого* писателя выйти не может. И если шедевра не находишь, то прилагаешь невероятные

усилия, чтобы все-таки отыскать. Эта «презумпция шедевра» туманит не только рядовых читателей, но и иных профессионалов, что подтверждает, к примеру, рецензия Льва Аннинского под выразительным названием «Бикфордов шнур длиной двести лет»*.

Статья написана с присущим критику темпераментом. То, что новая книга Солженицына гениальна, у него сомнений не вызывает, а потому все усилия направлены на то, чтобы выразить свое восхищение, объяснив себе и другим, в чем именно состоят ее несомненные достоинства. «Он нигде не перешел грани. Он эту грань перелетел, отнесясь в сверхзадаче к смыслу драмы: к тому, что свело русских и евреев во всемирной истории, почему этот контакт оказался столь значимым, чему они научили друг друга, в том числе и горьким урокам... Вопросы в связи с этим возникают вечные, то есть проклятые, окончательного решения не имеющие. Думать над ними в связи с книгой Солженицына — счастливый труд», — комментирует критик. Вряд ли подлежит сомнению, что если бы та же работа принадлежала менее именитому автору, восторги Л. Аннинского не были бы столь пылкими. Даже, натываясь в книге на фактические неточности, критик — а ему не занимать эрудиции — предпочитает скорее не доверять собственным познаниям, чем автору рецензируемой книги: «Не хочется выверять, где и как Солженицын подобрал цитаты, или ловить его на фактах. А то еще и сам пойматься»**.

Магическую власть имени Солженицына я испытал на себе много лет назад, когда с растерянностью вчитывался в «Август 1914-го», первый «узел» «Красного колеса». Открывал книгу с трепетным, нетерпеливым ожиданием счастья, которое всегда испытываешь при соприкосновении с творением подлинного таланта. Но чем глубже погружался в чтение, тем больше оно меня обескураживало. Я не мог не видеть, как беспомощна эта проза, но упорно уговари-

---

* Аннинский Л. Бикфордов шнур длиной двести лет. Компьютерная распечатка на трех листах. С. 2. Вошла как составная часть в статью Л. Аннинского «Чему могут русские научиться у евреев» // «Новый век». № 1. М., 2002. С. 114.

** Там же.

вал себя, что тут что-то не так; я, видимо, чего-то не улавливаю, передо мной, видимо, какой-то новаторский вид литературы; если роман не производит на меня должного впечатления, то, видимо, я еще не готов воспринять это новаторство. «Может быть, мудрость, красота и глубинная правда этой прозы откроются в следующем узле», — уговаривал я себя. Но колесо продолжало катиться, а литературы не получалось. Солженицын-писатель необычайно силен, когда описывает то, что выстрадал, пережил и прозрел. Тут почти нет ему равных. Но он мало способен к вживанию в далекую эпоху, к проникновению в души людей, с которыми может знакомиться только по письменным источникам. Ему просто недостает зоркости и тонкости слуха.

Взявшись за историческое повествование грандиозного масштаба, Солженицын допустил роковую ошибку. У меня возникает ощущение невозвратной потери, когда я думаю о том, сколько истинных шедевров недосчиталась литература из-за того, что добрую половину своей отнюдь не короткой творческой жизни крупнейший писатель нашего времени потратил на унылое перебирание различных — вовсе не малоизвестных — исторических материалов, тщетно пытаясь переплавить их в живые художественные образы. При создании этого унылого цикла романов температура в топке писательского таланта Солженицына никак не достигала до точки плавления. Не помогли и отчаянные усилия искусственно поднять температуру, что так странно проявилось при переработке первого «узла» эпопеи, куда втиснут трехсотстраничный довесок об убийстве премьера П.А.Столыпина.

Начав раскрутку *красного колеса* революции с августа 1914 года, Солженицын вроде бы определил свою точку зрения на истоки большевистского переворота (впрочем, не оригинальную): красное колесо запустила в движение Первая мировая война. Но если так, то при чем здесь Столыпин, убитый за три года *до* начала войны? Позднейшая имплантация вставного романа в ткань повествования говорила только об одном: изначально эпопея не была продумана ни концептуально, ни композиционно. Писатель сам не знал, что именно собирается раскрутить! Ясного

представления о том, *что* привело Российскую империю к краху 1917 года, у него не оказалось, хотя именно об этом он захотел поведать миру. С одной стороны, в его эпопее явственно виден «патриотический» соблазн отвести историческую вину от России, возложив ее на евреев. С другой стороны, Солженицын понимает, что такое «объяснение» как раз менее всего патриотично: оно делает русский народ неполноценным, ибо не может полноценный народ позволить кучке зловредных иноплеменников распоряжаться своей судьбой. Автор блуждает в лабиринте, не имея в руках ариадновой нити. Так и не завершив эпопеи, он явно утратил к ней интерес — потому, видимо, и опубликовал конспективные наброски последних томов, дабы уже к ним не возвращаться. Да и как не утратить автору интереса к собственному замыслу, если где-то в середине работы его вдруг осенило, что корни Октября надо искать не в военных поражениях Первой мировой войны, не в Феврале и даже не в альянсе Ленина с германским генштабом, а в двух роковых пулях «Мордко» Богрова, разрядившего револьвер в Столыпина. Изменив на ходу курс, Солженицын сделал следование прежним курсом бессмысленным, но и новым курсом не пошел. Так и забуксовал в хляби несобранных мыслей.

Надо признать, что как раз столыпинские главы «Августа 1914» выгодно отличаются от всего остального «узла» и последующих «узлов» — и темпераментом, и идейной сфокусированностью. Беда в том, что концепция, на которой остановился Солженицын, псевдоисторична. Мне приходилось писать об этом в рецензии на английское издание обновленного «Августа»* и снова в рецензии на книгу американского политолога Даниэла Махони «Александр Солженицын: Идя от идеологии»**. Подробнее об этом — в главах, посвященных столыпинскому периоду царствования Николая II. Здесь кратко скажу о возражениях автора и некоторых его комментаторов на критику столыпинского довеска. Они настаивают на том, что в романе ничего не придумано, автор опирался исключительно на исторические материалы, а, стало быть, с него и взятки гладки.

* The Washington Times. 1989. July 24. Pp. E7, E10.

** The Washington Times. 2001. September 23. P. B7.

Не могу не поразиться наивности этих аргументов. Вспомним роман другого нобелевского лауреата, посвященный той же эпохе. В «Докторе Живаго» Б.Пастернака *все* главные персонажи и сюжетные перипетии — выдуманы, но исторически в нем все правдиво. С другой стороны, в скандальном творении В.Пикуля «У последней черты» действуют реальные исторические персонажи, включая Столыпина и Богрова; описаны они на основе исторических материалов, при минимальном участии авторской фантазии. Однако это вопиющая профанация истории! Вопрос, таким образом, не в том, в какой мере автор использует документы, а в какой дополняет их своей фантазией, а в том, с каких позиций ведется отбор документов, какими критериями определяется их достоверность и относительная важность, *изучает* ли их автор, чтобы разобраться в истинных пружинах исторических событий, или *манипулирует* ими для подкрепления некоей идеологической доктрины.

Я согласен: рассказывая об убийстве Столыпина, Солженицын *сам* ничего не выдумывает. Он *только* преподносит события с точки зрения апологетов Столыпина, которые, конечно, реально существовали, высказывались, писали, следовательно, оставили после себя *исторические документы*. Но какова им цена, если они заведомо предвзяты? Вот, к примеру, как характеризовал Столыпина ведущий публицист ведущей черносотенной газеты «Новое время» М.О.Меньшиков:

«Когда заявлены и любовь к народу, и уважение к нему, этого уже почти достаточно для плодотворной государственной работы. Но Столыпин кроме этого драгоценного качества принес в свое лице еще одно великое — государственный талант... Столыпин пришел в годы великого испытания. После двух столетий всевозможного покровительства инородцам (! — *С.Р.*) Россия оказалась покрытой могущественными сообществами поляков, финляндцев, евреев, армян, немцев и проч... Столыпин довершил борьбу с восстанием (революцией 1905 года. — *С.Р.*) и провел ряд мер против финляндского, польского и еврейского натиска. Не погибни он от еврейской пули, возможно, что эти разрозненные меры сложились бы в строго национальную

государственную систему...»* (И действительно: создать «строго национальную государственную систему» фашистского толка тогда так и не удалось.)

Не трудно видеть, что солженицынский «роман в романе» — это беллетризованная иллюстрация к приведенному отрывку. Тот, кто читал «Август 1914» со столыпинскими главами, это знает и потому не может удивляться направленности последней книги Солженицына. Сейчас, когда в российской прессе появились комментарии, наполненные досадным недоумением (как это Солженицын мог *такое* написать!), я делаю единственно возможный вывод: у Солженицына в России куда больше почитателей, чем читателей.

Русский вопрос

В новой книге Солженицын не скупится на заверения в том, что он стремится к правде, к одной только правде и ничему, кроме правды: «Никогда я не признавал ни за кем права на сокрытие того, что было. Не могу звать и к такому согласию, которое основывалось бы на несправедном освещении прошлого» (стр. 6). О какой же *правде* он хочет поведать?

«Сквозь полвека работы над историей российской революции я множество раз соприкасался с вопросом русско-еврейских взаимоотношений. Они то и дело клином входили в события, в людскую психологию и вызывали накаленные страсти» (стр. 5).

Таков первый абзац книги, задающий тон всему повествованию. Я должен сказать о нем *свою* правду, ибо так же, как и Солженицын, я никогда не признавал ни за кем права на сокрытие того, что было, как и права выдавать за истину то, чего не было. Так, вот «вопроса русско-еврейских отношений» в проблемах, связанных с российской революцией, объективно *не существовало*, хотя он существовал в воспаленном мозгу некоторых идеологов крайне правого — черносотенного — лагеря. Они стремились вне-

---

* Меньшиков М.О. Письма к русской нации // Приложение к журналу «Москва». М., 1999. С. 388—392.

дрить его в общественное сознание страны, но успеха не имели. Зато теперь, спустя десятилетия, созданные ими мифы настолько затмили историческую правду, что воспринимаются многими — и отнюдь не только сторонниками черной сотни — как бесспорный факт.

Реальный же факт состоял в том, что при поддержке царской администрации и самого царя черносотенцы добивались сохранения режима неограниченного беззакония и произвола, всеми силами противодействуя даже самым назревшим преобразованиям для улучшения жизни народа, роста экономики, развития культуры, словом для общественного прогресса. И чтобы не допустить перемен, черносотенцы утверждали, что русскому народу никакие перемены не нужны, что добиваются их только инородцы, в особенности евреи, а потому и борьбу власть должна вести в основном против евреев, а также поляков, кавказцев, финляндцев, ну и, конечно, против продавшихся евреям интеллигентов.

Но у народа России к тому времени накопилось достаточно опыта и здравого смысла, чтобы выставлять свои требования и добиваться их удовлетворения. Отказ признать само наличие этих требований, а тем более — их удовлетворить, и привел к революционному взрыву.

«Все революции происходят оттого, что правительства вовремя не удовлетворяют назревшие народные потребности. Они происходят оттого, что правительства остаются глухими к народным нуждам»*.

Это слова не марксиста, не революционера, а одного из немногих государственно мыслящих деятелей самой царской администрации, многократно вытаскивавшего Николая II и его режим из бездны, в которую царь старательно заталкивал самого себя и Россию.

Содержание того, что в дореволюционной России называлось «еврейским вопросом», не сводилось к отношениям между русскими и евреями, а часто вообще не имело никакого отношения к евреям. Как настойчиво указывал великий русский писатель, гуманист и страстный защит-

---

* Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. Таллинн — Москва: «Скиф Аллекс», 1994. Т. II. С. 496.

ник всех униженных и оскорбленных В.Г.Короленко (и не он один), вопрос об отношении государства и общества к евреям был *русским* вопросом, то есть вопросом о том, какое будущее готовит себе Россия.

Я не открою Америки, если скажу, что парадокс, — а может быть, и трагическая закономерность — исторического пути России, который привел ее к пропасти 1917 года, состоял в следующем.

Первые двадцать лет после отмены крепостного права, — как и несколько предшествовавших лет — развитие российского общества и государства шло в цивилизаторском направлении. Железная узда режима медленно, но верно ослабевала. Либеральные реформы Александра II во многом были непоследовательными. Нередко за шагом вперед следовал шаг назад. Это вызывало резкое недовольство у наиболее радикального крыла общества, освобождавшегося от мертвящих оков николаевского деспотизма. Тем не менее преобразования проводились по всему фронту (отмена крепостного права, смягчение цензуры, автономия университетов, всеобщая воинская повинность взамен рекрутчины, судебная реформа, либерализация национальной политики и т.д.). 1 марта 1881 года Александр II должен был подписать документ, делавший шаг к установлению конституционного строя. Но именно в этот день он был убит.

Потрясенное общество какое-то время не могло разобраться, кто же стоял за убийцами — крайние революционеры, стремившиеся любой ценой подхлестнуть преобразования, или реакционеры-крепостники, желавшие их повернуть вспять. Оказалось, что убийство совершили революционеры во главе с А.Желябовым и С.Перовской, но последствием их акта стало именно то, чего добивалась радикальная реакция.

С воцарением Александра III исторический путь России как бы раздвоился. На это царствование приходится бурное экономическое развитие страны: быстрый рост промышленного производства, беспрецедентное по размаху строительство железных дорог, укрепление финансовой системы, привлечение иностранного капитала. И на этот же период ложится контрнаступление на цивилизаторские достижения предыдущей эпохи. Между обществом и влас-

тью произошел раскол, продолжавший углубляться и при Николае II.

Общество требовало расширения либеральных преобразований, а не свертывания их. Неотъемлемой частью этих требований стало уравнивание всех граждан в правах — независимо от их сословной, религиозной, национальной принадлежности, ибо «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы». Но управлять свободным народом куда труднее, чем поработанным. А наиболее подходящим средством держать народ в узде было натравливание его на инородцев, особенно на евреев, ибо сильнейшим союзником власти были вековые предрассудки, питавшие религиозную и племенную нетерпимость. Если в этих условиях общество — в лице прессы, литературы, адвокатуры, академических кругов — стало все более активно выступать против антисемитизма, то произошло это отнюдь не потому, что россияне вдруг воспылали мазохистской любовью к «врагам России», а потому что этого требовала логика преобразований в направлении большей свободы, просвещения, терпимости, словом, в направлении «присоединения к человечеству», как выразился за полвека до того П.Я.Чаадаев.

Конечно, общество не было монолитно. В нем был представлен широкий спектр взглядов и настроений. В оппозиционном лагере были и крайние революционеры, готовые добиваться своего любыми средствами; были и умеренные круги, склонные к диалогу и компромиссу с властью. С другой стороны, на стороне власти, тоже были относительно умеренные деятели и идеологи, выступавшие за сотрудничество с обществом, а были и такие, кто нападал на власть справа, считая ее мягкотелой и вялой.

На «еврейской улице» — при некоторых особенностях — происходили такие же процессы, что и в обществе в целом; здесь тоже присутствовал широкий круг настроений и интересов. Основная масса евреев жила своей жизнью, добывая пропитание для своих семей, скрупулезно выполняя религиозные правила и запреты, подчиняясь от века заведенному порядку вещей. О политике или о перемене общественного строя большинство евреев не помышляло. Однако отдельные евреи — из числа получивших образо-

вание в светских школах и университетах — входили в самые разные общероссийские организации, от радикальных и революционных («Народная воля»; позднее боевая организация эсеров, анархисты, большевики), до умеренно-либеральных (трудовики, кадеты) и консервативных (октябристы). Даже в числе юдофобствовавших ультра-патриотов были еврей-выкресты, и в немалом числе, и порой на видных ролях. Целую галерею их выводит в своих «Воспоминаниях» С.Ю.Витте, заключавший, что «нет большего юдофоба, как еврей, принявший православие»*. Глава московских «союзников» (Союза русского народа) крещеный еврей В.А.Грингаут с гордостью носил звание «черносотенца», считая его почетным**. «Патриоты» (они же националисты) силились изображать политическую борьбу в России как схватку русских с евреями, но они неизбежно опровергали самих себя, как только пытались подкрепить риторику чем-то конкретным. Тот же М.О.Меньшиков — один из самых влиятельных публицистов «патриотического» лагеря — после позорного проигрыша властями дела Бейлиса, писал:

«Разве не было и раньше нападок на ужасный для евреев и их политических приживалок "царизм"? Мне помнится, что задолго до процесса Бейлиса, задолго до еврейской революции 1905 года мне пришлось читать где-то за границей — не то в Швейцарии, не то в Германии — крайне безмозглую брошюру того же г-на Бурцева с апологией царевубийства... Не более убедительны и сравнительно сдержанные завывания доморощенных *шабесгоев*, пытающихся переложить черную вину убийства Ющинского на голову русского правительства. Читая *церемиады перекинувшихся в еврейский лагерь журналистов*, в самом деле можно подумать, что не возбудила русская юстиция преследования против Бейлиса, то ровно "ничего" и не было бы» (курсив мой. — С.Р.)***.

Я выделил курсивом те места, которые ясно показывают, с каким беспардонством черносотенный публицист

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. III. С. 444.

** См.: Вадим Кожинов. Загадочные страницы истории XX века. «Черносотенцы» и революция. М.: «Прима В», 1995. С. 10.

*** Меньшиков М.О. Ук. соч. С. 428.

«объевреивал» всех ему неугодных — от известного историка и публициста, близкого к эсерам, Владимира Бурцева до «сравнительно сдержанных» (то есть отнюдь не симпатизировавших революционерам) «шабесгоев»* и до иеремиад (!) русских журналистов, выступавших против позорного дела Бейлиса (по его логике, они «переметнулись» к евреям). Понятно, что при таком методе еврейской становится и революция 1905 года, и надвигавшаяся новая революция, и вообще все, что негодно черной сотне.

В реальности водораздел проходил отнюдь не по национальной линии. Партийные симпатии и пристрастия объединяли (или, наоборот, разъединяли) людей куда сильнее, чем этническая принадлежность. Известный юрист и один из лидеров партии конституционных демократов М.М.Винавер по своим взглядам и личным симпатиям был куда ближе «шабесгоем» типа П.Н.Милюкова, В.Д.Набокова или Ф.И.Родичева, чем к эсеру-террористу П.М.Рутенбергу. А еврей Рутенберг, разоблачивший Григория Гапона как агента охраны и казнивший его, был куда ближе Владимиру Бурцеву, чем своему соплеменнику Евно Азефу, которого в связях с охранкой изобличил тот же Бурцев.

Даже в наиболее, казалось бы, монолитной группе умеренных евреев-интеллектуалов наблюдались глубокие расхождения по самым коренным вопросам. Витте приводит эпизод, когда он, будучи главой правительства в самые напряженные дни октября 1905 года, принял еврейскую делегацию и стал ей внушать относительно участия евреев в революционных выступлениях:

«Это не ваше дело, предоставьте это русским по крови и по гражданскому положению, не ваше дело нас учить, заботьтесь о себе. Вот вы увидите, насколько от такого поведения вашего, которому вы теперь следуете, вы и ваши дети пострадают»**.

---

* Такова была уничижительная кличка, которой черносотенные публицисты награждали своих идейных противников, служивших якобы евреям. В «шабесгое» зачисляли В.Г.Короленко и многих других. (В буквальном переводе с еврейского «шабесгой» — «субботный нееврей»: нееврей, нанимаемый еврейской семьей для выполнения мелкой домашней работы в субботу, которую по религиозной традиции, самим евреям выполнять запрещалось.)

** Витте С.Ю. Ук. соч. Т. III. С. 313.

И каков же был ответ? Витте продолжает:

«Барон Гинзбург заявил, что он совершенно разделяет мое мнение. Слиозберг и Кулишер также заявили, что и они разделяют мое мнение. Остальные же присутствовавшие евреи не соглашались с моими увещаниями. В особенности возражал Винавер, заявивший, что теперь настал момент, когда Россия добудет все свободы и полное равноправие для всех подданных, и что потому евреи и должны всеми своими силами поддержать русских, которые этого добиваются и за это воюют с властью»*.

У евреев, как у особой этнической и религиозной группы, конечно, была своя жизнь, свои интересы, а значит, и свои идеологи, которые эти интересы выражали. Во второй половине XIX — начале XX века происходил бурный расцвет еврейской литературы и прессы на идише, иврите, да и на русском языке**; создавались общественные организации, от благотворительных до культурных, ставивших целью распространение просвещения между евреями, изучение еврейской истории, традиций, кладбищ и т.п. В конце XIX века стал складываться сионизм — на Западе как реакция на антисемитскую вакханалию, вызванную делом Дрейфуса, в России несколько раньше — как реакция на погромную волну начала 1880-х годов.

На протяжении поколений среди евреев господствовало представление, что юдофобия — это наследие средневековья с его религиозной нетерпимостью, фанатизмом и невежеством; что с прогрессом и просвещением предрассудки будут изживаться и гонения — ослабевать. Развитие событий в Европе на протяжении всего XIX века вроде бы это подтверждало. Но вот дело Дрейфуса пробудило темные инстинкты даже в такой передовой стране, как Франция! На многих это подействовало как холодный душ. Венский журналист Теодор Герцль и его единомышленники стали доказывать, что евреи будут оставаться париями до тех пор, пока они живут в рассеянии среди других наро-

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. III. С. 313.

** Еврейскую прессу на русском языке (еженедельник «Восход», его предшественник «Рассвет», газета «Русский еврей», журнал «Еврейская старина» и другие) не следует путать с так называемой «еврейской прессой», в которую черносотенцы зачисляли *русскую* оппозиционную печать, утверждая, что в ней якобы доминируют евреи и продавшиеся им «шабестои».

дов, и выход для них только один: создать собственное независимое государство и переселиться в него. Так сионисты — в их числе и российские — формулировали национальную задачу евреев. Они призывали соплеменников сосредоточить все силы на ее решении. По отношению к борьбе в русском обществе они — вполне логично — заняли позицию неучастия, что — и это тоже вполне логично — одобряли не только прагматичные государственные деятели типа С.Ю.Витте, но и такие идеологи, как Меньшиков, который призывал власти содействовать сионизму.

Если бы Солженицын, говоря о русско-еврейских отношениях, имел в виду эти стороны еврейской жизни, то предмет его исследования, по крайней мере, не был бы фикцией. Но тогда и вся направленность книги была бы иной. Ведь никаким «клином» в историю русской революции сионизм или, допустим, произведения Шолом Алейхема, не входили. Но то, что связано с еврейской культурой, в книге Солженицына, отсутствует, а сионизму отведена короткая глава — 15 страниц из более пятисот, а в самой этой главе собственно России отведен крохотный эпизод: встреча в 1903 году Теодора Герцля с тогдашним министром внутренних дел В.К.Плеве.

Все это подтверждает, что в книге Солженицына под русско-еврейскими отношениями понимаются в основном отношения царского режима и его сторонников, с одной стороны, и оппозиционной общественности, с другой. Первые для него олицетворяют русскость, вторая — еврейство. По этому параметру его позиция неотличима от позиции Меньшикова. Расхождения тоже имеются, но по другим параметрам. Черносотенный идеолог начала XX века не стеснялся в выражениях:

«Бродячие пришельцы вроде евреев»;

«...всюду окружены атмосферой отвращения, которое они вызывают у всех народов»;

«Как все тяжело уголовные ссыльные, евреи не пользуются хорошей славой в местах изгнания»;

«Трагикомический оттенок имеет не только история евреев, но и самый тип их: столько в нем, с одной стороны, трусости и с другой — наглого самомнения!»;

«Можно поручиться, что и без всяких угроз евреи наносят России, как и всему христианству, всю сумму зла,

на какое они способны. Для этого евреям даже не надо быть озлобленными, а только евреями. Разве саранча озлоблена на поле, на которое она садится?»;

«Евреи в личиночном состоянии — паразиты, в полном развитии — хищники и составляют одинаково грозную опасность для всей России».

Таковы несколько взятых почти наудачу фрагментов из сочинений М.О.Меньшикова*.

У Солженицына подобных выражений нет. Он, напротив, очень аккуратен в формулировках. Он не скупится на реверансы. Тон его по большей части нейтральный, а иногда и доброжелательный. Во многих случаях он признает, что евреи подвергались несправедливостям, и сочувствует им. Иногда критически высказывается о действиях властей. Но гораздо чаще он с большим *пониманием* относится к репрессивным мерам против евреев, видя в этих мерах защиту коренного народа, якобы страдавшего от еврейской эксплуатации, спаивания, ростовщичества, подрыва государственных устоев... Можно привести почти весь набор расхожих антисемитских мифов — ошибки не будет. Иначе говоря, в книге Солженицына, в мягких выражениях, представлена идеология тех же «умеренно[!]-правых элементов образованного русского общества», которые представлял Меньшиков**. В этом и заключена Большая Ложь книги Солженицына (им самим, конечно, не сознаваемая), ибо — вынужден повторить — противостояние в дореволюционной России происходило между властью и обществом; евреи участвовали в нем лишь постольку, поскольку сами были частью российского общества.

Обращает на себя внимание поразительно точное название книги А.И.Солженицына. Да, последние двести лет русские и евреи в России прожили *вместе* — в самом прямом и простом смысле этого слова. Они вместе боролись, мечтали, заблуждались, страдали, гибли и убивали, заваривали кашу и расхлебывали ее. Остается лишь пожалеть, что содержание книги вопиет против ее названия.

* Меньшиков М.О. Ук. соч. С. 294, 397, 406, 409, 474.

** Смолин М. Имперское мышление и имперский национализм М.О.Меньшикова. Вступительная статья в кн.: Меньшиков М.О. Ук. соч. С. 23.

Метод Солженицына

История евреев в России начинается с конца XVIII века, когда — в результате трех разделов Польши — к ней отошли обширные территории со значительным еврейским населением. До этого, если не считать сравнительно короткого периода Киевской Руси, евреи в Россию не допускались, а если все же появлялись где-то в пределах обширной малонаселенной страны, то это были единичные случаи, объяснявшиеся тем, что «суровость российских законов смягчается их плохим исполнением». Даже временные приезды евреев в пределы Московско-Петербургского царства находились под запретом — то более, то менее строгим.

Этот не уникальный, но достаточно интересный факт не мог не остановить на себе внимание Солженицына, справедливо указывающего на «религиозную основу той враждебности и отгораживания, с какою евреев не допускали в Московскую Русь» (стр. 17). Но это лишь вскользь брошенное замечание. Понять глубинные причины и важные последствия предрассудка Солженицын не пытается, да и самих слов «предрассудок», «предубеждение», «суеверие» не сыскать в его обширном труде!

В православной Руси малейшее упоминание «еврея», «жида» вызывало ужас и отвращение. И — в удобных случаях — использовалось как жупел в борьбе группировок. Наиболее известный пример — расправа с «ересью жидовствующих», к которой принадлежал (или был приписан врагами) ряд наиболее просвещенных церковных и светских деятелей конца XV века, в их числе выдающийся реформатор дьяк Федор Курицын. Федор Курицын и его сподвижники, пользуясь большим влиянием при дворе великого князя Ивана III, пытались провести некоторые реформы, но натолкнулись на сопротивление клерикальной партии. Епископ Геннадий Новгородский (впоследствии причисленный к лику святых), дабы сильнее скомпрометировать своих противников, обвинил их в ереси «жидовствующих». Основания к тому были эфемерные.

«Еретики» ввели или пытались ввести в обиход текст Псалтыря и других духовных книг в прямом переводе с древнееврейского. (Видимо, они справедливо полагали, что

прямые переводы чреваты меньшими отклонениями от оригинала, чем переводы с греческого перевода.) В этом был один из поводов обвинить их в «жидовстве».

Реформаторы выступали против чрезмерного почитания икон, видя в этом пережитки идолопоклонства. Иконоборчество было давним течением в православном христианстве — оно восходило к Византии VIII века, — но епископ Геннадий и в этом увидел «жидовство» (иудаизм, как известно, запрещает изображать божество и поклоняться изображениям: «Не сотвори себе кумира» — одна из важнейших библейских заповедей).

Он еще «уличал» еретиков в том, что в Новгород когда-то приезжал в свите литовского князя некий еврей Схария; он-де «обольстил» двух новгородских священников Дионисия и Алексия, которые затем перенесли «жидовскую» заразу в Москву.

У Федора Курицына и его группы, видимо, было немало возможностей расправиться с обличителями. Но они пренебрегали наветами, за что и поплатились. Пока реформаторов поддерживал великий князь, обвинения выглядели смехотворными. Но Иван III старел, становился немощен; обострилась борьба за престолонаследие между его женой Софьей, желавшей посадить на трон своего сына Василия, и невесткой великого князя Еленой (вдовой его старшего сына от первого брака), желавшей посадить на трон своего сына Дмитрия (внука Ивана III). Елена и Дмитрий поддерживали Федора Курицына и его начинания, что автоматически делало Софью и Василия врагами реформаторов. Поскольку Софья была в немилости, а Елена в фаворе и Дмитрий числился наследником престола, беспокоиться было не о чем. Но, в результате интриг, декорации переменялись. Великий князь вновь приблизил жену, а наследником престола назначил Василия. Над «жидовствующими» разразилась гроза. Федор Курицын был брошен в темницу, где вскоре и умер (вероятно, не без помощи тюремщиков). Другие были сожжены на костре, третьи бежали в Литву, где, согласно Солженицыну, «формально приняли иудаизм» (стр. 22). (Стало быть, *тайно* исповедовали его еще в Москве!) Хотя Солженицын подкрепляет это утверждение ссылкой на Краткую Еврейскую энциклопедию, оно весьма сомнительно: статья в справочном

издании — это не исторический документ. В контексте всего, что известно о «жидовствующих» даже от их гонителей, они были православными христианами, хотя по-своему толковали некоторые догматы вероучения, что — не без натяжки — давало основания к выделению их в особую секту. По некоторым полулегендарным сведениям, православная секта «субботников» сформировалась из остатков разгромленных «жидовствующих», а по авторитетному мнению Н.С.Лескова, «дух этой секты ... указывает, что происхождение такого учения сродно известным местам Евангелия, а не Ветхого Завета и не Талмуда»*.

В изложении Солженицыным этого «предысторического» для его темы эпизода ярко проявился подход к подбору и обработке материала, характерный для его книги в целом. Приводится множество цитат, содержащих массу всяких подробностей — важных и второстепенных, достоверных и сомнительных, вплоть до апокрифических. Приводятся различные высказывания и оценки, которые во многом противоречат друг другу и даже исключают друг друга, но автор не пытается свести их к общему знаменателю. Непонятно, зачем вообще рассказ о секте, подвергшейся разгрому в начале XVI века за действительное или мнимое отклонение от ортодоксального православия, попал в книгу, посвященную совсем другому времени и другим проблемам. В нем был бы несомненный смысл, если бы автор хотел показать духовный климат, в котором жупел «жидовства» оказывался эффективным способом политической борьбы даже против тех, кто не имел никакого отношения к «жидам». Так, крупнейший исследователь, знаток и гонитель сектантов, известный писатель А.И.Мельников-Печерский категорически утверждал, что ничего еврейского у еретиков времен Ивана III не было: их «огласили “жидовствующими” ради отвращения народа от их учения»**. Легко увидеть прямую связь между наклеиванием ярлыка «жидовствующие» на группу Курицына в XV—XVI веках и

* Лесков Н.С. Собрание сочинений. Т. 3. М.: ЛО «Экран», 1993. С. 186. Любопытно, что труд Н.С.Лескова был возрожден из небытия Львом Аннинским, восторженно его комментировавшим. Как в сознании критика совмещается восторженное отношение к труду Лескова и к книге Солженицына, для меня загадка.

** Подробнее см.: Дудаков С. Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России. М., «Озерки», 2000. С. 37—39.

ярлыка «еврейская» — на всю оппозиционную российскую прессу в начале XX века. Но именно таких параллелей Солженицын стремится избежать! Так и остаются «жидовствующие» в его повествовании ненужным довеском.

Виноторговля

Проходили века; страна оставалась «свободной от евреев». Два-три крещеных еврея, появившихся при дворе Петра I, в счет не шли: общественное сознание не идентифицировало их с евреями, а сами они себя — тем более. Так что поколениями в России евреев не видели, не имели с ними никаких контактов. Это был фантом, представления о нем воспринимались с молоком матери и пополнялись слухами — примерно так же, как представления о леших, домовых и прочей чертовщине. Потепления климата по отношению к евреям не ощущалось. Екатерина II, взойдя на престол в 1762 году в результате государственного переворота, тотчас столкнулась с еврейским вопросом — в том виде, в каком он существовал в то время. Это был вопрос о допуске в страну иностранных купцов-евреев по торговым делам.

Прорубив окно в Европу еще в начале XVIII века, Россия остро нуждалась в расширении внешней торговли. Это сулило и лучшее знакомство с Западом, и материальную выгоду для всех: для знати, охочей до заморских товаров; для купечества, стремившегося к расширению оборотов; для казны, взимавшей пошлины. Евреи составляли значительную часть купечества во многих западных странах; по всей Европе они свободно передвигались, а на российской границе стоял заслон, причинявший много осложнений и евреям, и тем купцам-неевреям, которые вели общие дела с евреями, и России, недополучавшей из-за этого значительные барыши.

На эту губительную для внешней торговли помеху указывали еще Петру I, но он отделялся шутками, говоря, что евреям торговать в России нет никакой пользы, так как они промышленяют плутовством и обманом, а русский народ сметлив и объегорить себя не даст. (Государь не был лишен остроумия!) Его венценосная дочь Елизавета Пет-

ровна выражалась проще. На представлении о выгодах, какие сулило казне допущение евреев-купцов в Россию, она начертала известную резолюцию: «От врагов Христовых интересной прибыли не желаю».

И вот настал черед Екатерины.

Признать свободный въезд евреев вредным для России европейски образованная государыня не могла. Но, зная, какие настроения царят в обществе, начинать с такого дозволения свое кровавым путем добытое царствование боялась, а потому положила за благо *отложить* решение этого вопроса на неопределенное время. И впоследствии, «все еще опасаясь за свою православную репутацию», как выражается Солженицын (стр. 31), она прибегала «к конспирации»: в обход собственных законов стала поощрять торговлю и даже поселение евреев в только что присоединенной и почти не заселенной Малороссии, но — по-тихому, без огласки. Трудно привести более красноречивый пример того, насколько глубоко в общественном сознании России было укоренено предубеждение против евреев: ведь сама императрица решалась лишь тайно делать им какие-то послабления! И это в канун разделов Польши, когда вопрос об отношении к «врагам Христовым» из второстепенного вопроса внешней торговли переместился в центр внутренней политики*.

Поскольку злокозненность «иудина племени» обсуждению не подлежала, обсуждаться могла только *мера* этого зла и способы его ограничения. Первые же шаги правительства — и Екатерина должна была их одобрить — свелись к учреждению того, что позднее получило название «черты оседлости»: евреям запретили переселяться из бывших польских губерний в иные, внутренние, исконно русские. Ссылаясь на дореволюционную Еврейскую энциклопедию, Солженицын подчеркивает, что эта мера не была направлена исключительно против евреев. Таков-де был общий строй сословного государства: каждый сверчок знал свой шесток, каждый был приписан к какому-то сословию

---

* С изумлением прочитал я в одном из отзывов на книгу Солженицына: «Еврейское население пришло в Россию из Польши». (См.: Эткинд А. Не вместе, но нераздельно // «Колокол». Лондон, 2002. № 1. С. 73.) Автор не знает, что евреи *не пришли* в Россию из Польши, а Россия поглотила Польшу вместе с жившими там евреями.

и к какому-то месту — к деревне или городу. Евреи — в зависимости от имущественного ценза — были причислены к сословиям купцов или мещан и на них были распространены общие положения для этих сословий (стр. 42—43).

Известная часть правды в этих утверждениях, безусловно, имеется, но только часть. Картину они не проясняют, а делают однобокой, то есть уродливой. Если верить таким рассуждениям, то в славный век Екатерины новгородским купцам невозможно было вести торговлю в Москве или Петербурге, а петербургским жителям покупать имения где-нибудь на Черниговщине. Ничего подобного, конечно, не было. Да и евреям не возбранялось переселяться из одного города или местечка в другие — при условии, что в этих местах им вообще дозволялось жить! Приписанные к сословиям купцов и мещан, евреи были подчинены всем законам и правилам для этих сословий. Но, *сверх того*, они подчинялись *ограничениям*, предназначенным исключительно для них. Чем руководствовался автор статьи в дореволюционной Еврейской энциклопедии, вольно или невольно затушевывая эти факты? Об этом не трудно догадаться, если вспомнить, что Энциклопедия создавалась в годы наиболее острой борьбы за отмену черты оседлости. На подход автора энциклопедической статьи к предмету должна была повлиять «злоба дня». Отсюда видно, насколько опрометчиво поступает Солженицын, цитируя вторичные источники «как последние доказательства»*!

Принимая желаемое за действительное, Солженицын даже утверждает, что евреи получили преимущества перед христианами в виде особой льготы: права переселяться в губернии Новороссии, куда «купцы и мещане из христиан, согласно общему правилу, переселяться из внутренних губерний никак не могли» (стр. 42). В реальности Новороссия, недавно присоединенная к России, была почти не заселена, и Екатерина прилагала огромные усилия для привлечения колонистов отовсюду. Огромные имения в Новороссии отписывались крупным помещикам, в надежде, что они переселят на пустующие земли своих крепостных (не-

---

* Разницу между научным исследованием и «цитированием» показал еще А.И.Герцен в работе «Дилетантизм в науке». См. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Правда, 1975. Т. 2. С. 5—84.

которые это и делали, как увидим из дальнейшего). Екатерина привлекала в Новороссию людей отовсюду: и из внутренних губерний, и из-за границы. Никакого преимущества евреям, естественно, дано не было.

Следующей мерой стала попытка выселить евреев из деревень, так как наибольшим злом считалось то, что евреи занимались виноторговлей и «спаивали» крестьян. Мера, однако, исполнена не была, так как переселять евреев в города и местечки было невозможно: при экономической неразвитости края в городах со значительным еврейским населением и без того было слишком много избыточных рабочих рук, что обрекало большинство семей на нищенское существование. Упомянув о бедственном положении еврейских масс из-за перенаселенности в городах и местечках их постоянной оседлости, Солженицын недоумевает: «Казалось: евреям естественно теперь переселяться в обширную и малонаселенную Новороссию, которую Екатерина вот открыла им?» (стр. 43). Но массы не пользовались этой возможностью — не соблазнили их льготы, предоставлявшиеся переселенцам, не принудили и противоположные меры, выразившиеся в удвоении подати для тех, кто *не* переселялся.

Чем же было вызвано такое упорство? Верный своему методу, Солженицын не отвечает на этот вопрос и даже не ставит его, создавая впечатление, что положение евреев было не таким уж тяжелым, как его расписывали, если переселяться они не торопились!

При Павле I известный поэт и крупный вельможа Гавриила Романович Державин был дважды командирован в Белоруссию — сперва по жалобе евреев города Шклова на помещика С.Г.Зорича (об этой поездке Солженицын не упоминает), а через год — ввиду разразившегося там голода. Составленное на основе этих двух поездок «Мнение» Державина позволило ему приобрести репутацию крупнейшего в царской администрации знатока еврейства. Столкнувшись в первый приезд с обвинениями евреев в ритуальных убийствах, Державин не усмотрел в этом навете тяжелого предрассудка, а отметил, что «христианские кро-

---

* Сочинения Державина. С объяснительными примечаниями Я.Грота. Издание Императорской академии наук. Т. VII. Сочинения в прозе. СПб., 1872. С. 256.

вопролития» «в сих кагалах исполняются или, по крайности, теперь только защищаемы бывают»*.

Но главное зло евреев, согласно Державину, состояло в том, что они не заняты производительным трудом, а живут за счет окружающего православного населения, добывая себе пропитание всякими поборами, обманами и «спаиванием». (В отличие от Петра Великого, Державин считал простой народ *неспособным* противостоять «обманам» евреев.) На самом деле виноделие и виноторговля находились в руках помещиков, которые имели на это монополию (наряду с государством). Евреи занимались этим промыслом лишь постольку, поскольку помещики сами им заниматься не хотели, отдавая его в аренду или на откуп. Если эти откупа и аренды доставались преимущественно евреям, то не в силу какого-то предпочтения, а потому, что христиане либо не умели, либо чурались этого занятия. Державин, конечно, все это знал, но, сделав козлами отпущения евреев, тут же на месте с такой горячностью стал искоренять еврейское «спаивание», что в Петербург была направлена жалоба о том, что на одном винокуренном заводе он палкой избил беременную женщину, и у нее вследствие побоев произошел выкидыш. Когда же в Петербурге попытались дать жалобе ход, Державин учинил невероятный скандал, обратился за заступничеством к государю и расследованиями не допустил. Конечно, он отрицал, что вообще видел эту женщину, а поступление жалобы объяснил происками евреев, пытавшихся его скомпрометировать и даже планировавших убить, так как почуяли в нем своего врага*.

Сам он себя врагом евреев не считал; он *только* был убежден, что от них в Белоруссии происходит все зло и что чем их больше, тем сильнее поборы и тем хуже живет-ся простолюдину, доведенному вот уже и до голода!

Как же совладать с этим злом? Самое простое — уничтожить его носителей. Но Державин как милосердный христианин был «к врагам Христовым» очень даже великодушен. Солженицын приводит его слова о том, что «ежели Высочайший Промысел, для исполнения каких-то своих

---

* Впоследствии он утверждал, что его пытались подкупить, о чем ниже.

неведомых намерений, сей по нравам своим опасный народ оставляет на поверхности земной и его не истребляет, то должны его терпеть и правительства, под скипетр коих он прибегнул» (стр. 52)*. А потому он считал нужным истребить не евреев, а *только* «истребить в них ненависть к иноверным народам, уничтожить коварные вымыслы к похищению чужого добра» (стр. 53)**.

То, что каждый еврей носит в сердце лютую ненависть к неевреям и думает только о том, как бы поковарнее исхитриться и обобрать всех и вся, для Державина было аксиомой. Понятно, что если человек с такими взглядами имел возможность влиять на решение судьбы целого народа, то горе этому народу! Однако Солженицын в связи с приведенными им же высказываниями Державина горюет совсем о другом. Ему обидно за русского поэта, которому «припечатано “имя фанатичного юдофоба” и тяжелого антисемита» (стр. 52)***.

Державин входил в первый комитет по выработке законодательства о евреях, учрежденный уже при Александре I. В обстоятельном «Мнении сенатора Державина об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного обузданием корыстных промыслов евреев, о их преобразовании и о проч.»**** излагается радикальная программы перековки «евреев рода строптивного и изуверного»*****, — совершенно утопическая и ханжеская, задуманная якобы ко благу самих евреев. Ее претворение в жизнь, по мнению автора, должно принести «незабвенную славу» царю за то, что он «первый из монархов российских исполнил сию великую заповедь: “Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас”»*****.

---

* Сочинения Державина. Т. VII. С. 277.

** Там же. С. 302.

*** Я просмотрел несколько биографий Державина, но такого «припечатывания» не нашел. О его юдофобстве либо вообще не упоминается из уважения к поэтическому таланту (см., например: Ходасевич В.Ф. Державин. М.: «Мысль», 1988), либо оно описывается апологетически (см. комментарии Я.К.Грота в «Сочинениях Державина», 1870—72, или Михайлов О. Державин. Серия ЖЗЛ. М.: «Молодая гвардия», 1977 и др.).

**** Сочинения Державина. Т. VII. С. 229—305.

***** Там же. С. 305.

***** Там же.

Однако большинство членов Еврейского комитета отклонило часть предложений Державина, сочтя их слишком жестокими и лишенными практического смысла. Уязвленный поэт ответил обвинением своих коллег по комитету (в особенности М.М.Сперанского) в том, что их либерализм — это следствие еврейского подкупа. Ему якобы за смягчение своей позиции евреи пытались всучить сто тысяч, а если мало, то двести тысяч рублей, которых он не взял, а сколько взяли коллеги за то, чтобы ворожить евреям, ему неизвестно*.

Между тем «либеральное» законодательство 1804 года узаконило черту оседлости и ряд еще более драконовских мер. Самым страшным было решение о выселении в трехлетний срок всех евреев из деревень для пресечения их виноторговли. Выполнить его на практике означало бы — обречь тысячи семей на голодную смерть**. Однако Комитет считал это решение благом не только для «спаиваемых» христиан, но и для «спаивающих» евреев, ибо виноторговля «подвергает их самих нареканию, презрению и даже ненависти обывателей» (стр. 62). Солженицын считает аргументы Комитета «весомыми» и неодобрительно сообщает о том, что «с еврейской стороны оценили намеченную высылку из деревень и запрет корчемного промысла ... как ужасное и жестокое решение. (И таким же — осуждала его и полвека и век спустя еврейская историография.)» (стр. 63).

---

* С легкой руки Державина сумма взятки в двести тысяч рублей кочевала потом по светским салонам, литературным и мемуарным источникам много десятилетий. Стоило какому-то видному сановнику высказаться за послабление антиеврейских законов или *против* ожидавшегося послабления, как тотчас пускался слух — и кем-то непременно был записан — о подкупе либо о неудавшейся попытке подкупа, причем размер взятки каждый раз был один и тот же: двести тысяч рублей. Правда, уже в XX веке, на процессе Бейлиса, тариф был существенно снижен: убийца Андрея Ющинского Вера Чеберяк, выступая на суде в качестве *свидетеля*, утверждала, что адвокат Л.Д.Марголин (первоначальный защитник Бейлиса) предлагал ей сорок тысяч рублей за то, чтобы она приняла на себя убийство мальчика. Двести тысяч для бедной воровки представлялись бы астрономической суммой.

** Как мы видели, ту же меру намеревалась провести Екатерина II, но не преуспела; не было осуществлено и решение 1804 года, и многие последующие; однако выселения неоднократно начинались, прекращались, потом снова возобновлялись, и этот кошмар дамокловым мечом висел над головами тысяч семей на протяжении многих поколений. Причины этой непоследовательности будут показаны ниже.

Ну, а как относилась к еврейскому шинкарству и всевозможным решениям о его пресечении *русская* историография? Для ответа обратимся к записке Н.С.Лескова «Еврей в России: Несколько замечаний по еврейскому вопросу», составленной в 1883 году для очередного (Паленского) Еврейского комитета (десятого по счету, как указывает Солженицын)*. Аргументация Лескова столь глубока и основательна, настолько насыщена историческими и современными автору реалиями, что хотелось бы полностью привести соответствующий отрывок. К сожалению, это заняло бы слишком много места. Приходится ограничиться сжатым — и поневоле обедненным — изложением с вкраплением только небольших цитат.

Лесков пытается осветить истоки пристрастия россиян к зеленому змию и констатирует: «"Страсть" к питьеву на Руси была словно прирожденная: пьют крепко уже при Святославе и Ольге» и само принятие христианства (а не магометанства) князем Владимиром было отчасти вызвано его убеждением, что «веселие Руси есть пити»**.

В отличие от Солженицына, Лесков пользуется преимущественно первоисточниками или опирается на собственные живые наблюдения, что придает его повествованию неотразимую убедительность. Он прослеживает распространение пьянства через века — вопреки тщетным усилиям наиболее праведных деятелей церкви противостоять губительной привычке. «Напротив, — пишет он, — случались еще и такие беды, что сами гасильники загорались... Пьяницы духовного чина прибывали в монастыри в столь большом количестве, что северные обитатели протестовали наконец против такого насыла и молили начальство избавить их от распойных попов и иноков, которые служат вредным примером для монахов, из числа коих им являлись усердные последователи и с ними вместе убегали. Явление — ужасное, но, к несчастью, слишком достоверно засвидетельствованное для того, чтобы в нем можно было сомневаться. Во все это время жидов тут не было»***.

* Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М.: АО «Экран», 1993. С. 183—253.

** Там же. С. 201

*** Там же. С. 198.

Со времен Ивана Грозного, повествует Лесков, «словно прирожденная» болезнь стала активно прогрессировать, насаждаемая властью: виноторговля стала основным источником доходов казны. После взятия Казани Грозный царь обнаружил в ней «ханский кабак» и загорелся идеей. Он ввел государственную монополию на продажу напитков, а «вольных винщиков» стали преследовать и казнить. Для торговли в *царевых кабаках* была создана особая профессия *крестных целовальников* — кабатчиков, которые «целовали крест» продавать водки «довольно». Т.е. «они обязаны были выпрадовать вина как можно больше» (курсив Лескова. — С.Р.)*. За невыполнение плана целовальников жестоко карали, и там, где торговля зельем шла недостаточно бойко, целовальники силой — при содействии местной власти — *принуждали* народ пить. «Плохих питухов» били, доходило и «до смертного убийства».

«Перенесение обвинения в народном распойстве на евреев принадлежит самому последнему времени, — констатировал Лесков, — когда русские, как бы в каком-то отчаянии, стали искать возможности возложить на кого-нибудь вину своей долгой исторической ошибки. Евреи оказались в этом случае удобными; на них уже возложено много обвинений; почему бы не возложить еще одного, нового? Это и сделали. Почин в сочинительстве такого обвинения на евреев принадлежит русским кабатчикам — "целовальникам", а продолжение — тенденциозным газетчикам»**.

Подтверждая, что в черте оседлости «евреи... во множестве промышляют шинкарством», Лесков обращал внимание на то, что число шинкарей составляло в еврейском населении ничтожный процент. «Евреи столярничают, кладут печи, штукатурят, малярят, портняжничают, сапожничают, держат мельницы, пекут булки, куют лошадей, ловят рыбу. О торговле нечего и говорить; враги еврейства утверждают, что "здесь вся торговля в их руках". И это тоже почти правда»***. Ко всему этому разнообразному трудовому люду шинкари имели такое же отношение, как

* Лесков Н.С. Ук. соч. С. 201.

** Там же. С. 198.

*** Там же. С. 199.

«христиане-кабатчики города Мещевска или Черни к числу прочих обывателей этих городов»*. Разница была в том, что, как правило, евреи *вынужденно* занимались виноторговлей, так как в местности, где им дозволялось жить, был «только один постоянный запрос — на водку»**.

К этому нелишне добавить, что в деревенских шинках продавалась не только водка. Это фактически было сельпо, где крестьяне могли купить и соль, и гвозди, и нитки с иглами, и множество бытовых мелочей, что избавляло от необходимости ехать в город (порой за десятки верст).

«Еврей и пьянство между собой не ладят, — писал Лесков. — Известно всем, что между евреями нет пьяниц, как между штундистами, молоканами и некоторыми другими из русских сектантов евангелического духа. Пьяный еврей несравненно реже даже, чем пьяный магометанин. Человеку трезвому противен самый вид пьяного, а докучная, бестолковая и часто безнравственная беседа пьяницы — омерзительна. Сносить целые дни на своих глазах такое безобразие за грошовую пользу может заставить только самая тяжелая нужда. При том хмельной человек дерзок и буен, и от слов легко переходит к драке, для которой поводом может служить самое ничтожное обстоятельство. Среди нескольких таких, вкупе собравшихся, пьяниц еврей нередко остается один... Положение его постоянно рискованно...»*** Какая разница между таким шинкарем *по неволе* и русским кабатчиком, который «живет, где хочет, и может легко избрать другое дело, но, однако, и он тоже кабачает, и в этом промысле являет ожесточенную алчность и бессердечие... Русский кабатчик, «как паук», путает единовверного с ним православного христианина и опутывает его до того, что берет у него в залог свитку с плеч и сапоги с ног; топор из-за пояса и долото с рубанком; гуся в пере и барана в шкуре; сжатый сноп с воза и несжатый урожай на корню»****.

Лесков заключает, что еврейское шинкарство — «это, разумеется, не рыцарственно, но и не так возмутительно

* Лесков Н. С. Ук. соч. С. 206.

** Там же. С. 200.

*** Там же. С. 205—205.

**** Там же. С. 199—200

низко, как то стараются представить враги еврейства, которые забывают или не хотят знать, что услуги евреев в распродаже питей в черте еврейской оседлости признаются *нужными* и самим правительством»*.

И далее Лесков приводит убийственный по наглядности пример: за несколько лет до составления его «Записки» власти проводили эксперимент — евреям было запрещено заниматься шинкарством. И что же? Оказалось, что местные крестьяне вовсе не спешили их заменить. «Беспокойный и грязный шинкарский промысел» крестьян не прельщал. Потребление зелья заметно снизилось, — казалось бы, что могло быть лучше! Но тут забило в набат акцизное ведомство, обнаружившее, что поступления в казну иссякают. Запрет тотчас был снят. «Следовательно, — заключает Лесков, — пока акциз с вина составляет важнейшую статью государственных доходов, еврей даже необходим в шинке во всей той местности, где нет других предприимчивых людей, сродных терпеть этот грязный род торговли. А в таком случае и порицать евреев за то, что они занимаются непочтенным, но в силу условий существующего положения *необходимым* промыслом, — совершенно напрасно, да и не предусмотрительно»**.

Мысль Лескова ясна, хотя — по понятным причинам — осторожно выражена: народ *издревле спаивала и продолжает спаивать власть*. Именно она, ради извлечения доходов, превратила *прирожденную предрасположенность* к пьянству в *социальную болезнь* нации. Шинкарь-еврей, с которым она якобы борется, служит козлом отпущения. Афишируя борьбу с еврейским шинкарством, власть сама его насаждает.

Этот блестящий историко-аналитический очерк принадлежит перу не еврея и даже не «шабесгоя», готового — по теории «патриотов» — оболгать Россию в угоду евреям. «Записку» составил глубочайший знаток народной жизни, неутомимый исследователь народного быта, классик русской литературы, лютый противник нигилизма, консерватор и патриот, автор знаменитого «Левши», а также многих других произведений, в которых, между прочим, выво-

* Лесков Н.С. Ук. соч. С. 206.

** Там же. С. 206.

дил и евреев, да порой в таком виде, что его — может быть, и без достаточных оснований — упрекали в юдофобстве, но никак уж не в юдофильстве!

Впрочем, попреки посыпались, как только Лесков стал высказываться публично. Тотчас «явились сомнения и намеки насчет его способности знать дела и излагать свои мнения. Автор очень благодарен этим господам за снисхождение, с которым они не бросают, по крайней мере, теней на его денежную честность и политическую благонадежность»*, с сарказмом отмечал писатель. И действительно, чего бы не пустить слух, что за свою «Записку» он слупил с евреев пресловутые двести тысяч или что держит в подполе динамитную мастерскую!

«Записка» Лескова Солженицыну известна. Уважительно назвав автора «знатоком русской народной жизни», Солженицын приводит из нее короткую цитату (стр. 105). Но только для того, чтобы тут же *побить* ее ссылкой на «влиятельную в те годы газету "Голос", [которая] назвала еврейское шинкарство "язвой края", именно Западного, "и притом язвой неисцелимой"» (стр. 105). (Попробуй, исцели, если запрет на питейную торговлю евреям тотчас бьет по государевой казне!)

Насколько ясна, обоснована и подкреплена фактами аргументация Лескова, настолько все запутано и затуманено у Солженицына. На читателя снова обрушена уйма цитат, большое число выписок из законодательных актов, постановлений и разъяснений, которые никогда не выполнялись. Причем все выписки сделаны из вторичных источников, так что самих документов автор не видел: он знаком только с отрывками, приводившимися его предшественниками. По какой причине акты не выполнялись — из солженицынского текста не узнать, зато узнаем, что «борьба с винными промыслами путем выселения евреев из деревень — по сути за все четвертьвековое царствование Александра I не сдвинулась» (стр. 66), причем беда состояла в «либеральных взглядах Александра I», в «его доброжелательном отношении к евреям, его изломчивом характере, его ненастойчивой воле» (стр. 63).

---

* Лесков Н. С. Ук. соч. С. 230.

Но ведь Александр I почил в бозе в 1825 году. Почему же дело не сдвинулось с мертвой точки и в следующие тридцать лет, когда шапка Мономаха украшала чело твердокаменного командора, который, по выражению Солженицына, «был по отношению к российским евреям весьма энергичен»? (стр. 97). Среди «энергичных» мер Николая I был и «новый трехгодичный срок выселения евреев из деревень западных губерний, дабы пресечь их винный промысел, — но мера тормозилась, останавливалась, затем отменялась, как и у его предшественника» (стр. 104). Более того, Солженицын вдруг сообщает, что при «энергичном» государе еврейским купцам первой гильдии разрешено было «содержать питейные откупа также и в местах, где евреям не дозволено постоянное жительство» (стр. 104—105). Вот тебе, бабушка, и энергичен! И никак не либерален! И очень даже настойчивой волей! А возможности еврейской виноторговли взял да расширил!

И после Николая Павловича воз не сдвигался с места, что и заставило Лескова — уже в 1880-е годы — столь подробно остановиться на еврейском шинкарстве. Так что не к евреям был доброжелателен Александр I, а радел о государственной казне! И в этом не отличался ни от своих предшественников, ни от преемников.

Чтобы завершить тему мнимого спаивания христианского населения евреями, обратимся к «Воспоминаниям» С.Ю.Витте. Как министр финансов при Александре III и затем при Николае II, он в 1890-х годах вводил государственную винную монополию по всей империи. Как мы знаем, государственная монополия (а отчасти помещиков) существовала в России всегда, но осуществлялась в разные времена по-разному, чаще через откупа и аренду, дабы снять с чиновников заботы об этом хлопотном деле, то есть получать доход, ни о чем не заботясь. Витте же снова вводил «государев кабак», а кабатчиков превращал в государственных служащих. «Вольных винщиков» теперь уже не обкладывали налогом или арендной платой, а ликвидировали как класс.

Согласно Солженицыну, введение винной монополии встретило сопротивление со стороны евреев, так как они на этом много теряли, но Витте ни о каком сопротивле-

нии в губерниях черты оседлости не упоминает. Напротив, он пишет о сопротивлении в Петербургской губернии, где «ватага заинтересованных лиц нашла себе пути к великому князю... Владимиру Александровичу, дяде императора, [которого] уверили, что в тот день, когда я введу монополию в Петербурге, произойдут в городе волнения, которые могут иметь кровавые последствия». Правда, это сопротивление «удалось легко побороть», «никаких волнений не было, все обошлось совершенно спокойно»*.

Витте рассказывает, что в поездке в связи с введением винной монополии в Смоленской и Могилевской губерниях его сопровождал представитель французского президента Фора, который нашел, «что эта реформа с точки зрения государственной превосходна и что она должна дать самые благие результаты. Реформа эта могла бы дать столь же благие результаты и во Франции, но для того, чтобы такую реформу ввести, необходимо прежде всего одно условие, чтобы та страна, в которой она вводится, имела монарха неограниченного, и мало того, что неограниченного, но и с большим характером. Действительно, — подытоживает Витте, — если бы император Александр III не обладал этим свойством, то реформу я никогда бы не был в состоянии ввести»**. Иначе говоря, при самодержавном строе (в отличие от демократического) вся политика в области виноделия и виноторговли, то есть приобщения масс народа к пьянству или отваживания от пьянства находится в руках власти!

Витте уверяет, что он внушал акцизным чиновникам: «реформа эта вводится не с целью увеличения дохода, а с целью уменьшения народного пьянства, и что действия чинов акцизного ведомства будут цениться совсем не в зависимости от того, какой доход от этой реформы получается, а исключительно с точки зрения благоустройства, порядка и уменьшения народного пьянства»***.

Витте мог себе позволить такую роскошь, так как, проводя грамотную финансовую политику в условиях мира и быстрого экономического роста, добился отличного состояния государственных финансов. Но ситуация изменилась

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 78—79.

** Там же. С. 81.

*** Там же.

из-за дальневосточных авантюр, приведших к войне с Японией. И тогда уже другой министр финансов, В.Н.Коковцов, «обратил внимание на [винную] монополию главным образом с точки зрения фиска, дабы извлечь из этой реформы наибольший доход, а потому не уменьшение пьянства ставилось и ставится акцизным чиновникам в особую заслугу, а увеличение питейного дохода»*. С этой целью число питейных заведений в стране удвоилось и неоднократно повышалась цена на спиртные напитки, причем делалось это таким образом, что пьянство не уменьшалось, так как цена оставалась «доступна почти всему населению, но ... разорительна для него»**.

Таков был итог борьбы самодержавной власти с «еврейским шинкарством». Но об этом невозможно узнать из книги Солженицына.

Воинская повинность

В 1827 году император Николай I издал Указ, обязавший евреев отбывать рекрутскую повинность *натурой* — взамен двойной подати, которая взималась ранее. Указ гласил, что евреи «уравниваются» с христианами в отбывании рекрутской повинности, однако равенство прямолинейный, по характеристике Солженицына, царь, понимал несколько криволинейно. Он обязал еврейские общины ежегодно поставлять по *десяти* рекрутов с каждой *тысячи* душ населения, тогда как православные поставляли *семь* солдат с каждых *двух тысяч* душ, почти в три раза меньше. Христианам полагалось сдавать в рекруты мужчин от 18 до 25 лет, но еврейским общинам «позволялось» заменять взрослых мужчин мальчиками от 12 лет. А при отсутствии строгого учета возраста на практике очень быстро стали забирать и семи-восьмилетних детишек.

Детей отправляли в школы «кантонистов», учрежденные еще в начале века для солдатских детей. (Поскольку солдаты были приписаны к военному ведомству, то их дети становились собственностью военного ведомства; из

---

* Витте С.Ю. Ук. соч. С. 80.

** Там же.

них растили будущий технический персонал для армии. В таких школах и должны были по шесть-восемь лет, до совершеннолетия, содержаться малолетние рекруты-евреи, после чего только начинался отсчет их 25-летней солдатской службы.)

Еврейские рекруты нужны были Николаю Павловичу вовсе не для усиления войска: для этого евреи считались слишком хилыми, трусливыми, да и способными к измене в критическую минуту. В солдатчине Николай Павлович видел средство отрывать еврейских детей от еврейской среды, приобщать к русским порядкам, побуждать к принятию православия, словом ассимилировать их. Цель эта не афишировалась, но и особенно не скрывалась. Забранных детей отправляли подальше от дома — многомесячными пешими переходами. Одну такую партию в 1835 году встретил на постоялом дворе направлявшийся в ссылку А.И.Герцен. Сопровождавший партию офицер рассказал ему, что «проклятых жиденят» сначала «велели гнать в Пермь, да вышла перемена — гоним в Казань». Третью их «осталась на дороге ... половина не дойдет до назначения», сокрушался офицер, тяготившийся своей миссией. «Жиденок, знаете, эдакий чахлый, тщедушный, словно кошка ободранная, не привык часов десять месить грязь да есть сухари... Опять — чужие люди, ни отца, ни матери, ни баловства; ну, покашляет, покашляет — да и в Могилев».

Но вот рекрутов построили «в правильный фронт».

«Это было одно из самых ужасных зрелищ, которые я видал, — бедные, бедные дети! Мальчики двенадцати, тринадцати лет еще держались, но малютки восьми, десяти лет... Ни одна черная кисть не вызовет такого ужаса на холст. Бледные, изнуренные, с испуганным видом, стояли они в неловких, толстых солдатских шинелях со стоячим воротником, обращая какой-то беспомощный, жалостный взгляд на гарнизонных солдат, грубо ровнявших их; белые губы, синие круги под глазами показывали лихорадку и озноб. И эти больные дети без ухода, без ласки, обдуваемые ветром, который беспрепятственно дует с Ледовитого моря, шли в могилу. И при том заметьте, что их вел добряк-офицер, которому явно было жаль детей»*. О том ужа-

* Герцен А.И. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Правда, 1975. Т. 4. С. 225—226.

се и тех гнусностях, которыми сопровождалась рекрутские наборы в еврейских городках и местечках, написано много томов. В моей личной библиотеке имеются две книги на эту тему: Michael Stanislawski. *Tsar Nicholas I and the Jews*. Philadelphia: The Jewish Publication Society, 1983; и Эммануил Флисиш. *Кантонисты*. Tel-Aviv: Effect Publishing [без даты]. В обеих приводится обширная библиография, причем в книге М.Станиславского она занимает 18 страниц. Весь этот богатейший материал *не* использован Солженицыным.

Ответственность за поставку рекрутов несли сами еврейские общины, причем невыполнение плана жестоко каралось. Нужно число рекрутов следовало сдать любой ценой; то, что большинство из них никогда не овладеет ни ружейными приемами, ни русской грамотой, ни Законом Божиим, ибо, еще не дойдя до школы, отправится «в Могилев», не имело значения. Власть требовала от евреев не что иное, как человеческих жертвоприношений, и евреи расплачивались по самой высокой ставке: своими детьми, своей совестью, своими религиозными традициями и моральными устоями, вплоть до полной потери человеческого облика.

Стремясь спасти своих детей от гибели на чужбине или от насильственного крещения, что для религиозных евреев было хуже смерти, люди, мало-мальски состоятельные, разорялись дотла, чтобы заплатить «охотнику», готовому добровольно пойти в солдатчину взамен спасаемого ребенка. В «охотники» гнала бедняков беспросветная нужда: семьи вынужденно жертвовали одним сыном, чтобы как-то кормить остальных детей. Но часто в «охотники» шли мошенники и проходимцы; получив плату, они скрывались или бежали в ближайшую церковь, где срочно принимали крещение, что тут же освобождало от рекрутчины: крещеный еврей уже не считался евреем, а заменять рекрута-очередника позволялось только единоверцем. Деньги обманутому вернуть обычно не удавалось, а сына приходилось отдать. Проходимец же нередко отправлялся в другое место, где повторял такую же аферу.

Для выполнения плана кагалы завели особых ловцов («хаперов»), которые должны были поставлять «товар» взамен тех, кто бежал либо откупился (сообразив, что заплатить лучше кагалу, чем проходимцу-«охотнику»), а то и

взамен «мертвых душ», то есть покойников, которые подлежали набору, так как числились в ревизских сказках. *Ханеры* хватали на улице любого ребенка, и чем он был меньше, тем легче было его изловить. Если заранее проносился слух о прибытии *ханеров* и родители не выпускали детей, то *ханеры* могли ворваться в любой дом и силой вырвать мальчика из рук стенающей матери. А после того, как ребенок был схвачен, никакие доказательства, что он не подлежит набору по возрасту, состоянию здоровья или из-за того, что его семья уже поставила рекрута, не помогали.

Э.Флисфиш приводит потрясающий случай, когда отец, по секрету предупрежденный о предстоящем ночном налете *ханеров* за его единственным (а значит, не подлежащим набору) тринадцатилетним сыном, велел мальчику притвориться мертвым. Его накрыли черным покрывалом, поставили в головах горящие свечи и стали оплакивать всей семьей. Когда ворвавшиеся *ханеры*, неловко потоптавшись у дверей, удалились, мальчику сказали, что он может встать. Но он не отозвался. Маленькое сердце не вынесло. Он был мертв*.

Из многих документов, которые публикует М.Станиславский, приведу цитату из воспоминаний еврейского писателя Баки бен Ягли (И.Л.Катценельсона), записавшего рассказ своей бабушки:

«Нет, дитя мое, к нашему ужасу, все *ханеры* были евреями — с бородами и пейсами. И это самое страшное. Мы, евреи, привыкли к нападкам, наветам и страшным указам, исходившим от неевреев. Такое происходило с незапамятных времен, такова наша доля в изгнании. В прошлом существовали неевреи, которые в одной руке держали крест, а в другой нож и говорили: «Еврей, целуй крест или умри», и евреи предпочитали смерть вероотступничеству. Но теперь появились евреи, религиозные евреи, которые хватают детей и посылают их на вероотступничество. О такой каре не упоминается даже в библейском перечне самых страшных казней. Евреи проливают кровь своих братьев, и Бог молчит, раввины молчат...»**

* Флисфиш Э. Кантонисты. Tel-Aviv: Effect Publishing, [без даты]. С. 159—161.

** Stanislawski M. Tsar Nicholas I and the Jews. Philadelphia: The Jewish Publication Society, 1983. С. 33.

В повествовании Солженицына ничего подобного не отыщешь. Зато из его книги можно узнать, как с годами видоизменялось положение о рекрутской повинности, какие меры принимало начальство против роста недоимок по рекрутам и т.п. Бюрократические подробности занимают писателя куда больше, чем человеческие трагедии.

Указ Николая Павловича от 1827 года Солженицын не одобряет, считая царя слишком «прямолинейным» (вот и железную дорогу Петербург — Москва «царь провел по линейке»). Однако с оценкой Краткой Еврейской энциклопедии, которая назвала распространение рекрутской повинности на детей «самым тяжким ударом», автор решительно не согласен:

«Но разрешено — вовсе не значило обязательного призыва с 12-летнего возраста, — пишет Солженицын, — это именно не было "введением рекрутской повинности для еврейских мальчиков", как неверно пишет энциклопедия и как утвердилось в литературе о евреях в России, затем и в общественной памяти. Кагалы нашли такую замену удобной для себя и пользовались ею, широко сдавая — "сирот, детей вдов (порой в обход закона — единственных сыновей), бедняков" — часто "в счет семьи богача"» (стр. 102).

Закавычены цитаты из Краткой Еврейской энциклопедии, которыми Солженицын «побивает» ее же утверждение. Таким приемом Солженицын пытается перечеркнуть обширнейшую литературу и «общественную память» об одном из самых диких проявлений религиозной и племенной ненависти в России, причем прямо организованном властью. Такой подход только логичен при той изначальной позиции, какую занял автор книги. С его точки зрения, существуем «мы» и существуют «они». *Наш* царь все не приказал забривать 12-летних еврейчиков, а только *разрешил*; как пользовался этим разрешением *их* кагал, это *ихнее* еврейское дело, и нечего сваливать с больной еврейской головы на здоровую головушку *нашего* государя!

А то, что кагал был инструментом той же царской власти; что кагал служил этой власти вопреки интересам основной массы еврейского населения; что многие кагалные старшины и другие заправила еврейских общин были коррумпированы, а власть не только не боролась с кор-

рупцией, но поощряла ее, — этого Солженицын знать не хочет. Не замечает он и того, что кагал и шагу не мог шагнуть без одобрения станowego пристава, в чьих руках и была сосредоточена верховная власть в местечке. Не замечает он и самого существенного момента: кагал только *поставлял* рекрутов, а *принимало* их рекрутское присутствие. Именно *оно* признавало годными к службе малышей, недотягивавших по много лет до «призывного» 12-летнего возраста; *оно* признавало здоровыми больных и увечных. *Оно* же закрывало глаза на такую практику. В преддверии очередного набора *хаперы* устраивали облавы на постоянных дворах, хватали приезжих евреев, у которых вскоре истекал срок действия паспорта, сажали их в кутузку, держали до того дня, когда их паспорт становился недействительным, и затем сдавали в рекруты как *бродяг*.

«В обязанность сдатчика входил и подкуп членов рекрутского присутствия для признания годными всех сдаваемых. При наборах расходовались на эту цель большие суммы денег. Рекрут мог быть безнадежно больной, страдать опасной, неизлечимой болезнью, тихим помешательством, но если он в состоянии продержаться часа два на ногах, его признавали годным. Подмазка делала чудеса, и рекрутские присутствия работали быстро и «плодотворно»... Сдатчики учили малолетних называть свой возраст старше на 3, 4 или даже на 5 лет. За щеки мальчиков они вкладывали золотые монеты и советовали пошире раскрывать рот, когда доктор будет их осматривать. «Доктор возьмет изо рта золотые, — утешали они наивных детей, — и отпустит затем домой». Осматривавший врач докладывал комиссии, что мальчик вполне здоров и поэтому годен. Председатель произносил страшное слово «лоб». Солдат подхватывал жертву и тут же ставил метку, со лба выстригал назад полголовы: мальчик стал кантонистом»*.

Это живое, запоминающееся описание взято из книги Э.Флисиша — отнюдь не профессионального писателя. Ничего подобного в тысячестраничном двухтомнике Солженицына не найти — куда только девалось литературное мастерство автора «Ивана Денисовича» и «ГУЛАГа». Нобелев-

---

* Флисиш Э. Ук. соч. С. 183—184.

ский лауреат по литературе кормит читателя бюрократической сухомятиной. Конечно, он негативно высказывается о мерах, которыми кантонистов обращали в христианство, называя их (меры) «не христианскими». Но тотчас вклинивает для «баланса»: «Однако и рассказы о жестоко насильственных обращениях в православие, с угрозами смерти кантонисту, и даже с массовым потоплением в реке отказавшихся креститься, рассказы, получившие хождение в публичности последующих десятилетий, — принадлежат к числу выдумок. Как пишет старая Еврейская энциклопедия, эта “народная легенда” о якобы потоплении нескольких сотен евреев-кантонистов родилась из сообщения немецкой газеты, “что когда однажды 800 кантонистов были погнаны в воду для крещения, двое из них утопились”» (стр. 103).

Забудем на минуту о смысле сказанного, обратимся к слогу. Чего стоят хотя бы рассказы, «получившие хождение в публичности». Погружаясь в эту вязкую, крючкотворную «прозу», трудно отделаться от ощущения, что самому автору было стыдно такое писать. Ведь (возвращаясь к смыслу) что собственно он хочет сказать, выудив из тысяч и тысяч фактов, относящихся к еврейской рекрутчине, только один, и только потому, что этот единственный факт — недостоверен! Оказывается, не 800 детей утопилось, а только двое. Остальные 798, что «были погнаны в воду», благополучно доплыли до благословенного православного берега! А все остальное — от лукавого. «Очевидно, был расчет и самим крестившимся, позже, в оправдание перед соплеменниками, преувеличивать степень испытанного ими насилия при обращении в христианство, тем более что после перехода они получали некоторые льготы по службе» (стр. 103).

Вот как оно получается в «сбалансированном-то» изложении! Не издевательства, не избиения, не бесконечное надраивание до блеска отмытых казарменных полов (да чтоб на голых коленках, обдираемых до самой кости, с последующим нагноением ран, не заживавших неделями), не выматывание последних силенок расчетливым лишением сна побуждали отроков изменять вере отцов — их, оказывается, соблазняли «некоторые льготы по службе»! (Да,

были и льготы. Еврею, принявшему православие, кроме *привилегии* не подвергаться дальнейшим мучениям, выдавалось наличными тридцать целковых, о чем с возмущением писал Лесков, указывая на прямую аналогию с тридцатью серебряниками, полученными Иудой за предательство Иисуса*.)

Невольно задаешься вопросом — верит ли сам Александр Исаевич своей «сбалансированности»? Если бы верил, то откуда бы проистекал этот слог, это тусклое бубнение. Это же Солженицын, умеющий жечь глаголом сердца читателей не хуже Герцена или Лескова. Непреклонная вера в свою правоту, в высоту своей моральной позиции, оттачивала его перо, поистине приравнивая к штыку. В *этой* книге такой веры нет, написана она затупившимся, погнутом пером, вялой нетвердой рукой. Тягостно и неловко ее читать.

Но и опустив глаза долу, автор продолжает гнуть все ту же якобы среднюю линию (среднюю между волком и ягненком, между козой и капустой, между невинным зэком и пытающими его гэбистами). «По статистическим данным военно-учетного архива Главного штаба, в 1847—1854 годах *наибольшего* набора евреев-кантонистов, они составляли в среднем 2,4% ото всех кантонистов России, то есть доля их не превышала пропорциональной доли еврейского населения в стране, даже по заниженным кагалами данным для тогдашних переписей», — читаем в книге (стр. 103).

Ну, а тысячи забритых детишек, что по пути в кантонистские школы попадали «в Могилев» — они учтены ли той статистикой? А тысячи тех, что до школ кое-как доплетались, да в самих школах, замордованные и заплеванные из-за «упорства еврейского характера и природной верности своей религии с малолетства»** (стр. 102), угасали, не протянув двух-трех лет вместо положенных шести, — какая их доля учтена той статистикой? Ведь согласно литературе, которую Солженицын отверг вкупе с «общественной памятью», едва ли *один из десяти* забритых мальцов дотягивал до конца учения и перехода в настоящие солдаты.

* Лесков Н.С. Ук. соч. С. 226.

** Так «природная верность», либо «верность с малолетства»? Это ведь несовместимые понятия.

Однако и дальше тему «евреи и военная служба» Солженицын рассматривает в том же духе. С воцарением Александра II рекрутам пошли послабления, а там и вовсе на смену рекрутчины пришла обычная воинская повинность. Детей забривать перестали, срок службы снизили до шести лет. Казалось бы, служи, солдат, и радуйся! Ан нет, евреи и тут стали уклоняться от воинской повинности в огромных количествах. Дабы это подтвердить, Солженицын даже ссылается на А.Шмакова, называя его для «баланса» «недоброжелательным к евреям... известным адвокатом» (стр. 151—152).

Если это шутка, то неудачная. Алексей Семенович Шмаков снискал себе известность отнюдь не на адвокатском поприще. Он выпускал объемистые «труды», в которых, фальсифицируя или злобно перетолковывая все, что касается евреев, запугивал читателей еврейской эксплуатацией, убийствами христианских младенцев, тайным еврейским правительством и многим другим, что в глазах суеверных обывателей делало горстку бесправных, задавленных нуждой и надругательствами инородцев могущественным, спаянным, коллективным врагом «тронов и алтарей». Этими трудами Шмаков выдвинулся в число ведущих идеологов черной сотни, этим и был славен. Как адвокат он показал себя с полным блеском уже в старости, когда в качестве гражданского истца на процессе Бейлиса, хорошо зная о том, *кто* были истинные убийцы Андрюши Ющинского, пламенно и страстно их выгораживал, чтобы добиться осуждения невинного еврея и вместе с ним — всего еврейского народа. Сказать об этом человеконенавистнике, что он был всего лишь «недоброжелателен» к евреям, почти равносильно тому, чтобы назвать «недоброжелательным» Гитлера!

В той литературе, которую игнорирует Солженицын, теме воинской повинности евреев после отмены рекрутчины, посвящено немало страниц; они дают противоречивую картину. С одной стороны, они показывают, что процент евреев, не являвшихся по призыву, заметно превышал средний процент по стране (уклонялись!). С другой же стороны, в пересчете на численность населения, евреев в армии служило *больше*, чем неевреев. Последнее подтверж-

дает и Солженицын. Он даже сокрушается, что «евреи [были] поставлены в невыгодное положение и сравнительно с магометанами [которые вообще были освобождены от воинской повинности], и с общей массой населения» (стр. 152). Но того, что в приводимых им данных заключено явное противоречие, он не видит. Между тем в неуважаемой им литературе это противоречие не только отмечено, но и объяснено. *Реальный* процент служивших в армии представителей разных религиозно-этнических групп населения определялся *прямым* путем: числом служивших по отношению к общей численности населения данной группы, согласно переписям. А «уклонявшимися» считались те, кто по повестке не являлся на призывные пункты. Однако с начала 1880-х годов — в ответ на погромы — началась массовая эмиграция евреев из России, но выехавшие за границу продолжали числиться в списках подлежащих призыву; по повесткам они, естественно, явиться не могли, обогащая статистику «уклонявшихся». Еще большую несуразицу вызывало то, что евреи, опутанные многочисленными специальными законами и постановлениями о *правожителъстве* (именно так — одним словом — употреблялось это страшное понятие в еврейской среде), во многих случаях постоянно были «приписаны» к одной общине, временно — к другой, а реально жили в третьей. И нередко призывались на службу во всех трех местах. Явившись на призывный пункт в одном месте, такой еврей числился «уклонившимся» в двух других, радуя сердца «статистиков» типа А.С.Шмакова.

Вот о чем говорит литература. Ну а что было в жизни? Уклонялись ли некоторые евреи от воинской повинности в конце XIX — начале XX века? Вероятно, да. Превышал ли процент уклонявшихся евреев средний процент по стране? Скорее всего, превышал, — особенно если учитывать, что воинская служба по-прежнему была несовместима с соблюдением религиозных еврейских традиций, а для большинства евреев невозможность соблюдать эти традиции в полном объеме была равносильна самой тяжелой нравственной пытке. Служили ли они в войсках с таким же рвением, как их православные сослуживцы? По-видимому, не всегда. Но почему?

Ответа на этот вопрос у Солженицына не найти, несмотря на множество выписок из Еврейских Энциклопедий. Автору известен ответ Лескова, но он его не устраивает, и в книге о нем не упомянуто. Между тем Лесков, приведя примеры того, как доблестно евреи сражались в армиях многих стран, писал:

«Мы думаем, что не иным чем оказался бы еврей и в России на стороне патриотизма русского, если бы последний в своих крайних проявлениях не страдал иногда тою обидною нетерпимостью, которая, с одной стороны, оскорбительна для всякого иноплеменного подданного, а с другой — совершенно бесполезна и даже вредна в государстве.

До чего доходит подобная бестактность, видно из того, что когда недавно один из еврейских органов, выходящих в России, попробовал было представить ряд очерков, свидетельствующих о мужестве и верности долгу воинской чести русских солдат из евреев в русских войнах, то это встречено было насмешками...

Трудно и служить такой стране, которая, призывая евреев к служению, уже вперед предрешает, что их служение бесполезно, а заслуги и самая смерть еврея на военном поле не стоят даже доброго слова. Не обидно ли, что когда русскому солдату напоминают пословицу, что «только плохой солдат не надеется быть генералом», то рядом с ним стоящему в строю солдату-еврею прибавляют: «а ты, брат, жид, — до тебя это не касается»*. И затем после такого военного красноречия ведут рядом в огонь битвы обнадуженного русского и обезнадеженного еврея...

Не знаешь чему больше удивляться: этой бестактности или этой несправедливости, каких не позволяют себе люди ни где, кроме как в России>**.

Вот об этом и следовало бы подумать Александру Солженицыну при обработке темы воинской повинности евреев в царской России. Книга его много бы выиграла, если бы он цитировал Н.С.Лескова, а не А.С.Шмакова.

---

* Производство евреев в офицеры было запрещено законом.

** Лесков Н.С. Ук. соч. С. 244—245.

Еврейское земледелие

Среди многих ограничений, которым подвергались евреи в России, одним из самых тяжелых был запрет приобретать и обрабатывать землю. Непомерная скученность в черте оседлости, о которой столько написано во всех работах по истории евреев в России, была вызвана именно этим. В сельскохозяйственной стране земля составляла основное богатство, основную ценность, она была кормилицей. Крестьянское хозяйство не было товарным, оно оставалось почти натуральным. Крестьянин производил продукты питания для своей семьи, и в урожайные годы семья его жила сытно, даже если у нее месяцами не было ни копейки денег. Свои обязанности перед помещиком (до отмены крепостного права) крестьянин отработывал на его земле (барщина) или платил ему дань натурой (оброк). Так что помещики, жившие в своих имениях, большой нужды в деньгах тоже не испытывали. (Исключение составляли правительственные чиновники и столичная и местная знать, строившая роскошные особняки в городах, державшая дорогие выезды, выписывавшая модные наряды и изысканные вина из-за границы. Но эта аристократическая верхушка составляла ничтожный по численности слой населения.)

Евреи же пищу должны были *покупать*, а значит, зарабатывать деньги. Государственная служба была им заказана, работы по найму в черте еврейской оседлости было очень мало. Евреи были по преимуществу ремесленниками, мелкими торговцами, осуществляли различные посреднические услуги, то есть занимались тем, что в Америке называется *self-employed*: на свой страх и риск занимались производством товаров и услуг — в надежде, что сумеют найти потребителя.

При высоком уровне экономического развития товарно-денежные отношения господствуют в обществе. Но при натуральном или полунатуральном хозяйстве нужда в товаропроизводителях минимальна, вернее, у основной массы населения нет денег, чтобы пользоваться их услугами. Предложение намного превышает спрос, и большинство

товаропроизводителей и посредников нищенствует. Однако, согласно предрассудку, разделявшемуся в России властями и массой простого народа, занятия торговлей и ремеслами не считались производительным трудом. Отсюда убеждение, что евреи якобы не трудились, а добывали хлеб исключительно обманами и гешефтами.

«Исправить» евреев, приучив их к земледелию, — такова была идея многих «Записок», «Проектов», «Постановлений» различных правительственных комитетов со времен Державина, но она парадоксальным образом уживалась с запретом на приобретение или аренду евреями земли в местах их постоянной оседлости. Считалось, что дай им только такую возможность, они приберут к рукам всю землю, а крестьяне, работающие на своих куцах наделах и на земле помещика, окажутся в кабале у евреев.

«Энергичный» император Николай I решил одним махом разрубить этот гордиев узел. Он не только разрешил, но предложил некоторые льготы евреям, желавшим заняться крестьянским трудом, но не в местах их постоянного жительства, а при переселении в южные степи Новороссии.

Как мы помним, еще Екатерина II прилагала усилия, чтобы привлечь на эти пустовавшие земли колонистов, но успех был минимальным, огромные массивы целинной земли продолжали пустовать.

Начав переселенческую кампанию среди евреев, Николай Павлович пытался убить двух зайцев — заселить пустующие земли и преобразовать быт «бездельников» и «тунеядцев», превратив их в трудовое крестьянство. Дабы привлечь еврейские массы к переселению, государство выдавало им бесплатные земельные наделы и пособия на переезд и первоначальное обустройство; освобождало от податей и, что, может быть, было особенно привлекательно, от рекрутской повинности. Многие еврейские семьи с энтузиазмом откликнулись на эту наживку, особенно беднейшие, хотя детально разработанные правила для переселенцев фактически превращали их из свободных людей в государственных (крепостных) крестьян. Правила регламентировали жизнь поселенцев до мелочей, указывая, когда им можно, а когда нельзя отлучаться из деревни, и на

какие сроки, и по какой надобности. Предусматривались наказания за самовольные отлучки, награды «отличившимся» хозяевам.

Сообщая обо всем этом, Солженицын не забывает отметить: «при сопоставлении строгих обязанностей, налагаемых на евреев-земледельцев, "с правами и преимуществами, данными исключительно евреям, [и] с теми, какими пользовались прочие податные сословия, — нельзя не признать, что правительство очень благоволило к ним [евреям]"» (стр. 107).

Закавычены им выписки из труда В.Н.Никитина — крещеного еврея, бывшего кантониста и николаевского солдата, который, отслужив солдатский срок, занялся историей еврейского земледелия и опубликовал объемистую книгу, основанную в основном на правительственных документах*. Был ли он обижен на своих бывших единоверцев, которые, переселясь на землю, избавлялись от рекрутчины, выпавшей на его долю, или просто смотрел на предмет своего исследования глазами тех документов, которыми располагал, сказать трудно. Ясно лишь то, что его труд дышит недоброжелательством к соплеменникам и бывшим единоверцам. Поневоле снова вспомнишь саркастическое замечание Витте, что «нет большего юдофоба, как еврей, принявший православие». Не во всех случаях оно справедливо, но к данному — безусловно подходит.

Никитин проникнут уверенностью в том, что в неудачах эксперимента по превращению евреев в земледельцев повинны они сами. В том же свете этот эксперимент представлен и у Солженицына. Оказывается, что «с 1829 по 1833 год "евреи усердствовали в качестве землепашцев, судьба награждала их урожаями, они были довольны начальством, оно — ими"» (стр. 107), но эта идиллия длилась только до тех пор, пока неурожай 1833 года заставил многих бежать из сельскохозяйственных колоний. В описании Никитина и Солженицына, цитирующих «Донесение» некоего Попечительского комитета, это выглядит как «сред-

---

* Никитин В.Н. Евреи земледельцы: Историческое, законодательное, административное и бытовое положение колоний со времени их возникновения до наших дней. 1807—1887. СПб., 1887.

ство не сеять ничего, или весьма мало, сбывать скот, бродяжничать, домогаться пособия и не платить податей» (стр. 107). «В 1834 году, — продолжает Солженицын полужитиевать, полупересказывать Никитина, — "выданный им хлеб — продавали, а скот — резали, и так поступали даже и те, которые не имели в том существенной необходимости", а местное начальство, по затруднениям в надзоре, не в состоянии было предупредить "множество пронирыливых изворотов со стороны переселенцев"» (стр. 107).

При этом оказывается, что «неурожаи у евреев "случались чаще, нежели у прочих поселян, потому что, кроме незначительных посевов, они обрабатывали землю беспорядочно и несвоевременно", действовал "переходящий от одного поколения к другому навик... евреев к легким промыслам, беззаботности и небрежности в надзоре за скотом"» (стр. 107).

Кажется, ясно, что цитируемое «Донесение» характеризует не столько евреев-колонистов, сколько самого донесителя, от которого разит узколобым юдофобством. Но Солженицын видит в этом документе *подтверждение* «30-летнего злосчастливого опыта с еврейским хлебопашеством (еще на фоне опыта мирового)» (стр. 107—108) и недоумевает: почему это правительство Николая I не откинуло «эти пустые попытки и траты», а, напротив, в 1835 году предоставило еврейским хлебопашцам дополнительные льготы «к снисканию безбедного содержания упражнением в земледелии и промышленности?» (стр. 108).

Конечно, и дополнительные льготы не дали результата. Из эксперимента ничего не вышло, как и из многих последующих. Однако Солженицын описывает их с дотошными подробностями, обставляясь частоколом цитат, клонящихся к одному: продемонстрировать, как царское правительство из кожи вон лезло, чтобы *окрестьянить* евреев, да как те упорствовали в своем отлынивании от земледельческого труда и снова и снова объегоривали власти, прикарманивая пособия.

Стремясь сделать свою версию убедительной, Солженицын даже опирается на известную ему «Записку» Николая Лескова, приводя из нее то место, где Лесков «указывал, что еврейская "отвычка от полевого хозяйства образо-

вана не одним поколением", а эта отвычка "так сильна, что она равняется утрате способностей к земледелию", и еврей не станет снова пахарем, разве что постепенно» (стр. 157).

Александр Исаевич выкроил из обширного текста Лескова, две полуфразы, объединив их в одну и придав смысл, противоположный мысли автора. Вот что в действительности писал Лесков:

«Удивительно, что никто из трактовавших об этом деле не обратил внимания на самую существенную его сторону, — на то, что земледелие, особенно в девственном степном крае, требует не одной доброй воли и усердия, но и знаний и навыка, без которых при самом большом желании невозможно ожидать от земледелия ближайших полезных результатов.

...Если кому доводилось отваживаться на такое дело, то он по доброй воле приступал к нему не иначе, как с запасным капиталом на полный севооборот по трехпольной системе (т.е. на четыре года). Без такого запаса первый случайный неурожай, градобой или другой неблагоприятный случай в течение четырехлетнего периода угрожает остановить весь почин дела, погубить даром все положенные труды и привести молодое неустоявшееся хозяйство к разорению.

...Наши помещики Нарышкин и гр. Перовский, делавшие большие заселения степных земель своими крепостными крестьянами из средних губерний, поддерживали переселенцев на новых местах по пяти и по семи лет.

Евреи наши, из которых мог бы быть образован класс степных земледельцев, все были бедняки. Это были люди пришедшие «в черте» в полное захудание и еле влачившие полунищенское существование на счет кое-какой общественной благотворительности. О собственном обеспечении на четыре года хозяйства первого севооборота у них не могло быть и речи... Весь капитал, с которым русскому еврею предстояло двинуться с своей убогой мещанской оседлости (где его, однако, кое-кто знал и кое-кто поддерживал) и идти в безлюдную степь на совершенно незнакомое дело, действительно заключался в том вспоможении, которое назначало правительство на первое обяза-

ведение... Если этого вспоможения даже и достало бы опытному в полевом хозяйстве крестьянину, то неопытный человек с ним ничего не мог сделать. При первом неурожае, в первую тяжелую зимовку ему с семьей в голой безлесной степи приходила верная и неотразимая холодная и голодная смерть... Такая смерть страшна всякому, как элину, так же и иудею»*.

А вот и то место, которое урезанно цитирует Солженицын: «Вывод из всего этого очевиден и прост: евреи утратили склонность к земледелию вследствие исторических причин, долго не благоприятствовавших их занятию сельским хозяйством. Отвычка от этого дела у них так сильна, что она почти равняется утрате способностей к земледелию... Обратиться к земледелию евреев, не знающих ремесла и не обладающих капиталами для достойных занятия торговых дел, не есть цель напрасная или недостижимая. Напротив, это и важно, и нужно, и человеколюбиво, и при том это вполне достижимо, только не вдруг, по одному мановению, как желали сделать при императоре Николае. Вековая отвычка может быть исправлена только тем же самым историческим путем. Это путь медленный, но единственно верный: он состоит в том, чтобы поставить экономически бедствующую часть евреев в такое благоприятное положение, при котором в ней прежде всего исчез страх за свою обеспеченность от произвола и страстей окружающего их христианского населения. Надо, чтобы погромы были невозможны. Затем необходимо уничтожить все «особенные» положения о землевладении для евреев и не евреев, и дозволить еврею, как и не еврею, приобретать себе в собственность для возделывания мелкие участки. Лучший земледелец тот, кто возделывает свой любимый клочок земли. Не в одних отдаленных степных местах, где хозяйство особенно трудно, надо дозволить сельское занятие еврею, а там, где ему нравится... Словом, необходимо дозволить еврею приобретение поземельных участков везде, где это дозволено не еврею, и тогда в России будут евреи земледельцы, как желал император Николай I»**.

Солженицын подобных суждений не приводит; ему приятнее «донесения самых разных инспекторов, из разных

* Лесков Н.С. Ук. соч. С. 218—219.

** Там же. С. 224—225.

мест», гласившие нечто противоположное: «"повинуясь крайности, — [еврей] могли сделаться земледельцами, и даже хорошими, но первую благоприятную переменою обстоятельств — они всегда бросали плуг, жертвовали хозяйством, чтобы вновь обратиться к барышничеству и другим любимым своим занятиям"», — и дальше идут аналогичные выписки — в основном из труда Никитина (стр. 111—115, 152—156). Солженицын откапывает у него и свидетельство «чиновника с 40-летним опытом по земледелию» о том, что «"не было ни одного крестьянского общества, на которое столь щедро лились бы пособия" — "пособия эти не могли оставаться тайною для крестьян и не могли не вызывать в них недоброго чувства"» (стр. 155), и дальше: «Этим именно обстоятельством объяснялось...» отчасти и то ожесточение крестьян против евреев-земледельцев, которое выразилось разорением нескольких еврейских селений" (1881—1882)» (стр. 155).

Видимо, и Лескову были известны факты «разорения еврейских селений» их соседями, почему он и предупреждал: *погромов не должно быть*. Нельзя заниматься земледелием, если над головой висит страх, что в любой момент твое имущество будет разграблено из ненависти или зависти. Солженицыну важно другое. Абсурдное «свидетельство» о якобы особой щедрости, изливавшейся на переселенцев-евреев в ущерб переселенцам-христианам, ему надобно для того, чтобы отбрить «советского автора 20-х годов» Ю.Ларина, писавшего: «Царизм почти совершенно запрещал евреям заниматься земледелием» (стр. 156). Заодно отбривает он и Л.Н.Толстого, возмущавшегося тем, что власти «удерживают целый народ в тисках городской жизни и не дают ему возможности поселиться на земле и начать работать единственную, свойственную человеку работу» (стр. 157)*.

«На каких облаках он жил? Что он знал о 80-летней практике этой земельной колонизации?» — возмущается Солженицын в адрес Толстого. Однако на облаках поселился он сам, ибо Ларин и Толстой были правы: царизм запрещал евреям землепашествовать там, где они *могли и хотели* это делать, разрешая там, где они *не могли и не хотели*.

* Солженицын цитирует по сборнику: «Толстой о евреях». СПб.: Время, 1908. С. 15.

Кровавый навет

Среди абсурдных обвинений, изливавшихся на евреев, ни одно не было столь зловещим и чреватым столь страшными последствиями, как обвинения в ритуальных убийствах. Эта самая яркая манифестация религиозной и племенной нетерпимости пунктиром проходит через всю историю евреев, и вполне понятно, что она угнездилась в России. Более того, именно здесь она нашла благоприятную почву уже в то время, когда в Западной Европе на кровавый навет стали смотреть как на глупый средневековый предрассудок.

Как мы помним, первый российский интеллеktуал и государственный деятель, слывший специалистом по еврейскому вопросу, Гаврила Романович Державин, уже в конце XVIII века поддержал это обвинение. А затем дела о ритуальных убийствах евреями христианских детей возникали так часто, что император Александр I в 1817 году должен был издать рескрипт, разосланный всем губернаторам черты еврейской оседлости, в котором такие обвинения квалифицировались как предрассудок, а возбуждение уголовных дел «по одному предрассудку, будто они [евреи] имеют нужду в христианской крови», запрещалось*.

Александр I только присоединился ко многим европейским государям и Римским Папам, которые на протяжении веков издавали аналогичные указы и буллы, что, однако, действовало лишь очень недолгое время. Указы забывались, и евреев вновь вздымали на дыбу, жгли каленым железом, бичевали кнутом, добываясь признаний в умерщвлении очередного младенца, после чего торжественно четвертовали, сажали на кол или сжигали на костре, а все еврейское население громили, накладывали на него «контрибуцию» или вовсе изгоняли из страны — до следующего высочайшего повеления.

Рескрипт Александра I ждала аналогичная участь. Он был забыт... самим государем, незадолго до его смерти, когда при его проезде в Таганрог через белорусский городок Велиж в Витебской губернии в ноги к нему повали-

---

* См. подробнее: Резник С. Раствление ненавистью: Кровавый навет в России. Москва — Иерусалим: Даат/Знание, 2001. С. 45.

лась женщина и с рыданиями сообщила, что она — вдова солдата Марья Терентьева и что два года назад евреи замучили ее трехлетнего ребенка, а потом подкупили полицию, которая замяла дело, оставив несчастную мать без удовлетворения.

Благосклонно выслушав стенавшую женщину, царь велел дать ход ее жалобе, и Велижское дело, ранее преданное «воле Божией» за отсутствием улик против обвинявшихся евреев, было возобновлено. Затем, как правильно указывает А.И.Солженицын, оно тянулось еще десять лет. Чего он *не* указывает, так это того, что на первом же допросе после возобновления следствия открылось, что Марья Терентьева вовсе не та, за кого себя выдает. Она не солдатская вдова, а уличная проститутка; она никогда не была замужем и зарабатывала себе на пропитание «сексуальными услугами», как сказали бы сегодня; детей у нее никогда не было, а убитый мальчик Федор Иванов был сыном солдата Емельяна Иванова и его жены Агафьи, которые с тех пор из Велижа выехали; именно Марья Терентьева при первоначальном расследовании этого дела громче всех обвиняла евреев, но ее наветы не подтвердились.

Оставался бы жив Александр Павлович, дело против евреев, видимо, тотчас бы вновь закрыли, а Марью Терентьеву — за ложный донос и ложные показания — присудили бы к битью кнутом на базарной площади и ссылке в Сибирь на поселение, как и было сделано через десять лет.

Но в Петербурге воцарился «весьма энергичный» Николай I, и возобновленное следствие потекло по иному руслу. Взятая в оборот Марья Терентьева «призналась» в том, что «прошла через жидовский огонь» (тайно обращена в иудейство) и — в качестве иудейки — сама участвовала в убийстве мальчика. Она подробно описала процедуру умерщвления и назвала несколько десятков евреев, которые будто бы вместе с ней качали мальчика в бочке, утыканной изнутри гвоздями, собирали кровь в серебряную чашу, а затем вывезли бездыханное тельце в лес.

По наводке Марьи Терентьевой следователи арестовали еще двух христианок и, обработав их должным образом, получили аналогичные показания. Затем было арестовано более сорока евреев, подвергавшихся много лет физическим и моральным истязаниям с целью исторгнуть из них признания. Проявив редкое мужество, все арестованные

выстояли, но, несмотря на это, им был вынесен обвинительный приговор, и его с энтузиазмом утвердил генерал-губернатор Витебской губернии князь Хованский.

Открытого судопроизводства в России тогда не было. По заведенному порядку, дело поступило на окончательное решение в Сенат, а затем в Государственный совет, где оно попало на рассмотрение к графу Николаю Семеновичу Мордвинову, одному из наиболее просвещенных и независимых государственных деятелей того времени. В блестяще написанной записке он проанализировал многотомное дело и не оставил от всех обвинений камня на камне*. Доводы Мордвинова оказались столь убедительными, что члены Государственного Совета *единогласно* присоединились к нему. Единогласное решение Государственного совета считалось окончательным (таково, по закону, было единственное ограничение абсолютной власти самодержца), поэтому императору Николаю его пришлось утвердить.

Однако он был разочарован и не скрывал своего раздражения. Утверждая решение Государственного совета, он написал, что «внутреннего убеждения, что убийство евреями произведено не было, не имеет и иметь не может», ибо среди евреев может существовать изуверская секта, которая все-таки практикует ритуальные убийства, так как «к несчастью и среди нас, христиан, существуют иногда такие секты, которые не менее ужасны и непонятны», — сообщает Солженицын (стр. 97—98).

Чего он не сообщает, так это то, что в записке Мордвинова вопросу о «сектах» уделено важное место. Оно, вероятно, способствовало тому, что все члены Государственного совета присоединились к нему, хотя знали, что царь ждет от них противоположного решения. Приведя сжатый исторический очерк кровавого навета и показав его полную абсурдность, Мордвинов писал:

«Но разрушенное в главных основаниях мнение сие получило другое направление. Евреев начали в позднейшее уже время обвинять как сектаторов [сектантов]. Кроме того, что существование таковой ужасной секты ни одним фак-

---

* Мордвинов Н.С. Дело о велижских евреях//Архив графов Мордвиновых. Т. 8. СПб., 1903; Репринтное переиздание в кн.: Велижское дело. Документы. Орандж, Коннектикут: Antiquary, 1988. С. 117—144.

том не обнаруживается, нельзя предполагать, чтобы талмудисты, уклоняясь от закона Моисеева, запрещавшего употребление даже крови животных, могли произвести секту, совершенно основанию одного противную, и чтобы евреи, в течение веков претерпевавшие бедствия от ужасных правил ее, не открыли существования оной, особенно при той ненависти, какую евреи-сектаторы взаимно между собой питают. (Известна ненависть евреев к секте хасидов [хасидов], кои предаваемы были проклятию, а сочинения их публично сжигаемы.)»*.

Как видим, согласившись освободить велижских евреев за отсутствием улик, Николай I оставил в подозрении еврейский народ, полагая, что если не все евреи практикуют ритуальные убийства, то все они покрывают тайную изуверскую секту, которая это делает. (Таким же, как мы помним, было мнение Г.Р.Державина.)

Последствия несогласия государя с Мордвиновым были весьма серьезными и далеко идущими. Дабы раскопать вопрос о ритуальных убийствах «до корня», Николай поручил Министерству внутренних дел провести расследование, результатом чего явилась изданная через девять лет книга «Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их». Составленная директором Департамента иностранных исповеданий В.В.Скрипицыным, она позднее была приписана В.И.Далю (под названием «Записка о ритуальных убийствах»). В последние годы она широко переиздается в России под именем Даля, служа одним из самых «убедительных» инструментов нагнетания ненависти к евреям**.

---

* Велижское дело. Документы. Орандж, Коннектикут: Antiquary, 1988. С. 120—121.

** В моей книге «Растление ненавистью: Кровавый навет в России» (Москва, Даат/Знание, 2002 стр. 49—92) прослеживается история создания работы «Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их». Спб., 1844), а также все этапы «реинкарнации» ее автора (В.В.Скрипицына) в В.И.Даля. Не могу не упомянуть курьезную попытку «патриотов» *защитить* от меня В.И.Даля, доказывая, что он все-таки *был* автором позорной «Записки»! (В.Хатюшин. «Кто занимается подлогом? В Защиту Владимира Даля». «Московский Литератор», № 2, январь, 2002, стр. 2; С.Резник. «Растленные растлители», «Вестник», № 6 (291), 2002). Поистине, научи иных патриотов Богу молиться, они лоб расшибут, что и было ими снова продемонстрировано в январе 2005 года, когда группа де-

Из книги Солженицына всего этого узнать нельзя. Велижское дело упоминается им лишь для того, чтобы опровергнуть «устойчиво утвердившееся» мнение «еврейской историографии», что политика Николая I по отношению к евреям «была исключительно жестокой и мрачной» (стр. 97). В доказательство того, что это не так, А.И.Солженицын сообщает: «пишет Еврейская энциклопедия, "несомненно, что оправдательным приговором ... евреи были обязаны в значительной степени Государю, добивавшемуся правды, несмотря на противодействие со стороны лиц, которым он доверял"» (стр. 97).

Приведенная выписка еще раз показывает, насколько опрометчиво доверять вторичным источникам, не перепроверяя их по оригинальным материалам. Статья для Еврейской энциклопедии писалась в контексте очередной «ритуальной» вакханалии — в связи с предстоявшим процессом Бейлиса в Киеве. Автор статьи, говоря о Николае I, адресовался к Николаю II. В этом контексте подчеркивать заслуги истинного спасителя велижских евреев — графа Мордвинова — было неуместно; куда политичнее было приписать его заслуги тогдашнему императору — в назидание и пример нынешнему. Используя без критики эту цитату, Солженицын вообще не упоминает ни имени Мордвинова, ни единогласного решения Государственного Совета. Так спасителем обвиняемых по Велижскому делу становится «энергичный» государь.

путатов Государственной Думы и 500 (!) других представителей «патриотической общественности» направили письмо в генеральную прокуратуру России с требованием запретить еврейские религиозные и общественные организации. В числе «аргументов» в пользу такого запрета приводится и такой: «Еврейская религия — антихристианская и человеконенавистническая, доходящая до ритуальных убийств. Многие случаи этого ритуального экстремизма были доказаны в суде. (См., например, исследование известного ученого В.И.Даля "Розыскание о убийении евреями христианских младенцев и употреблении крови их". Спб., 1884)». Кроме всего прочего, пикантна здесь ошибка в выходных данных «Розыскания...» (1884 год вместе 1844-го), перенесенная в донос из статьи В.Хатюшина. В радио-шоу «Голоса Америки» в открытом эфире я спросил фактического автора злополучного обращения в прокуратуру, М.В.Назарова, отважно согласившегося участвовать в дискуссии, знает ли он, что В.И.Даль умер в 1872 году, то есть за двенадцать лет до той даты, к которой в их обращении отнесено «Розыскание...». М.В.Назаров ответил, что дат жизни В.И.Даля «не помнит». (Магнитозапись радишоу в архиве автора).

Под стать этому и все остальное, что пишет Солженицын о кровавом навете. Большинство ритуальных дел он вообще не касается, ограничиваясь перечислением некоторых из них в скобках, притом с очевидной целью — «патриотически» отмежевать от них православную Россию. Читаем: «Предыдущие [предшествовавшие делу Бейлиса] ритуальные процессы в России возникали чаще на католической почве: Гродно — 1816, Велиж — 1825, Вильна, дело Блондеса — 1900; кутаисское, 1878, было в Грузии; дубоссарское, 1903, в Молдавии; а собственно в Велико-россии — одно саратовское, 1856. Слиозберг, однако, не упускает указать, что и саратовское дело также имело католическое происхождение, а в деле Бейлиса: группа подозреваемых воров — поляки, экспертом по ритуальным обвинениям взят католик, и прокурор Чаплинский — тоже поляк» (стр. 446—447). (Следует ссылка на мемуары известного юриста и общественного деятеля Г.Б.Слиозберга, хотя в некоторых других местах Солженицын решительно оспаривает этого мемуариста, попрекая его не больше не меньше как старческим слабоумием.) Вопрос о том, как обвинения целого народа в людоедстве влияли на русско-еврейские отношения, которым ведь посвящена книга, автора вообще не беспокоит.

Единственный ритуальный процесс, которому Солженицын все-таки уделяет внимание, — это дело Бейлиса, но тут бросается в глаза его недостаточная осведомленность. Он ее и не скрывает: «Кто хотел бы теперь вникнуть подробно во все извивы следствия, общественной кампании и суда — должен был бы, без преувеличения, потратить не один год. Это — за пределами нашей книги» (стр. 445).

Ну что ж, оставим за пределами то, что не входит в пределы; посмотрим на то, что в них входит. Об убитом мальчике Андрее Ющинском Солженицын сообщает:

«Убит зверским и необычным способом: ему было нанесено 47 колотых ран, притом с очевидным знанием анатомии — в мозговую вену, в шейные вены и артерии, в печень, в почки, легкие, в сердце, нанесены с видимой целью обескровить его живого» (стр. 445).

Ран действительно насчитали 47, но все остальное очень далеко от истины. Как показали на суде медицинские эксперты самого высокого класса, убийцы *плохо* знали анатомию; большинство ран было нанесено *после смерти маль-*

чика; крови из ран вытекло *мало*, причем основная часть излилась во внутренние полости тела.

Солженицын сообщает, что тело убитого было найдено «в пещере, на территории [кирпичного] завода [еврея] Зайцева» (стр. 445), где служил Мендель Бейлис. Это неверно: никаких пещер на заводе не было, тело Андриюши было найдено *вне* территории завода, на Лукьяновке — в районе Киева, где евреи не имели права жительства*.

Объясняя, как и почему Бейлис был арестован «без убедительного подозрения», Солженицын с уничижением пишет о двух первых следователях по делу об убийстве Ющинского — Е.Ф.Мищуке и Н.А.Красовском. Это якобы были два «служебных и деловых ничтожества», они соперничали друг с другом, «проваливали действия» друг друга, «запугивали свидетелей, даже арестовывали агентов друг друга... вели «следствие» как рядовое и отдаленно осмыслить не могли масштаба события, в которое ввязались» (стр. 446). А в результате «следствие почти два года кидалось по ложным версиям, долго обвинение висело над родственниками убитого, затем доказана их полная непричастность. Становилось все ясней, что прокуратура решится формально обвинить и судить Бейлиса» (стр. 446).

Итак, получается, что Бейлис был арестован по вине Мищука и Красовского, которые ввязались в непосильное для них дело и по своей профнепригодности направили следствие по ложному следу.

Истинная картина снова разительно отличается от той, что рисует Солженицын. И Мищук, и Красовский (особенно второй) были профессионалами высокого класса. Мищук вел гласное расследование убийства Ющинского, а Красовскому поручили негласное, что делало их соперниками, но не они сами поставили себя в такое положение. На первых порах, введенные в заблуждение некоторыми показаниями свидетелей, оба допустили одинаковые ошибки

---

* Точности ради надо также сказать, что богатый киевский коммерсант Иона Зайцев умер за несколько лет до убийства Андриюши, но и при его жизни завод ему не принадлежал, хотя и был построен на его деньги. Кирпичный завод был собственностью еврейской больницы для бедных, построенной тем же Зайцевым в благотворительных целях. Заботясь о том, чтобы больница могла предоставлять бесплатное лечение и после его смерти, Зайцев построил кирпичный завод, передав его в собственность больнице, чтобы доходы этого предприятия покрывали ее расходы.

и привлекли в качестве обвиняемых мать и отчима Андриюши Ющинского. Но в обоих случаях эта версия быстро отпала, и они стали докапываться до истины, не поддаваясь *политическому и идеологическому* нажиму со стороны черносотенных организаций, правой прессы и *своего собственного начальства*, настаивавших на ритуальности этого убийства. Именно *поэтому* оба были отстранены от следствия.

«Красовский, потеряв пост, сменил позицию и стал помощником адвокатов Бейлиса», пишет Солженицын (стр. 446) и снова вольно или невольно вводит читателей в заблуждение, ибо Красовский потерял пост как раз потому, что *не* хотел менять своей позиции. Уволенный, как якобы не справившийся с заданием, он *не* стал ничьим помощником, а, наняв *себе* двух помощников, повел на свои собственные средства частное расследование. Его цель была — восстановить свою профессиональную репутацию. Именно он — вместе с журналистом С.И.Бразуль-Брушковским и двумя бывшими студентами Сергеем Махалиным и Амзором Караевым — раскрыл убийство и изобличил истинных убийц: шайку воров во главе с Верой Чеберяк. Это удалось вопреки тому, что нанятые Красовским сыщики были перекуплены тайной полицией и делали все, чтобы запутать дело.

«Бейлиса обвинили, при сомнительных уликах, потому, что он был еврей», пишет Солженицын (стр. 446), тогда как на самом деле *даже сомнительных улик* против него не было. Именно поэтому уголовная полиция — вопреки давлению со стороны прокурора Г.Г.Чаплинского и куда более высокопоставленных лиц, включая министра юстиции И.Г.Щегловитова, — не давала согласия на его арест. Брат Бейлиса явился с отрядом жандармов полковник Н.Н.Кулябко, начальник охранного отделения. Вмешательство *политической* полиции обнаружило истинный характер дела об убийстве Ющинского как *политической акции властей*, решивших использовать это убийство для многократного усиления травли евреев. Этим, кроме всего прочего, опровергается и утверждение Солженицына, что такое «опозорение юстиции» при Столыпине «никогда бы не состоялось» (стр. 444). Это уже чистая мифология, так как дело Бейлиса заварилось именно при Столыпине и, конечно, при его ощутимом личном участии, ибо охранка министра юстиции Щегловитову не подчинялась, она под-

чинялась Столыпину, который совмещал пост премьер-министра с постом министра внутренних дел.

Столыпин и Щегловитов составляли вполне слаженный тандем. Щегловитов, по характеристике Витте, «держался все время министром юстиции при Столыпине только потому, что был у него лакеем, и министр юстиции, глава русского правосудия, обратился в полицейского агента председателя Совета министров»*. Но в данном случае не легко разобрать, кто у кого оказался в лакеях, ибо это Столыпин оказал услугу Щегловитову, а не наоборот.

Бейлис был арестован за несколько дней до приезда в Киев государя, которому надо было отрапортовать об успехе в расследовании нашумевшего дела, и именно как *ритуального*.

Выслушав эту благую весть от явившегося представляться прокурора Чаплинского, царь размашисто перекрестился, чем вдохновил чины всех ведомств и рангов на дальнейшие подвиги. Было ли убийство ритуальным, или все-таки нет — так вопрос больше не ставился. На «ритуале» теперь работала вся государственная машина империи**.

Политическая полиция, стряпая дело против Бейлиса, прекрасно знала истинных убийц — от самой Веры Чеберяк, служившей по совместительству осведомительницей, и от ее сообщника Бориса Рудзинского. На допросе у жандармского подполковника Павла Иванова он сперва запырлялся, но на очной ставке с Верой Чеберяк признался во

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. III. С. 523.

** О деле Бейлиса см. более детально я пишу в книге: «Растление ненавистью: Кровавый навет в России». Москва — Иерусалим: Даат/Знание, 2001. С. 121—164. К числу наиболее важных источников по делу Бейлиса следует отнести: трехтомную стенограмму процесса (Киев, 1913); «Падение царского режима. По материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства» (Л., Госиздат, 1925—27, тт. II, III); автобиографию М.Бейлиса «История моих страданий» (Mendel Beilis. The story of my Suffering, N.Y., 1926), работы Короленко В.Г., Набокова В.Д., Бонч-Бруевича В.Д., воспоминания непосредственных участников процесса, в особенности адвоката Грузенберга О.О., а также исследования Тагера А.С. «Царская Россия и дело Бейлиса» (М.—Л.: Госиздат, 1933, 1934), Мориса Самюэла «Кровавый навет» (1966, русский перевод 1975). Из работ последнего времени заслуживает внимания книга Шапиро Г.Н. «Тайна одного следствия» (Киев, 1996). На материале Дела Бейлиса созданы известные литературные произведения, в их числе роман Шолом-Алейхема «Кровавая шутка» и роман Бернарда Меламуда (Bernard Melamud). The Fixer.)

всем. Уличив Рудзинского, Вера одновременно дала ему понять, что опасаться им нечего, ибо охранка выясняла истину не для того, чтобы раскрыть убийство, а чтобы его поглубже закопать. Таким образом, в деле Бейлиса произошла редкая по цинизму смычка государственной власти, идеологов черной сотни и шайки уголовных преступников.

Таков ответ на риторический вопрос, задаваемый Солженицыным, но им самим оставленный без ответа: «Да как возможно было в XX веке, не имея фактически обоснованного обвинения, вздуть такой процесс в угрозу целому народу?» (стр. 446)

Невозможно не поразиться логике Солженицына. Не одобряя тех, кто затеял дело Бейлиса, он всячески старается их выгородить, для чего затуманивает ясную картину, топя ее в пучине тенденциозно подобранных ненужностей.

«В растянувшиеся месяцы расследования, — читаем в книге, — таинственно умерли оба сына Чеберяк (что неверно: у Чеберяк был один сын и две дочери, умерли сын Женя и дочь Валя. — *С.Р.*), она обвиняла в отравлении их Красовского, а Бразуль и Красовский — ее саму в убийстве своих сыновей. Версия их была, что убийство Ющинского совершено самой Чеберяк со специальной целью симулировать ритуальное убийство. (Опять неверно: версия частных расследователей состояла в том, что Чеберяк и ее компания убили Андрюшу, так как считали его доносчиком, завалившим их малину; а исколоть его тело «под евреев» они решили уже после убийства, чтобы отвлечь от себя подозрение; этим и объяснялось большое число колотых ран, нанесенных уже *после* смерти мальчика. — *С.Р.*) А Чеберяк утверждала, что адвокат Марголин предлагал ей 40 тысяч рублей, чтоб она приняла убийство на себя, Марголин же отрицал это потом на суде, но понес административное наказание за некорректность поведения» (стр. 448).

Последняя фраза требует более обширного комментария, нежели вышеприведенные ремарки. Фактически она точна, но по форме крайне тенденциозна, ибо написана таким образом, чтобы придать возможно больше веса показаниям Чеберяк о якобы предложенных ей сорока тысячах, а к показаниям «некорректного» Марголина посеять максимальное недоверие. Но Вера Владимировна Чеберяк — матерая преступница, воровка и держательница воровского притона, шантажистка, уличенная в убийстве Андрю-

ши Ющинского, и вероятная убийца двух своих собственных детей. А Лев Давыдович Марголин — один из самых видных и уважаемых киевских юристов. Да, он совершил некорректный поступок: будучи зарегистрирован как *официальный* защитник Менделя Бейлиса, он не имел права *неофициально* встречаться с потенциальными свидетелями по делу о его подзащитном, но он встретился с Верой Чеберяк, уступив просьбам Бразуль-Брушковского. Матерая преступница долго водила журналиста за нос, уверяя его, что сама она непричастна к убийству Андрюши, но намекая, что многое об этом деле ей известно. И вот после того, как она — в хорошо разыгранном порыве откровенности — «призналась» ему, что Андрюшу убили его мать и отчим при содействии ее бывшего любовника Поля Миффле, с которым она порвала отношения и была в лютой вражде, Бразуль упросил Марголина прощупать Чеберяк и затем высказать свое мнение: можно ли верить этой болтушке или нет. Когда о встрече Марголина с Чеберяк стало известно, Марголин — вполне справедливо — был дисквалифицирован как официальный защитник Бейлиса; на суде он выступал в роли свидетеля. Иначе говоря, упомянутое Солженицыным «административное наказание» Марголин понес как бывший защитник Бейлиса, а отнюдь не как свидетель. Стремясь опорочить его «некорректные» показания — в противоположность «корректным» показаниям преступницы, Солженицын допускает явную передержку.

Настаивая на том, что истинные убийцы Ющинского так и остались невыявленными, Солженицын пишет: «На том [оправдании Бейлиса] и кончилось. Новых розысков преступников и не начинали, и странное, трагическое убийство мальчика осталось неразысканным и необъясненным» (стр. 450). Правда тут только в том, что нового расследования власти не проводили, и по вполне понятной причине. Самое последнее, что им было нужно, это признать и покарать убийц Ющинского, давно им известных. На процессе Бейлиса тайное стало явным. Все убийцы были названы: это Вера Чеберяк, ее брат Петр Сингаевский, Борис Рудзинский и Иван Латышев. Иван Латышев («Ванька Рыжий») покончил с собой еще до суда, а остальные трое проходили как свидетели, но фактически были *многократно и бесспорно* уличенными обвиняемыми. Все это, как и то, что прокурор, гражданские истцы и куда более

высокие власти старались их выгородить, чем запятнали себя как соучастники преступления, запечатлено на десятках страниц трехтомной стенограммы процесса*. Солженицын этот основной документ игнорирует, что и позволяет ему делать вид, будто убийство осталось нераскрытым. Вера Чеберяк у него оказывается такой же жертвой клеветы, как и Мендель Бейлис. В финале его повествования о деле Бейлиса Чеберяк приобретает уже и вовсе героические черты: арестованная Киевской ЧК, она подвергается издевательствам со стороны «всех евреев-чекистов» и гибнет от чекистской пули с высоко поднятой головой, не отрекаясь от своих показаний (стр. 451). Итак, по Солженицыну, адвокат Марголин подвергся административному взысканию за попытку всучить взятку Чеберяк, а она не только отклонила взятку, но и получила еврейскую пулю в затылок за верность своим убеждениям!

После этого можно не удивляться, что знаменитый черносотенный ястреб В.М.Пуришкевич у Солженицына воркует по-голубиному: «"Мы не обвиняем всего еврейства, мы мучительно хотим истины" об этом загадочном, странном убийстве. "Существует ли среди еврейства секта, пропагандирующая совершение ритуальных убийств... Если есть такие изуверы, заклейте этих изуверов", а "мы боремся в России с целым рядом сект" своих» (стр. 447).

Истинный смысл ссылок на воображаемые еврейские секты, покрываемые всеми остальными евреями, объяснил граф Мордвинов, а после него еще более четко и ясно — замечательный ученый-гебраист Д.А.Хвольсон**. Однако иные рецензенты, ослепленные громким именем Солженицына, с готовностью солидаризируются уже не с ним, а с самим Пуришкевичем — его «мучительным хотением истины»***.

* Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Тт. I—III. Киев, 1913.

** Хвольсон Д.А. Употребляют ли евреи христианскую кровь? СПб., 1879. С. 60—61. О Д.А.Хвольсоне см.: Резник С. Растление ненавистью: Кровавый навет в России. Москва — Иерусалим. Даат/Знание, 2001. С. 52—63.

*** А.Эткинд, к примеру, «не чувствует» «априорной невозможности существования» людоедских еврейских сект, хотя таковые ему «неизвестны». (См. «Колокол», Лондон, 2002. С. 73.) Вот бы обрадовал мир, если бы они оказались ему известны! Решил бы, наконец, квадратуру круга, над чем бьются черносотенцы разных времен и народов почти два тысячелетия.

Солженицын осмотрительнее своих рецензентов. Он держится «средней линии»: «А с другой стороны поднялась и кампания либерально-радикальных кругов, и прессы, не только российской, но вот уже и всемирной. Уже создан неотклонный накал. Питаемый самой предвзятостью обвинения подсудимого, он не иссякал и каждый день клеймил уже и свидетелей» (стр. 447).

Что здесь разумеется? Не сразу и разберешь — кого клеймил «неотклонный накал»?

Но ничего мудреного за этим пассажем нет. Каждая из сторон на суде пыталась подорвать доверие к свидетелям другой стороны, укрепляя доверие к своим, что само по себе нормально и естественно для состязательного процесса. Вопрос в том, *кто* были эти свидетели и *какие средства* пускались в ход для их выгораживания или компрометации.

Обвинители, обязанные найти и затем добиться осуждения преступников, из кожи вон лезли, чтобы *выгородить* убийц Андрюши Ющинского, то есть Веру Чеберяк и ее сообщников. Они пытались скомпрометировать частных расследователей — Красовского и Бразуль-Брушковского, которые бескорыстно и честно выполнили *их* работу. Они же сделали все, чтобы *не допустить* к присутствию на суде ключевого свидетеля Амзора Караева (заблаговременно сосланного в Сибирь и там еще для верности арестованного по тайному приказу из Петербурга, чтобы не сбежал и не объявился в Киеве). Другой ключевой свидетель, Сергей Махалин, дал на суде убийственные показания о том, как брат Веры Чеберяк Петр Сингаевский посвятил его и Караева во все детали совершенного преступления. Но, чтобы посеять у присяжных сомнения в правдивости показаний Махалина, его пытались скомпрометировать мнимыми связями с охранкой. Через несколько лет, уже после революции, ему это стоило жизни.

А защита, в противовес этим маневрам, опираясь на показания свидетелей, доказывала, что Чеберяк, Сингаевскому и Рудзинскому место на скамье подсудимых, что лжесвидетель Казимир Шаховской, фонарщик, показывавший, что он сам видел, нет, не видел, а слышал от мальчиков, нет не сам слышал от мальчиков, а жена его слышала, и т.д., что «еврей с черной бородой» тащил Анд-

рюшу, — так вот этот свидетель не просыхает от пьянства, и мальчики, игравшие с Андрюшей незадолго до его исчезновения, этих сказок не подтверждают. (Путаные показания Шаховского и его жены — это практически *все* так называемые улики против Бейлиса, которые за два с половиной года сумело наскрести и наместить по сусекам официальное следствие!)

Вот таким был «накал» этого процесса, который Солженицын не стесняется прокомментировать словами В.В.Розанова из его пасквильной, откровенно расистской книги под названием «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови»: «Железная рука еврея... сегодня уже размахивается в Петербурге и бьет по щекам старых заслуженных профессоров, членов Государственной Думы, писателей» (стр. 447).

О чем и о ком тут идет речь, из солженицынского текста понять невозможно, но если обратиться к первоисточнику, то все становится ясно. «Еврейская» рука, хлещущая по щекам, — это лучшая часть русской прессы (кадетская газета «Речь»), не дававшая спуска мракобесам и человеконенавистникам, затеявшим средневековое судилище. А отхлестанные профессора, члены Государственной Думы, писатели — это в первую голову черносотенный профессор Киевского университета по кафедре психиатрии И.А.Сикорский, который был приглашен в суд (в противовес профессору В.М.Бехтереву) для научной психиатрической экспертизы, но вместо этого произнес зажигательную антисемитскую речь, за которую тайно получил четыре с половиной тысячи рублей из секретного фонда Департамента полиции; это черносотенный депутат Государственной Думы Г.Г.Замысловский, игравший на процессе роль одного из гражданских истцов (то есть представителей матери погибшего мальчика), но вместо того, чтобы добиваться привлечения к ответу *реальных* убийц, с большим темпераментом убеждал присяжных в *реальности* ритуального мифа и вины Бейлиса; это сам автор пасквильных сочинений — писатель и религиозный философ (отнюдь не католик!) В.В.Розанов, со страниц своей книги бесстыдно протянувший руку Вере Чеберяк, — вероятно, потому, что порядочные люди перестали подавать руку ему самому. Он так и писал со свойственным ему циниз-

мом: «Жму ей издали руку, как и всем притонодержателям и сутенерам, но все-таки не убийцам»*.

Солженицын именно словами Розанова объясняет причину того, почему «сбивались последние попытки вести нормальное следствие» (стр. 447). Кто же делал эти попытки — отстраненные от дела следователи? Или охранка, давно все установившая, да намеренно скрывшая известную ей правду? Или высшая власть во главе с царем, мобилизовавшая все силы империи на сокрытие истины — вплоть до губернаторов отдаленных сибирских губерний, всего корпуса Министерства внутренних дел вместе с Министерством юстиции и даже — Министерство иностранных дел с когортой ведущих дипломатов?

Не тем «сбивались попытки», что «железная рука еврея была по щекам» тех, кто этого вполне заслуживал, а тем, что «те самые люди, которые стояли за бесправие собственного [русского] народа, всего настойчивее будили в нем дух вероисповедной вражды и племенной ненависти. Не уважая ни народного мнения, ни народных прав, готовые подавить их самыми суровыми мерами, — они льстили народным предрассудкам, раздували суеверие и упорно звали к насилиям над иноплеменными соотечественниками»**.

Так говорилось в обращении «К русскому обществу», составленном В.Г.Короленко и подписанном *двумястами* ведущих деятелей русской культуры. А после его публикации *тысячи* русских людей со всей страны слали письма в газеты с просьбой присоединить и их подписи! Таково было мнение *России* об истинной подоплеке процесса Бейлиса, когда он только затевался, но об этом Солженицын даже не упоминает. Сегодня, через 90 лет после процесса, когда вдоль и поперек изучены все подробности по открытым и закрытым архивным документам, в этой оценке нельзя ни прибавить, ни убавить ни одного слова. Перечитывая «Обращение», я испытываю гордость за русскую культуру, за Россию, чью честь тогда спасла русская интеллигенция.

Солженицын силится спасти честь *другой* России. Той самой, которая, проиграв процесс, пыталась возвести часовню в честь убиенного от жидов младенца Ющинского,

---

* Розанов В.В. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. В книге: В.В.Розанов Сахарна. Собрание сочинений под общей редакцией А.Н.Николюина. М.: Изд-во «Республика», 1998. С. 321.

** «Русское богатство». 1911. № 12. С. 165.

да встретила такой отпор со стороны подлинной России, что царь — по совету Распутина — велел эту затею оставить* (стр. 450). Солженицын, конечно, не одобряет ритуальную оргию. Но его тревожит не столько то, что власть захотела опорочить целый народ и засудить невинного человека ради своих политических целей, сколько то, что эта попытка провалилась и позор пал на голову самой власти. В качестве смягчающего (для власти) обстоятельства Солженицын проводит и такое сопоставление.

«Поучительно сравнить с процессом Бейлиса — происходивший в то же время (1913—15) в Атланте, США, тоже громкий процесс над евреем Лео Франком, тоже обвиненным в убийстве малолетнего (изнасилованной девочки), и при весьма подозрительных обстоятельствах. Он был приговорен к повешению, а пока шла кассационная жалоба — вооруженная толпа вырвала его из тюрьмы и сама повесила. В плане личном — сравнение в пользу царской России. Но случай с Франком имел краткие общественные последствия, и не стал нарицательным» (стр. 450).

Однако общественные последствия дела Франка в Америке были отнюдь не кратковременными: круги от него распространяются до сих пор, а в свое время оно всколыхнуло Америку почти так же, как дело Бейлиса — Россию. Дело Франка послужило главным толчком к созданию Антидиффамационной Лиги, которая с тех пор бдительно отслеживает проявления антисемитизма в Соединенных Штатах, привлекая к ним общественное внимание и давая соответствующие оценки. Делу Франка посвящены исследования, книги, его изучают на юридических факультетах (а надо бы — и в средних школах), созданный на его основе кинофильм время от времени демонстрируется по каналам общественного телевидения.

А ведь дело Лео Франка в Атланте, штат Джорджия, было *только* делом Лео Франка в Атланте, штат Джорджия, ибо обвинялся он, менеджер швейной фабрики, в изнасиловании несовершеннолетней работницы той же фабрики и убийстве ее для сокрытия преступления. (На самом деле девочку изнасиловал и убил сторож фабрики, который и был главным свидетелем обвинения против Франка). Трагедия Франка состояла в том, что в антисемитской атмосфере судьи поверили единственному свидетелю, а не самому обвиняемому, его родственникам и друзьям, твер-

дившим о его невиновности. Если уж искать аналогии этому делу в России того времени, то никак не в судилище над Бейлисом. Дела, сходные с делом Франка, в России возникали рутинно. Об одном из них известно из очерка В.Г.Короленко «Черты военного правосудия» (продолжение очерка «Бытовое явление»). В местечке Почеп (Мглинский уезд, Черниговская губерния) была вырезана еврейская семья Быховских, после чего в убийстве был обвинен ряд лиц, в их числе бывший приказчик Быховских Глускер. На скороспелом военном суде подельники Глускера сумели доказать, что в день убийства находились далеко от Почепа, и были оправданы. Глускер тоже в тот день находился в ста километрах от места преступления: работал в бригаде кровельщиков в имении помещицы Гусевой. Кровельщики из той же бригады это и подтвердили, но все они были евреями, и «суд не дал веры» их показаниям. (Допросить саму помещицу Гусеву то ли полагались, то ли не догадались). Глускер был признан виновным и без всяких кассаций повешен. А вскоре после этого обнаружили и подлинные убийцы Быховских.

Какой же резонанс имело дело Глускера в России? Почти никакого. После двух-трех газетных публикаций о нем забыли, и мы сегодня вряд ли могли бы найти следы этого дела, если бы не статья Короленко*. Можно только догадываться, сколько других Глускеров было казнено без вены в эпоху скрострельного столыпинского правосудия из-за того, что подозреваемые или свидетели защиты были евреями, которым «суд не дал веры». Вот эти дела правомерно было бы сопоставлять с делом Лео Франка, который тоже без вины был приговорен к смерти под влиянием антисемитских эмоций. Боюсь только, что такое сопоставление свидетельствовало бы отнюдь не в пользу России. Ведь смертный приговор Франку не был окончательным. Он пересматривался несколько раз на разных уровнях, вплоть до Верховного Суда, и, в конце концов, губернатор штата Алабама, усомнившись в твердости обвинения, заменил смертный приговор пожизненным заключением. Вот после этого озверевшие расисты линчевали несчастного узника.

Дело Бейлиса выделялось из этого ряда, потому что имело совсем иное значение и масштаб. В Киеве вместе с

---

* Короленко В.Г. Собр. Соч. в шести томах. Т. 6. С. 193—209.

невинным Бейлисом обвинялся весь еврейский народ. Обвинение было не просто ложным, а *заведомо* ложным. Подлинные убийцы Андриюши Ющинского были хорошо известны властям, но укрыты от правосудия. И все это с единственной целью — натравить темные массы на евреев, вызвать кровавую баню и таким образом «решить» и еврейский, и русский вопрос в пользу шатавшейся власти. «Однако и еврейская страстность — этой обиды уже никогда русской монархии не простила. Что в суде восторжествовал неуклонный закон — не смягчило этой обиды» (стр. 450).

И снова нельзя не изумиться логике Солженицына. Из того, что суд присяжных оправдал ни в чем не повинного Бейлиса, следует вовсе не то, что закон «восторжествовал», а то, что нарушители закона, жадно толпившиеся у трона и затеявшие этот постыдный спектакль, действовали не только против евреев, но и против русского народа. Его очередной раз пытались отравить ядом племенной ненависти, дабы потуже затянуть на нем ошейник. Но русский народ — в лице двенадцати присяжных заседателей — не принял чашу с отравой, а содержимое ее выплеснул в лицо самим отравителям. Им только и осталось утереться. Бесстыдной подлости и вероломства русскому деспотическому режиму не простила — не столько *еврейская страстность*, сколько *русская совесть*. Совесть, которую сегодня очень стараются усыпить новоявленные российские «патриоты», в последние годы снова ставшие толковать о Деле Бейлиса с позиций тех, кто его фабриковал**.

Грустно и достойно сожаления, что к их голосам присоединил свой голос и А.И.Солженицын.

Образование

Пожалуй, ни в одной сфере политика российских властей по отношению к евреям не сводилась с такой нагляд-

---

* Памятник на могиле Андрея Ющинского с надписью «Умученный від жідів у 1911 р.» появился в 2003 г. Установили его «гости из России». (Давид Шимановский. «Сегодняшний день Егупеца. Как живет нынче евреям в Киеве?», «Еврейская газета», Берлин, октябрь 2004 г., стр. 10).

** См. об этом в книге: Резник С. Ук. соч. С. 72—76, 121—163.

ностью к формуле «держать и не пущать», как в сфере образования. В течение нескольких поколений власти старались навязать еврейским массам российское образование, тогда как массы приобщаться к нему не желали. А как только они уразумели выгоды такого образования и ринулись в него, их стали ограничивать, отваживать, отгораживать железным занавесом процентных норм и всякими другими стеснениями.

Казалось бы, автору книги о русско-еврейских отношениях следовало разобраться в этом парадоксе, но в труде Солженицына ответов на неизбежно возникающие вопросы мы не находим.

Проекты приобщения евреев к общероссийскому образованию строил еще Державин, а наиболее активные попытки в этом направлении приходится, естественно, на эпоху «энергичного» государя Николая I, о чем у Солженицына повествуется с большими подробностями. Зная, что все усилия оказались тщетными, автор сетует на то, что государь «превышающе представлял себе и всеилие российской императорской власти, и успешность военно-административных методов» (стр. 122). Что верно — то верно, по части военно-административной Николай Павлович сильно перебирал! Но зато *намерения* его Солженицын считает самыми возвышенными, ибо царь «настойчиво желал и успехов в образовании евреев — *для преодоления еврейской отчужденности от основного населения, в которой и видел главную опасность*» (стр. 122, курсив мой. — С.Р.).

Почему же эти стремления оказались тщетными? Да по той самой причине, которая просматривается в выделенной курсивом части солженицынской фразы! Царь вознамерился просвещать евреев не ради их просвещения как такового. Были бы у него такие стремления, он направил бы свою энергию на *основное* население, остававшееся почти поголовно безграмотным. Но об этом Николай Павлович нисколько не беспокоился. Даже его либеральный сын Александр II, при котором проводились смелые реформы, в том числе и в области образования, практически ничего не сделал, чтобы хотя бы самые элементарные школьные знания проникли в народную массу. А при Александре III министр народного просвещения граф Д.А.Толстой особо озаботился о том, чтобы «кухаркиным» детям путь к зна-

ниям был заказан. Правда, при том же царе, усилиями обер-прокурора Святейшего синода П.К.Победоносцева сельская Русь стала покрываться негустой сетью церковно-приходских школ. Подсчитано, что за годы царствования Александра III их число увеличилось в восемь раз, а число учащихся — в десять раз*. Но это было ничтожно мало для огромной страны; да и выучивались детишки в этих двухгодичных школах больше церковному пению, чем письму и счету. С.Ю.Витте констатировал:

«Главный недостаток России, по моему глубокому убеждению, заключается в отсутствии народного образования, — в таком отсутствии, какое не существует ни в одной стране, имеющей хоть какое-нибудь притязание быть цивилизованным государством. Нигде в цивилизованных странах нет такого количества безграмотных, как у нас в России. Можно сказать, что русский народ, если бы не был народом христианским и православным, был бы совершенно зверем; единственно, что отличает его от зверя, — это те основы религии, которые переданы ему механически или внедрены в него посредством крови. Если бы этого не было, то русский народ при своей безграмотности и отсутствии всякого, самого элементарного образования** был бы совершенно диким. Поэтому, не касаясь вопроса о том, что лучше: светское образование народа, или же образование посредством духовенства, так как вопрос этот вообще при нынешнем положении дела и еще долго будет совершенно неуместным, я считаю, что всякое образование народа полезно, и всякий искренний человек, не преследующий каких-либо побочных политических идей, должен сочувствовать всякому образованию»***.

При Николае Павловиче положение с образованием основной массы народа, было, конечно, еще хуже, тогда как у «отчужденных» евреев как раз образование было поставлено по тем временам очень даже недурно. Почти все дети мужского пола учились в хедерах (религиозных шко-

---

* См.: Игнатъев А.В. и Голиков А.И. Комментарии // В кн.: Витте - С.Ю. Воспоминания. Т. I. С. 460.

** До развертывания сети церковно-приходских школ в конце XIX — начале XX века 85 процентов населения Россия оставалось безграмотным, то есть не умело расписываться. Те, кто умели поставить свою подпись, по официальной классификации числились малограмотными.

*** Витте С.Ю. Ук. соч. Т. I. С. 379.

лах) по семь-восемь лет (с пяти до 12—13 лет) и многие потом продолжали учиться в ешивах. Конечно, в этих школах их не учили русской грамоте, географии и бальным танцам. Во многих хедерах процветали зубрежка, зуботычины и «ципилинки» (маленькие плетки, которыми непоседливых мальчиков били по рукам, а то и по головам), сами учителя — мелаеды — часто были невежественны. В целом образование, которое получали еврейские дети, было довольно убогим, однобоким, поэтому в «еврейских источниках», которые цитирует и не цитирует Солженицын, можно найти массу сетований на косность и ретроградство заправил кагалов, противившихся реформированию еврейского образования, как и всего законсервированного уклада жизни. Эти сетования были справедливы постольку, поскольку проводилось сравнение с постановкой еврейского образования в западных странах, но отнюдь не в сравнении с образованием основной массы населения России. Ибо все-таки в хедерах еврейские дети выучивались писать и читать, знакомились с библейской историей и историей еврейского народа (а значит, получали некоторое представление об истории и географии других народов), учились различать добро и зло, изучали Библию и Талмуд — этот кладезь народной мудрости, поэзии, философии, нравоучений; учились логически мыслить, рассуждать, строить умозаключения; выходили из школ преисполненными трепетного уважения к книге, к учености, издревле пользовавшихся в еврейской среде огромным престижем.

По общему уровню развитости еврейские дети уступали своим сверстникам из высшего дворянства, посещавшим элитные школы, но намного превосходили детей из крестьян и других низших сословий, которые вообще не знали грамоты. Однако Николая Павловича не беспокоило дело народного образования, хотя, по аттестации Витте, этому должен сочувствовать всякий, кто не преследует побочных политических целей. Но в том то и дело, что «энергичный» император преследовал *побочные политические цели* — потому и сфокусировал свои усилия на еврейском меньшинстве вместо русского большинства. Власти хотели, справедливо указывает Солженицын, «действовать на нравственное образование нового поколения евреев учреждением еврейских училищ в духе, *противном нынешнему талмуди-*

ческому учению» (стр. 122, курсив мой. — С.Р.). То есть цель состояла в том, чтобы с помощью школы ставить еврейских детей в антагонистические отношения к их родителям и вообще к еврейству.

Солженицын не видит в этом ничего ненормального, напротив, подчеркивает, что правительство в этом своем стремлении сходилось со «всеми тогдашними еврейскими прогрессистами». Но о том, что представляли собой эти прогрессисты, наглядно говорит приводимый им пример Макса Лилиенталя, выпускника Мюнхенского университета, который создал в Риге первую «еврейскую школу с общеобразовательной программой» (стр. 122).

Деятельность Макса Лилиенталя была бурной, но недолгой. Читаем у Солженицына: «А когда сама школьная реформа началась-таки, Лилиенталь отказался от своей миссии. В 1844 году он внезапно уехал в Соединенные Штаты, и навсегда. "Его отъезд из России... — если не бегство — окутан тайной"» (стр. 123; следует ссылка на труд еврейского историка Ю.Гессена).

То, что было тайной для Гессена в начале XX века и остается тайной для Солженицына сегодня, давно уже не содержит в себе ничего загадочного. Архив Макса Лилиенталя изучен уже известным нам (но не Солженицыну) Майклом Станиславским. Из его книги, цитированной выше, можно узнать, что Лилиенталь был исполнен благих намерений, но не понимал ни обстоятельств российской жизни, ни истинных нужд, ни психологии той еврейской массы, которую он вознамерился облагодетельствовать. Молодой просветитель был воспитан на идеях известного германоеврейского философа Моисея Мендельсона (1729—1786), зачинателя движения «гаскалы» (просвещения); это движение Лилиенталь и вознамерился пересадить на совершенно неподготовленную российскую почву.

В основе идей Моисея Мендельсона лежали представления о том, что евреев третировали в значительной мере из-за той «обособленности», какую их постоянно корили. Мендельсон призывал своих единоверцев не давать повода к таким упрекам. Чтобы сохранять веру отцов, не обязательно отличаться от остального населения своими обычаями, образом жизни, языком, одеждой. Евреям следует активно приобщаться к господствующей культуре, стано-

виться «немцами иудейского исповедания», каким стал сам Мендельсон. В этом он видел путь к искоренению предрас- судков и преубеждений против евреев.

Имея за плечами опыт XX века с «окончательным решением еврейского вопроса» нацистами, сталинскими по- громами «космополитов» и другими людоедскими акция- ми по отношению именно к ассимилированным евреям, мы знаем, насколько наивными были эти представления. Но вряд ли нам следует уличать Моисея Мендельсона в ошибках только за то, что он был всего лишь просветите- лем, а не пророком, способным провидеть события на сто- летия вперед.

В Германии, а затем и в других странах Европы движе- ние гаскалы охватило широкие слои еврейского населения. Уже во втором поколении многие евреи зашли так далеко по пути ассимиляции, что сам Моисей Мендельсон ужас- нулся бы, если бы дожил до того времени, когда его внук, композитор Феликс Мендельсон, порвал не только с ев- рейскими обычаями, но и с самой иудейской верой*. При- чем Феликс Мендельсон не составлял исключения: вы- крестами становились многие евреи его поколения, в их числе такие выдающиеся личности, как Карл Маркс, Ген- рих Гейне и многие другие.

Но насколько подходящей была почва для гаскалы в Германии, Франции, Англии и других странах, настолько она была неподходящей в России, где оторванное от Запа- да еврейство прозябало в нищете и несправии и давно уже не развивалось духовно. Все усилия религиозных лидеров были направлены на *сохранение* стародавних обычаев и ус- тоев, а отнюдь не на их критическое переосмысление и развитие. Малейшие поползновения в этом направлении воспринимались как страшная ересь. Против «еретиков» велась отчаянная борьба, причем если лидеры кагалов и наиболее авторитетные раввины не могли их одолеть таки- ми грозными мерами, как публичное проклятие и отлуче- ние от синагоги (херем), то в ход пускались доносы цар- ским властям.

---

* Первой христианкой в семье Мендельсонов стала его вторая дочь Доротея, принявшая протестантство при выходе замуж вторым бра- ком за философа Фридриха Шлегеля. (Позднее вместе с мужем пере- шла в католичество.)

Почти единственной общиной, относительно терпимо относившейся к новшествам, была рижская: как сам город Рига, так и рижские евреи, исторически были связаны с Германией, и идеи гаскалы им не были чужды. Поэтому когда приехавший из Мюнхена Макс Лилиенталь решил устроить в Риге нерелигиозную еврейскую школу, то он нашел понимание и поддержку. Окрыленный первым успехом, Лилиенталь отправился в Вильно, один из основных центров еврейской жизни Восточной Европы, но здесь он услышал твердое «нет». Еще более решительный отпор он получил в Минске.

Майкл Станиславский приводит ироничное описание встречи минской общины с Лилиенталем, оставленное как-им-то шутником.

«Большая толпа заполнила зал и вылилась в прилегающий двор: старые и молодые, ремесленники, учителя, даже слепые и хромые. Скоро они стали высказываться об этом безбожнике, который явился забрать их сыновей в нечестивые школы и отвадить от веры. Портной сказал: ему надо выколоть глаза иглой; сапожник предложил проколоть его уши шилом; мясник — связать его как овцу, приготовленную к закланию; слесарь: замкнуть его уста на замок, чтобы он не мог их открыть; а учителя — передовой отряд бойцов — восклицали: Держитесь, братья! Держитесь ради нашего народа и наших детей! Укрепим обычаи наших отцов! Не хотим иметь ничего общего с Лилиенталем и его последователями. Толпа скандировала: не хотим, не хо-тим!»*

Впрочем, сам Лилиенталь, сообщая о неудачах своему наставнику Людвигу Филиппсону, указывал, что против его проекта были выдвинуты «серьезные и трезвые аргументы: пока евреи лишены гражданских прав, светское образование может принести им только несчастья, так как у молодежи разовьются потребности, которые в условиях бесправия невозможно будет удовлетворить»**.

Убедившись, что своими силами ему с поставленной задачей не справиться, Лилиенталь решил искать покровительство у властей. Он поехал в Петербург и сразу попал в теплые объятия министра просвещения графа С.С.Уварова.

* Stanislawski M. Ук. соч. С. 75.

** Там же. С. 74.

Граф Уваров, по отзывам современников, был человеком даровитым, блестяще образованным и придерживался либеральных взглядов, но по характеру он был лакеем. Перед своим «барином» Николаем I он благоговел, постоянно ему льстил и угодничал. Зная взгляды государя, «он внушил ему мысль, что он, Николай, творец какого-то нового образования, основанного на новых началах, и придумал эти начала. Т.е. слова: православие, самодержавие и народность; православие — будучи безбожником... самодержавие — будучи либералом; народность — не прочитав за свою жизнь ни одной русской книги»*.

Понятно, с каким энтузиазмом Уваров бросился осуществлять мысль «энергичного» государя о приобщении евреев к светскому образованию. Он разрабатывал далеко идущие планы по учреждению светских еврейских школ, подготовке для них учителей, составлению программ обучения. Проектов было хоть отбавляй, но с какого конца приступить к их осуществлению, министр не имел ни малейшего понятия. Тут-то и подвернулся ему просвещенный и полный энтузиазма мюнхенец.

Граф Уваров присвоил Лилиенталю официальный чин, наделил широчайшими полномочиями и снабдил грозными бумагами, в которых местным властям предписывалось оказывать подателю всяческое содействие и обеспечивать полицейскую защиту на случай нежелательных эксцессов. Лилиенталь отправился в объезд еврейских общин черты оседлости, не подозревая, что именно официальный статус и сопровождающие жандармы окончательно обрекают его миссию на провал.

Если раньше в еврейских общинах к нему относились как к несущему околесицу собрату-еврею, то есть с ним спорили, горячились, иногда даже грозили рукоприкладством, но все-таки принимали за *своего*, то теперь он стал посланцем «начальства», от которого ничего, кроме неприятностей, исходить не может. Спорить с ним, возражать ему стало опасно. С ним соглашались, кивали головами, поддакивали, но, выпроводив с почетом, молили Бога, чтобы он никогда больше не появлялся со своими бесовскими проектами. Оказавшись совершенно чужим среди евреев, а по-

* Записки С.М.Соловьева. Пг., без даты. С. 58—59.

тому ненужным и правительству, убедившись в бесплодности своих усилий и глубоко разочарованный, Либиенталь, наконец, осознал, что ничего путного из его затеи выйти не может. Этим и объяснялось его «бегство» в Америку.

В намерении правительства насаждать светское образование среди евреев просматривалась оборотная сторона той же рекрутчины. Российская власть и значительная часть общества усвоили предрассудки и предубеждения предшествовавших поколений (вспомним Державина). Они были убеждены во вредности евреев, а причину этой вредности видели в их религии. То была нетерпимость, унаследованная от предыдущих поколений и восходящая к фанатизму христианской церкви раннего Средневековья. По инерции она продолжала культивироваться, не подвергаясь критике или пересмотру.

Не имея ни малейшего представления об иудаизме, власти, тем не менее, не сомневались в том, что религия воспитывает в евреях враждебность к христианскому миру; что она внушает им отвращение к производительному труду; позволяет и даже поощряет любые аморальные действия по отношению к христианам; что основные заповеди иудаизма, известные из Библии, — не убий, не укради, не лжесвидетельствуй и т.д. — обязательны для евреев якобы лишь в отношениях между собой; что будто бы в Талмуде (которого никто, конечно, не знал) имеются секретные предписания, гласящие, что неевреев можно и даже богоугодно и убивать, и обкрадывать, и эксплуатировать, выцеживать кровь из христианских младенцев, лишь бы — не попадаться.

Предубежденному юдофобскому сознанию еврейство представлялось чем-то вроде сплоченной мафии или секретной организации, спаянной общей враждой ко всему остальному миру. Свою собственную иррациональную вражду к евреям юдофобы «рационализировали», приписывая свои постыдные чувства тем, кого они ненавидели. В России такие представления о евреях были характерны не только для отдельных групп населения, но они лежали в основе государственной политики. Потому и для «перевоспитания» евреев государство видело только одну возможность: вырвать подрастающее поколение из-под влияния старшего, побудить его к переходу в христианство или хотя бы

максимально ослабить на него влияние «религиозного фанатизма» еврейской среды. Если забривание в солдаты детей было одним из средств достижения этой цели, то светское образование мыслилось как другое такое средство.

Однако до того, чтобы насильственно загонять еврейских детей в светские школы (как их сгоняли в школы кантонистов), правительство не дошло — на это не хватило «энергичности» даже у Николая Павловича. А добровольно еврейские массы на это не соглашались. Как констатирует Солженицын, «если к 1855 только в «зарегистрированных»* хедерах училось 70 тысяч еврейских детей — то в казенных училищах обоих разрядов всего 3 тысячи 200» (стр. 124). Это через одиннадцать лет после «бегства» Лициенталя.

Бесплодные усилия были прекращены с воцарением Александра II, и именно к этому времени относится перелом в отношении к светскому образованию в еврейской среде. Поучительный урок: как только «начальство» перестало толкать евреев в светские школы, так они сами потянулись в эти школы! В чем тут дело? А в том, что в воздухе повеяло свежим ветром. Либеральные реформы, начатые молодым царем, коснулись и еврейского бесправия. Хотя до уравнивания в правах не дошло, но появились более широкие возможности в разных областях жизни и профессиональной деятельности. И тотчас же началось приобщение евреев к светскому образованию. Особых еврейских школ для этого вообще не понадобилось: еврейские дети стали охотно — и во все большем числе — поступать в обычные гимназии, а по окончании — в университеты. Тут и «власть кагала», которой российские юдофобы еще не одно десятилетие будут пугать слабонервных**, тоже оказалась совершенно бессильной. Н.С.Лесков писал об этом так:

---

* Мне непонятно, почему Солженицын берет это слово в кавычки и почему вообще употребляет его в данном контексте. Много позднее, уже при советской власти, когда велось массированное наступление на религию и хедеры были запрещены, в ответ возникла широкая сеть подпольных хедеров, которые, конечно, не были зарегистрированы. Но сколько-нибудь заметное распространение незарегистрированных хедеров в дореволюционной России неизвестно.

** Кагалы были упразднены в 1844 году, но, по версии юдофобов (особенно в этом отношении старался автор зловещей «Книги кагала» Яков Брафман — о нем речь впереди), они продолжали тайно существовать и негласно руководить жизнью евреев.

«Как только при императоре Александре II было дозволено евреям получать не одно медицинское образование в высших школах, а поступать и на другие факультеты университетов и в высшие специальные заведения, — все евреи среднего достатка повели детей в русские гимназии. По выражению еврейских недоброжелателей, евреи даже «переполнили русские школы». Никакие примеры и капризы других на евреев не действовали: не только в чисто русских городах, но и в Риге, и в Варшаве, и в Калише евреи без малейших колебаний пошли учиться по-русски и, мало того, получали по русскому языку наивысшие отметки... Евреи проходили факультеты юридический, математический и историко-филологический, и везде они оказывали успехи, иногда весьма выдающиеся. До сих пор можно видеть несколько евреев на государственной службе в высших учреждениях* и достаточное число очень способных адвокатов и учителей. Никто из них себя и своего племени ничем из ряда вон унизительным не обесславил. Напротив, в числе судимых или достойных суда за хищение, составляющее, по выражению Св. Синода, болезнь нашего века, не находится ни одного служащего еврея. Есть у нас евреи и профессора, из коих иные крестились в христианство в довольно позднем возрасте, но всем своим духом и симпатиями принадлежавшие родному им и воспитавшему их еврейству**, и эти тоже стоят нравственно не ниже людей христианской культуры»***.

Напомню, что Солженицыну работа Лескова известна, но он игнорирует его авторитетное свидетельство. Поворот евреев к светскому образованию он рассматривает в контексте их... «уклонения» от воинской повинности, о которой речь шла выше. Переломным он называет 1874 год, когда появление нового «воинского устава и образователь-

---

* Лесков, видимо, имеет в виду крещеных евреев, так как лиц иудейского исповедания на государственную службу не брали.

** Крещения по конъюнктурным соображениям вряд ли можно было считать морально безупречным поступком; тем не менее, таких выкrestов не следует ставить на одну доску с выкрестами другого рода — теми, кто, порвав с еврейством, превращался в злобных юдофобов, снабжавших врагов породившего их народа клеветническими «знаниями» о еврейской жизни, религии, Талмуде и т.п.

*** Лесков Н.С. Ук. соч. С. 227.

ных льгот от него» (стр. 181) якобы и заставило евреев ринуться в университеты. Как будто в них можно было поступить, не пройдя гимназического курса! Если и стало заметно повышаться число евреев-студентов с середины 1870-х годов, то это могло произойти только потому, что в *средние* школы они стали поступать десятилетием (на самом деле двумя десятилетиями) раньше. Впрочем, сам Солженицын приводит немало примеров, указывающих на активное приобщение евреев к русскому образованию и вообще к русской культуре с самого начала царствования Александра II, на что и указывал Лесков.

Горькая ирония состояла в том, что чем больше евреев приобщалось к русской культуре, к светскому образованию, чем активнее стали они принимать участие в общественной жизни России, то есть чем меньшей становилась еврейская «замкнутость» и «изолированность», чего, казалось бы, так жаждали российские власти, тем чаще всему этому они стали чинить препятствия! «Опасность», ранее якобы исходившая от еврейской *изолированности*, стала превращаться в «опасность», якобы вызванную еврейской *приобщенностью*. И уже в 1875 году, констатирует Солженицын со ссылкой на Еврейскую энциклопедию, «министерство народного просвещения указало правительству на "невозможность поместить всех евреев, стремящихся в общие учебные заведения, без стеснения христианского населения"» (стр. 181).

В документе, который Солженицын приводит без всякой критики, содержалась прямая неправда. В российских вузах того времени, особенно провинциальных, были постоянные недоборы. Кроме того, в вузах были большие отсевы, так как не все студенты стремились окончить курс и получить диплом. Существовала особая категория «вечных студентов», которые околачивались в университетах без дела по десять, двенадцать и более лет, не торопясь сдавать экзамены и переходить с курса на курс. Именно вечные студенты чаще всего были катализаторами всякого рода протестов и смут: не занимаясь учебой, они тем охотнее занимались «общественной» деятельностью.

Евреев среди вечных студентов практически не было: слишком дорогой ценой доставались им места в универ-

ситетах, чтобы бить баклуши. Поступление и обучение в университетах большего числа евреев ни в коей мере не препятствовало получению высшего образования христианами. Но если бы число желающих учиться действительно превышало возможности университетов, то разве российским властям была незнакома конкурсная система, позволяющая отбирать лучших и тем поддерживать высокие стандарты образования*.

Но не тем путем пошла Россия. Она стала бороться с «переполнением русской школы евреями» с помощью процентных норм, окончательно узаконенных в 1887 году в так называемых Временных правилах, которые остались постоянными до самой революции. Более дикую, более откровенную и циничную дискриминацию трудно себе представить. Не случайно правительство постеснялось опубликовать эти меры, объясняя тем, что якобы «опубликование общих ограничительных для евреев постановлений могло бы быть неправильно истолковано» (стр. 271). Приводя это высказывание — снова без всякой критики, — Солженицын, видимо, не замечает, сколько в нем лицемерия. Правительство боялось *правильного* истолкования своих постановлений, потому и пыталось их скрыть!

Солженицын понимает, что «динамичной, несомненно талантливой к учению еврейской молодежи — этот внезапно возникший барьер был более, чем досадителен, — он вызывал озлобление грубостью примененной административной силы» (стр. 273). Но отношение самого Солженицына к этой силе если не вполне одобрительное, то снова сочувственное. Оказывается, «на взгляд «коренного населения», — в процентной норме не было преступления против принципа равноправия — даже наоборот», и «процентная норма была несомненно обоснована ограждением интересов и русских и национальных меньшинств (! — *C.P.*), а не стремлением к порабощению евреев» (стр. 273). А что-

---

* Аналогичная картина наблюдалась и в средних школах. В черте оседлости еврейские общины или отдельные меценаты открывали школы на собственные средства, но не могли учить в них еврейских детей, так как их прием был ограничен процентной нормой, а христианских детей в них поступало слишком мало, ибо немногие родители считали необходимым дать детям образование.

бы совсем «успокоить» читателей, автор посвящает несколько страниц рассуждениям о том, что «реально — осуществление процентной нормы в России имело много исключений» (стр. 274). Не так-де была страшна эта процентная норма, как ее малюют! Вот, например, в Одессе, «где евреи составляли треть населения, в 1894 году в наиболее престижной рихельевской гимназии состояло 14% евреев, во 2-й гимназии — больше 20%, в 3-й — 37%, во всех женских гимназиях — 40%, в коммерческом училище — 72%, в университете — 19%» (стр. 275).

Перепроверять и анализировать эти и подобные цифры неинтересно, ибо они говорят о прямо противоположном тому, что видит в них Солженицын. Меры властей по *ограничению* доступа евреев к образованию в конце XIX — начале XX века были столь же нелепы и неэффективны, как и меры по *насаждению* такого образования в начале XIX века. Те и другие были вызваны одними и теми же предрассудками и наносили колоссальный вред не столько евреям, сколько самой России: ее культуре, экономике и больше всего — нравственному здоровью общества. Ну а евреи, те из них, кто всерьез хотел учиться, в конце концов своего добивались: либо преодолевали барьер процентной нормы, либо поступали в заграничные университеты, либо занимались приватно и сдавали экзамены экстерном, а некоторые — не самые нравственно чистоплотные — шли на то, чтобы смыть с себя клеймо еврейства в церковной купели.

Погромы

Погром. Страшное слово — первое, каким русский язык обогатил другие ведущие языки мира. (Вторым, кажется, стало слово «спутник».)

Несколько лет назад мне пришлось давать показания в качестве эксперта в американском иммиграционном суде. Слушалось дело иммигрантки из России, которой Служба Иммиграции и Натурализации (СИН) отказала в предоставлении политического убежища: СИН считала, что в постсоветской России евреи перестали подвергаться пре-

следованиям. В ходе судебного разбирательства было упомянуто слово «Pogrom». Судья — человек интеллигентный и образованный — вдруг встрепенулся, попросил повторить это слово, а потом стал спрашивать, обращаясь с недоумением во все стороны: «Pogrom? What does it mean? What does it mean — pogrom?»* Я тогда подумал о том, в какой благословенной стране он родился и прожил жизнь, если никогда не слышал слова «pogrom», включенного во все солидные словари английского языка.

Погром — это не только ломы и колья, разбитые дома и разграбленные магазины, вспоротые перины и животы беременных женщин, проломленные черепа и горящие синагоги, разодранные и втоптанные в грязь священные свитки. Погром — это вопли страха и отчаяния, тонущие в глумлении и хохоте пьяного разгула. Погром — это пиршество вседозволенности, наглое торжество грубой силы, попрание всех табу, какие наложили на человечество тысячелетия развития культуры и цивилизации. Это возврат к пещерности, к косматости и клыкастости внезапно проснувшихся атавизмов, отбрасывающих нормальных, добропорядочных, благодушных обывателей к животному состоянию недочеловеков. Жертвы погрома — не только те, кого громят, но и еще в большей мере те, кто громит, ибо первые теряют имущество, близких, иногда жизнь, а вторые теряют человеческий облик.

В книге Солженицына десятки страниц посвящены погромам, но в ней не найти и намека на то страшное, что определяется этим коротким, оглушительным словом. Нет в ней и попытки понять, *как* погромы влияли на русско-еврейские отношения в царской России, хотя именно этим отношениям, по замыслу автора, посвящено его произведение. За приводимыми им цифрами, выписками, за его собственными рассуждениями и полемическими выпадами не ощущается того ужаса и позора, той роковой грани между жизнью и смертью, того пробуждения зверя, изгоняющего человека из его телесной оболочки, которые ассоциируются со словом *погром*.

Организовывала ли царская власть еврейские погромы, или они возникали стихийно — вопреки желанию власти?

---

* «Погром? А что это значит? Что такое — погром?» (англ.)

Это единственный вопрос, который интересует Солженицына. Впрочем и на этот вопрос он не ищет ответа, так как знает его заранее. Он убежден, что власть погромов никогда и ни при каких обстоятельствах не организовывала, а все, кто утверждал иное, злостно клеветали на безвинное русское самодержавие, пользуясь тем, что «Россия — в публичности рубежа веков — была неопытна; неспособна внятно оправдываться; не знали еще и приемов таких» (стр. 332).

Александр Исаевич приемы знает и оправдывает царское самодержавие довольно искусно. Для тех, кто не знаком с первоисточниками, его доводы и суждения звучат основательно.

Говоря о погромах начала 1880-х годов, Солженицын сообщает: «Известный еврей-современник писал: в погромах 80-х годов «грабили несчастных евреев, их били, но не убивали». Тогда, в 80—90-е годы, никто не упоминал массовых убийств и изнасилований. Однако прошло более полвека — и многие публицисты, не имеющие нужды слишком копаться в давних российских фактах, зато имеющие обширную доверчивую аудиторию, стали писать уже о массовых убийствах и изнасилованиях» (стр. 191). И дальше — несколько абзацев о том, как те или иные авторы преувеличивали масштаб зверств в этих погромах. Особенно разителен, согласно Солженицыну, пример погрома в Балте в 1882 году, где, по данным дореволюционной Еврейской энциклопедии, был убит один человек, тогда как более поздние, в том числе современные авторы, не располагая никакими новыми материалами, пишут о том, что в Балте было убито и тяжело ранено 40 человек, а легко ранено — 170. Такие же преувеличения Солженицын находит в описаниях Киевского погрома, где поначалу не было зафиксировано случаев изнасилования, а теперь пишут, будто было изнасиловано около 20 женщин. «Погромы — слишком дикая и страшная форма расправы, чтобы еще манипулировать цифрами жертв» (стр. 192).

Кто же манипулирует? Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо знать первоисточники. К счастью, есть люди, которые их знают. В рецензии на книгу А.И.Солженицына

Леонида Кациса* приводятся данные А.Зельцера, опубликовавшего специальное исследование о погроме в Балте. Рецензент выделяет курсивом результат:

«...211 человек было ранено, в т.ч. 39 тяжело; 12 человек было убито и умерло от последствий погрома; отмечено более 20 случаев изнасилований. Началось следствие. Более 50 человек было арестовано... Они были осуждены на различные сроки, причем двое были приговорены к смертной казни через повешение и трое к каторжным работам на 15 лет»**.

Л.Кацис далее указывает, что «автор статьи [А.Зельцер] ссылается на современную еврейскую прессу «Недельные хроники Восхода» и «Русский еврей» за 1882 г. Однако куда интереснее, что проблема изнасилований обсуждается в письме начальника подольского губернского жандармского управления в Департамент государственной полиции (опубликовано в статье Зельцера): *«Возбуждено дел за изнасилование всего пять (...), что касается до изнасилования матери с дочерью, то дело разъяснилось следующим образом: в то время как один из толпы насиловал дочь, то на крики ее и ее матери явился пьяный городской, который посягал, стоя, изнасиловать мать, но, будучи пьян, не был в состоянии этого сделать».* Это ответ на запрос [министра внутренних дел] графа Игнатьева и [начальника Департамента полиции] Плеве! — продолжает Л.Кацис. — Написано 7 мая 1882 года, получено в Департаменте государственной полиции 19 мая 1882 года. Так что нет никаких оснований обвинять авторов 1882—1923—1944—1986 гг. Ошибся один только автор микроскопической статьи "Балта" — единственный раз в издании 1909 года»***.

Картина впечатляющая. Под улюлюканье озверелой толпы подонок насилует беззащитную девушку. Со стенаниями и воплями к ней на помощь бросается мать, пытается оторвать насильника от жертвы, а являющийся на шум

* Кацис Л. Еврейская энциклопедия — орган антисемитской мысли?! «Новая газета». 12.07.2001. С. 3.

** Зельцер А. Погром в Балте // Вестник Еврейского Университета. М., 1996. С. 45.

*** Кацис Л. Еврейская энциклопедия — орган антисемитской мысли?! «Новая газета». 12.07.2001. С. 3.

осоловелый полицейский (нализавшийся, видимо, при разграблении винной лавки, которую он *обязан был* защищать от погромщиков), вместо того, чтобы пресечь отвратительную сцену, отправить насильника в кутузку, а его жертву — в больницу для оказания медицинской помощи, пытается надругаться над матерью терзаемой девушки.

Солженицын этих подробностей не знает или они ему неинтересны. Он озабочен одним: защитить напрасно обижаемую власть (то есть того же осоловевшего городского). Для этого он снова берет в союзники часто его выручающего еврейского историка Ю.Гессена, у которого находит, что «возникновение в короткий срок на огромной территории множества погромных дружин и самое свойство выступлений устраняют мысль о наличии единого организационного центра» (стр. 190). Однако Гессен здесь говорит вовсе не то, что видится Солженицыну, ибо отсутствие *единого* центра не означает, что не могло быть многих центров.

Факт состоит в том, что *были* погромные дружины, что они *организованно* передвигались — преимущественно по железным дорогам, а потому погром обычно начинался именно от вокзала, после чего к приезжим примыкала и местная шпана. Полиция в большинстве мест *не пресекала* погромных акций, а направляла их и порой сама в них участвовала. Только когда размах бесчинств принимал угрожающий *для власти* масштаб, полиция получала указание усмирить погромщиков и арестовывала тех, которые не унимались. Да, в этом бесшабашном разгуле было немало и самодеятельности; и когда на местах перегибали палку, царь Александр III хмурился.

Читаем у Солженицына: «Официальное заявление гласило, что в Киевском погроме «меры к обузданию толпы не были приняты достаточно своевременно и энергично». В июне 1881 года директор Департамента полиции В.К.Плеве в докладе Государю о положении в Киевской губернии назвал «одной из причин развития беспорядков и не вполне быстрого их подавления» — то, что военный суд «отнесся к обвиняемым крайне снисходительно, а к делу весьма поверхностно». Александр III сделал на докладе пометку «это недопустительно». Но и по горячим следам и позже не

обошлось без обвинений, что погромы были подстроены самим правительством» (стр. 189).

Но ведь «обвинения [без которых] не обошлось», как раз и подтверждаются тем самым документом, которым Солженицын хочет их опровергнуть! Нисколько не убедительна попытка Плеве переложить ответственность со *своего* ведомства (полиции) на чужое (военные суды). Суд ведь вершится уже *после* совершения преступления; для *недопущения* или *быстрого подавления* бесчинств толпы существует полиция. Снисходительность судов к погромщикам говорит лишь о том, насколько общественная атмосфера, насыщенная смрадом племенной ненависти, *предрасполагала* к погромам. А напрямую попустительствовала им и поощряла их полиция под руководством Плеве, причем его карьере это нисколько не повредило. Стало быть, государь хоть и писал резолюции «недопустительно», но на тех, кто «допустительствовал», не шибко гневался.

Солженицын убежден, что приписываемые Александру III слова: «А я, признаться, сам рад, когда бьют евреев», — это «ядовитая клевета» (стр. 189). Были сказаны царем эти слова, или кем-то ему приписаны, сказать трудно, но то, что государь был злобным антисемитом, хорошо известно. Напомню эпизод из «Воспоминаний» С.Ю.Витте, ярко характеризующий юдофобство государя императора.

Насколько Витте презирал Николая II, настолько он превозносил его отца, чья ограниченность и недостаточная образованность, по его мнению, искупались твердостью и прямоотой характера, умением выслушивать не всегда приятную правду, не отпираться от данного слова и не перекладывать на других ответственность за одобренные им решения и действия. Тем более выразителен рассказ Витте о его первой встрече с императором лицом к лицу, когда он, будучи начальником эксплуатации Юго-Западных железных дорог, воспротивился тому, чтобы тяжелый царский поезд гнали с курьерской скоростью. Он представил в Министерство путей сообщения расчеты, показывавшие, что при тогдашнем состоянии железнодорожных путей слишком быстрой ездой можно «угробить государя». Дозволяемая скорость была уменьшена, но государю тихая езда не понравилась, и он сердито сказал Витте: «Я на

других дорогах езжу, и никто мне не уменьшает скорость, а на вашей дороге нельзя ехать просто потому, что она жидовская»*.

Юго-Западные железные дороги принадлежали акционерному обществу, но председателем правления был И.С.Блиох — еврей, правда, давно принявший христианство, так что по российским законам и он не был евреем. Но государю его собственные законы были не указ; он твердо верил, что только строптивые «жиды» не позволяют русскому царю наслаждаться быстрой ездой**. Так что стремление Солженицына оспорить юдофобство Александра III неубедительно.

Нельзя не удивляться двойной бухгалтерии солженицынского повествования. Например, в иных случаях можно подумать, что Еврейская энциклопедия служит для него высшим авторитетом, но когда в той же энциклопедии он находит фразу: «Власти действовали в тесном контакте с приехавшими [погромщиками]», — он решительно протестует (стр. 189). Крайне недоволен он мнением Льва Толстого, которому-де «в Ясной Поляне было «очевидно»: все дело у властей в руках. «Захотят — накликают погром, не захотят — и погрома не будет» (стр. 190). А вот мнение Глеба Успенского его вполне устраивает: «Евреи были избиты именно потому, что наживались чужою нуждой, чужим трудом, а не выработывали хлеб своими руками»; «под палками и кнутами... ведь вот все вытерпел народ — и татарщину, и неметщину, а стал его жид донимать рублем — не вытерпел!» (стр. 193)***.

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. I. С. 195.

** За это, между прочим, он через несколько лет заплатился жизнью, ибо руководители «нежидовских» железных дорог в большей мере боялись разгневать государя, нежели его угробить. В 1888 году тяжелый царский поезд, мчавшийся с курьерской скоростью, потерпел крушение у станции Борки. Благодаря своей геркулесовой силе царь удержал обвалившуюся крышу вагона, но надорвался и заработал болезнь почек, которая свела его в могилу в возрасте 49 лет. Тем самым была предreshена и судьба Российской империи, доставшейся неспособному править Николаю II, который привел ее к краху. История столь же печальная, сколь поучительная.

*** Я вынужден сказать несколько слов в защиту прекрасного русского писателя Глеба Успенского, ибо состыкованные две пулуфразы из двух разных произведений радикально исказили истинный смысл обеих.

Ну, а как насчет свидетельства такого осведомленного человека, как С.Ю.Витте: «Еврейский вопрос сопровождался погромами. Они были особенно сильны при графе Игнатъеве. Граф [...] [Д.А.]Толстой, вступивший вместо Игнатъева, сразу их прекратил»*.

Это и подобные свидетельства в книге Солженицына не приводятся, а высказывания Глеба Успенского отпрепарированы таким образом, что в погромах 1880-х годов оказываются повинны сами евреи, *донимавшие* народ рублем хуже, чем в прежние времена татары огнем и мечом!

А еще, по Солженицыну, «общее возбужденное состояние населения обязано пропагандистам» (стр. 193), причем имеются в виду прокламации революционеров, которые

Глеб Успенский, конечно, не был юдофилом, но не был он и злым ксенофобом: евреи и еврейский вопрос его мало интересовали. Как типичный народник, он идеализировал традиционный уклад жизни крестьянской общины, с ее простыми, бесхитростными патриархальными отношениями. Мистическая «власть земли», по его убеждению, создавала тот духовный климат, который позволял сохранять «человеческое в человеке» — вопреки забитости, темноте и невежеству основных масс крестьянства. Но на глазах писателя традиционный крестьянский быт размывался под напором товарно-денежных (капиталистических) отношений. Он не видел того позитивного, что капитализм нес в деревню, но остро ощущал его дегуманизирующее и развращающее влияние на крестьян, становившихся все более корыстными, эгоистичными, неискренними и жестокими по отношению друг к другу, не говоря о «чужаках». В разразившихся еврейских погромах начала 1880-х годов Успенский видел одно из проявлений того, как отношения купли-продажи подрывают традиционную мораль крестьянской общины, что его и тревожило больше всего. Под «татарщиной» и «немецщиной» он понимал произвол и насилие, которым крестьяне подвергались не от татар или немцев, а от родного российского начальства; народ их «вытерпел» в том смысле, что сохранял свой быт и свои традиционные ценности, а вот под напором «жидовского рубля» — «не вытерпел», то есть ожесточился и превратился в громилу. В глазах крестьянина «жид» «не вырабатывал хлеб своими руками», потому что не хлебопашествовал, а занимался куплей-продажей. Согласно широко распространенному предрассудку того времени (о чем мы уже говорили), это считалось занятием несерьезным и «нечистым». Взгляды, изложенные в цитируемых Солженицыным очерках Глеба Успенского, были утопичными, но погромов он не оправдывал.

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 203. Витте имеет в виду циркуляр министра внутренних дел графа Д.А.Толстого, обязавшего местные власти не допускать погромов и возлагавшего на них ответственность в случае их допущения.

пытались делать ставку на то, что погром евреев перерастет в бунт против власти. Такая пропаганда действительно велась. Кое-где разбрасывались погромные прокламации «Народной воли», «объяснявшие», что евреям-де покровительствуют власти, якобы помогающие им «эксплуатировать» народ. В том, что такие прокламации были, удивляться не приходится; достаточно вспомнить, что и Маркс с Энгельсом, и их главный соперник в руководстве рабочим движением Михаил Бакунин, и многие другие виднейшие идеологи революции на Западе и в России с ненавистью относились к евреям. Маркс, Энгельс и другие «вожди пролетариата» видели в евреях олицетворение ненавистной им «буржуазности», другие юдофобствовали на бытовом уровне, а в иных (особенно в Марксе) идеологический и бытовой антисемитизм совмещались, усиливая друг друга. Неудивительно, что подобные настроения не были чужды части русской революционной молодежи, находившейся под идейным влиянием западных социалистов и, конечно, Бакунина. Однако в период погромов 1880-х годов антисемитские прокламации революционных организаций не могли иметь сколько-нибудь широкого хождения: организации эти были разгромлены, от них тогда мало что оставалось. Если эти прокламации представляют интерес, то для понимания идеологии «Народной воли», а не для истории самих еврейских погромов. Для *этой* истории куда большее значение имела ничем не ограниченная пропаганда официозной и вообще подцензурной печати, переполненной антисемитскими инсинуациями. О том, как эта печать в ту эпоху отравляла умы и сердца россиян, можно судить хотя бы по печально знаменитой статье Ф.М.Достоевского «Еврейский вопрос» (1877), в которой великий писатель с полным доверием цитировал целый ряд таких публикаций. Так, Ф.М.Достоевский цитирует «прехарактернейшую», по его словам, корреспонденцию в «Новом времени» из Ковно:

«До того набросились там евреи на местное литовское население, что чуть не сгубили всех водкой, и только ксендзы спасли бедных опившихся, угрожая им муками ада и устраивая между ними общества трезвости»*.

* Достоевский Ф.М. Еврейский вопрос. М.: Витязь, 2000. С. 5.

Еще одиознее ссылка Достоевского на публикацию в «Вестнике Европы» о том, что в южных штатах Америки освобожденные от рабства негры якобы тотчас попали в кабалу к евреям. Федор Михайлович комментирует с видимым удовольствием:

«Представьте себе, что мне еще пять лет тому назад приходило это самое на ум, именно то, что ведь негры от рабовладельцев теперь освобождены, а ведь им не уцелеть, потому что на эту свежую жертвочку как раз набросятся евреи, которых столько много на свете. Подумал я это, и, уверяю вас, несколько раз потом в этот срок мне впадало на мысль: «Да что же там ничего об евреях не слышно, что в газетах не пишут, ведь эти негры евреям клад, неужели пропустят?» И вот дождался, написали в газетах, прочел»*.

Можно представить себе, как эти газетные корреспонденции действовали на более примитивных читателей, а через них — и на безграмотную массу. Но *эту* пропаганду, которая вела к погромам, Солженицын не примечает. Она не в счет.

Итак, все кругом виноваты — и сами жертвы погрома; и не выдержавшие гнета рублем погромщики, которые «были вполне убеждены в законности своих действий, твердо веруя в существование Царского указа, разрешающего и даже предписывающего истребление еврейского имущества» (стр. 195); и народовольцы вкупе с чернопередельцами; но только не власти, которые *были обязаны* не допускать погромов или подавлять их в зародыше, а в случае неподавления — выявлять и карать виновных в попустительстве.

Все, что сделало правительство по следам погромов, — это «вновь усилило ограничительные меры против евреев» (стр. 199). «Эту обиду [евреев] нужно отметить и понять, — сочувствует пострадавшим Солженицын, однако тут же добавляет: — Но и в позиции правительства следует разобрататься объемно» (стр. 199). Как он понимает эту объемность, мы уже показали.

---

* Достоевский Ф.М. Ук. соч. С. 5. Подробнее об отношении Достоевского к евреям я пишу в статье «Достоевский и евреи»//«Шалом». — № 240. Чикаго, 2002. С. 16—17; «Еврейский Камертон». 2002. 6 июня.

Еще менее адекватно освещен Кишиневский погром 1903 года. Солженицын опирается на «единственный документ, основанный на тщательном расследовании и по прямым следам событий, — *Обвинительный акт*, составленный прокурором местного суда В.Н.Горемыкиным, "который не привлек к делу ни одного еврея в качестве обвиняемого, что вызвало резкие выпады против него в реакционной печати"» (стр. 321).

Закавыченные слова из Еврейской энциклопедии призваны показать, что *Обвинительный акт* прокурора В.Н.Горемыкина (кстати сказать, племянника одного из самых высокопоставленных государственных чиновников И.Л.Горемыкина, который не раз встретится в нашем повествовании) был вполне нейтральным или даже проеврейским документом. Между тем Солженицыну должно быть известно, насколько необъективно велось следствие, которое легло в основу этого *Акта*, как запугивали свидетелей, как делались откровенные подчистки и искажения при записи показаний тех, кого не удавалось запугать. Об этом писал в своих дневниках В.Г.Короленко. Об этом адвокаты подавали официальные прошения в судебные органы и тому же прокурору Горемыкину, но без результата. Что касается истинных симпатий и антипатий прокурора, то они видны хотя бы из его Секретного представления в Министерство юстиции от 1 августа 1903 года «о деятельности приехавших в Кишинев адвокатов, подготавливающих материалы для защиты интересов потерпевших во время погрома евреев на предстоящем судебном процессе»*.

Казалось бы, прокурора, готовящего обвинительное заключение *против погромщиков*, должно радовать, что ему подвалила подмога в лице *адвокатов потерпевших*: его задача — вскрыть все пружины погрома, найти виновников и добиться их примерного наказания, а цель адвокатов — такая же! Почему же не объединить усилия? Но Горемыкин воспринимает адвокатов как противников. Он пытается дискредитировать их, приписывая им корыстные и вообще самые гнусные побуждения. Конечно, изобличает он этим только себя самого.

---

* Кишиневский погром 1903 года. Сборник документов и материалов. Редакционная коллегия: Я.М.Копанский (главный редактор), А.А.Берзой, К.Л.Жигня. Кишинэу: Ruzanda, 2000. С. 139.

Так, «крамолу» адвокатов Горемыкин усматривал в том, что они, по-видимому, намерены «ходатайствовать о возбуждении по сему делу уголовного преследования против губернатора и др[угих] лиц администрации»*. Не говорит ли это о том, что сам прокурор готов лечь костями, но разбирательства действий власти (то есть самого главного!) не допустить?

Он также уличал адвокатов в том, что они хотят «обратить внимание правительства вообще на еврейский вопрос и положение евреев», что опять же обнаруживает его собственное стремление *не допустить* постановки общего вопроса о еврейском беспорядке. Но особенно Горемыкин нервничал по поводу того, что адвокаты «усиленно, но бесплодно (? — С.Р.) стараются доказать существование будто бы "организации" погрома»**. Сам Горемыкин весьма *плодно* организацию погрома скрывал. Обо всех этих махинациях прокурора в книге Солженицына не упомянуто, зато приводится сказанное в его *Акте*: «Предварительным следствием не добыто данных, которые указывали бы, что упомянутые беспорядки были заранее подготовлены» (стр. 327). Между тем данных таких было предостаточно. Даже к самому Горемыкину поступило, как минимум, одно заявление от человека, завербованного начальником охранного отделения Кишинева бароном Левендалем и участвовавшего под его руководством в организации погрома, но прокурор отказался расследовать это заявление.

Когда решался вопрос о том, проводить ли открытый суд над погромщиками, или слушать дело при закрытых дверях, прокурор Одесской судебной палаты А.Поллан (которому подчинялся Горемыкин) предупреждал то же Министерство юстиции, что на суде не удастся опровергнуть «слухи, будто беспорядки были подготовлены известною частью интеллигенции *с ведома и согласия правительства* и были правильно организованы» (курсив А.Поллана. — С.Р.)***. И — вместо того чтобы настаивать на возбужде-

---

* Кишиневский погром 1903 года. Сборник документов и материалов. Редакционная коллегия: Я.М.Копанский (главный редактор), А.А.Берзой, К.Л.Жигня. Кишинэу: Ruzanda, 2000. С. 139.

** Там же.

*** Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Т. 1. Дубоссарское и Кишиневское дела 1903 г. Под редакцией и с вступительными статьями С.М.Дубнова и Г.Я.Красного-Арнольди. Петроград, 1919. С. 203.

нии уголовных дел против высокопоставленных соучастников преступления, он ходатайствовал о том, чтобы... дело слушалось при закрытых дверях. Ходатайство, конечно, было удовлетворено.

Итак, *Обвинительный акт* прокурора Горемыкина был составлен на основе сфальсифицированных материалов следствия, причем для закрытого суда, так что можно было не беспокоиться о реакции общественности. Думаю, теперь ясно, по какому «документу», как якобы наиболее надежному и достоверному, Солженицын воспроизводит динамику «кровавой кишиневской пасхи» (Короленко) 1903 года. Понятно, что основной упор в этом *Акте* делается на «обычные столкновения между евреями и христианами, всегда происходившие за последние годы на Пасху», да на всякие тревожные слухи, «которым полиция по безопасности (? — С.Р.) не придала значения, а всего лишь «усилила на праздники наряды в местах предполагавшегося наибольшего скопления» за счет добавки и военных патрулей из местного гарнизона» (стр. 322).

Вот к какой словесной эквилибристике приходится прибегать, когда стараются утаить шило в мешке! Ведь если власти по безопасности *не* ожидали беспорядков, то зачем бы им усиливать наряды полиции военными патрулями? А если беспорядки вспыхнули — хотя бы и неожиданно, — то тут усиленной полиции и карты в руки! В *Обвинительном акте* концы с концами не сходятся. Но Солженицын сводит концы, поясняя: «полицмейстер не дал энергичных ясных инструкций полицейским чинам» (стр. 322).

Опять все списывается на чью-то нерасторопность, беспечность и недогляд! Но разве не известно любому полицейскому, *что* ему надлежит делать, когда во вверенном ему участке возникает беспорядок?! Не каждый же день начальство должно напоминать подчиненным об их элементарных обязанностях, да еще «энергично» и «ясно». Никаких инструкций тут не надобно.

Вот для того, чтобы *не выполнять обычных обязанностей*, чтобы *не* вмешиваться, когда на твоих глазах идет побоище, — *для этого* полицейские должны были получить инструкции!

Ну, а когда идет погром, а полицейский наряд, усиленный военным патрулем, стоит на углу улицы да посме-

ивается, — не похоже ли это на то, что полиция *поощряет* громил вместо того, чтобы защищать громимых? Очень даже похоже! И когда об этом писали потом в российской и зарубежной прессе, то писали *правду*, а не «*коварную о нем неправду*» (стр. 327), от которой Солженицын пытается защитить незаслуженно обижаемое российское правительство.

По его разумению, «кишиневским погромом воспользовались, чтобы нарицательно и навсегда заклеить Россию» (стр. 326). В чем же это выразилось? Оказывается в том, что, будучи уверенными, что «кишиневская бойня была организована сверху, с ведома, а может быть, даже по инициативе [министра внутренних дел] Плеве» (стр. 327, со ссылкой на воспоминания М.Кроля), и, опасаясь, что власти попытаются это скрыть, в Кишинев для проведения независимого расследования приехал видный юрист А.С.Зарудный (а затем и целая бригада адвокатов, о которых доносил по начальству запаниковавший Горемыкин). Так кого же нарицательно и навсегда заклеили — Россию или Плеве? Не хочет же Солженицын сказать, что эти понятия совпадают!

Почему параллельное следствие было необходимо и почему оно напугало Горемыкина, объясняет *Прошение* присяжного поверенного А.Н.Турчанинова на имя министра юстиции. Адвокат — в самой деликатной форме — указывал на то, что доверять такое общественно важное дело местным кишиневским следователям нельзя, ибо, «если производимое ими исследование коснется того небольшого в губернском городе круга лиц, члены которого находятся между собой в постоянном и, может быть, необходимом общении, то доверие местного общества к действиям таких представителей колеблется, и исследование не может обнимать собою всего предмета со всей полнотью»*. Иначе говоря, чиновная и иная элита в небольшом провинциальном городе — это один тесный круг, где все повязаны давними, часто родственными отношениями. Тут рука руку моет. Поэтому ожидать беспристрастного расследования дела местными следователями не приходится, доверия к ним нет. В подобных случаях закон предусматривал

---

* Кишиневский погром 1903 года. С. 269—270.

передачу дела в руки «совершенно постороннего местной жизни следователя». Этого требовал Устав Уголовного Судопроизводства, статья 288—1. О назначении такого независимого следователя и ходатайствовал Турчанинов*. Как видим, просьба была основана на действующем законе, и она диктовалась не только юридическими, но и государственными соображениями. Правительство подозревалось в причастности к погрому, о его виновности трубила мировая пресса, что вызывало международные осложнения. Если правительство *не было причастно*, то ему ли не стремиться поскорее эти подозрения развеять! Назначение авторитетного и независимого следователя *со стороны*, способного установить истину, в которую поверит общество, было в прямых интересах власти.

Но это при условии, что правительство действительно *не было причастно*! Ну, а если было? Тогда все меняется с точностью до наоборот: несравненно лучше остаться под подозрением, нежели расписаться в своей виновности. Если так, то правительству было выгодно истину прятать, а не подтверждать ее юридически! Отказывая Турчанинову, министр юстиции Н.В.Муравьев действовал вполне логично, хотя и противозаконно. Единственным основанием для отказа он нашелся выставить то, что судебные следователи по особо важным делам Санкт-Петербургского и Московского окружных судов заняты другими неотложными делами, хотя не было в то время в России более важного и срочного дела! Да и кроме Санкт-Петербургского и Московского были Киевский, Харьковский, Полтавский и многие другие окружные суды. При желании найти квалифицированного следователя было нетрудно. Н.В.Муравьев только подтвердил то, что правительству есть что скрывать. Вот адвокатам и пришлось самим взяться за выяснение истины. В этом они видели свой профессиональный и общественный долг.

Приведя слова Горемыкина о том, что «предварительным следствием не добыто данных, которые указывали бы, что упомянутые беспорядки были заранее подготовлены», Солженицын добавляет от себя: «И никаким дальнейшим следствием — тоже не добыто» (стр. 327).

* Кишиневский погром 1903 года. С. 269—270.

Добыто, очень даже добыто!

Давайте вкратце восстановим события по документам.

За два месяца до погрома в небольшом городке Дубосары исчез, а потом был найден убитым четырнадцатилетний подросток Михаил Рыбаченко, и единственная кишиневская газета «Бессарабец» тотчас стала подавать это убийство, как ритуальное. Страшные зверства евреев, мучающих в подполе несчастного мальчика, муссировались в газете изо дня в день. Об этом упоминается и в книге Солженицына, но не упоминается о том, что ответственным за эту злостную клевету был не только издатель и редактор «Бессарабца» П.А.Крушеван. *При наличии цензуры пропаганда ненависти велась вопреки двум государственным законам*: один из них запрещал «натравливать одну часть населения на другую»*, а второй — освещать в печати незавершенные следственные дела. Если же Крушеван, а по его следу «Новое время», «Свет» и другие черносотенные газеты все-таки публиковали материалы об убийстве Миши Рыбаченко и подавали его как ритуальное, то потому, что для этого дела власть, а конкретно, министр внутренних дел В.К. фон Плеве — *в нарушение закона* — сделали исключение. Но как только следствие вышло на истинных убийц (мальчика убил его двоюродный брат из-за наследства, отписанного Мише их общим дедом), Плеве тотчас вспомнил о законе и разослал циркуляр, запрещающий что-либо публиковать о деле Рыбаченко, из-за чего распространенная Крушеваном клевета не могла быть публично опровергнута. Кажется, одного этого достаточно, чтобы заключить, что власть, и лично товарищ Плеве, были причастны к погрому вместе с П.А.Крушеваном.

Такова одна грань алмаза исторической правды, ни разу не сверкнувшего в книге Солженицына. А вот другая грань. Параллельно с ритуальной агитацией в Кишиневе было скоропалительно создано охранное отделение, которое возглавил специально для этого присланный ротмистр барон Левендаль. Приехав в Кишинев, он стал спешно создавать сеть агентов, что вызвало недоуменные пересуды в мест-

---

* В современном российском законодательстве аналогична статья 282 Уголовного кодекса, которая тоже, как правило, игнорируется прокуратурой и судами.

ном обществе, так как революционным гнездом тихий Кишинев не был и охране выслеживать в нем было некогда. А когда погром разразился, то во главе уличных банд оказались как раз те местные «интеллигенты», которых навербовал Левендаль.

А вот еще одна грань. Перед самым погромом в городе стали распускать слухи, что «царь разрешил бить евреев три дня»*. Власти об этом знали, но ничего не сделали, чтобы эти слухи пресечь и виновных в их распространении наказать. Так что, даже несмотря на нагнетание племенной ненависти Крушеваном и его газетой, «преобладающим мотивом в действиях погромщиков были не ненависть, не месть, а выполнение таких действий, которые, по мнению одних, содействовали целям и видам правительства, по мнению других — были даже разрешены и, наконец, по объяснению мудрости народной — являлись выполнением царского приказа», свидетельствовал князь С.Д.Урусов, назначенный Кишиневским губернатором вскоре после погрома**.

Четвертая грань. У главарей уличных банд имелись *заблаговременно составленные* списки еврейских домов и улиц — у каждого свой список. И если какая-то группа по ошибке вторгалась на «чужую» территорию, то руководители быстро сверяли списки, выясняли недоразумение, и чужаки удалялись.

Пятая. Уже после того, как в город были вызваны войска (не усиленные полицейские патрули, а войска, занявшие город!), они бездействовали целый день. По закону, приказ войскам действовать должен был исходить от гражданской власти, а она молчала. Таким образом, побоище беззащитных людей продолжалось на глазах солдат и офицеров гарнизона, но они не имели приказа вмешаться и прекратить насилие. «Граф Мусин-Пушкин, генерал-адъютант закала Николая I, бывший тогда командующим войсками Одесского округа, рассказал, что немедленно после погрома он приехал в Кишинев, чтобы расследовать дей-

---

* Повторение того, в чем убеждали погромщиков двадцатью годами раньше. Тот же почерк.

** Кн. Урусов С.Д. Записки губернатора. Кишинев 1903—1904 г. Berlin: J.Ladyschnikov Verlag, G.m.b.H. [б/д]. С. 97—98.

ствия войск... Он возмущался всей этой ужасной историей и говорил, что этим путем развращают войска. [Мушин]-Пушкин не любил евреев, но он был честный человек. Еврейский погром в Кишиневе, устроенный попустительством Плеве, свел евреев с ума и толкнул их окончательно в революцию. Ужасная, но еще более идиотская политика!..»*

Итак, «стихия» погрома была весьма упорядочена благодаря предварительной работе, проведенной охранным отделением. Что же касается самого барона Левендаля, то в дни погрома он держал под контролем губернатора фон Раабена, парализуя его — правда, очень слабые — попытки покинуть свой губернаторский дом, чтобы остановить бесчинства толпы. Об этом были получены четкие показания от многих лиц, в особенности от председателя еврейской общины доктора Мучника, который лично несколько раз приходил к губернатору, убеждал его начать действовать, и тот даже велел запрягать лошадей. Но затем лошадей, уже поданных к крыльцу, распрягали и отправляли опять на конюшню. Сидя в своем особняке, губернатор слал шифрованные телеграммы министру внутренних дел Плеве, сообщая, что евреев бьют всюду, что он ничего с этим не может поделать, так как силы полиции малочисленны; и тут же о том, что поступили сведения о готовящейся противоправительственной демонстрации и если она начнется, то будет решительно подавлена. Итак, для разгона погромщиков, убивающих беззащитных евреев, сил не было, а для предполагаемой демонстрации против правительства (конечно, это была туфта; никакой демонстрации никто не затевал) — были!

Видя, что ситуация вышла из-под контроля и бесчинства приобрели куда больший размах, чем он предполагал, Раабен вызвал войска, но снова последовал на него нажим, и приказ войскам действовать был отдан с опозданием на целый день.

В официальный горемыкинский *Акт* эти данные, конечно, не попали, а потому их нет и в книге Солженицына. Он их не признает, отбрасывает, ссылаясь на то, что «в

---

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 204.

России даже и полиция никак не была подчинена охранному отделению, а тем более войска» (стр. 328).

Да, *по закону* такого подчинения не было. Более того, *по закону* губернаторы не подчинялись напрямую министру внутренних дел (не то что жандармскому ротмистру), а только самому царю. Ну, а на практике, когда министр фактически наделен диктаторскими полномочиями, а явившийся из центра жандарм — око и ухо этого самого министра, то будет его слушать губернатор или не будет? Плевать против ветра губернатору ни к чему, но и быть бездумной овечкой тоже не пристало, особенно в столь необычной ситуации. Поэтому недостаточно было простого указания (*пожелания*) губернатору со стороны министра. Чтобы это *пожелание* было выполнено, с губернатора следовало не спускать глаз. Это и делал Левендаль.

«Этот «исключительно важный материал» [изобличающий Левендаля. — С.Р.] ... никогда, однако, не был опубликован, ни тогда, ни хотя бы позже, — читаем у Солженицына. — Почему же? Как бы мог тогда Левендаль и иже с ним избежать наказания и позора?» (стр. 328)

Взяв на себя неблагоприятную роль выгораживания организаторов Кишиневского погрома, Солженицын ставит *наказание* и *позор* в один ряд, что не очень корректно. Материал, о котором он пишет, *был* опубликован, но это, конечно, никак не могло привести к *наказанию* Левендаля. С поставленной перед ним задачей он справился великолепно, а потому вскоре был переведен в Киев с *повышением*. (В Кишиневе же охранное отделение было ликвидировано за дальнейшей ненужностью.) А вот *позора* барон Левендаль не избежал. Вошел в историю как один из организаторов кровавой оргии. Запоздалая попытка отмыть его от погромной крови ничего изменить не может.

То же самое касается самого диктатора В.К. фон Плеве. Это он, как уже было сказано, поощрял противозаконную агитацию Крушевана, а затем не позволил ее дезавуировать. Это он прислал в Кишинев Левендаля с его дьявольской миссией; это его многократно называли главным организатором побоища.

Солженицын с этим «не согласен»; по его мнению, на Плеве возвели напраслину, а чтобы это показать, он со-

средоточивает внимание только на одном моменте — действительно спорном: секретном письме Плеве кишиневскому губернатору фон Раабену, «где министр в ловких уклончивых выражениях советовал: что если в Бессарабской губернии произойдут обширные беспорядки против евреев — так он, Плеве, просит: ни в коем случае не подавлять их оружием, а только увещевать» (стр. 333).

Оспаривая существование этого письма, Солженицын рассказывает, что опубликовано оно было корреспондентом лондонской газеты «Таймс» Д.Д.Брэмом, «а ненаходчивое царское правительство, да еще и не понимающее всего размера своего проигрыша, только и нашлось что отмахнуться лаконичным небрежным опровержением, подписанным главой Департамента полиции А.А.Лопухиным, и лишь на девятый день после сенсационной публикации в «Таймсе», а вместо следствия о фальшивке выслало Брэма за границу» (стр. 333).

Ох уж эта ненаходчивость, то и дело выручающая царизм в глазах Солженицына! Не логичнее ли допустить обратное: власти выслали британского журналиста, потому что были *находчивы* и знали, что следствия о фальшивке лучше не затевать, а то она может оказаться вовсе и не фальшивой? Не потому ли и опровержение А.А.Лопухина было запоздалым и невнятным? Начальник Департамента полиции, видимо, вовсе не был уверен в непричастности своего босса к скандальному письму, а ставить свою подпись под лживым опровержением тяготился*.

Солженицыну все ясно: письма Плеве не оказались в секретных архивах, опубликованных после революции; а стало быть, его никогда и не было, ибо «государственные архивы России — это не мухлеваные советские архивы, где, по надобности, изготавливается любой документ или, напротив, тайно сжигается; там — хранилось все неприкосновенно и вечно» (стр. 334).

---

* Сложный человек был Лопухин: ухитрялся ужиться с крутым начальством в лице Плеве, с подчиненным ему тайным агентом Е.Азефом, с провокаторами куда более крупного калибра, такими как Зубатов, Рачковский; но под влиянием бурных событий надвигавшегося 1905 года многое пересмотрел, примкнул к оппозиции, а кончил тем, что угодил под суд и едва не на каторгу за разоблачение двойной игры Азефа! Но об этом у нас речь впереди.

Можно лишь удивляться этому категоричному, но, увы, неверному утверждению. В мемуарах многих сановников последнего российского императора можно найти множество указаний на исчезновение или подделку важнейших документов, причем этого почтенного занятия не гнушались чиновники самых высоких рангов, вплоть до государя императора. В связи с одним из таких эпизодов, рассказанных в воспоминаниях С.Ю.Витте, комментаторы отмечают:

«С.Ю.Витте сообщает, что дневники Д.С.Сипягина [после его гибели] были взяты для прочтения Николаем II, который нашел, что они «очень интересны», и оставил у себя ту часть переданных ему дневников Д.С.Сипягина, которая касалась пребывания последнего на посту министра внутренних дел. Отмеченный здесь С.Ю.Витте факт действительно характерен для Николая II. В «Воспоминаниях» С.Ю.Витте сообщается о том, что после смерти преемника Д.С.Сипягина на посту министра внутренних дел В.К.Плеве по приказу царя в его кабинете были изъяты документы, касающиеся политики России на Дальнем Востоке*. После смерти министра иностранных дел Ламздорфа из его архива были изъяты документы, связанные с Бьеркским договором 1905 года. Сам С.Ю.Витте, покидая пост председателя Совета министров, должен был вернуть письма царя. После смерти С.Ю.Витте Николай II проявил интерес к его архиву и воспоминаниям: кабинет покойного был опечатан, часть находившихся там документов изъята, на вилле в Биаррице в отсутствие хозяев был проведен тщательный обыск**. *Для всех перечисленных событий характерно — стремление императора Николая II изъять и уничтожить документы, которые могли бы его компрометировать или представить в невыгодном свете его государственную деятельность***.* (Курсив мой. — С.Р.)

---

* А если так, то могли быть изъяты и документы, касающиеся Кишиневского погрома.

** Биарриц — курортный городок на юге Франции, где последние годы подолгу жил Витте. Факт обыска, незаконно произведенного агентами царского правительства *в чужой стране*, особенно ярко говорит о том, какое значение Николай II и его чиновники придавали «мухлеванью» архивов.

*** Игнатъев А.В. и Голиков А.Г. Комментарии // В кн.: Витте С.Ю. Воспоминания. Т. II. 1894 — октябрь 1905. Царствование Николая II. Таллинн — Москва, 1994. С. 552.

Витте умер в 1915 году, и вот, в разгар мировой войны, при тяжелейшем положении на фронтах, где ежедневно гибли сотни и тысячи его подданных, в нарушение законов и дипломатического протокола, рискуя осложнить отношения со своим главным союзником, Николай II посылает тайных агентов для проведения несанкционированного обыска в доме частного лица, пользующегося покровительством Французской республики! И все это только для того, чтобы изъять какие-то бумаги!

Зная о повышенном, и отнюдь не праздном, интересе Николая II к архивам и воспоминаниям своих приближенных, Витте не только хранил свои мемуары за границей, но и писал их в двух вариантах, чтобы после его смерти, в случае соответствующей «просьбы» государя, его вдова могла отдать его величеству приглашенный вариант, сохранив в тайнике основной. Предусмотрительность Витте была продиктована тем, что он слишком хорошо знал, с кем придется иметь дело его супруге!

Таково было в реальности общее положение с «немухлеванными государственными архивами России». А вот что известно *непосредственно* о документах, касающихся Кишиневского погрома, и конкретно — о таинственном письме Плеве Раабену. Комиссия по исследованию истории антиеврейских погромов в России, созданная сразу же после революции, получила доступ к царским архивам и опубликовала объемистый том материалов о Кишиневском погроме — мы его многократно цитировали. В предисловии к этому тому объясняется, что публикуемые материалы взяты в основном из фонда Министерства юстиции, а не Министерства внутренних дел, потому что «в архиве департамента полиции из 4-х томов, посвященных этому делу, уцелел только один, да и то последний, 4-й; первые же три исчезли, унеся с собой много тайн и ряд важных разъяснений, как, напр[имер], *тайну происхождения знаменитого циркуляра Плеве на имя Бессарабского губернатора*»* (курсив мой. — С.Р.).

---

* Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Т. 1. Дубоссарское и Кишиневское дела 1903 г. Под редакцией и с вступительными статьями Дубнова С.М. и Красного-Арнольди Г.Я. Петроград, 1919. С. VI.

Удивляет стремление Солженицына выгородить самых одиозных фигур царской администрации, которым история давно вынесла приговор как людям, нанесшим непоправимый вред тому режиму и той стране, которым они служили. Достаточно вспомнить, что именно Плеве был в числе самых активных поборников дальневосточной политики, которая привела Россию к войне с Японией и — вследствие поражения в ней — к революции 1905 года. Причем, если недалекий Николай II, побуждаемый недалеким авантюристом Безобразовым, проводил провокационную политику по отношению к «макакам», будучи убежденным, что те не посмеют начать войну против могучей России, то Плеве «эту войну желал и [потому] примкнул к банде политических аферистов»*. Тогдашнему министру обороны, а затем командующему дальневосточной армией генералу А.Н.Куропаткину Плеве прямо объяснил свою цель: «Алексей Николаевич, вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, *нам нужна маленькая победоносная война*»**.

«Вот вам государственный ум и проницательность...» — замечает по этому поводу Витте, имея в виду то, что война оказалась не маленькой и не победоносной (о чем нам предстоит говорить подробнее). Но сейчас для нашей темы важнее не отсутствие государственного ума у Плеве, а его преступный цинизм, позволявший ради «удержания» революции пускаться на кровавые авантюры. Маленькая победоносная война понадобилась ему *после* того, как не помог *большой победоносный кишиневский погром!*

Те несколько страниц солженицынской книги, где автор пытается снять ответственность за кишиневское кровопускание с царской власти и лично с Плеве, читаются «без булавки»***. Здесь прорывается былой публицистический напор автора, некоторые абзацы обжигают огнем под стать тому, что пылает на страницах «Архипелага». Но эф-

---

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 277.

** Там же.

*** Выражение Н.С.Хрущева, который, гневно раскритиковав «антисоветский» роман В.Дудинцева «Не хлебом единым...», признал, что в отличие от многих других романов, при чтении которых приходится себя колоть булавкой, чтобы не заснуть, этот роман читается без булавки.

фект они производят обратный, потому что нет в них правды. Отсутствие подлинного письма Плеве Раабину среди архивных материалов отнюдь не доказывает того, что такого письма вообще никогда не было. Вопрос этот, видимо, навсегда останется спорным. Так к нему и должны относиться исследователи, стремящиеся к истине (как это продемонстрировала Комиссия, опубликовавшая материалы кишиневского погрома в 1919 году).

Лично мне представляется с большой вероятностью, что письмо все-таки существовало, и вот почему. Публикация фальшивок — дело весьма распространенное, но разоблачение их обычно большого труда не составляет, ибо фальшивки, особенно сработанные наспех, в сиюминутных политических целях, как правило, содержат в себе бросающиеся в глаза нелепости. Возьмем, к примеру, знаменитые «Протоколы сионских мудрецов», впервые опубликованные тем же Крушеваном при содействии того же фон Плеве, давшего личное разрешение на публикацию, — вопреки законам о печати и через голову Цензурного комитета*. Среди многого другого, в «Протоколах» разъясняется, что для захвата власти над миром евреи должны в качестве своего орудия использовать слепо им доверяющих масонов, а после достижения цели их ликвидировать. Понятно, что такой коварный план должен держаться в глубокой тайне от масонов, иначе вся затея провалится. Однако в предисловии к первой публикации фальшивки П.А.Крушеван подает ее как часть Протоколов заседаний «Всемирного союза франкмасонов и сионских мудрецов»**, то есть коварные замыслы против масонов раскрываются на секретном совместном заседании с самими масонами. Недоглядел фальсификатор!

Случай этот типичен. Как тщательно, казалось бы, готовились показательные сталинские процессы, как отработывались все подробности показаний подсудимых, свидетелей! Ан нет, в показаниях подсудимых, «признававшихся» в страшных преступлениях, то и дело проскальзывали

---

* Об этом можно прочитать в некрологе Крушевана в последней его газете «Друг», июнь 1909 г.

** «Знамя». 28 августа. 1903. См. также: Платонов О. Терновый венец России. Загадка сионских протоколов, М.: Родник, 1999. С. 231.

подробности, избличавшие ложность их самооговоров, что тотчас отмечала западная печать. Врать складно на самом деле очень трудно, непременно попадешься на каких-то деталях. Это, как правило, и происходит при фабрикации фальшивок.

А в предполагаемом письме Плеве Раабену никаких не-лестностей не обнаружено. Оно написано с учетом не только ситуации, не только стиля деловой бюрократической переписки того времени, но и с учетом тонкостей внутренних взаимоотношений между чинами царской администрации. Плеве в своем письме не приказывает, не инструктирует губернатора, а лишь *предупреждает* о возможных беспорядках, давая понять, что если они произойдут, то подавлять их силой нежелательно, так как бунт будет направлен не против правительства, а против евреев. Потому усмирять погромщиков следует деликатно, увещеванием, а не полицейскими мерами.

Один из аргументов Солженицына в пользу того, что этого письма не существовало, состоит в том, что «смещенный Раабен, пострадавший разорением жизни, в слезных попытках исправить ее, — никогда не пожаловался, что была ему директива сверху, а ведь сразу бы исправил себе служебную карьеру да еще стал бы кумиром либерального общества» (стр. 334). Эта аргументация говорит о том, что в реалиях описываемой эпохи Солженицын разбирается хуже автора письма. Формальная ответственность за бездействие властей в Кишиневе *в любом случае* лежала на Раабене. Полученное от Плеве уведомление могло означать только то, что бездействие губернатора и подчиненной ему администрации равносильно *преступному поощрению и соучастию в погроме*; если же губернатор заранее предупрежден не был, то бездействие местных властей можно хотя бы с большой натяжкой объяснить растерянностью ввиду внезапности происшедшего. Такое бездействие — тоже преступление, но при известной снисходительности его можно квалифицировать не как уголовное, а как должностное.

Иначе говоря, Раабен в такой же степени, как Плеве, был *лично заинтересован* в том, чтобы подлинник письма не был найден. Когда пост губернатора занял князь

С.Д.Урусов, которого Солженицын называет «благорасположенным к евреям»*, то ему и в голову не могло прийти поискать следы этого письма в губернском архиве: он априорно считал его поддельным, полагая, что «Плеве не был способен на столь неосторожный поступок и ни в коем случае не рискнул бы оставить доказательства своих провокаторских планов»**. Главное же — Урусов не допускал мысли, что центральная власть способна на такие провокации. Впоследствии он это мнение изменил, так как прямое участие центральной власти в организации *последующих* погромов или подстрекательстве к ним было многократно доказано.

Что же касается отсутствия письма Плеве в Кишиневском архиве, то это ничего не доказывает, так как после погрома Раабен имел время почистить архивы, а еще больше времени на это было у вице-губернатора Устругова, который после Раабена и перед назначением Урусова несколько месяцев управлял губернией. (Письмо Плеве его компрометировало бы так же, как и Раабена.)

В любом случае вопросу о подлинности или подложности письма Плеве Солженицын придает несоразмерно большое значение. Это особенно ярко вырисовывается на фоне его небрежения к другим, заведомым, фальшивкам, куда активнее влиявшим на атмосферу русско-еврейских отношений, чему и посвящена его книга. Фальшивки широко использовались для нагнетания племенной и религиозной ненависти к евреям и для обоснования репрессивного антиеврейского законодательства. О ряде таких фальшивок Солженицын вообще не упоминает, другие если и упомянуты, то преимущественно по совершенно посторонним поводам. Даже о «Протоколах сионских мудрецов», стоивших евреям моря крови, он говорит в рамках совершенно иного сюжета:

«Например, известен случай, — читаем в книге, — просматривая архив Департамента полиции, Столыпин наткнулся на записку «Тайна еврейства» (предшественница

---

* Князь С.Д.Урусов, став губернатором Бессарабии, проявил себя как противник погромной политики — но не потому, что он благоволил к евреям, а потому что считал такую политику пагубной для российского государства.

** Урусов С.Д. Ук. соч. С. 94—95.

«Протоколов»), о мировом еврейском заговоре. И поставил резолюцию: "Быть может и логично, но предвзято... Способ противодействия для правительства совершенно недопустимый". В результате «Протоколы» "никогда не были признаны царским правительством в качестве основы официальной идеологии"» (стр. 444—445).

Во-первых, тут что-то напутано, ибо «Тайна еврейства» и «Протоколы сионских мудрецов» — это все-таки две *разные* фальшивки, и резолюция Столыпина, касающаяся одной из них, не могла относиться к другой. А во-вторых, весь этот пассаж появился в книге Солженицына с очевидной целью — еще раз облагородить столь высоко им чтимого П.А.Столыпина; не будь его резолюции, о «главной лжи столетия» (как ее определили западные исследователи) в книге вообще не было бы упомянуто!*

Несколько больше внимания Солженицын уделяет подложному воззванию председателя Всемирного Еврейского Альянса Адольфа Кремье**, видного политического и об-

---

* Здесь кстати заметить, что Солженицын сильно преувеличивает роль Столыпина в официальном осуждении «Протоколов». Один из наиболее авторитетных исследователей истории этой фальшивки, Владимир Бурцев, приводит записку генерала Г., который сообщает, что *под давлением А.А.Лопухина* Столыпин приказал провести негласное расследование происхождения «Протоколов», которое было поручено жандармским офицерам Мартынову и Васильеву. После того, как они установили подложность «Протоколов», Столыпин доложил об этом Николаю II. Тот был «глубоко потрясен всем этим», так как при ознакомлении с «Протоколами» обнаружил в них большую «глубину мысли» и был уверен в их аутентичности. Узнав, что это фальшивка, он распорядился: «Протоколы изъять», — пояснив, что «чистое дело» борьбы с еврейством не следует «защищать грязными способами». (Бурцев В.Л. «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог. Париж, 1938. С. 106. Американский исследователь Норман Кон идентифицировал «генерала Г.» как генерала К.И.Глобачева, занимавшего одно время пост начальника охранного отделения С.-Петербурга. См.: Norman Kohn. Warrant for Genocide. The myth of the Jewish world-conspiracy and the Protocols of the Elders of Zion. New York and Evanston: Harper&Row, 1967. P. 115.) Однако высочайшая резолюция не помешала черносотенным организациям беспрепятственно издавать и переиздавать «Протоколы». Не утратила веру в «Протоколы» и императрица Александра Федоровна, которая не расставалась с ними до самой смерти в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге.

** Идея создания Всемирного Еврейского Альянса возникла еще в 1840-х годах — под влиянием известного Багдадского дела о ритуальном убийстве, когда еврейская община Багдада обратилась за помо-

ществленного деятеля Франции. Приведя отрывок из *подлинного* воззвания Альянса, Солженицын продолжает:

«А позже возник и побочный документ, напечатанный во Франции, — якобы воззвание самого Адольфа Кремье «К евреям вселенной». *Очень вероятно*, что это подделка. *Не исключено, что это был один из проектов обращения*, не принятый организаторами Альянса (однако он попадал в тон обвинениям Брафмана*, что у Альянса — скрытые цели): «Мы обитаем в чуждых землях, и мы не можем интересоваться переменчивыми интересами этих стран, пока наши собственные нравственные и материальные интересы будут в опасности... еврейское учение должно наполнить весь мир...» (курсив мой. — С.Р.; стр. 180).

То, что этот злонамеренный бред является фальшивкой, говорит сам процитированный Солженицыным текст, ибо иудеи — в отличие от христиан и мусульман — никогда не стремились навязать или распространить свою религию (учение) на неевреев, тем более, наполнить им весь мир. Впервые этот апокриф был напечатан во французском журнале под выразительным названием «Антисемит». Редакция уверяла, что ею раздобыт секретный доклад Кре-

---

стью к своим единоверцам в странах Запада. Благодаря вмешательству Адольфа Кремье и других видных деятелей, а под их давлением — правительству Франции, Великобритании, США и других стран, включая Россию, дело было прекращено и обвиняемые освобождены. Этот случай показал, что совместно евреи разных стран могут успешнее отстаивать свои права и противостоять произволу, чем разрозненно. Однако ввиду слабых связей между еврейскими общинами разных стран создание Альянса затянулось на два десятилетия. Возникнув, Альянс сразу же стал объектом нападков со стороны антисемитов разных мастей, непомерно преувеличивавших его значение и злостно искажавших его цели и образ действий. До сих пор в антисемитской литературе порой именно на этот Альянс указывают как на замаскированное всемирное еврейское правительство, стремящееся к захвату власти над миром.

* Яков Брафман — известный российский антисемит (еврей-выкрест). Неплохо осведомленный в еврейской религии, культуре и традициях, Брафман использовал эти знания для клеветы на породивший его народ и тем снижал большую популярность и влияние, а также официальный пост главного цензора литературы на еврейском языке. Его многочисленные «Записки», «Комментарии» и в особенности клеветническая «Книга кагала» служили много лет основным источником, откуда антисемитские идеологи черпали свои представления о евреях.

мье. Фальшивка почти немедленно была разоблачена и опровергнута Альянсом, но она до сих пор используется наиболее беспардонными антисемитскими идеологами для «разоблачения» еврейского заговора*. Однако ни гнева, ни негодования, ни хотя бы укоризны в адрес создателей этой фальшивки в книге Солженицына нет. Более того, для него это только *вероятная* подделка, да и то относительная. Он *допускает*, что текст ее был рожден в недрах Альянса, только вот при окончательном обсуждении доклада Кремье его решили заменить другим. Солженицын идет и дальше: «И.С.Аксаков в своей газете «Русь» заключил, что вопрос о подложности ... возвания не имеет в настоящем случае особого значения ввиду *неподложности* высказанных в оном еврейских воззрений и чаяний» (курсив И.С.Аксакова. — С.Р.; стр. 180).

Солженицын приводит эту цитату без комментариев. А нелишне было бы сообщить, что вождь славянофилов первоначально использовал подложное возвание Кремье для громокипящих «разоблачений» еврейских козней, не сомневаясь в подлинности документа. Когда же отрицать его подложность стало невозможно, он и заявил, что это-де ничего не меняет, так как выраженные в нем «чаяния» евреев — подлинные**. О том, что об этих чаяниях Аксаков судил по тем же писаниям Якова Брафмана, из книги Солженицына тоже не узнать, да и самому Брафману он дает хотя и обширную, но невнятную характеристику. Уделенные ему страницы (стр. 166—168) пестрят выписками из нескольких еврейских энциклопедий, из двухтомного

---

* Насколько мне известно, в Советском Союзе первым привлек эту фальшивку для разоблачения сионистского заговора В.Н.Емельянов, чьи работы распространялись в самиздате. Наиболее известна книга В.Емельянова «Десионизация» (М.: «Витязь», 1995), одно из самых крайних выражений антисемитского бреда. О В.Н.Емельянове см.: Резник С. Красное и коричневое. Книга о советском нацизме. Вашингтон: «Вызов», 1991. С. 47—82, а также: Резник С. Дело Емельянова, «22». № 33. 1983. С. 187—200.

** Так и о «Протоколах...» можно прочитать в наши дни, что-де подлинные они или нет, вопрос несущественный, ибо изложенный в них план покорения мира осуществлялся евреями с большой точностью. (См. Куняев С. «Наш современник». 1989. № 6; Митрополит Санкт-Петербургский Ладожский Иоанн (Снычев) в кн.: Платонов О. Терновый венец России. Загадка сионских протоколов. М.: Родникъ, 1999, Фронтиспис и др.)

труда Ю.Гессена и вообще наполнены всякой всячиной — вплоть до того, что «поэт Ходасевич — внучатный племянник Брафмана». Но понять, что «Книга кагала» Брафмана имела такое же отношение к реальной истории кагалов, как, например, сталинский «Краткий курс» — к подлинной истории большевистской партии, — этого понять невозможно. В общем же вырисовывается четкая тенденция. К антисемитским подлогам Солженицын терпим, снисходителен, да и не всегда уверен в их подложности. Потому и не возражает он против мысли Аксакова, что если цитируемое воззвание Кремье и не совсем подлинное, то высказанные в нем мысли все же весьма близки к тому, чего добиваются евреи. Ну, а если бы кто-то высказал аналогичное соображение о письме Плеве: даже если оно не подлинное, в нем-де выражены подлинные намерения и действия Плеве — мог же он, дабы не оставлять следов, передать свои *пожелания* Раабену устно, при личной встрече, через того же Левендаля или какого-то нарочного! Понятно, как отреагировал бы на это Солженицын: с громокипящим негодованием. Он и без того убежден, что «лжеистория кишиневского погрома стала громче его подлинной истории» (стр. 335). «И — осмыслится ли хоть еще через сто лет?» — спрашивает Солженицын, сильно обиженный на историю (стр. 335).

Увы, *так, как хочется* Александру Исаевичу, — не осмыслится. Ему бы хотелось, чтобы российское правительство выглядело в этой истории «косным стеснителем евреев, хотя неуверенным, непоследовательным» (стр. 338). Таким правительство — и хотело выглядеть! Но общественность нарисовала другой портрет. Солженицын пишет, что «путем лжи оно было представлено — искусным, еще как уверенным и бесконечно злым гонителем их [евреев]» (стр. 338). Увы, это была правда. Князь С.Д.Урусов писал по горячим следам событий:

«Нельзя, по моему мнению, снять с центрального правительства нравственной ответственности за происшедшие в Кишиневе избиения и грабежи. Я считаю наше правительство виновным в покровительстве, оказываемом им узко-националистической идее; в недальновидной и грубой по приемам политике его по отношению к окраинам и

инородцам; в том, что эта политика поддерживала и возбуждала среди отдельных народностей взаимное недоверие и ненависть и в том, наконец, что власть, потакая боевому лжепатриотизму, косвенно поощряла те дикие его проявления, которые... моментально исчезают, как только правительство открыто заявит, что погром на почве национальной розни есть преступление, за допущение которого ответит местная администрация. Обвинение в попустительстве правительства погромам я считаю, таким образом, доказанным»*.

Но Урусов не останавливается и на этом, а исходя из опыта последовавших погромов, сенатских расследований и разоблачений деятельности жандармских офицеров, печатавших погромные прокламации не где-нибудь, а в тайной типографии Департамента полиции, продолжает:

«То непонятное и недоказанное в кишиневском погроме, что прежде вызывало во мне недоумение, я стал относить к действию некоторых тайных пружин, управляемых высоко стоящими лицами»**.

Нельзя обойти молчанием и еще одно положение Солженицына, которое «открыло глаза» на «правду» о погромах некоторым его восторженным комментаторам. Суть «открытия» состоит в том, что вот русских, Россию ославили на весь мир за погромы, а ведь бесчинства творились в основном на окраинах, громилами были в основном молдаване, украинцы, белорусы, а вовсе не русские!*** Увы, современники видели другую правду. Князь Урусов:

«Местный обыватель не мог не заметить отражения благосклонных правительственных взглядов на поведении и программе тех лиц, которые облекали свою деятельность, хотя бы совершенно частную, в патриотические формы, стараясь везде проявлять свой «русский» дух. Уродливые проявления этого духа, создавшего впоследствии знаменитые организации «истинно-русских людей», общеизвестны, а принадлежность к составу этих патриотов многих лиц с темным прошлым, с незавидной репутацией и с

* Урусов С.Д. Ук. соч. С. 98.

** Там же. С. 99.

*** Мелихов А. Каленый клин // «Дружба народов». 2002. № 1. (Цит. по компьютерной распечатке.)

испачканной совестью — замечены, вероятно, большинством непредубежденных людей. Ненависть к евреям — один из главных членов символа их веры... и эти люди открыто заявляли себя опорой русского правительства и пионерами русских интересов в инородческой стране.... в этой компании можно было встретить сколько угодно экземпляров, готовых и побить, и пограбить евреев во имя православной церкви, в защиту православного народа и во славу самодержавного русского Царя. Связь этих «русских людей» с полицией, в особенности тайной, существовала уже в то время, которое я описываю»*.

Итак, не может подлежать сомнению главное: Кишиневский погром был *прямым следствием имперской, шовинистической, антисемитской политики*, которую в то время олицетворял и проводил в жизнь Плеве.

Подводя итог этой главе, можно сказать, что не все погромы правительство *организовывало*. Но те, что оно *не* организовывало, — оно *поощряло*. А если *не* поощряло, то *попустительствовало*. А когда *не* организовывало, *не* поощряло и *не* попустительствовало, тогда *пресекало*. И погромов *не* было, или их гасили в зародыше. Как повествует Солженицын, после убийства Столыпина *евреем* Богровым, «председатель молодежного «Двуглавого орла» Галкин призвал разгромить киевское Охранное отделение, проморгавшее убийство, и бить евреев, [но] его обуздали тотчас. Вступивший в премьер-министры [В.Н.] Коковцов срочно вызвал в город казачьи полки... и разослал всем губернаторам энергичную телеграмму: предупреждать погромы — всеми мерами, вплоть до оружия» (стр. 441).

Главой киевской черносотенной организации «Двуглавый орел» был студент Владимир Голубев (а не Галкин), но неточность в пернатой фамилии «истинно-русского» патриота — далеко не самый крупный промах Солженицына. Куда существеннее в данном контексте подробность, им *не* упомянутая: Голубев и его орлята рвались к погрому задолго *до* убийства Столыпина. Именно для того, чтобы накалить страсти и устроить погром, они развернули ритуальную агитацию вокруг убийства Ющинского. Власти риту-

* Урусов С.Д. Ук. соч. С. 96—97.

альную агитацию подхватили, а погром устроить не позволили, ибо *в то время* это не отвечало видам правительства.

И погрома не было.

Как не вернуться в 1880-е годы и не сопоставить этот факт с тем, что после убийства императора Александра II группой террористов, которую возглавляли *русский* крестьянин Андрей Желябов и *русская* дворянка Софья Перовская, а бомбометателями были *русский* студент Николай Рысаков и *поляк* Игнатий Гриневецкий, по югу России покатались волны *еврейских* погромов, да таких, что власти «не могли» совладать с ними целых три года, — до тех пор, пока министра внутренних дел графа Игнатьева не сменил граф Д.А.Толстой. И можно ли считать простой случайностью, что начальником Департамента полиции при Игнатьеве был тот же Вячеслав Константинович Плеве, который двадцатью годами позднее, уже в качестве министра внутренних дел, нажал спусковой крючок Кишиневской бойни?

Не знаю, много ли найдется простаков, готовых поверить, что все это — результат расхлябанности, недосмотра, а не злого умысла, продиктованного политическим расчетом.

Революционное движение

Главы, посвященные революционному движению, — одни из самых обстоятельных в книге Солженицына. Около двадцати пяти страниц посвящено только его раннему этапу. Однако о том, чем оно было вызвано, из книги понять невозможно. Неадекватен сам зачин этого повествования:

«В России 60—70-х годов XIX в. при широкой поступи реформ — не было ни экономических, ни социальных оснований для интенсивного революционного движения. Но именно при Александре II, от самого начала его освободительных шагов, — оно и началось, скоропалительным плодом идеологии» (стр. 213).

Как же так? Если ни экономических, ни социальных оснований не было, то откуда же свалилась эта напасть? И

что значит — *скоропалительный плод идеологии?* Официальная идеология в России того времени базировалась на известной формуле С.С.Уварова «православие, самодержавие, народность»; на неофициальном уровне западники спорили со славянофилами, но Солженицын, конечно, имеет в виду другую идеологию — ту, которая питала революционные настроения. Но разве эта идеология и основанное на ней движение возникли в 1860-е годы?

Всякий, кто хоть немного знаком — пусть не с историей, а хотя бы только с классической русской литературой — знает, что это не так. Даже если не уходить в далекие времена разинщины и пугачевщины, то как не вспомнить, что движению шестидесятников предшествовало беспощадно травимое, но не вытравленное свободомыслие тридцатилетней николаевской эпохи, когда властителями дум в «стране рабов, стране господ» был отнюдь не Уваров с его трехголовой формулой, а гонимые или едва терпимые Пушкин, Лермонтов, Белинский, Грановский, Герцен. Достаточно вспомнить хотя бы то, с каким восторгом в самом начале царствования Александра II встретили в обеих столицах амнистированных декабристов, чтобы понять, насколько общественное сознание уже было подготовлено к *новому подъему* (а не к началу!) революционной волны. Не говорю уже о том, как подхлестнула этот подъем бездарно проигранная Крымская война, в одночасье превратившая жандарма Европы, перед которым все трепетало, в «бумажного тигра». А если добавить прозябание основной массы народа в бесправии и невежестве, что не могло не возмущать всякого развитого человека, не лишенного совести; произвол режима «столоничальников» (М.Е.Салтыков-Щедрин); половинчатость наиболее важной из реформ, при которой освобождение крестьян от крепостной зависимости — колоссальный шаг вперед! — сопровождалось уполовиниванием крестьянских земельных наделов да сохранением крестьянской общины, что делало *лично свободных* крестьян *экономически прикрепленными* к этим — не им самим, а миру принадлежавшим — наделам*.

* Эта архаичная, докапиталистическая форма землевладения устраивала как славянофилов, видевших в ней основу некоей особой русской духовности, так и революционно настроенных народников, видевших в ней предпосылку для вхождения России в социализм. А

А если вспомнить относящийся именно к этому времени колоссальный исторический сдвиг: появление на общественной арене нового активного класса — разночинной интеллигенции, отвергавшей традиционные ценности дворянской культуры и остро *нуждавшейся* в своей, особой, демократической идеологии (скоропалительной или нет, — это уже вторично), выдвигавшей на первый план такие ценности, как труд, свобода, образование, научный и общественный прогресс, равноправие всех сословий и национальных меньшинств, женское равноправие, — то этого ли недостаточно, чтобы понять, что серьезнейших причин для революционного движения* шестидесятников вполне хватало!

Все это Солженицын оставляет за пределами своего рассмотрения, чтобы отметить только одну малозначительную для истории, но важную для него деталь: «в петербургских студенческих волнениях 1861 [года] уже встречаем [еврейские имена] Михаэласа**, Утина и Гена» (стр. 213).

больше всего она устраивала власти, так как землю крестьяне должны были *выкупать*, а взимать выкупные платежи и подати с общины, члены которой повязаны круговой порукой, куда проще и надежнее, чем с каждого крестьянина в отдельности. (По этой же причине власти долго сохраняли кагалную структуру еврейских общин, несмотря на то, что юдофобы приписывали кагалам тайную могущественную силу.) Общинная форма землевладения сковывала развитие производительных сил, личную инициативу крестьян, не давала стимула к хозяйственным улучшениям, но «зато» в ней все было «по справедливости». Т.е. господствовала уравниловка. О том, как все это отыгралось через полвека, у нас речь впереди.

* Правильнее сказать, для *освободительного* движения. Оно стало *революционным*, потому что власть, вместо того, чтобы опереться на него как на своего союзника в проведении реформ, встретила его в штыки и стала преследовать.

** Видимо, имеется в виду студент Евгений Михаэлис, малозначительная фигура, известная в основном благодаря его старшей сестре Н.П.Шелгуновой, активной шестидесятнице и одной из зачинательниц женского движения в России, оставившей два тома интересных воспоминаний. Некоторый след — не столько в движении шестидесятников, сколько в литературе об этом движении — оставила и младшая сестра Людмилы Шелгуновой Мария Михаэлис: во время гражданской казни Н.Г.Чернышевского она первая бросила на эшафот букет цветов, за что была арестована и выслана в имение родителей. Этот эпизод и все семейство Михаэлисов-Шелгуновых описаны в моей книге «Владимир Ковалевский. Трагедия нигилиста» (М.: «Молодая гвардия», 1978. Серия ЖЗЛ). Должен сказать, что при изучении материалов для этой книги я нигде не встречал намека на еврейское проис-

И дальше страница за страницей терпеливо наполняются еврейскими именами, причем наряду с видными революционерами, такими, как Марк Натансон, Арон Зиндулевич или Григорий Гольденберг, перечисляются десятки, даже сотни имен, давно и безвозвратно забытых — ввиду их незначительности*. В результате, хотя и не утверждается прямо, но целенаправленно создается впечатление, что эти бесчисленные евреи и создавали революционное напряжение в спокойном, благодатном, гармоничном православно-самодержавно-народном социуме 1860—70-х годов; что никаких оснований для недовольства — кроме искусственно возбуждаемых этим чужеродным элементом — в стране не было.

Правда, Солженицын делает оговорку: «Хотя если речь на последующих страницах идет преимущественно о евреях — то это лишь по кругу нашего обозрения, а не означает, разумеется, что среди русских не было многих и важных революционеров» (стр. 213). Почему же так селективен очерченный им «круг обозрения»? В книге, посвященной тому, как русские и евреи жили *вместе* в одной стране, — не естественно ли повествовать об их *совместном* участии в революции? Но именно этого Солженицын избегает и даже свою вялую оговорку тут же и перечеркивает:

«Участие евреев в российском революционном движении требует нашего внимания, ибо радикальная революционность стала *растущей стезей активности среди еврейской молодежи* (курсив мой. — С.Р.). Еврейское революционное движение стало качественно важной составляющей революционности общерусской» (стр. 213). Ну а дальше евреи уже превращены в «зажигательную смесь в революции» (стр. 235).

хождение этого семейства. Впрочем, я этим не интересовался, так как не считал и не считаю существенным. Михаэлисы были типичными представителями русской разночинной интеллигенции. Мать семейства, воспитавшая детей в свобододолюбивом духе, в молодости была знакома с А.И.Герценом, от которого и восприняла негативное отношение к господствовавшему строю.

*Почерпнуты они в основном из книги Льва Дейча «Роль евреев в русском революционном движении», которую трудно назвать историко-научным трудом. Скорее это личные воспоминания автора, который, с одной стороны, непомерно преувеличивал свою собственную роль, а во-вторых, упоминал всех евреев, с которыми когда-либо встречался, хотя бы лишь мимоходом.

Каков же был удельный вес участия евреев *на первом* (в солженицынском понимании) этапе революционного движения, когда почти все оно было сосредоточено в узком (впрочем, и наиболее активном) слое общества — разночинной интеллигенции? Автор подводит неожиданный итог, сообщая статистические данные (со ссылкой на того же спасительного Ю.Гессена): «среди 376 лиц, привлеченных за первое полугодие 1879 г. в качестве обвиняемых по государственным преступлениям, евреи составляли всего 4%», а из судимых перед Сенатом в течение 1880 г. «среди 1054 лиц... евреи составляли 6,5%». Похожие оценки можно найти и у других авторов» (стр. 236).

Однако, сделав этот ошеломляющий (после всего нагроможденного на 25 страницах) повествовательный зигзаг, Солженицын спешит вырулить на первоначальную стезю: «Но из десятилетия к десятилетию в революционном движении появляется евреев все больше, их роль — заметней и влиятельней. В первые годы советской власти, когда это считалось в гордость, видный коммунист Лурье-Ларин сообщил нам: «В царских тюрьмах и ссылке евреи обычно составляли около четверти всех арестованных и сосланных». А марксистский историк М.Н.Покровский оценивал, по данным различных съездов, что «евреи составляли от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ организаторского слоя всех революционных партий». (Современная Еврейская Энциклопедия выражает сомнение в этой оценке.)» (стр. 237).

Сомнения, высказанные в энциклопедии, можно понять. Приведенные данные исходят от пристрастных большевистских авторов, писавших в 1920-х годах, когда в стране «диктатуры пролетариата» наблюдался рост антисемитских настроений, *против* которых и были направлены эти писания. Коль скоро участие в революционном движении тогда «считалось в гордость», то эти авторы «с большевистской прямоотой» могли ведь и преувеличить. В предшествующую эпоху столпы режима тоже преувеличивали революционную активность евреев, хотя и с противоположными целями, ибо тогда принадлежность к смутьянам считалась в порочность. В.К.Плеве, принимая еврейскую депутацию после Кишиневского погрома, предъявил ей счет, заявив, что вся российская смута идет от евреев, так как

они составляют 40 процентов всех революционеров в России, а в губерниях черты оседлости — 90 процентов.

Плеве откровенно врал, ибо даже официально опубликованная статистика того времени давала другие цифры, хорошо согласующиеся с данными Ларина и Покровского, которые, видимо, из нее и исходили*. Но и эти данные были липовыми, ибо статистика не учитывала *основной массы* участников революционных выступлений. В отличие от 1860—70-х годов, когда активных революционеров можно было пересчитать поголовно, к началу двадцатого века революционное движение распространилось *на самые широкие слои населения*. Так, в 1902 году в Полтавской и Харьковской губерниях крестьянское движение «охватило 165 сел и деревень. Крестьяне громили помещичьи экономии, захватывали хлеб, корм для скота, семена, были случаи непосредственного захвата помещичьих земель. В подавлении крестьянских выступлений участвовали более 10-ти тысяч солдат и офицеров. Суду было предано 1092 крестьянина, 836 из них понесли наказания»**.

Тысячи крестьян — преданных и не преданных суду — подверглись телесным наказаниям и другим карательным мерам, похожим на пытки: в частности, целыми деревнями их заставляли часами выстаивать на коленях в снегу. А ведь то было только начало массовых крестьянских выступлений — задолго до «иллюминаций» 1905 года, когда, по данным Игнатьева и Голикова, крестьянское движение охватило 37 процентов уездов Европейской России, причем «в некоторых уездах, как, например, в Балашовском уезде Саратовской губернии, были уничтожены буквально все помещичьи усадьбы», и когда «возникали своеобразные «крестьянские республики», причем одна из них продержалась девять месяцев, имела своего президента, прекратила платить налоги, отказывалась нести воинскую повинность»***. Именно крестьянские бунты больше всего

---

* В 1902—03 годах, согласно официально опубликованной статистике, среди привлекавшихся по политическим делам евреи составляли 29 процентов, православные 52 процента, а остальные были католики (поляки), кавказцы и иные инородцы.

** См.: Игнатьев А.В. и Голиков А.Г. Комментарии. В кн.: Вите С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 552—553.

*** Игнатьев А.В. и Голиков А.Г. Там же. Т. III. С. 585—586.

пугали власть, именно решительным подавлением крестьян отличился Саратовский губернатор П.А.Столыпин, столь перевозносимый Солженицыным. Да и столыпинская земельная реформа была реакцией на крестьянские выступления: она была направлена на то, чтобы раскиссировать общину, превратить крестьян в собственников земли и тем самым подорвать их революционность. Именно крестьянство было основной «зажигательной смесью» революции и оставалось ею до самого 1917 года!

Однако статистика *государственных преступлений* крестьян не учитывала. Не учитывала она и рабочих, матросов, солдат. Их можно было расстреливать на улицах Петербурга, Златоуста и других городов, можно было высылать против них карательные экспедиции, но то ли по инерции, то ли в целях пропаганды, революционерами их не считали.

Таким образом, *основная масса* участников революционных выступлений оставалась вне статистики, которой оперировали предшественники Солженицына и теперь оперирует он сам. Приводимые им цифры касаются «государственных преступников» из *образованного слоя общества*. Среди них евреи действительно составляли значительный процент, но он примерно соответствовал их доле в *образованном слое общества в целом*. Если в дореволюционной России из 150 миллионов населения евреев было около четырех процентов, то в *образованном слое* их было 25—30 процентов или даже больше. Отсюда так называемое «засилье» евреев в широком спектре интеллектуальных и полунинтеллектуальных профессий, с чем никак не хотели мириться власти и «патриотические» организации. Держа основную массу русского населения в темноте и невежестве, они никак не могли взять в толк, почему это евреи «наводняют» русскую медицину, адвокатуру, прессу, финансовые и некоторые иные учреждения, и старались их оттуда выжить — без всякой связи с их реальной или мнимой революционностью.

Так, Витте в своих «Воспоминаниях» указывает на то, что некоторые инженерные кадры Юго-Западных железных дорог (он по десять-двадцать лет знал этих людей) «в последние годы [при Столыпине] потерпели погром, потому что среди них довольно много было поляков, а также

некоторые из них были евреи... Несомненно, что все эти поляки и евреи, которые теперь должны были оставить службу вследствие нового черносотенного направления, все они с государственной точки зрения были несколько не менее благонадежны, нежели русские. Таким образом, увольнение их есть не что иное, как дань безумному [черносотенному] политическому направлению»*.

Если революционные или оппозиционные настроения охватывали часть образованных евреев более или менее пропорционально тому, как они охватывали образованные слои русского общества, то почти то же самое можно сказать и о контрреволюционных настроениях. В частности, немало евреев имелось среди провокаторов, агентов охраны, внедренных в революционные партии. Всем известны имена Евно Азефа и Дмитрия Богрова, но было и множество фигур меньшего калибра. Говоря о «зубатовщине», Витте упоминает о всеобщей забастовке в черноморских портах, «устроенной по приказу из Петербурга [переусердствовавшими] правительственными агентами». Он пишет, что «Плеве вынужден был своих же агентов (*в том числе главного — еврейку из Минска*) арестовать и выслать с юга»** (курсив мой. — С.Р.). Другим агентом Плеве была «какая-то еврейка одного из городов Германии». Она под диктовку писала ложные доносы на самых высокопоставленных чиновников (включая Витте), а Плеве докладывал о них царю. Так он подтачивал доверие самодержца к лицам, которых считал своими соперниками***.

Тем не менее даже Витте находился в плену таких же предубеждений в отношении революционности евреев, как и Плеве. Солженицын сообщает, что при встрече с Т.Герцлем Витте поставил ему в упрек, что, «составляя менее 5% населения России, 6 миллионов из 136, евреи рекрутируют из себя 50% революционеров» (стр. 237). Цитату Солженицын выписал из статьи еврейского историка Гершона Света, но оборвал ее на середине. В цитируемой статье дальше сказано: «Однако в конце беседы Витте признал, что евреям в России тяжело живется и что если

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. I. С. 148.

** Там же. Т. II. С. 207—208.

*** Там же. С. 210.

бы "он сам был евреем, то сам был бы против правительства"...»*

Солженицын не раз прибегает к «агитпроповскому» методу цитирования. Каждый раз на это указывать нет смысла, но в данном случае опущенная часть фразы особенно показательна. Вите не чета Плеве. Он понимал, что всякое широкое общественное явление имеет свои общественные причины, и если власть хочет ликвидировать это явление, она должна искоренить причины. Евреи были против правительства, потому что им *тяжко жилось*. Вот в чем был корень зла, что толкало евреев в революцию! Ну а русским рабочим, крестьянам, студентам, мелким служащим, вообще подавляющему большинству населения — намного ли лучше жилось? Как мы помним, Солженицын, препарировав некоторые тексты Глеба Успенского, выкроил из них нужное ему «объяснение» погромов 1880-х годов. Я приведу другой, не препарированный, отрывок из Глеба Успенского, куда более адекватно передающий его мысли и чувства:

«Как известно, а может быть, и не известно читателю, в настоящее время [те же начальные 1880-е годы] телесные наказания при волостных правлениях не только не умягаются в своих размерах, но, напротив, с каждым годом возрастают... Дранье на волостных судах... проходит без малейшего внимания, а дранье — непомерное... Я сам был свидетелем летом 1881 года, когда драли по тридцать человек в день. Я просто глазам своим не верил, видя, как «артелью» возвращаются домой тридцать человек взрослых крестьян после дранья — возвращаются, разговаривая о посторонних предметах... Осенью самое обыкновенное явление — появление в деревне станового, старшины и волостного суда. Драть без волостного суда нельзя — нужно, чтобы постановление о телесном наказании было сделано волостными судьями, — и вот становой таскает с собой суд на обывательских. Суд постановляет решения тут же, на улице, словесно, а «писать» будут после. Писарь тут же. Вы представьте себе эту картину. Вдруг в полдень влетают

---

* Свет Г. Русские евреи в сионизме и в строительстве Палестины и Израиля // Книга о русском еврействе. От 1860-х годов до революции 1917 г. Нью-Йорк: Союз русских евреев, 1960. С. 258.

в село три тройки с колокольчиками: на одной — становой, на другой — старшина с писарем, на третьей — шесть человек судей... Въезжает эта кавалькада, и начинается немедленно ругань, слышатся крики: "Розог!"... "Деньги подавай, каналья!"... "Я тебе поговорю, замажу рот!"...»*

Г. Успенский показывает, сколько корысти, лицемерия, произвола стоит за этой издевательской практикой, сделавшей «законное» надругательство над человеком настолько рутинным, что ни палачи, ни жертвы не сознавали всей чудовищности происходящего. «Не раз я становился в тупик перед этим явлением. Я никак не мог понять, каким образом можно положить на пол, раздеть и хлестать смородиной вот этого умного, серьезного мужика, отца семейства — человека, у которого дочь невеста». И тут же он приводит ответ старосты на вопрос о том, силой ли кладут на землю приговоренных к экзекуции, или они ложатся добровольно: «Коё — силом валят, коё — сами ложатся»**. А вот и пророческое предвидение: «Этот посев ежедневной и ежегодной жестокости, как и всякий посев, должен, непременно должен, дать всходы, плоды. Но едва ли они будут похожи на смородину»***.

В начале 1880-х, когда писались эти строки, мужик, хорошо еще помнивший крепостное право, не смел даже в мыслях своих противостать этой, по терминологии Г. Успенского, «татарщине». Копившуюся в нем самом жестокость мужик обрушивал на тех, кто был еще слабее и бесправнее. И делал он это тем охотнее, что ему нашептывали (и он простодушно верил), что есть царский указ, «разрешающий и даже предписывающий истребление еврейского имущества». Мужик знал сермяжную истину: против лома нет приема. Сам изгой, он с тем же ломом шел на еще более беззащитных изгоев. Таковы были *немедленно* проклюнувшиеся *всходы* на почве жестокого произвола власти.

Ну, а *плоды* созрели поколением позже, и на смородину они точно не походили. Но мужиков продолжали драть. Ког-

---

* Глеб Успенский. Теперь и прежде. М.: «Советская Россия», 1977, С. 224.

** Там же. С. 225—226.

*** Там же. С. 224.

да Государственный совет принял осторожное решение — «обратить внимание государя на своевременность отмены телесных наказаний, Николай II ответил окриком: "Я сам знаю, когда это надо сделать!"»*.

Все сказанное не значит, что я хочу преуменьшить роль евреев в революционном движении. В том, что она была значительной, сомневаться не приходится. Однако оценить ее статистически невозможно, все цифры и проценты на этот счет беспристрастному исследователю ни о чем не говорят, а пристрастный выведет из них все, что захочет.

В своих воспоминаниях С.Ю.Витте подробно и содержательно пишет о революционности евреев и анализирует ее причины. И фактическая, и аналитическая сторона его рассуждений (которые я приведу ниже) далеко не безупречны. Он субъективен, в чем-то неточен, а порой и не свободен от того, что он называет «историческими предрассудками», на чем придется остановиться отдельно. А пока — вот этот пространный, тяжеловесный по стилю, но чрезвычайно важный для нашей темы отрывок:

«После ... Александра II, вместо того, чтобы вести политику относительно евреев в смысле постепенного уничтожения специальных еврейских законов, начали принимать ряд самых резких законодательных стеснений. Так как вся груда еврейских законов представляет смесь неопределенностей с возможностью широкого толкования в ту или другую сторону, то на этой почве создалась целая куча всяких произвольных и противоречивых толкований. В результате явился источник самого разнообразного взяточничества. Ни с кого администрация не берет столько взяток, сколько с евреев. В некоторых местностях прямо создана особая система взяточнического налога на жидов. Само собой разумеется, что при таком положении вещей вся тяжесть антиеврейского режима легла на беднейший класс, ибо чем еврей более богат, тем он легче откупается, а богатые евреи иногда не только не чувствуют тяжести стеснений, а, напротив, в известной мере, главенствуют, они имеют влияние на высших чинов местной администрации.

---

* Цит. по: Кони А.Ф. Николай II. (Воспоминания). В кн.: Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб.: «Пушкинский фонд», 1994.

В начале [18]80-х годов Сенат боролся с таким положением вещей, стараясь не допускать произвольных толкований законов и стеснений евреев, но затем со стороны министров внутренних дел последовали всякие наветы на некоторых сенаторов, как противодействующих администрации. Начали обходить таких сенаторов наградами, переводить их из одних департаментов в другие, даже были случаи увольнения наиболее строптивых*, наконец, начали назначать новых послушных сенаторов. В результате и Сенат начал давать по еврейским законам такие толкования, которые по правде никоим образом из законов не следовали**.

Все это способствовало крайнему революционированию еврейских масс и в особенности молодежи. Этому содействовали также и русские школы. Из феноменально трусливых людей, которыми были почти все евреи лет 30 тому назад, явились люди, жертвующие своей жизнью для революции, сделавшиеся бомбистами, убийцами, разбойниками... Конечно, далеко не все евреи сделались революционерами, но несомненно, что ни одна национальность не дала России такого процента революционеров, как еврейская. Громадное количество евреев пристало к самым крайним партиям. Ожидая от освободительного движения облегчения своей участи, почти вся еврейская интеллигенция, кончившая высшие учебные заведения, пристала к «партии народной свободы», которая сулила им немедленное равноправие. Партия эта в громадной степени обязана своим влиянием еврею, которое питало ее как своим интеллектуальным трудом, так и материально***. Я неоднократно предупреждал глав русского и иностранного

---

* Вопреки закону, по которому назначение в Сенат было пожизненным — именно для того, чтобы сенаторы могли свободно высказывать свое мнение, не опасаясь за свое положение. На деле же каждый сенатор знал, что независимость — мнимая.

** Нелишне отметить, что нарисованная здесь картина относится к эпохе Александра III, которым Витте не устает восхищаться на протяжении всех трех томов своих мемуаров — в противовес Николаю II.

*** Партия народной свободы (другое название конституционно-демократической партии, кадеты) была реформистской, а отнюдь не революционной партией, к ней примыкала и ее поддерживала подавляющая часть российской (в том числе и еврейской) интеллигенции. Кадеты *не* практиковали террора или насилия, то есть *не* принадлежали к «бомбистам, убийцам и разбойникам».

еврейства, что они стали на весьма рискованный и некорректный путь, что, следуя этому пути, они еще более обостряют еврейский вопрос в России, что они должны добиваться облегчений корректными путями, что они должны явить пример верноподданности, что облегчений они могут добиться только через царя, что их лозунгом должно быть не стремление ко всяким свободам, а только «мы просим только одного, чтобы для нас не создавали исключений». Но в пылу освободительных и революционных стремлений и доверившись вожакам «партии народной свободы», т.е. кадетов, на мои советы не обращалось никакого внимания!..

В результате, конечно, явилась сильнейшая реакция, многие сочувствовавшие евреям или индифферентные к ним, стали антисемитами и весьма резкими. В России никогда не было столько врагов евреев, как ныне, никогда еврейский вопрос не стоял так неблагоприятно для евреев. Такое положение очень тягостно для них и крайне неблагоприятно для России. Т.е. для ее успокоения. Я убежден в том, что, покуда еврейский вопрос не получит правильного, незлобивого, гуманного и государственного течения, Россия окончательно не успокоится; но вместе с тем весьма опасаясь, чтобы сразу данное равноправие евреям не наделало много новых смут и опять не обострило дела. Подобные, как и всякие политические вопросы, касающиеся масс, затрагивающие, так сказать, исторические предрассудки, в некоторой степени основанные на расовых особенностях, могут решаться только постепенно, исподволь; всякие быстрые, резкие решения расстраивают равновесие, лучше временное равновесие, хотя бы оно было искусственное, кособокое.

Государство есть живой организм, а потому нужно быть очень осторожным в резких операциях. С государственной точки зрения, граф Н.П.Игнатьев (официальный автор антиеврейского закона 1882 г.) и П.Н.Дурново наделали много вреда своей глупой политикой в еврейском вопросе. Такой ультраконсерватор, но умный человек, как граф [Д.А.]Толстой, бывший министр внутренних дел при Александре III, не допустил бы этих ошибок. Он не успел ис-

править ошибки Игнатьева*, но при нем еврейский вопрос успокоился**. После его смерти Дурново взял прежний курс Игнатьева, хотя лично был в самых дружеских отношениях с некоторыми еврейскими крезами, и не из материальных расчетов, ибо он денежно был человек честный. Он просто был крайне недалек и угодлив. Такой курс был в дворцовой камарилье, и он угодничал. Душою же и сочинителем всех антиеврейских проектов и административных мер был Плеве, как при графе Игнатьеве, так и при Дурново. Лично, как это было ясно из многих разговоров с Плеве по еврейскому вопросу, он против евреев ничего не имел, он был настолько умен, что понимал, что политика эта неправильна, но она нравилась великому князю Сергею Александровичу, по-видимому, и его величеству, а потому Плеве старался всюю***.

Этот отрывок насыщен бесценной информацией, но она препарирована соответственно общественно-политическим взглядам автора, а потому нуждается в уточнениях. Удивляет недостаточная осведомленность Витте о революционных и оппозиционных российских группировках. Все они

---

* Граф Н.П.Игнатьев, кроме всего прочего, был отпетый взяточник и на преследовании евреев хорошо нагревал руки. С корыстной целью он нередко распускал слух о готовящемся очередном антиеврейском законе или постановлении, а затем, получив крупную взятку, с «большим трудом» эту меру отменял. Мемуаристы картинно описывали как это происходило. Обычно, узнав о предполагаемой драконовской мере, известный богач, филантроп и еврейский «лоббист» барон Гинцбург приглашал графа Игнатьева на обед в отдельный кабинет ресторана в гостинице «Англетер». За обедом в узком кругу барон подробно объяснял графу вред, который может произойти от проектируемой меры. К концу обеда притомленный обильными возлияниями граф Игнатьев засыпал, и, чтобы не мешать его сиятельству, все присутствовавшие на цыпочках выходили из кабинета. А затем один из помощников Гинцбурга также на цыпочках возвращался, вкладывал в карман спящему министру конверт и выходил. Еще через несколько минут в дверь снова заглядывали. Если граф продолжал почивать, это значило, что сумма недостаточна, надо добавить. Если же граф уже бодрствовал, то все возвращались, и официантам велели подавать кофе и коньяки.

** Трудно с этим согласиться. При графе Д.А.Толстом прекратились еврейские погромы, которые при его предшественнике никак «не удавалось» остановить, но именно при нем была узаконена процентная норма.

*** Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 201—203.

для него на одно лицо, он видимо, никогда не слышал об острых разногласиях между народниками и социал-демократами, большевиками и меньшевиками, все революционные группы для него — «анархисты». И где-то рядом, в его представлении, обретаются кадеты. А так как еврейство, за исключением кучки богатых «крезов», тоже представляется ему довольно однородной массой, то и получается что они — «бомбисты, убийцы, разбойники» и они же — интеллектуально и материально питают «партию народной свободы». То и другое несовместимо, а не только непомерно преувеличено.

Особенно наивно для такого многоопытного государственного мужа выглядят его советы «главам русского и иностранного еврейства». Выходит, даже Витте не был свободен от того предрассудка, из которого родились «Протоколы сионских мудрецов» (кстати, сказать, именно против него и направленные, но это отдельная тема). Он исходит из того, что существуют какие-то «главы еврейства», которым подчиняется еврейская масса. Призывы к «благоразумию», обращенные к этим «главам», основаны на такой фикции: ведь «главы еврейства» могли повлиять на еврейскую (и нееврейскую) молодежь не в большей мере, чем если бы читали проповедь землетрясению.

Да и были ли эти советы так уж благоразумны? Вряд ли. Разве евреи не пытались десятилетиями добиться маломальски сносного к себе отношения покорностью, кротостью, угодничеством, подхалимством? Не сам ли Витте пишет об еще недавней «феноменальной трусливости» евреев, за версту ломавших шапку перед околоточным надзирателем и не смевших помышлять ни о каких протестах! Увы, горьким опытом поколений было добыто простое знание, что милости от властей предрежащих им не дожидаться; что мольбой и заискиванием, даже астрономическими взятками можно добиться только еще большего презрения, какого, впрочем, и заслуживают трусы и подхалимы. Часть евреев полностью изверилась в возможности чего-то добиться; выход она видела в *исходе* (сионизм!). Другая часть свои упования на лучшую долю связывала с судьбой остальной России, считая, что перемен к лучшему *можно* добиться, но только *совместно* с русским народом. Вряд ли эта позиция была неразумной.

Разве не об этом на каждом шагу свидетельствует и сам Витте? Он-то, конечно, хотел решить еврейский вопрос благоприятно для евреев и с пользой для государства. Но он был белой вороной в высшем эшелоне царской администрации. Преобладали в ней графы Игнатьевы и Толстые, личности типа П.Н.Дурново, Плеве, великого князя Сергея Александровича. Одни устраивали погромы; другие их прекращали, но ужесточали процентные нормы; третьи — при всеобщем молчании — затевали высылку еврейского населения из первопрестольной. Кто-то, не имея в душе ничего против евреев, третировал их из угодничества перед дворцовой камарильей и его величеством. И все — жировали за счет «налога на жидов». Можно ли было всерьез ожидать, что свора высокопоставленных держиморд и мздоимцев ни с того ни с сего сжалится над иностранцами-иноверцами и приступит к — пусть не одномоментной, но хотя бы постепенной (как считал правильным Витте) — отмене травли, ограничений, стеснений, а значит, и столь выгодного «налога». Ради чего? По какой надобности?

Ну, а сам Витте — допустим на минуту, что он получил бы от царя полномочия осуществлять *все*, что считал полезным и нужным? Столь уж неотложными показались бы ему послабления по отношению к иноверцам, чьи «расовые особенности» он считал одной из причин «исторических предрассудков» против них, когда на повестке дня всегда стояли бы куда более неотложные вопросы? Вот пример, который приводит он сам.

В 1905 году, когда он, заключив в Портсмуте мир с Японией, встретился с президентом США Теодором Рузвельтом, тот передал ему письмо для Николая II, в котором указывал на неверное толкование российской стороной одного из пунктов торгового соглашения 1832 года. Соглашение предусматривало широкий доступ в каждую из стран бизнесменов из другой страны. Ограничения могли касаться лишь лиц, о которых имеются данные, что их приезд может нанести стране материальный или иной ущерб. Но российская сторона исключение превратила в правило, чтобы не впускать в Россию американских евреев! Рузвельт объяснял, что такая трактовка договора делает его несовместимым с Конституцией Соединенных Штатов, ко-

торая запрещает дискриминацию по вероисповедному признаку. Он просил пересмотреть практику российской стороны, предупреждая, что в противном случае Америке придется расторгнуть столь полезный обоим сторонам договор.

Вернувшись в Россию, Витте передал письмо американского президента царю, а тот — министру внутренних дел Булыгину. Но с мертвой точки дело не сдвинулось. Вскоре — после манифеста 17 октября — сам Витте возглавил правительство. Казалось бы, ему и карты в руки. Что же он сделал? Он создал ... комиссию, и при нем она завершить работу не успела! Позднее, уже при Столыпине, комиссия пришла к положительному решению, но этому решению «не было дано никакого хода»: американских евреев продолжали дискриминировать. То же продолжалось и после убийства Столыпина, когда правительство возглавил министр финансов В.Н.Коковцов, который лучше всех понимал экономические выгоды торгового договора с Америкой. В декабре 1911 года американская сторона денонсировала договор. Торжествовал принцип, некогда провозглашенный императрицей Елизаветой Петровной: «От врагов Христовых интересной прибыли не желаю!»

Как же можно было ждать от правительства — даже самого доброжелательного, — что оно будет торопиться с решением еврейского вопроса, если сами евреи будут вести себя тише воды, ниже травы, ничего не требовать, а только иногда жалобно скулить и «подмазывать»? Мало у правительства других забот! Можно не сомневаться, что, веди евреи себя так, как советовал Витте «главам еврейства», «кособокое равновесие» сохранялось бы вечно!

И, наконец, нельзя не сказать о моральном аспекте его совета. Речь ведь шла о конкретной исторической ситуации, когда в России нарастала и все более обострялась борьба между обществом и властью, дорого обходившаяся обоим сторонам. А евреям предлагалось чужими руками загребать жар, то есть в борьбе не участвовать, показывать пример послушания и, пока идет драка, под шумок вымалывать у царя какие-то послабления. А конституции, избирательных прав, свободы печати и прочих свобод для народа, а, значит, и для них, должны были добывать русские, идя за это в тюрьмы, на каторгу, виселицу. То, что предлагал Витте, сводилось к штрейкбрехерству, амораль-

ному и бесплодному. Евреи были *обречены* на участие в освободительном, революционном, либерально-демократическом движениях бок о бок с русскими и всеми другими народами.

Постулируемая Солженицыным суперреволюционность евреев — это миф, причем он восходит к тому времени, когда евреев вообще не было или почти не было среди российских революционеров, а просто всех неугодных записывали в евреи, что производило соответствующий пропагандистский эффект. Методика св. Геннадия Новгородского, сработавшая в его борьбе против ереси «жидовствующих», действовала безотказно на протяжении столетий. Того же С.Ю.Витте его политические противники постоянно причисляли к «жидовствующим». Любопытна запись в дневнике военного министра генерала А.Н.Куропаткина (1902) — о том, как министр юстиции Н.В.Муравьев обрабатывал его, вкрадчиво внушая, что Витте, «благодаря своей жене, еврейке чистой крови, Матильде, заключил тесный союз с евреями и опутывает Россию*. Что в экономическом отношении это опасный для России человек, и чем скорее он оставит пост министра финансов, тем лучше. Но что есть еще более опасная сторона этой личности. Инспирируемый своею Матильдою, он тоже ненавидит государя. Муравьев готов намекать, что в своей ненависти он, неразборчивый в средствах, может зайти очень далеко. В его руках евреи, в его руках особые органы своей тайной полиции. Муравьев и ранее намекал мне, что в происходящих внутри России волнениях он готов заподозрить Витте. Что из числа государственных преступников ему, Муравьеву, первого пришлось бы арестовать Витте. Что он, Муравьев, готов подозревать самые коварные, преступные замыслы в голове Витте. Что он готовится, если бы была перемена царствования, захватить власть в свои руки. У него масса своих людей, всюду организовано свое влияние»**.

---

* Интересно, что Витте ни разу не упоминает о еврейском происхождении своей (второй) жены, а связанные с женитьбой на ней «страшный шум, всякие сплетни» относит на счет того, что женился на разведенной. При этом жену он ни разу не называет по имени, но всегда по имени-отчеству: Матильда Ивановна.

** Куропаткин А.Н. Из дневников. В кн.: Николай II. Воспоминания. Дневники. Серия «Государственные деятели России глазами современников». СПб.: «Пушкинский фонд», 1994. С. 65.

Такова технология изготовления всех антисемитских мифов. Сперва постулируется некая особая вредоносность евреев, а затем все неудобные объявляются евреями (или еврействующими, породненными с евреями и т.д.). На таком неглубоком фундаменте построен и миф о суперреволюционности евреев.

В действительности еврейская масса была не более революционна, чем русская, польская, грузинская *etc.* Активное участие в революционных выступлениях принимало активное меньшинство. Наблюдавшееся с годами увеличение доли евреев в этом активном меньшинстве (точнее, в его образованной части) в какой-то мере объяснялось специфически антиеврейской политикой властей, а еще в большей мере — быстрым *обрусением* евреев. Когда черносотенец В.В.Шульгин, благожелательно цитируемый Солженицыным, писал: «Роль евреев в революционизировании университетов была поистине примечательна и совершенно не соответствовала их численности в стране» (стр. 238)*, то он допускал заведомую передержку, ибо удельный вес евреев *в университетах*, даже при наличии процентной нормы, в несколько раз превышал их удельный вес в *населении страны*. Что же касается основной массы еврейства, то даже Шульгин признавал, что они к революции никакого отношения не имели, а «мирно зарабатывали свой "ковалец хлеба"»**.

О том, что революционные настроения были особенно широко распространены в студенчестве, хорошо известно. Причина этого раскрывается в мемуарах того же Витте. Говоря о первой жертве политического террора в начале века, министре народного просвещения Н.П.Боголепове, Витте писал:

«Это было первое анархическое покушение; оно было как бы предвестником всех тех событий, которые мы пережили с 1901 по 1905 гг. и которые в другой форме мы переживаем и ныне***, но уже по причинам иного поряд-

---

* См.: Шульгин В.В. Что нам в них не нравится... Об антисемитизме в России. М.: Национально-республиканская партия России; изд-во «Хорс», 1992. С. 164.

** Там же.

*** Мемуары Витте писались с 1907 по 1912 год; данные строки, судя по содержанию, были написаны в 1911 году.

ка, не потому, чтобы России не было дано того, чего она желала. В конце концов его величеству благоугодно было 17 октября 1905 г. дать России то, о чем лучшие ее люди мечтали с царствования Александра [I] Благословенного. Но нынешнее положение дела происходит от других причин, а именно от того, что Столыпин по соображениям личным, не будучи в состоянии уничтожить 17 октября 1905 г., постепенно его коверкал и коверкал в направлении политического распутства*. Боголепов был весьма порядочный, корректный и честный человек, но он держался крайне реакционных взглядов... Вообще, когда сравниваешь этот режим, который был в 1901 г., с тем, который ныне водворил министр народного просвещения Кассо, то приходится удивляться тому, каким образом такой режим, режим полнейшего произвола и усмотрения мыслим после 17 октября 1905 г. Это удивление может быть умалено сознанием, что, в сущности говоря, Кассо есть продукт общей распутной политики, внедренной Столыпиным, которая и породила Кассо**.

Витте не упоминает о том, что Боголепов, в бессильном стремлении приструнить студентов, был инициатором такой карательной меры, как сдача их в солдаты. Убивший его Петр Карпович и был одним из таких исключенных студентов. Так что у студенчества было достаточно причин противостоять власти и до 17 октября 1905 года, и после, но откуда следует, что студенты-евреи были более революционны, чем русские? Одолев барьер процентной нор-

---

* Как основной участник конституционных преобразований 17 октября, Витте полагал, что России было дано «все, о чем мечтали ее лучшие люди». Это сильное преувеличение. Было положено только *начало* преобразованиям, дальнейший их ход должен был зависеть уже от решений Государственной Думы. Но вместо того, чтобы дать ей возможность работать, Николай II разогнал Первую и Вторую Думы, избранные на основе им же одобренного (далеко не демократического!) избирательного закона, а затем санкционировал столыпинский государственный переворот, выразившийся в самовольном *изменении* избирательного закона в таком направлении, чтобы получить послушную Думу и с ее помощью отобрать как можно больше «дарованных» свобод. Это Витте и называет «коверканием 17 октября», которое он приписывает Столыпину. Однако, проводя этот курс с большой настойчивостью, Столыпин лишь выполнял волю императора. (Подробнее мы это обсудим — в последующих главах.)

** Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 189—190.

мы, евреи в большинстве учились гораздо прилежнее своих товарищей и местом в университете сильнее дорожили. С другой стороны, та же процентная норма не могла не возмущать в них естественного чувства справедливости, не оскорблять их национального достоинства, не звать к протесту. Впрочем, ограничения прав евреев возмущали не только их самих, но и многих их русских товарищей. Чувство солидарности, как известно, особенно развито у молодежи.

Мне неизвестно ни одного исследования, в котором сопоставлялась бы степень революционности студентов разных этнических и религиозных групп. Можно говорить только об отдельных частных наблюдениях, но для обоснованных выводов они недостаточны.

Так, Солженицын приводит наблюдение В.В.Шульгина, относящееся к студенческой сходке в Киевском университете в 1899 году: «Длиннейшие коридоры университета были заполнены жужжащей студенческой толпой. Меня поразило преобладание евреев в этой толпе. Было их более или менее, чем русских, я не знаю, но несомненно они "преобладали". Т.е. они руководили этим мятущимся месивом в тужурках» (стр. 237). Однако нет никаких оснований считать этот случай типичным, да и сама его «подача» не заслуживает доверия по ряду оснований. Во-первых, все писания В.В.Шульгина относятся к полубеллетристическому жанру, реальные факты «обогащены» авторской фантазией. Во-вторых, данное свидетельство было записано через тридцать лет после самого события, а на таком временном расстоянии память способна проделывать шутки с куда более щепетильными мемуаристами. А главное, Шульгин был патентованным антисемитом, чего и не скрывал, но, напротив, «сто тысяч раз в течение двадцатипятилетнего своего политического действия о сем заявлял, когда надо и не надо»*; а в предубежденном сознании юдофоба евреи «преобладают» во всем, к чему он, юдофоб, относится негативно.

Волнения в Киевском университете, о которых пишет Шульгин, возникли в знак солидарности со студентами

---

* Шульгин В.В. Ук. соч. С. 7.

Петербургского университета, подвергшимся избиению полицией. В столичном же университете евреев было в несколько раз меньше, чем в Киевском, ибо прием их был ограничен трехпроцентной нормой (в Киеве 10 процентов)*. Так что студенты-евреи, участвовавшие в киевских событиях, шли на столкновение с властями ради того, чтобы *поддержать своих питерских товарищей-неевреев*. Такова истинная цена утверждения Шульгина и вслед за ним Солженицына, будто евреи преобладали в студенческом движении.

Большого доверия заслуживает другое свидетельство, приведенное Солженицыным. Он пишет: «Г.Гершуни на суде объяснял: «Это — *ваши* преследования загнали нас в революцию» (стр. 239). Гершуни — один из ведущих эсеровских боевиков, отличавшихся фанатизмом и бесстрашием, — говорил, конечно, о своем субъективном опыте. Переносить его на широкие слои молодых еврейских интеллигентов не следует: большинство из них хотя и жаждало перемен, но не готово было ни умирать, ни убивать ради них. Но определенная доля истины в словах эсеровского боевика, несомненно, содержится. Ибо если власти рассчитывали, что в ответ на процентную норму в гимназиях и университетах евреи введут процентную норму на свое участие в революционном движении, то это была утопия. Одно из двух — либо процентная норма на поступление в учебные заведения и вообще на нормальное участие в жизни, либо процентная норма на участие в борьбе против процентных норм и иных притеснений!

Итак, понятно, что «загоняло в революцию» евреев. Но Солженицын, не оспаривающий черносотенца Шульгина, оспаривает красносотенца Гершуни: «На самом деле объяснение уходит корнями и в еврейскую, и в русскую историю, и в их пересечение» (стр. 239).

Оно, конечно, не без того, да выражено туманно по сравнению с чеканной формулировкой Гершуни, которая, как это ни парадоксально (а на самом деле, симптоматично), хорошо согласуется если не с взглядами, то с

---

* Надо иметь в виду, что процент учащихся евреев, как правило, превышал процентную норму для поступавших, так как среди них было значительно меньше отсева.

фактической стороной приведенного выше отрывка из «Воспоминаний» Витте. О том же еще один весьма выразительный отрывок:

«Я расходился с Плеве и по еврейскому вопросу. В первые годы моего министерства при императоре Александре III государь как-то раз меня спросил:

«Правда ли, что вы стоите за евреев?»

Я сказал его величеству, что мне трудно ответить на этот вопрос, и спросил позволения государя задать ему вопрос в ответ на этот. Получив разрешение, я спросил государя, может ли он потопить всех русских евреев в Черном море. Если может, то я понимаю такое решение вопроса, если же не может, то единственное решение еврейского вопроса заключается в том, чтобы дать им возможность жить, а это возможно лишь при постепенном уничтожении специальных законов, созданных для евреев, так как в конце концов не существует другого решения еврейского вопроса, как предоставление евреям равноправия с другими подданными государя... Я доныне остаюсь при высказанном мною Александру III убеждении по еврейскому вопросу. Поэтому, когда я был министром финансов, я систематически возражал против всех новых мер, которые хотели принимать против евреев. Я был бессилён заставить пересмотреть все существующие законы против евреев, из которых многие крайне несправедливы, а в общем законы эти принципиально вредные для русских, для России, так как я всегда смотрел и смотрю на еврейский вопрос не с точки зрения, что приятно для евреев, а с точки зрения, что полезно для нас, русских, и для Российской империи»*.

Тому, что Витте, многократно записанный в «жидовствующие», смотрел на еврейский вопрос «не с точки зрения, что приятно для евреев», можно привести массу примеров, но наиболее показателен эпизод, на котором здесь уместно остановиться уже потому, что на нем останавливается и Солженицын.

Вынудив царя «даровать» свободы, изложенные в Манифесте 17 октября 1905 года и возглавив правительство,

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 199.

Витте встретился с представителями прессы, чтобы заручиться ее поддержкой, но потерпел неудачу. От имени собравшихся издателей и редакторов речь держал С.М.Проппер, издатель «Биржевых ведомостей». Он не бросился в объятия к новому главе правительства, как тот ожидал, а стал излагать претензии, что ужасно возмутило Витте.

Солженицын приводит многие подробности этой встречи, но не то, что наиболее важно для основной темы его книги. Вот место из воспоминаний Витте, которые Солженицын обходит.

«Что же собственно заявлял мне г. Проппер в присутствии представителей всей прессы?

— "Мы правительству вообще не верим". — Согласен, что оно, когда начинает говорить о либеральных мерах, часто не заслуживает доверия. Теперь столыпинский режим это нагляднее всего показывает... Но все-таки не Пропперу было мне после 17 октября заявлять, что он правительству не верит, а в особенности с тем нахальством, которое присуще только некоторой категории русских "жидов"*.

Витте просто из себя выходит от одной мысли, что какой-то *жид* смеет *нахально* ему возражать, выставлять требования, и это после того, как он, граф Витте, «вырвал» (сам он, впрочем, отрицал, что вырвал) у государя манифест о даровании гражданских прав, парламента, конституции и т.п.! И Проппер смеет говорить «от имени прессы, по крайней мере в присутствии почти всех представителей ее»**. Если бы эти требования выставил «представитель какого-то крайне левого листка, социалистического или анархического направления, я бы его понял, но в устах Проппера...»***

Когда писались эти строки, со времени злополучной встречи прошло лет пять-шесть, но бывший премьер продолжает кипеть, не умея совладать со своими эмоциями!

Из дальнейшего его изложения, однако, выясняется, что ничего собственно «жидовского» в поведении Проппера не было: говорил он не от себя лично, а от профсоюза газет, создавшегося в те бурные дни. В него входили и

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. III. С. 59.

** Там же. С. 60.

*** Там же.

правые, и левые издания. Перед встречей с премьером они договорились, что их мнение первоначально должен представить кто-то один, чтобы не устраивать базара. Почему выбор пал на Проппера? Да, видимо, потому, что его газета была умеренной и сам он был компромиссной фигурой, — ни правым, ни левым, да и вообще не политиком. Выходит, то, что он высказал премьеру, было согласовано с теми, кто молчал!

Витте считал Манифест 17 октября своей личной победой и субъективно имел к тому основания, учитывая ту жестокую борьбу, какую он выдержал в замкнутом кругу высшей правительственной бюрократии. Но представители прессы видели в Манифесте победу общественных сил, и у них к тому были не менее веские основания. Они знали, что если бы не общественные настроения, выражаемые прессой и поддержанные такими нешуточными аргументами, как всеобщая забастовка, волнения в армии, крестьянские бунты, растерянность и дезорганизация власти, то ни о каких послаблениях не могло бы быть и речи. Но победу они считали не полной, не окончательной, а главное, не гарантированной. Они требовали гарантий, что начатый процесс не будет повернут вспять (и ведь был повернут очень скоро, что сам Витте подтверждает). Солженицын, видимо, прав, когда солидаризируется с Витте, который отверг высказанное Проппером требование о выводе войск и полиции из Петербурга (фактически это было требование социал-демократов). Но как понять реакцию того же Витте на требование удалить с поста генерал-губернатора палача рабочих и душителя всех свобод генерала Д.Ф.Трепова?

Трепов был главным врагом Витте на Олимпе власти. «Само собой разумеется, что, раз я стал председателем Совета министров, диктатор Трепов оставаться не мог, но такое требование в устах Проппера *лишило меня возможности* сейчас же расстаться с Треповым, который, запутавшись, жаждал удалиться к более благоприятной для своей особы роли, и вопреки просьбе Трепова дать ему сейчас же возможность улепетнуть, я был вынужден задержать его некоторое время (недели две), так как немедленное удаление его имело бы вид моей слабости. Т.е. слабости

власти, мне врученной. И опять-таки, кто представил это требование? Господин Проппер...»* (курсив мой. — С.Р.)

Интересная логика, очень ясно показывающая, кто был с кем и кто против кого в те судьбоносные дни. Трепов — это абсолютное зло, Трепов должен уйти, он и сам просится уйти, но Витте его не может отпустить именно потому, что представители прессы требуют того же!

Аналогичное противостояние возникло по вопросу о политической амнистии. Вскоре был принят закон (точнее, указ) о широкой амнистии политических заключенных, совершивших преступные деяния до 17 октября; Витте гордился этой акцией. Но то, что Проппер, от имени профсоюза прессы, потребовал амнистии, его возмущает до глубины души**. По его логике, сотрудничество с прессой должно было выразиться в том, чтобы она пала перед ним ниц и стала коленопреклоненно петь осанну дорогому и любимому вождю и учителю Сергею Юльевичу. Выходит, что власть, даже в лице наиболее либерального и решительного ее представителя, не готова была объединиться с обществом для совместной работы над оздоровлением обстановки в стране. Между властью и обществом сохранялся водораздел, так что Проппер *имел основания* не доверять правительству и требовать подтверждения либеральных деклараций — действиями.

Об этом говорили Витте многие в те дни. Он прилагал большие усилия, чтобы привлечь в правительство или хотя бы заручиться поддержкой представителей общественных организаций — конечно, из числа наиболее умеренных. С этой целью он встречался со многими видными деятелями, но все они выставляли условия, требования, которые он, может быть, и рад бы, но бессилён был удовлетворить. Так, П.Н.Милюков предлагал ему — в развитие Манифеста, издать от имени царя Конституцию, взяв за образец хотя бы Бельгийскую или Болгарскую. Только так, объяснял будущий лидер партии кадетов (в те дни еще не оформившейся) правительство сможет заручиться доверием общества. Витте ответил: «Не могу, потому что царь этого не

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. III. С. 60.

** Там же. С. 60.

хочет». И он действительно не мог. Ведь даже в Манифесте, где фактически говорилось о даровании конституции, само это слово — столь страшное для царя — выступало под псевдонимом «основные законы». «Это было то, чего я ожидал: краткий смысл длинных речей, — комментировал Милюков. — И я заключил нашу беседу словами, которые хорошо помню: "Тогда нам бесполезно разговаривать. Я не могу подать вам никакого дельного совета"»*.

Перетягивание каната продолжалось, и виноваты в этом были, как минимум, обе стороны. Витте это отрицает, а негодование свое фокусирует на Проппере, хотя тот был только одним из тех, кто «озвучил» перед ним широко распространенное мнение. Нельзя не видеть, что рассуждения бывшего премьера о «нахальном еврейчике» продиктованы не разумом, а прорвавшимися сквозь внешний лоск юдофобскими атавизмами, таившимися, оказывается, в темных закоулках его души и вдруг хлынувшими наружу.

Если такие страсти бушевали в душе даже самого высокополобого представителя царской администрации, то что же говорить о менее умных и интеллигентных! В их сознании евреи заранее были виноваты во всех неудачах власти. Николай II, например, был, видимо, искренен в этом убеждении. Даже через много лет, находясь под арестом в Екатеринбурге, он недоумевал: «Скажите, пожалуйста, Белобородов — еврей? Он на меня производит впечатление русского». А узнав, что тот и есть русский, с еще большим недоумением: «Как же он тогда состоит председателем областного Совета?»**

Не одни Меньшиковы творили миф о «еврейской революции», когда революционной была вся униженная и оскорбленная Россия, то есть большинство русских крестьян, рабочих, ремесленников, солдат, мелких служащих, студентов, интеллигентов и практически все национальные и религиозные меньшинства (они составляли 35 процентов жителей империи, если украинцев и белорусов считать русскими, хотя сами они так не считали и имели свои претензии к власти). Но расшатывали ее и более могуществен-

* Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М.: Современник, 1990. С. 331.

** Авдеев А.Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге. «Красная Новь». 1928. № 5. С. 205.

ные силы. Вот что писал об этом уже в эмиграции великий князь Александр Михайлович (Сандро), один из наиболее близких Николаю II членов императорской фамилии:

«Императорский строй мог бы существовать до сих пор, если бы "красная опасность" исчерпывалась такими людьми, как Толстой и Кропоткин, террористами, как Ленин и Плеханов, старыми психопатками, как Брешко-Брешковская или же Фигнер, или авантюристами типа Савинкова и Азефа. Как это бывает с каждой заразной болезнью, настоящая опасность революции заключалась в многочисленных носителях заразы: мышах, крысах и насекомых... Или же, выражаясь более литературно, следует признать, что большинство русской аристократии и интеллигенции составляло армию разносчиков заразы. Трон Романовых пал не под напором предтеч Советов или юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и других общественных деятелей, живших щедротами империи. Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян (но хотел ли? — *С.Р.*); полиция справилась бы с террористами. Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах. Как надо было поступить с теми великосветскими русскими дамами, которые по целым дням ездили из дома в дом и распространяли самые гнусные слухи про царя и царицу?»*

Лодку самодержавной власти Николая II раскачивало все общество снизу доверху. Только вот с логикой великого князя Сандро согласиться трудно, ибо получается у него, что вся страна болела «заразной болезнью» и только государь император был здоров. На самом деле, наиболее тяжелой формой болезни страдал он сам и усиленно прививал ее всем тем, кто вместе с ним или его именем правил страной. Об этом свидетельствует и сам великий князь

---

* Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Цит. по сборнику: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 323.

Сандро, когда приводит часть своего письма, посланного императору за два месяца до его отречения от престола:

«Как это ни странно, но мы являемся свидетелями того, как само правительство поощряет революцию. Никто другой революции не хочет. Все сознают, что переживаемый момент слишком серьезен для внутренних беспорядков. Мы ведем войну, которую необходимо выиграть во что бы то ни стало. Это сознают все, кроме твоих министров. Их преступные действия, их равнодушие к страданиям народа и их беспрестанная ложь вызовут народное возмущение. Я не знаю, послушаешься ли ты моего совета или же нет, но я хочу, чтобы ты понял, что грядущая русская революция 1917 года явится прямым продуктом усилий твоего правительства. Впервые в современной истории революция будет произведена не снизу, а сверху, не народом против правительства, но правительством против народа»*.

Стремясь подвести хоть какую-то базу под представления об «особой», «чрезмерной» революционности евреев, Солженицын прибегает к излюбленному им приему — цитированию авторов-евреев, подбирая то, что ему нужно, а не то, что хоть сколько-нибудь обосновано и соответствует исторической действительности. Источником ему в данном случае служит в основном сборник «Россия и евреи», составленный так называемым «Отечественным объединением русских евреев за границей»**.

«Объединение», как можно понять, состояло из шести человек, составивших авторский коллектив сборника. Весь его пафос состоит в биении себя в грудь и посыпании головы пеплом.

Объясняя, в чем состояла якобы роковая роль евреев в русской революции, Г.А.Ландау, которого Солженицын называет «видным еврейским публицистом», многословно рассуждает о том, что еврейские родители — мещане и буржуа — даже те из них, кто не придерживался революционных взглядов, «сочувственно, подчас с гордостью, и в крайнем случае безразлично [смотрели] на то, как их дети штамповались ходячим штампом одной из ходячих

---

* Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Цит. по сборнику: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 315.

** Россия и евреи. Берлин: «Основа», 1924; второе издание: Париж: YMCA Press, 1978.

революционно-социалистических идеологий» (стр. 239—240) — в отличие, надо полагать, от русских мешан и буржуа, которые *своих* детей от этого удерживали!

Прежде всего, надо сказать, что Г.А.Ландау был не только публицистом, но активным общественным и политическим деятелем, участником Еврейской демократической группы. До 1905 года эта группа примыкала к Союзу освобождения, в котором ведущую роль играли П.Б.Струве, И.И.Петрункевич, П.Н.Милюкова, Ф.И.Родичев, составившие затем ядро Конституционно-демократической партии. В горниле событий 1905 года немногочисленная группа Ландау оказалась левее кадетов, в одной связке с трудовиками, тогда как к кадетам примкнула более многочисленная Еврейская народная группа — еще одно подтверждение той простой истины, что еврейское революционное, либеральное, оппозиционное движение, в своей пестроте, лишь повторяло в уменьшенном виде общероссийское движение*. Таким образом, Г.А.Ландау выражал настроения отнюдь не всего еврейства, а относительно небольшой группы. Пиком его общественно-публицистической деятельности было составление в 1905 году, «в минуту открытого проявления всех общественных требований», текста знаменитого «Заявления еврейских граждан» с требованием равноправия, под которым было собрано более шести тысяч подписей. Для Солженицына этого документа не существует — он его не цитирует и не упоминает, зато охотно приводит сомнительные послереволюционные спекуляции того же Ландау, под которыми вряд ли поставили бы свои подписи хотя бы шесть человек из тех, кто подписал его «Заявление» 1905 года.

Словами «видного еврейского публициста» Солженицын сообщает читателям о том, будто «постепенно установилась в еврейском обществе гегемония социализма», что революционные идеи «в еврейской среде были дважды разрушительны», и т.п. Договаривается он вместе с Г.А.Ландау и до того, что евреи якобы отрицали «гражданское общество и современное государство» (стр. 240). Абсурд-

* Арансон Г.Я. В Борьбе за права // Книга о русском еврействе. От 1860-х годов до революции 1917 г. Нью-Йорк: Союз русских евреев, 1960. С. 225.

ность этого утверждения состоит уже в том, что российское *государство*, в том виде, в каком оно существовало, как раз и было главным отрицателем *гражданского общества*; значительное большинство тех, кто выступал против *такого* государства, боролись за гражданское общество. Не говорю уже о том, что противники царского строя вовсе не отрицали государства. Исключение составляла лишь небольшая группа анархистов, сбитых с толку опасными утопиями Бакунина и Кропоткина. В «Заявлении» Г.А.Ландау 1905 года читаем: «Мы ждем уравниения нас в правах с русским народом; наравне и вместе со всеми народами России мы и будем устраивать свою судьбу, свободно развивая свои силы *на благо государству* и человечеству». (Курсив мой. — С.Р.)* Какова же после этого цена словам того же автора, что евреи якобы отрицали гражданское общество и государство!

Не большего стоят и его запоздалые сетования на то, что еврейские родители якобы охотно поощряли детей на революционный подвиг. Если бывали такие родители, то только как исключение. Правилom же было обратное: еврейские родители тряслись над своими чадами гораздо больше, чем русские (чрезмерное чадолюбие — одна из самых характерных национальных черт евреев, предмет постоянного вышучивания со стороны острословов), а потому и всячески старались уберечь отпрысков от опасных увлечений, грозивших погубить их молодые жизни. Если же часть молодежи все-таки шла в революцию, то потому что родители были *бессильны* противостоять влиянию общественной атмосферы, в которую попадали их чада, когда выхаживали из-под родительского крыла.

Об убожестве рассуждений, на которые опирается Солженицын, еще ярче говорят другие его выписки из того же сборника. Читаем:

«В.С.Мандель отмечает: "Русский марксизм в чистом его виде, списанный с немецкого, никогда не был русско-национальным движением, и революционно настроенной части русского еврейства, для которой воспринять социалистическое учение по немецким книжкам не со-

---

* См.: Книга о русском еврействе. С. 110.

ставляло никакого труда, естественно было принять значительное участие при пересадке этого иностранного фрукта на русскую почву". — Ф.А.Степун высказался так: еврейская молодежь смело спорила, цитируя Маркса, в каких формах русскому мужику надо владеть землей. Марксистское движение в России началось с еврейской молодежи в черте оседлости. Развивая мысль, В.С.Мандель напоминает «Протоколы сионских мудрецов» ... эту нелепую и злостную фальсификацию^{*}. Так вот "эти евреи усматривают в бреднях протоколов злой умысел антисемитов искоренить еврейство", но ведь они "сами в большей или меньшей степени не прочь устроить мир на новых началах и верят, что революция есть шаг по пути осуществления царства Божия на земле и они, уже не в осуждение еврейского народа, а в похвалу, приписывают ему роль вождя народных движений за свободу, равенство и социальную справедливость, вождя, для достижения этой высокой цели, конечно, не останавливающегося перед разрушением существующего государственного и социального строя". И приводит пример крайнего выражения в книге Фрица Кана «Евреи как раса и народ культуры»: "Моисей за 1250 лет до Христа первый в истории провозгласил права человека... Христос заплатил смертью за проповедь коммунистических манифестов в капиталистическом государстве"; а "в 1848 году вторично возшла вифлеемская звезда — и опять она возшла над крышами Иудеи: Маркс"» (стр. 242, со ссылкой на сборник «Россия и евреи», стр. 172—173).

В свойственной ему манере Солженицын полумитирует, полупересказывает еврейского публициста для подтверждения основных своих положений. Попытаемся разобраться, есть ли в этих рассуждениях В.С.Манделя хоть какой-то смысл.

Нам сообщается, что марксизм был перенесен в Россию не Г.В.Плехановым и другими разочаровавшимися в народничестве чернопередельцами, а еврейской молодежью.

---

^{*} Как помнит читатель, я указывал, что «Протоколы» упомянуты у Солженицына только в связи резолюцией П.А.Столыпина. Каюсь в этой ошибке: как видим, есть и второе упоминание — в цитате из В.С.Манделя, — но оно сродни первому. Сами «Протоколы» и их отравляющее воздействие на отношение к евреям Солженицын не считает предметом, заслуживающим внимания.

«Протоколы сионских мудрецов» В.С.Мандель, конечно, называет фальшивкой, но сам — с не меньшей разнузданностью, нежели создатели этого подлога, — приписывает евреям претензию на «вождизм», на руководство всем миром, на безудержное стремление к потрясению основ, «не останавливаясь перед разрушением существующего государственного и социального строя». Это та же клевета на еврейский народ, что содержится в «Протоколах...»! Но, пожалуй, самое изумительное в приведенном пассаже — это цитата в цитате из некоего Фрица Кана, говорящая о том, что бредовому сознанию юдофобствующего еврея — так же, как сознанию любого одержимого юдофоба, — поистине «все дозволено». Библейский Моисей — племенной вождь, освободивший из рабства свой народ (племя) — превращается в поборника прав человека (*индивидуальных свобод*), о чем, конечно, он не имел ни малейшего понятия. *Рабовладельческий Рим*, распявший Иисуса Христа, превращен в *капиталистическое* государство. А сам Иисус, проповедовавший то ли всепрощение и смирение (согласно одному из наиболее принятых толкований), то ли звавший к народному восстанию против Рима (согласно другому распространенному толкованию), то ли как-то сочетавший эти две крайности, становится проповедником *коммунистических манифестов*, которые, конечно, ему не могли и присниться. И, наконец, истинный автор коммунистического манифеста, *немецкий выкрест-антисемит*, считавший евреев наиболее полным воплощением ненавистной ему буржуазности, преобразуется в подобие прорицателя, странствующего по Иудейской пустыне.

Бумага поистине все терпит. Постулируя мистическую связь между тремя евреями, отделенными друг от друга тысячелетиями, Мандель, в сущности, приписывает евреям все социальные потрясения и катаклизмы, когда-либо случавшиеся в истории человечества. От чего, конечно, снова переходит к истории России. Солженицын с готовностью цитирует: русское правительство «окончательно зачислило еврейский народ во враги отечества», но это, так сказать, поделом, ибо «хуже того было, что многие еврейские политики зачислили и самих себя в такие враги, ожесточив свои сердца и перестав различать между «правительством» и отечеством — Россией... Равнодушие

еврейских масс и еврейских лидеров к судьбам Великой России было роковой политической ошибкой» (стр. 453—454). Это пишет тот самый автор, который только что иронизировал по поводу того, как еврейская революционная молодежь, с пеной у рта и с риском попасть на каторгу, спорила о формах земельной собственности русских крестьян!

Так в чем же была «роковая ошибка» евреев — в том, что они вместе с русскими революционерами боролись с деспотическим режимом, чтобы сделать Россию свободной и счастливой страной, или в том, что они были равнодушны к ее судьбе, полагая, что им с ней не по пути? Только очень неумный и полуобразованный «публицист», одержимый манией своей собственной значимости, может без зазрения совести выставлять на всеобщее обозрение такой интеллектуальный кисель. Вести разговор на таком уровне просто неудобно. Но именно из такого сора Солженицын выстраивает концепцию ведущего участия евреев в революции. Он пишет уже от себя:

«...и в разрушении монархии, и в разрушении буржуазного порядка ... евреи также послужили передовым отрядом. Такова — прирожденная мобильность еврейского характера, и его опережающая повышенная чуткость к общественным течениям, к проступу будущего. Но в истории человечества не раз бывало, что из самых естественных порывов людей — потом вдруг да вырастали неестественные чудовища».

Иначе говоря, неестественное чудовище большевистской тирании «произросло» из естественной мобильности еврейского характера! Если не они одни совершили революцию, то «послужили передовым отрядом».

Солженицын приходит к тому, с чего начал. Он не ищет ответа на поставленный вопрос, не решает задачу, а подгоняет решение под заранее известный ему ответ. Ответ этот заимствован отнюдь не у Ландау или Манделя, а в досоветских и постсоветских писаниях черносотенных публицистов, от М.О.Меньшикова и В.В.Шульгина до И.Р.Шафаревича и В.В.Кожина.

Но почему же все-таки в России произошла революция? Кто был ее действительным вдохновителем и организатором? На этот вопрос в книге Солженицына ответа нет. Мой посильный ответ — в следующих главах.

ЧАСТЬ II

Коронованный революционер. Между «дураками» и «мерзавцами». 1894—1904

Как мы видели, статистические выкладки о процентном участии евреев в революционном движении, на которые опирается Солженицын, оставляют за бортом огромное большинство участников революционных выступлений, а выписки из «еврейских источников», приводимые им в подтверждение преобладающего участия евреев в революции, тенденциозны и тенденциозно подобраны. Однако наиболее существенный изъян его построений в том, что относительное участие тех или иных групп населения в разрушении царской России в принципе не может быть оценено на основании статистических данных.

Самые разные общественные круги и отдельные личности, в том числе и те, кто не был сторонником революции, своими действиями, а порой и просто фактом своего существования намеренно или ненамеренно подмывали устой склеротического режима. Ненасильственное сопротивление, к которому призывал яснополянский мудрец, в бессильной злобе преданный церковной анафеме, содействовал дискредитации и развалу системы с куда большей эффективностью, чем все революционные партии. Роль одного Троцкого в тысячу раз превосходила роль сотен рядовых, да и не очень рядовых «бойцов революции», ну а Ленин стоил сотен Троцких. Однако и Ленин, и Сталин, и Троцкий, и Плеханов, и Керенский, и все боевики-эсеры не имели бы ровно никакого значения (в крайнем случае, в подробном учебнике российской истории им отводилось бы краткое подстрочное примечание), если бы не главный революционер всех времен и народов, государь император

всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и прочая, и прочая, и прочая — Николай II. Если бы не методичное разрушение могучей империи венценосным конспиратором, то «товарищ Сталин не принимал бы в 1931 году в Кремле мистера Бернарда Шоу», как не без остроумия заметил двоюродный дядя царя, великий князь Александр Михайлович (Сандро)*.

В Советском Союзе о Николае II были опубликованы тонны разоблачительных текстов, рисовавших его кровавым злодеем. Они не стоят той бумаги, на которой написаны. Все, что ими было достигнуто, это обратная реакция постсоветской историографии, когда почти все авторы ударились в другую крайность и стали максимально облагораживать последнего российского самодержца, изображать его невинной жертвой — то ли еврейского заговора, то ли большевистских зверств, то ли еще кого-то или чего-то — но только не его собственной политики и линии поведения. Интересно, что у Солженицына как в эпопее «Красное колесо», так и в «научном», как он считает, труде о русско-еврейских отношениях Николай Романов почти отсутствует. Словно на российском троне восседала не действующая историческая фигура, а какая-то мумия, не человек, а тень человека.

Николай Александрович Романов, как частное лицо, был вполне симпатичен. Он был невысок, но хорошо сложен, строен, с офицерской выправкой, приятным лицом и чарующим взглядом больших голубых глаз. Он любил наряжаться в мундиры самых разных полков, и некоторые ему очень шли. Он был хорошо воспитан, мягок, предельно выдержан, немногословен. Он не был умен, но обладал цепкой памятью. Умел вести неторопливую светскую беседу о пустяках — дружески, но держа дистанцию, не впуская собеседника себе в душу. Он никогда не повышал голоса, и в его манере держаться не было ничего самодержавного или хотя бы барского. Он был любящим мужем, нежным заботливым отцом, образцовым семьянином. Будь он, допустим, помещиком средней руки, он мог бы про-

---

* Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Цит. по: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 287.

жить спокойную, счастливую жизнь в кругу своих родных и близких. Он любил простые здоровые развлечения и, вероятно, много времени уделял бы рыбалке, охоте, пилке и колке дров, верховой езде и особенно пешим прогулкам. Он мог бы стать хорошим метеорологом: мало кто с такой любовной пунктуальностью отмечал в дневнике малейшие колебания погоды.

Его природное здоровье и здоровый образ жизни давали ему хороший шанс дожить до глубокой старости, выдать замуж всех четырех дочерей и с наслаждением возиться с озорующим выводком внучат. Вот с единственным сыном Николаю Александровичу не повезло. Унаследованная болезнь оказалась роковой. Она причиняла мальчику много страданий, доводила родителей до отчаяния, и — вопреки их героическим усилиям — в сравнительно раннем возрасте свела бы его в могилу. Одна мысль об этом причиняла отцу и матери много горя. Но можно не сомневаться, что при глубокой религиозности Николая Александровича он сумел бы со скорбным достоинством пережить свое несчастье. Тем больше отцовской заботы и нежности он отдавал бы дочерям и внукам и почил бы в окружении многочисленного семейства, обливающегося искренними слезами.

Закадычных друзей, в силу некоторых особенностей характера, у Николая Александровича, вероятно, не было бы; но среди знакомых он пользовался бы уважением и любовью, хотя те, кому довелось бы узнать его ближе, перешептывались бы о том, что-де человек он хороший, но неустойчивый; что серьезных дел с ним лучше не затевать, так как слова своего он не держит, обещанного может не исполнить; судачили бы о том, что он скуповат, на чужую беду неотзывчив и что он был бы много приятнее, общительнее и интересней, если бы не находился под каблуком своей властной супруги — единственного в семье человека «в штанах», как она сама говорила.

Словом, Николай Романов был обычным средним человеком, со своими сильными и слабыми сторонами. Но этому среднему человеку выпала далеко не средняя роль на подмостках исторической сцены, и все его качества — положительные и отрицательные, полезные и вредные —

соединились роковым образом для того, чтобы привести к гибели его империю, его самого и столь любимое им семейство.

Оглядываясь на его жизнь, нельзя не увидеть в ней мистической заданности, словно с самого рождения неумолимый рок вел его к гибели в подвале Ипатьевского дома.

Николай Александрович, старший сын Александра III, родился в день праведного Иова, чему впоследствии придавал сакральный смысл. В тяжелые минуты, когда надо было принимать судьбоносные для страны и для него самого решения, а у него опускались руки, — он любил сравнивать себя с многострадальным Иовом, говоря, что изменить все равно ничего нельзя, так как все зависит от воли Божией. Это была отговорка слабого, растерянного человека: Божьим промыслом он оправдывал свою беспомощность. Фундаментальное различие между ним и библейским персонажем состояло в том, что праведный Иов стал жертвой жестокого эксперимента: сыпавшиеся на него несчастья были предначертаны свыше и никак не зависели от него самого. Тогда как самодержавный российский государь Николай II почти все несчастья накликал на себя сам.

По-видимому, его воля была сломлена еще в детстве — вероятнее всего, слишком строгим и жестким отцом. Однако излишний родительский нажим может вызвать разную реакцию: одних он делает податливыми, робкими, мягкими, как воск; других ожесточает и заставляет противодействовать. Николай Александрович с готовностью покорился, подчинился отцу, которого боготворил, чьи заветы свято хранил и кому потом пытался подражать. Но отцовская палица оказалась ему не по плечу. Трудно указать на двух столь разных людей, как император Александр III и его сын Николай II.

Александр III был высокого роста и могучего телосложения. Тучный, малоподвижный гигант, чья поступь была весома и значима, как и каждое слово. Он был ограничен и деспотичен — коронованный мужлан. Но он отличался большой цельностью, уверенностью, прямоотой, отсутствием комплексов. Он охотно пользовался услугами людей, превосходивших его знаниями, культурой, умом, не чувствуя себя ущемленным.

Николай II был намного образованнее, воспитаннее, утонченнее своего отца, но он не обладал его уверенностью и прямоотой. Снедаемый мелким честолюбием, он испытывал скрытую ревность и зависть к более умным, знающим и сильным. Ему все чудилось, что его держат за несмышленища, что насмеются над ним за его спиной. Это развило в нем крайнюю недоверчивость и скрытность. Ему было комфортнее с людьми мелкими, подобострастными, готовыми восхищаться каждым его словом и жестом — в таком окружении он ощущал себя полноценной личностью. Искреннее ли было восхищение или лицемерное — в это он подчеркнуто не вникал: внешнюю форму, ритуал отношений ценил больше, чем их суть. Он не умел говорить людям в глаза неприятное и еще меньше умел выслушивать. Двуличие и лицемерие были для него нормой. Выказанную ему неприятную правду он считал дерзостью. Против возражений он не спорил, но молча их отвергал как посягательство на неограниченные права самодержавного властелина.

«Спорить было противно самой природе царя, — отмечал близкий к нему свитский генерал В.Н.Воейков. — Не следует упускать из вида, что он воспринял от отца, которого почитал и которому старался подражать даже в житейских мелочах, незыблемую веру в судьбоносность царской власти... Он склонялся лишь пред стихийным, иррациональным, а иногда и противным разуму, пред невесомым, пред своим все возрастающим мистицизмом. Министры же основывались на одних доводах разума. Они говорили о цифрах, процентах, сметах, исчислениях, докладах с мест, примерах других стран и т.д. Царь и не делал [попыток], и не мог оспаривать таких оснований. Он предпочитал увольнять в отставку лиц, переставших преследовать одну с ним цель»*.

В этом отрывке почти все точно, но одна оговорка необходима. Как было бы все просто и объяснимо, если бы царь преследовал ясные цели и удалял тех сотрудников, которые в эти цели не верили! Но никакой стратегии у него не было, а тактику он менял постоянно, уступая на-

---

* Воейков В.Н. С царем и без царя. Цит. по: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 234.

шептываниям или нахрапу тех или иных царедворцев, и — с роковой последовательностью — проявлял неожиданное упрямство именно тогда, когда жизненно необходимо было уступить доводам разума. Податливость, готовность изменить свои мнения, отказаться от намеченного плана, чтобы кого-то не обидеть или избежать истерической сцены с женой, сочетались в нем с упорством и неподатливостью по отношению к аргументам людей ответственных, принципиальных. Т.е. имеющих свое мнение и готовых его отстаивать. Создается впечатление, что чем неотразимее были доводы, тем упорнее он их игнорировал. При этом был злопамятен и рано или поздно несогласных отправлял в отставку.

«По недостатку гражданского мужества, царю претило принимать окончательные решения в присутствии заинтересованного лица. Но участь министра была уже решена, только письменное ее исполнение откладывалось»*.

Одним из самых больших, почти непостижимых парадоксов личности Николая II было отсутствие властолюбия. Возможность повелевать, играть судьбами людей его не тешила, а тяготила. Власть была для него бременем, это был крест, возложенный на него судьбой многострадального Иова. Отчего же не облегчить себе ношу?

Самодержцы или монархи, получившие власть по праву рождения, не всегда наделены талантами государственных деятелей. На то и состоят при них герцоги Ришелье, Меттернихи, Бисмарки. Отчего же венценосному Иову было не избавиться от своих мучений, вручив бразды правления какому-нибудь российскому Бисмарку? Но Николай II хотел *сам* играть ведущую роль. Над свежей могилой погибшего ради него П.А.Столыпина (впрочем, не над могилой: на похоронах царь «блистал своим отсутствием»), предлагая возглавить правительство В.Н.Коковцову, Николай не преминул предупредить: «Надеюсь, что вы меня не будете заслонять, как Столыпин?» Это был, может быть, наиболее выразительный по циничной неуместности пример, когда государь так ярко обнаружил уязвленность мелкого себялюбца, но далеко не единственный.

* Воейков Н.В. С царем и без царя. Цит. по: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 234.

«Такими примерами полно его царствование», — свидетельствовал А.Ф.Кони*.

Будучи наследником, Николай старался всячески угождать родителю. Из послушания он был прилежен в учебе. Он старательно нес тяготы военной службы, не манкируя, не злоупотребляя положением цесаревича. Больше всего времени он проводил в среде гвардейских офицеров — прямых, примитивных парней. С ними ему было хорошо. Даже в его речи до конца жизни улавливался гвардейский акцент.

Когда Николай повзрослел, но еще рано было его женить, отец велел ему завести любовницу (дабы отучить от некой вредной привычки). Он и это исполнил с готовностью. Так появилась в его жизни обольстительная балерина Мариинского театра Матильда Кшесинская, которую он потом передал с рук на руки своему двоюродному дяде, великому князю Сергею Михайловичу (а позднее она ушла к другому великому князю, Владимиру Александровичу, от которого имела сына). Ее воспоминания о «Никки» дышат сердечностью женщины, бережно хранящей память о первой любви и недолгом счастье. Без ума влюбленная в будущего императора, Матильда тем не менее сознавала, что «он не сделан ни для царствования, ни для той роли, которую волею судеб он должен будет играть»**. Он с ней соглашался не только по своему органическому неумению спорить.

Преждевременная кончина Александра III ошеломила Николая. Горе его было искренним и глубоким, и не столько потому, что он потерял обожаемого отца, сколько из страха перед собственной неспособностью его заменить. Он чувствовал, что шапка Мономаха слишком тяжела для него. И хуже всего то, что это понимали окружающие.

«Каждый ... сознавал, что наша страна потеряла в лице государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть, — вспоминал великий князь Александр Михайлович. — Никто не понимал этого лучше самого Никки. В эту минуту в первый и в последний раз в

* Кони А.Ф. Николай II. См.: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 165.

** Кшесинская М.Ф. Из «Воспоминаний». Цит. по: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 33.

моей жизни я увидел слезы на его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что сделался императором, и это страшное бремя власти давило его.

— Сандро, что я буду делать! — патетически воскликнул он. — Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помогите мне, Сандро!

... Я старался успокоить его и перечислял имена людей, на которых Николай II мог положиться, хотя и сознавал в глубине души, что его отчаяние имело полное основание и что все мы стояли перед неизбежной катастрофой»*.

Итак, уже в день кончины Александра III предчувствие *катастрофы* было у всех, кто хорошо знал их обоих — почившего государя и его наследника. Правда, совсем иное ощущение господствовало в широких общественных кругах.

Александр III оставил сыну наследство в отменном порядке. За 13 лет своего царствования он последовательно избегал войн, поддерживал инициативы министра финансов Вышнеградского, а затем Витте, энергично проводивших политику укрепления рубля и привлечения иностранного капитала для развития промышленности, транспорта — особенно железнодорожного. Экономика развивалась рекордными темпами, с фантастической быстротой возникали акционерные общества, банки, различные предприятия. Страна крепла, рос объем внутренней и внешней торговли, рос ее международный престиж.

Правда, основное большинство населения прозябало в бедности, бесправии и невежестве, периодические неурожаи приводили к массовому голоду, что мало заботило власти. В 1891 году государь отметил десятилетие своего царствования заявлением, что «слава Богу, все благополучно», имея в виду то, что он сам и высшие чины администрации вне опасности: террор задавлен, вооруженная борьба против режима заглохла, оппозиции заткнут рот. А в это время в Поволжье от голода пухли дети, вымирали

---

* Вел. кн. Александр Михайлович. Ук. соч. В кн.: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 304.

целые деревни. В.Г.Короленко, «работавший на голоде» (как тогда говорили), то есть участвовавший в усилиях общественной организации помочь голодающим, на государево «благополучие» отозвался статьей, проникнутой болью и сарказмом. Опубликовать ее в России никакой возможности, конечно, не было. Статья появилась за границей без подписи автора.

Но в самой империи царили спокойствие, тишина и порядок. Даже массовая кампания по высылке десятков тысяч евреев из Москвы, проведенная генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем (1891—1892), прошла при полном молчании печати.

Посвятив этому акту произвола несколько скупых строк, Солженицын отмечает реакцию на него в Европе и Америке. Он издевается над «крыловскими порядками», позволившими американской правительственной комиссии не только приехать в Москву и своими глазами наблюдать творимые там ужасы, но втайне от полиции посетить Бутырскую тюрьму, где томились евреи, виноватые только в том, что из-за крайней бедности не могли выехать из первопрестольной за собственный счет. Их вылавливали и сажали в тюрьму, чтобы затем выслать по этапу. Американцам удалось заполучить фотографии высланных, а также образцы наручников, в которые их заковывали, и затем опубликовать свой отчет в материалах Конгресса США — «к вящему посрамлению России», сокрушается Солженицын (стр. 289).

Только вот о реакции российской общественности на это варварство он ничего сказать не может, ибо никакой реакции не было; вернее, власти не позволили ей себя обнаружить.

Еще за год до этой карательной акции они запретили публиковать протест против травли евреев в печати, подготовленный Владимиром Соловьевым и подписанный пятьюдесятью крупнейшими деятелями русской культуры, в их числе Л.Н.Толстым и В.Г.Короленко. (Мне приходилось писать об этом в исторической повести о Короленко*, при-

---

* Резник С. Кровавая карусель. М.: ПИК, 1991. С. 141—142.

частность к этой акции Толстого подробно исследована В.Порудоминским*.)

Этот эпизод говорит о многом. Невозможность публично критиковать власти и высказывать взгляды, им неудобные, создавала иллюзию отсутствия оппозиции. Проблемы, вызывавшие общественное недовольство, не решались, накапливались и молчаливую оппозицию только усиливали. В том, что называлось тогда «образованным обществом», кончина слоноподобного императора не вызвала особой печали, а породила надежды на благотворные перемены. Такое уже было в недавней российской истории. «Энергичный» император Николай I заморозил страну на тридцать лет, но как только власть перешла к его сыну Александру II (1855), началась оттепель, потом весна... Головокружительные реформы и вызванный ими подъем общественных сил были таковы, что захватывало дух.

К сожалению, Александр II и его администрация, проводя либеральные реформы, ослабляя гнет и тем способствуя образованию и укреплению независимого общественного сознания, как огня боялись какой-либо оппозиции. Не чувствуя морального превосходства над оппозицией, они пытались ее задавить актами полицейского произвола в духе Николая I. Но в новых условиях эти акты не устрашали, а только озлобляли общество, обеспечивая широкую поддержку самым крайним антиправительственным выступлениям, даже террору. Особенно ярко это проявилось в известном деле Веры Засулич (1878—79), стрелявшей в петербургского градоначальника Ф.Ф.Трепова. Так она выразила протест против безобразного акта произвола, совершенного Треповым, который приказал высечь заключенного студента Боголюбова за то, что тот не снял перед ним шапку в тюремном дворе. Для понимания атмосферы, царившей в обществе, важен не столько поступок Засулич, сколько реакция на него потерпевшего. Оправившись от ранения, градоначальник ездил по высокосветским гостиним, пытаясь как-то оправдаться и бормоча, что он ни против Боголюбова, ни против Засулич ничего не имеет.

---

* Порудоминский В. «...Равенство всех людей — аксиома». «Октябрь». № 9. 2001. С. 178—183.

Арестованная террористка стала героем дня. Лучшие адвокаты рвались защищать подсудимую, а вот прокурора, готового ее обвинять в суде, долго не находилось. Когда начался процесс, зал суда заполнило самое изысканное общество, явно симпатизировавшее террористке, а не ее жертве. Председатель суда А.Ф.Кони, вопреки закулисному давлению, обеспечил обвиняемой и ее защитнику линию наибольшего благоприятствования. Оправдательный приговор присяжных — равносильный осуждению власти — фактически был предрешен. А так как произвол после этого не прекратился, то, чувствуя общественную поддержку, террористы начали охоту на самого царя-Освободителя, чья жизнь трагически оборвалась взрывами двух бомб на Екатерининском канале 1 марта 1881 года.

Вместе с Александром II ушла из жизни целая эпоха. Но не пришла ли пора ей возродиться? Если Александр III, грубо оборвав преобразования отца, вернулся к курсу своего деда Николая I, то отчего бы новому императору не возобновить курс *своего* деда Александра II! Возможность поворота казалась тем более реальной, что об интеллигентности и мягком характере молодого императора ходили упорные слухи.

За три года до своей кончины Александр III решил женить наследника, — разумеется, на принцессе, ибо, согласно традиции и закону, брак цесаревича мог быть только династическим. (Нарушение этого правила лишало права на престол.) Послушный сын не возражал, хотя его роман с Матильдой Кшесинской был в разгаре и приносил обоим много радости. Последовали зондажи европейских дворов, выезды за границу. Николаю приглянулась принцесса Алиса Гессенская. Трудно понять, чем она прельстила изысканного гвардейского офицера. Она не была дурна собой, в каком-то смысле даже красива, но это была угрюмая красота замкнутой, словно чем-то всегда испуганной и сердитой девицы. В Алисе не было живости, непосредственности, женственности, веселости — всего того, что делает молоденьких девушек привлекательными и желанными. Тем не менее она покорила сердце Никки.

Император и императрица не одобрили его выбора, и послушный сын не посмел перечить. Другие царственные

невесты по разным причинам отпали, и вопрос о женитьбе наследника отсрочился на неопределенное время. К неописуемой радости Матильды Кшесинской, уже успевшей оплакать вечную разлуку, Никки утешился в ее объятиях. Но когда болезнь императора приняла крутой оборот, женитьба наследника снова стала актуальной. Александр хотел, чтобы сын срочно обеспечил продление царского рода. Но тут Никки обнаружил ту пассивную агрессивность, которую мало кто подозревал в выдержанном и приветливом молодом человеке. Он сказал, что готов жениться только на Алисе, а поскольку родители этого не одобряют, то он вступать в брак пока не желает.

Других вариантов все равно не было, а с браком император спешил.

Никки был послан в Лондон на свадьбу его кузена принца Георга Йоркского (будущего короля Георга V), где, как было известно, он мог встретиться с Алисой и сделать официальное предложение. 24 июня (6 июля) 1893 года состоялась помолвка, тотчас начались приготовления к свадьбе; но как ни спешили, болезнь императора прогрессировала быстрее. Пока невеста собралась и доехала до России, пока прошла обряд крещения в православную веру, Александр III скончался.

Гроб с телом почившего из Ялты доставили в Петербург. Траурная процессия двинулась в Петропавловский собор — по заранее подготовленному маршруту. По обеим сторонам улицы в скорбном молчании стояли войска; за спинами солдат грудились толпы народа, привлеченного редким зрелищем. Когда процессия двигалась по Невскому проспекту, бравый молодой офицер-конногвардеец зычно скомандовал своему эскадрону: «Смирно!» И еще громче: «Голову направо! Смотри веселей!»

Шедший в группе министров С.Ю.Витте, с удивлением взглянув на офицера, спросил своего соседа: «Кто этот дурак?» И услышал в ответ: «Ротмистр Трепов»*.

В новом царствовании «дурака» ждала фантастическая карьера (как и двух его братьев). В самые трудные месяцы

---

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 4. Дмитрий Федорович Трепов, один из трех сыновей Ф.Ф.Трепова.

1905 года именно он будет пользоваться наибольшим доверием государя и добьется отстранения Витте от власти.

Через три недели после кончины Александра III состоялась свадьба Николая II и принцессы Алисы Гессенской, ставшей императрицей Александрой Федоровной; свадебные торжества шли попеременно с траурными. Поспешность венчания выглядела бестактностью, но, хотя для Никки соблюдение приличий имело первостепенное значение, его это не остановило. А когда престарелый министр двора граф И.И.Воронцов-Дашков попробовал намекнуть, что свадьбу следовало бы отложить до окончания траура, Николай, по выражению личного секретаря Воронцова В.С.Кривенко, «закинулся, остался недоволен». Возникшее отчуждение привело к тому, что в конце концов графу Воронцову было указано на дверь*. Наиболее близкий из министров обожаемого отца, граф Воронцов стал жертвой пассивной агрессивности молодого императора. Он «почувствовал в нем опекуна, человека, знавшего его с пеленок, относившегося к нему как бы по-отечески, покровительственно. Именно слабые натуры и не выносят кажущийся им над собой контроль», замечает Кривенко**.

Слабые натуры не выносят контроля, но без него им сиротливо, одиноко, они потеряны и растеряны. Избегая контроля со стороны одних лиц, они тем охотнее поддаются под влияние других.

Характерен эпизод, которым Витте начинает свое повествование о Николае II.

Еще при отце его рассматривалось два альтернативных варианта для строительства базы военно-морского флота — в Либаве, на Балтике, или в Мурманске на Баренцевом море. Стратегические преимущества Мурманска были очевидны: незамерзающий и практически недосыгаемый для возможного противника порт на севере делал Россию грозной морской державой, тогда как в Либаве корабли полгода были бы скованы льдами, да и в летнее время могли быть легко заблокированы в бухте флотом потенциального противника. После того как командированный в Мурманск

* Кривенко В.С. Из рукописи «В министерстве императорского двора», в кн.: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 34.

** Там же.

Витте нашел подходящую бухту, Александр III решил вопрос в пользу мурманского варианта, но окончательного указа подписать не успел. А поскольку Николай был в курсе этого дела, то он и захотел — при первом же докладе у него Витте — окончательно утвердить отцовское решение. Витте просил его повременить, чтобы не сложилось впечатления, что он воспользовался неопытностью молодого государя и «протолкнул» свой проект за спинами оппонентов. Николай резонно возразил, что такие кривотолки исключены, так как он только подтверждает решение отца, но согласился выждать некоторое время. А через два месяца Витте прочитал в «Правительственном вестнике» высочайший указ о строительстве порта имени Александра III в Либаве. И особо подчеркивалось, что имя покойного государя присваивается новому порту именно потому, что осуществляется его идея.

Оказалось, что решение Никки утвердить мурманский проект смертельно обидело главного сторонника Либавы великого князя Алексея Александровича, занимавшего пост генерал-адмирала. Сцена, которую ему закатил дядя, была для Никки — как нож в сердце. Он самолично приезжал к другому великому князю, Константину Константиновичу, — поплакаться в жилетку, но нажиму обиженного родича уступил. Он пожертвовал важными стратегическими интересами России ради того, чтобы *порадеть родному человеку*. Усвоенные им «начала» самодержавия он понимал самым примитивным образом: Российская империя — это семейная собственность дома Романовых. Цель же своего царствования он, как хороший семьянин, видел в том, чтобы сохранить эти «начала» и передать их своему наследнику в таком же виде, в каком он сам их получил от отца.

Предупредить Витте о перемене решения у него не хватило духу, так что министру финансов пришлось проглотить вдвойне горькую пилюлю, не подслащенную хоть каким-то личным объяснением. И, может быть, самый мелкий в серии мелких поступков, связанных с этим эпизодом, — трусливая попытка спрятаться за широкую спину покойного родителя.

Тут, как в капле воды, отразились почти все аспекты поведения бесхребетного царя в пиковых ситуациях. Впе-

реди их было много, причем куда более судьбоносных с точки зрения выживания самого Николая, его семьи и империи.

Как же плохо понимало молодого государя общество, связывавшее с ним надежды на перемены! Это тотчас же обнаружилось в знаменитом приветственном Адресе тверского дворянства. Составленное в приподнятых верноподданнических тонах, это послание содержало намек на желательность того, чтобы «общественные учреждения» получили право «выражать свое мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты престола могло достигнуть выражение потребностей и мыслей не только представителем администрации»*.

Невинная фраза вызвала в Зимнем дворце переполох. Автор Адреса, впоследствии один из лидеров партии кадетов и депутат всех четырех Государственных Дум, Ф.И. Родичев живописно рассказал о том, какая мышиная возня поднялась вокруг этого документа, а затем — вокруг церемонии вручения Адреса государю.

Списки земских деятелей, которым дозволялось присутствовать на церемонии, многократно пересматривались дворцовой администрацией, сама церемония откладывалась. Съехавшиеся в Петербург земские представители судорожно совещались в своих гостиничных номерах, возражали против вычеркивания из списков отдельных имен, грозили коллективным бойкотом, после чего вычеркнутые имена восстанавливались. Наконец, в парадной зале перед выстроившимися почтительным полукругом земцами появился бледный, затравленный государь с фуражкой в руке. Заглядывая в припрятанный внутри фуражки листок (он так и не смог заучить коротенькую речь наизусть), он испуганно прокричал свой ответ на «голоса людей, увлекшихся бессмысленными мечтаниями об участии земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял мой незабвенный покойный родитель»**.

* Родичев Ф.И. Из воспоминаний. В кн.: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 39—40.

** Там же. С. 42

Ничего более безобразного перед лицом пришедших его приветствовать представителей земской России Николай сказать не мог, хотя вскоре получил восторженное одобрение из Берлина: «Мой рейхстаг держит себя из рук вон скверно, — писал кузен Вилли кузену Никки, — колеблясь между социалистами, подстрекаемыми жидами, и ультрамонтанами-католиками; насколько я могу судить, скоро обе партии надо будет поголовно перевешать... Вот почему я так обрадован превосходной речью, которую ты произнес перед депутациями в ответ на просьбы о реформах»*.

В самой России тоже не было недостатка в восторженных почитателях позорной речи — такова инерция страха и подобоострастия. Многие представители земств, прямо из Зимнего дворца, гурьбой повалили в Казанский собор — отметить благодарственным молебном полученный плевок в лицо. Но лакейство не было всеобщим. Как вспоминал Ф.И.Родичев, предводитель харьковского дворянства князь П.Д.Святополк-Мирский в Казанский собор не пошел. А уже через день по рукам стало ходить неподписанное открытое письмо Николаю II. В нем говорилось о том, что царь нанес удар «по самым скромным надеждам» общества; что он отождествил самодержавие с чиновничеством и сословным режимом и тем самым вызвал на борьбу «живые общественные силы». «Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать», — говорилось в письме**.

Автором «самиздатского» документа был молодой П.Б.Струве, будущий «легальный марксист», хотя до 1905 года он был нелегальным деятелем, а основанная им в Штутгарте независимая газета «Возрождение» следовала скорее традициям Герцена, нежели Маркса.

Струве оказался провидцем: все царствование Николая II прошло в борьбе власти и общества.

Скандал вокруг «несбыточных мечтаний» едва перестал быть злобой дня, как разразилась куда более страшная драма — Ходынка.

На коронационные торжества в Москву съехались высокопоставленные гости со всего мира; помпезная корона-

* Переписка Вильгельма II с Николаем II. М., 1923. С. 5.

** Цит. по: Родичев Ф.И. Ук. соч. С. 43.

ция должна была продемонстрировать величие России и незыблемость самодержавных «начал». И вот эти единственные в каждом царствовании торжества ознаменовались горой растерзанных трупов. Верноподданные людишки поплатились за то, что позарились на копеечные государевы «гостинцы». Однако страшнее самого несчастья стала реакция на него коронованного властителя.

«В три часа дня мы поехали на Ходынку, — вспоминал великий князь Сандро. — По дороге нас встречали возы, нагруженные трупами. Трусливый градоначальник старался отвлечь внимание царя приветствиями толпы. Но каждое «ура» звучало в моих глазах как оскорбление. Мои братья не могли сдержать своего негодования, и все мы единодушно требовали немедленной отставки [Московского генерал-губернатора] великого князя Сергея Александровича и прекращения коронационных торжеств. Произошла тяжелая сцена. Старшее поколение великих князей всецело поддерживало Московского генерал-губернатора.

Мой брат великий князь Николай Михайлович ответил дельной и ясной речью. Он объяснил весь ужас создавшегося положения. Он вызвал образ французских королей, которые танцевали в Версальском парке, не обращая внимания на приближающуюся бурю. Он взывал к доброму сердцу молодого императора.

— Помни, Ники, — закончил он, глядя Николаю II прямо в глаза, — кровь этих пяти тысяч мужчин, женщин и детей* останется неизгладимым пятном на твоём царствовании. Ты не в состоянии воскресить мертвых, но ты можешь проявить заботу об их семьях. Не давай повода твоим врагам говорить, что молодой царь пляшет, когда его погибших верноподданных везут в мертвецкую**.

Отложить назначенный на тот вечер бал у французского посла или хотя бы не являться на него — такова естественная реакция перед лицом неожиданного несчастья. Так

---

* Согласно проведенному позднее расследованию, в давке на Ходынском поле пострадало 2690 человек, 1389 из них умерло. Ужас перед случившимся был столь велик, что очевидцы невольно преувеличивали число жертв. О пяти тысячах погибших можно прочесть и у других очевидцев.

** Вел. кн. Александр Михайлович. Ук. соч. С. 306.

и советовал поступить весь выводок Михайловичей, да и почти все, кто окружал Николая II в эти тяжелые часы и минуты. Предлагали пойти дальше: объявить национальный траур, на три дня приостановить церемонии. Но он — такой податливый, уступающий по любому поводу, чтобы только избежать ссоры или простого неудовольствия толпившихся у трона родичей, — на этот раз, поджав мелко подрагивавшие губы, молчал и смотрел прямо перед собой остекленевшими упрямыми глазами. Очевидно, верх взял нажим со стороны главного виновника несчастья — великого князя Сергея. Его желание *ничего не менять*, сделать вид, будто *ничего не произошло*, импонировало государю. «Вечером Николай II присутствовал на большом балу, данном французским посланником. Сияющая улыбка на лице великого князя Сергея заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы сошли с ума»*.

А.Ф.Кони видел в появлении царя на балу один из примеров «отсутствия у него сердца»** , но это вряд ли справедливо. Был бы Николай беспечным гулякой, которому лишь бы повеселиться, покуражиться, поплясать, а там хоть потоп, тогда куда ни шло. При его вялом флегматичном темпераменте его можно попрекать многим, но только не этим. Я не исключаю, что в душе он скорбел о невинных жертвах. Кроме того, он не мог не усматривать зловещего смысла в том, что беда пришла в дни коронации. При его склонности к мистике он должен был видеть в ходынском несчастье предзнаменование будущих испытаний и бедствий. Если его смятение не бросалось в глаза, то не потому, что он не испытывал смятения. Привычка прятать свое душевное состояние под маской почти дегенеративной заторможенности уже стала для него второй натурой. А то, что, явившись на бал, он выставлял себя бесчеловечным монстром, он высокомерно игнорировал или вовсе не сознавал. Он слишком твердо усвоил основное «начало» самодержавия: государь всегда прав, а если и нет, то ответ будет держать перед Богом; не смертным его судить.

* Вел. кн. Александр Михайлович. Ук. соч. С. 306

** Кони А.Ф. Ук. соч. С. 164.

Неудивительно, что при таких «началах» и при неустойчивом характере человека, их воплощавшего, государство российское стало расползаться по швам. Первоначально этот процесс шел очень медленно, почти незаметно, как незаметно ползет часовая стрелка по циферблату. Слишком сильна еще была инерция стабильности, установившейся при его отце. Но со временем процесс распада ускорился, скоро его можно было уподобить ходу минутной стрелки, а затем и секундной. Одна из причин состояла в том, что «его величество по характеру своему с самого вступления на престол вообще недолголюбивал и даже не переносил лиц, представляющих собой определенную личность. Т.е. лиц твердых в своих мнениях, своих словах и своих действиях»*. Если государь все-таки терпел таких лиц, то по той же слабости характера да еще из пиетета к покойному отцу, частично переходившему на его сановников. Поэтому при поддержке Николая «недолголюбиваемому» Витте удалось провести денежную реформу и ввести в жизнь винную монополию (то и другое было начато при Александре III). С большой энергией продвигалась Транссибирская железнодорожная магистраль — то был один из самых грандиозных строительных проектов века.

Другим «обломком прошлого», которого Николай II, напротив, очень и очень «долголюбивал», был обер-прокурор Святейшего синода П.К.Победоносцев.

Победоносцев выдвинулся в высшие эшелоны власти еще при Александре II, с энтузиазмом участвовал в либеральных преобразованиях, но затем сменил вехи, стал адептом крайнего консерватизма и особую силу забрал при его сыне.

Сразу после восшествия на престол Александра III, когда еще было неясно, куда он повернет, Лев Толстой обратился к нему с призывом помиловать убийц отца и своим великодушием разорвать порочный круг насилия, порождающего насилие. Толстой убеждал молодого императора, что таким милосердным поступком он обнаружит не слабость, а силу своего режима, добрый пример получит широкую поддержку в обществе и принесет стране успокоение.

---

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 17.

Письмо Толстой через Н.Н.Страхова передал Победоносцеву для дальнейшей передачи государю. Но Победоносцев испугался, что доводы писателя подействуют, и, спрятав письмо подальше, стал атаковать молодого царя *своими* письмами, настаивая на быстрой и беспощадной расправе над террористами*.

Такой язык оказался Александру III понятен; Победоносцев надолго стал его поводырем и наставником.

Почти во всем расходясь с Витте, Победоносцев расходился с ним и в еврейском вопросе. Если Александр III, как мы помним, однажды попрекнул министра финансов тем, что тот «стоит за евреев», то, скорее всего, это было инспирировано Победоносцевым. Витте стоял за Россию, и его ответ государю был продиктован интересами Российского государства: если можете угробить евреев, то я понимаю такое решение вопроса, а если не можете, дайте им возможность жить по-человечески. Самое неразумное и вредное — держать их *между* жизнью и смертью, ничего хорошего такая политика не принесет.

Но Победоносцев стоял именно за такую политику! «Треть евреев вымрет, треть примет крещение [то есть ассимилируется и перестанет быть евреями], а треть эмигрирует», — такова была формула *растянутого во времени* Холокоста, вычеканенная Победоносцевым. Она и проводилась в жизнь потом добрых сто лет.

«Ничего не менять!» — вот доминирующая установка Победоносцева. С таких позиций он подходил к любым проблемам, в том числе и к тому, что требовало немедленных перемен. С годами, набирая опыт «руководящей работы» и лучше узнавая Победоносцева, Александр III стал относиться к нему скептически. Царь видел, что его наставник может блестяще раскритиковать любую идею, но сам не способен предложить ничего конструктивного. Между тем страной надо было *управлять*; Победоносцев был в этом плохой советчик, его влияние стало падать.

Но оно снова возросло при Николае II, на которого Победоносцев, по словам великого князя Сандро, воздей-

---

* Победоносцев К.П. Письма и заметки. М.—Пгд., 1923.

ствовал «в том направлении, чтобы приучить его бояться всех нововведений»*.

Между тем борьба, навязанная молодым императором обществу, набирала обороты, и отбиваться от общества, *ничего не меняя*, становилось все труднее. Не сознавая, что главная проблема — он сам, государь становился все более недоволен министром внутренних дел И.Л.Горемыкиным, на котором лежало обеспечение порядка и спокойствия во всей державе.

По свидетельству Витте, Горемыкин «был довольно либерального направления», но «под влиянием свыше, боясь себя скомпрометировать, начал вести довольно реакционную политику»**. Однако он был безынициативен, трусоват, действовал с оглядкой; и царь захотел посадить на его место «сильного человека», так как «ему надоели пешки». Обратившись за рекомендацией к Победоносцеву, он услышал:

— Есть два человека, которые принадлежат к школе вашего августейшего отца. Это Плеве и Сипягин. Никого другого я не знаю.

— На ком же из двух остановиться?

— Это безразлично. Оба одинаковы, ваше величество. Плеве — мерзавец, Сипягин — дурак.

Николай II нахмурился.

— Не понимаю вас, Константин Петрович, я не шучу.

— Я тоже, ваше величество. Я осознаю, что продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее тепловое дуновение весны, и все рухнет. Задача эта может быть выполнена только людьми такого калибра, как Плеве и Сипягин***.

Портфель достался «дураку». Два года спустя, будучи в гостях у Сипягина, Витте дружески заметил ему, что «он

---

* Вел. кн. Александр Михайлович. Ук соч. С. 309.

** Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 37.

*** Вел. кн. Александр Михайлович. Ук. соч. С. 309; Витте описывает этот разговор в сходных выражениях (только Плеве назван не *мерзавцем*, а *подлецом*), но относит его к более раннему времени, еще до назначения Горемыкина. (Витте С.Ю. Т. II. С. 34.) В контексте нашего повествования это разночтение несущественно.

принимает чересчур резкие меры, которые по существу никакой пользы не приносят, а между тем возбуждают некоторые слои общества». Тот ответил, что иначе поступать невозможно, так как «наверху» (выше был только царь) даже эти меры считаются недостаточно строгими*.

2 апреля 1902 года, когда Сипягин приехал на заседание Комитета министров, к нему подошел офицер в адъютантской форме и протянул пакет из Москвы — от великого князя Сергея Александровича. Сипягин взял пакет, но в этот момент курьер выхватил браунинг и выстрелил несколько раз в упор.

Схваченный на месте преступления, террорист сознался, что никакой он не военный, а бывший студент, по фамилии Балмашов. (Он затем был повешен.) Сипягин скончался в больнице, не приходя в сознание. Так он поплатился за «чересчур резкие» меры, которые наверху казались чересчур мягкими.

«Дурака» сменил «мерзавец», вождельно рвавшийся к высшему правительственному посту уже много лет. Его обошел Горемыкин, потом Сипягин, но теперь он был полон решимости доказать, что уж он-то наведет порядок! Он-то способен на такие меры, что земля содрогнется! Он-то сможет загнать обратно в бутылку вырвавшегося из нее джинна крамолы!

Но, как и его предшественник, Плеве продержался на столь вождельном посту только два года. Бомба, брошенная в его карету эсеровским боевиком Евгением Созоновым, остановила его «энергичные» меры. Однако и за этот недолгий срок Плеве успел так похабно наследить в русской истории, что и через сто лет его имя звучит как синоним кровавых оргий и провокаций. Добился же он только того, что крамола в стране продолжала нарастать с неудержимой быстротой. Погром кишиневских евреев ее не остановил, а ускорил. Не помогли карательные экспедиции против крестьян, репрессии против студентов, скрупулезные акции против рабочих, ссылка, каторга, даже смертная казнь, применявшиеся против активных революционеров**. Не помог и следующий погром — в Гоме-

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 191.

** Многие авторы любят подчеркивать, насколько мягко царский режим обходился со своими противниками, отправляя их в ссылку,

ле, где, к тому же, погромщикам дала отпор еврейская самооборона, из-за чего на суде погром был представлен как банальная драка, причем погромщики и давшие им отпор евреи рассматривались равно виновными.

(Все попытки защитников внести ясность в существо событий пресекались судом.) Протестуя против профанации правосудия, защитники подсудимых евреев покинули судебное заседание. Солженицын повествует о Гомельском погроме в полном соответствии с позицией властей, а уход адвокатуры комментирует следующим образом: «Этот находчивый и революционный ход либеральной адвокатуры был вполне в духе декабря 1904 — взорвать само судебное заседание!» (стр. 345) Однако адвокаты и раньше не раз прибегали к такой крайней мере. В частности, аналогичная тактика была применена в Полтаве в 1902 году, когда судили крестьян за участие в бунте. Подсудимые уже были подвергнуты телесным наказаниям. Удостоверить это на суде было жизненно необходимо для спасения их от каторги, ибо закон запрещал дважды наказывать за одно и то же преступление. Однако когда защитник кого-либо из обвиняемых заявлял о том, что его клиент уже был наказан карателями без всякого суда, и пытался привести тому доказательства, судья обрывал его, отказывал в вызове свидетелей, утверждая, что это не имеет отношения к делу. Лишенные возможности эффективно выполнять свой профессиональный долг, адвокаты, посовещавшись (между прочим, в доме В.Г.Короленко), решили выразить свой протест совместным уходом из зала суда. Адвокаты не были революционерами, но сама власть толкнула их на революционный акт! Так что в деле о Гомельском погроме

где жизнь «несчастливых страдальцев за народное дело» походила на курорт, да и бежать из ссылки было легко. Обычно проводится сопоставление с жестоким режимом большевистских концлагерей. Конечно, царская карательная система была намного мягче советской, однако политические преступники, прибегавшие к насилию или подстрекательству к насилию, присуждались к долгой или бессрочной каторге и к смертной казни. К ссылке же приговаривали тех, кто был избалован или только подозреваем в незначительных преступлениях. Широко практиковалась административная ссылка без следствия и суда. Когда Ленина, Троцкого, Сталина и многих других отправляли в ссылку, то именно потому, что они не были уличены в серьезных преступлениях.

адвокаты только повторили прием, испытанный задолго до декабря 1904 года.

Таковы были успехи Плеве по борьбе с крамолой. А когда он исчерпал все свои полицейско-провокационные ресурсы, то решил прибегнуть к последнему средству. Но «маленькая победоносная война» с первых же дней стала превращаться в крупнейшее и позорнейшее поражение, окончательно ввергнув страну в анархию.

Однако, отдав должное «мерзавцу», следует помнить, что власть ему принадлежала лишь постольку, поскольку он выполнял волю своего государя, выдерживавшего за его спиной роль тихони.

Коронованный революционер. Безобразовщина. 1904—1905

Николай II навязал борьбу не только «живым общественным силам» страны. Не в меньшей мере он оказался склонен и к внешним авантюрам. Остановить его мог только страх тяжелых последствий, а отнюдь не чувство чести или порядочности. Но оценивать меру риска он не умел — для этого у него не хватало ни политического чутья, ни стратегического мышления. Действовал он опять же под различными влияниями, причем — роковым образом — попадал под влияние самых бездарных, темных и безответственных авантюристов.

Беда чуть было не случилась уже в конце 1896 года, вскоре после Ходынки, когда посол России в Константинополе А.И.Нелидов явился с проектом захватить Босфор, воспользовавшись внутренней смутой в Турции. На собранном под председательством государя совещании против авантюры решительно высказался Витте. Он напомнил о Берлинском трактате, подписанном после Балканской войны в конце царствования Александра II. Россия тогда одержала победу над Турцией и навязала ей выгодные для себя условия мира, но вмешались европейские державы и заставили отказаться почти от всех преимуществ, добытых кровью русских солдат. Витте говорил, что если России и удастся захватить Босфор, снова вмешаются европейские

державы, и тогда придется либо уйти ни с чем, либо ввязаться в большую войну. Однако другие участники совещания, стараясь потрафить прямо не высказанному, но всеми понимаемому желанию царя, поддержали Нелидова, и Николай объявил о своем самодержавном решении: спровоцировать конфликт и — брать Босфор!

Но то была напускная бравада. В душе Николай боялся ответственности за возможный провал и хотел переложить ее на других. «Журнал» (то есть протокол) обсуждения босфорской авантюры был сфальсифицирован: решение подавалось в нем как единогласное. Получив этот журнал на подпись, Витте приложил к нему письмо, в котором напомнил о своем несогласии с остальными участниками совещания. Он верноподданнически просил государя зафиксировать этот факт в журнале, повторив, что предвидит непоправимые бедствия и не хочет, чтобы потомки считали его причастным к этой акции. Этот демарш министра финансов заставил государя заколебаться, и Витте попытался дожать его, прибегнув к закулисной интриге (хотя когда такие методы применялись другими, он их гневно осуждал). Он ввел в курс дела К.П.Победоносцева и великого князя Владимира Александровича, объяснив им, какая каша может завариться. Оба сочли нужным предостеречь государя, и он дал отбой. Но сама легкость, с какой он склонился к аванюре, не предвещала ничего хорошего в будущем.

В Гааге имеется единственное в своем роде учреждение — Международный дворец мира. Здесь решаются многие международные споры, здесь судят военных преступников, ведется научно-исследовательская работа по международному праву. Вместе с тем, Дворец мира — это великолепный музей. Обаятельные гиды рассказывают об уникальной истории этого учреждения: в его строительство и в придание ему современного облика внесли свою лепту десятки стран мира, а также крупные частные фонды, в особенности фонд Эндрю Карнеги. А начало было положено в 1899 году на Международной гаагской конференции, созванной по инициативе императора России Николая II, чей парадный портрет занимает в экспозиции почетное

место. Это он выступил с великой идеей всеобщего разоружения и отказа от решения международных конфликтов военным путем.

Идеи, воплощенные в Дворце мира, до сих пор не стали определяющими в международных делах, но они живут второе столетие, набирают сторонников и, может быть, когда-нибудь восторжествуют. То, что русский царь стоял у истоков этого гуманнейшего начинания, делает ему честь и искупает многое. Однако, когда узнаешь о генезисе этой инициативы, то романтический ореол вокруг нее тускнеет.

Началось с того, что разведка донесла о широкой программе обновления артиллерии в австрийской армии. Россия только что приступила к перевооружению пехоты, на что военному министерству были отпущены большие средства, а с артиллерией решили повременить: она была не хуже, чем у потенциальных противников. Австрийское начинание спутало расчеты. Военный министр А.Н. Куропаткин настолько растерялся, что обратился к министру иностранных дел М.Н. Муравьеву с предложением воздействовать на Австрию дипломатически: пусть повременит с модернизацией артиллерии, пока Россия не будет готова к тому же!

Витте, с которым снесся по этому вопросу Муравьев, высмеял генерала: уж лучше залезть в новые долги и ассигновать средства на обновление артиллерии, чем продемонстрировать свою несостоятельность. В ходе разговора Витте стал рассуждать о том, как много средств во всех странах тратится на вооружение, как это разорительно и каким благом для Европы и всего мира могло бы обернуться международное соглашение положить этому предел. «Хотя мои мысли не представляли ничего особенно нового, — замечает Витте, — но для Муравьева при полной его некультурности в серьезном смысле этого слова многие из моих мыслей явились совершенно новыми»*. Муравьев доложил обо всем государю, и тот согласился выступить с инициативной о созыве международной мирной конференции. Так что гуманное начинание Николая II было всего лишь военно-дипломатической хитростью!

---

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 153.

«Тем не менее, — подытоживает Витте, — величайшая заслуга государя, что он возбудил этот вопрос, но, конечно, будет еще большая заслуга, если в дальнейшем царствовании своем он своими действиями покажет, что мирное предложение, им сделанное, представляет не только внешнюю форму, но содержит в себе и практическую реальность. К величайшему сожалению, надо признаться, что на практике пока мысль о мирном разрешении вопроса осталась в области разговоров, Россия сама делает пример совершенно обратный тому, что было предложено ее монархом, ибо несомненно, что вся Японская война и кровавые последствия, от этого происшедшие, не имели бы места, если бы мы не на словах, а на деле руководствовались мирными великими идеями»*. Это было написано в 1911 или 1912 году. Через два или три года, втавив Россию в совершенно не нужную ей мировую войну, Николай еще раз показал истинную цену его мирных устремлений.

Авантюры Николая на Дальнем Востоке — это серия безумств, спровоцировавших «маленькую победоносную войну», обернувшуюся большим кровавым позором. «Кто виноват в этой войне? — спрашивал Витте и отвечал. — В сущности никто, ибо единственно кто виноват, это самодержавный и неограниченный император Николай II. Он же не может быть признан виновным, ибо он не только, как самодержавный помазанник Божий, ответственен лишь перед Всевышним, но, кроме того, с точки зрения новейших принципов уголовного права, он не может быть ответственен как человек если не совсем, то, во всяком случае, в значительной степени невменяемый»**.

Круг событий, предшествовавших войне, показывает, насколько безнравственным был российский самодержец, считавший себя верующим христианином, но попиравший все Божьи и человеческие заповеди.

Широко распространено убеждение, что мораль и политика — две вещи несовместные. Однако дальновидной и мудрой может быть только честная и гуманная, то есть

---

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 155.

** Там же. С. 269.

нравственная, политика. Обманом, коварством, провокациями, жестокостью можно порой достигнуть сиюминутных выгод, но в конечном счете такая политика обречена на провал.

Для достижения химерических целей на Дальнем Востоке Николай и его правительство пустили в ход арсенал самых подлых средств: ложные посулы, лицемерие, подкуп, нарушение договорных обязательств и — бесчисленные убийства своих и чужих... Самодержец всероссийский оставался верен себе в главном: как истый революционер, он постоянно конспирировал против своих собственных помощников, затевая комбинации с одними сатрапами за спиной других, а затем предавая первых под напором вторых.

Строительство Транссибирской магистрали побудило царское правительство всемерно улучшать отношения с Китаем, и пока эта политика проводилась честно, она приносила богатые плоды. Россия получила согласие на проведение части дороги по китайской территории (КВЖД), что значительно спрямляло, удешевляло и ускоряло постройку. Дорога, все сопутствующие сооружения и полоса отчуждения, охраняемая российскими войсками и пограничной стражей, оставались полностью под контролем России. Отношение китайских властей и населения к служащим КВЖД и русским воинам было самое дружелюбное.

Позиции России на Дальнем Востоке еще больше укрепили договора, заключенные в Москве во время коронации 1896 года. По одному из них Россия стала гарантом территориальной целостности Китая, еще теснее привязав к себе гиганта, вокруг которого щелкали зубами акулы колониальных держав. По другому договору Япония отказалась от каких-либо притязаний в Корее. А по договору с Кореей Россия направила в нее военных и финансовых советников и небольшой контингент войск. Практически вся финансовая и экономическая жизнь этой страны перешла под контроль России, причем без всякого противодействия со стороны других держав.

Когда японские войска вторглись на Ляодунский полуостров, Россия добилась их ухода. Дружеское расположение китайских властей и всего населения к России возрос-

ли еще больше; и хотя отношения с Японией ухудшились, она смирилась со своей неудачей.

И вдруг германский морской десант совершил высадку в китайском порту Циндао, причем оказалось, что Россия, несмотря на договорные обязательства по отношению к Китаю, потребовать их удаления не может, так как кузен Никки «неосторожно» дал кузену Вилли согласие на этот разбой. Более того, склонный к авантюрам министр иностранных дел граф М.Н.Муравьев составил записку, в которой предлагал воспользоваться акцией кузена Вилли для собственного разбоя: захвата Порт-Артура и бухты Дальнявань, куда незамедлительно была направлена российская эскадра.

Против новой авантюры опять возражал Витте, доказывая, что такое неслыханное коварство подымет против России дружественный Китай и разъярит Японию. Кроме того, удерживать Порт-Артур будет невозможно без проведения к нему железнодорожной ветки от Восточно-Китайской дороги, а для ее охраны придется оккупировать значительную часть Ляодунского полуострова, что еще больше ожесточит и Японию, и Китай, да и другие страны вряд ли останутся в стороне.

Доводы Витте, как и в случае с Босфором, произвели впечатление на Николая; он объявил, что муравьевский проект не утверждает. Но все уже знали, что решение царя редко бывает окончательным. Николая продолжали тянуть в разные стороны, и на этот раз верх взял Муравьев, придумавший новое основание для авантюры: вблизи Порт-Артура появились британские корабли; если «мы» прозреваем, то там высадутся англичане.

Британцы высадки не планировали, и это легко было выяснить по дипломатическим каналам. Но подзуживаемый Муравьевым, Николай предпочел не выяснять: слишком уж у него чесались руки. При этом ему хотелось верить, что он меняет решение самостоятельно — ввиду изменившихся обстоятельств.

Муравьев уверял китайские власти, что русские корабли прибыли к тихоокеанскому побережью, чтобы заставить уйти немцев: как только те уберутся, русские тоже уйдут. Китайцы верили. И вдруг посланник России в Пе-

кине потребовал, чтобы Китай передал ей «в аренду на 36 лет» Порт-Артур, бухту Даляньвань и часть Ляодунского полуострова (Квантунскую область). Потрясенная коварством союзника императрица-мать (регентша при малолетнем императоре) отказалась выполнить это требование. Серьезной военной силы у нее не было, но послы Англии и Японии обещали поддержку — это придавало ей твердости. В воздухе запахло войной.

Стремясь предотвратить катастрофу, Витте обратился к германскому послу Радолину с просьбой передать от него лично императору Вильгельму совет: уйти из Китая во избежание непоправимых бед и для Германии, и для России. Вильгельм велел ответить Витте, что тот зря беспокоится: ему, видимо, неизвестны некоторые обстоятельства (то есть соглашение между Никки и Вилли, утаенное Николаем от собственных министров). Между тем эта переписка была перехвачена Министерством иностранных дел, дешифрована, и торжествующий Муравьев доложил о ней царю, после чего царь счел нужным предупредить министра финансов, что ему надлежит быть осторожнее в беседах с иностранными послами.

Витте вынужден был просить об отставке, мотивируя тем, что он, по-видимому, утратил доверие своего государя. Николай ответил, что вполне доверяет ему *как министру финансов* и просит остаться. Это означало, что, по крайней мере частично, царь ему доверять перестал, а стало быть, отставка неминуема в ближайшее время.

В отчаянной попытке вернуть утерянные позиции, Витте решил доказать свою преданность не вполне обычным путем. Он дал указание представителю Министерства финансов в Китае встретиться с наиболее влиятельным китайским сановником Ли Хун-Чжаном и его ближайшим сподвижником Чан Ин-Хуаном и от имени Витте (который хорошо знал обоих) настоятельно рекомендовать им убедить императрицу-мать принять условия России. В случае успеха первому сановнику было обещано полмиллиона, а второму — четверть миллиона рублей.

Вскоре пришел положительный ответ, и когда Витте телеграммой сообщил об этом царю, тот в недоумении написал: «Не понимаю, в чем дело?» А когда разъясни-

лось, как дешево досталась «аренда» лакомого куска китайской территории, Николай отметил: «Это так хорошо, что даже не верится»*.

Витте уверяет: то был единственный случай, когда он прибегнул к подкупу иностранных сановников. Если так, то это вдвойне поучительно. Витте вернул себе фавор совсем ненадолго: отставка его все равно была неизбежна. Оба китайских сановника после этой сделки утратили всякое влияние; один из них окончил дни в тюрьме, где, видимо, был умерщвлен. А вечно колеблющегося Николая «блестящая» операция лишь поощрила на дальнейшие авантюры.

Захват Порт-Артура и Квантунской области прошли гладко, но отношение к России в Китае резко изменилось. Население из дружелюбного превратилось во враждебное. Началось так называемое боксерское восстание, которое принесло много материальных потерь и стоило немало жизней служащим КВЖД и ее охране. Но Петербург ликовал: появился повод для новых захватов.

Под предлогом усмирения «боксеров» Россия ввела войска в Маньчжурию, был разграблен Пекин, в том числе императорский дворец, спешно покинутый его обитателями. «Боксеров» усмирили, но уходить из Китая не собирались. Генерал А.Н. Куропаткин — воинственный и недалекий — уверял, что Маньчжурия так и останется российской: на правах Бухарского ханства.

Эти события до предела обострили отношения России с Японией, и на ее сторону стали почти все крупные державы — Великобритания, Соединенные Штаты, Франция, даже Германия, заварившая кашу. Все настаивали на удалении российских войск из Маньчжурии, а Япония потребовала за уступку Ляодунского полуострова вознаграждения в виде Кореи. Пришлось принять эти условия. Так гора родила мышь, да и та оказалась дохлой. За захваты в Китае пришлось отдать японцам Корею и при этом восстановить против себя ведущие державы мира.

Но и на этом дальневосточные авантюры венценосного революционера не прекратились. Хотя вместо умершего графа

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 135—136.

Муравьева министром иностранных дел стал грамотный дипломат и уравновешенный политик граф Ламздорф, скоро выяснилось, что царь с его мнением не считается. Роль министра иностранных дел была сведена к *оформлению* чужих решений. Зато великий князь Сандро — человек неутомонный, авантюрного склада — охотно вмешивался во все и вся, включая внешнюю политику. Он отыскал «знатока» дальневосточных дел, отставного ротмистра А.М.Безобразова, ввел его в Зимний дворец, и тот очаровал государя своими «хитроумными» проектами ползучего возвращения в Корею.

Коль скоро договор с Японией не позволяет правительству России соваться в эту страну, так пусть это делают частные фирмы! Такова была мысль Безобразова. Пусть они заключают сделки, берут концессии на всяческие разработки в Корее, вгрызаются в ее природные богатства, прибирают к рукам экономику, а субсидировать их и действовать за их спиной будет государство! Эти детские хитрости и легли в основу дальневосточной политики империи. Николай не понимал, что надувает не Японию, а самого себя.

Об опасности безобразовского курса неустанно говорил государю Витте, его осторожно поддерживал граф Ламздорф, о том же Николаю даже написал знаменитый негодяй князь В.П.Мещерский*, имевший на него немалое влияние (один из немногих, с кем государь был на «ты»). Государь не спорил, но продолжал конспирировать с отставным ротмистром, долго не занимавшим никакого официального поста и потому ни за что не отвечавшим. Мещерскому царь ответил в характерном для него стиле конспиратора: «6 мая [1903 года] увидят, какого мнения по этому предмету я держусь»**.

---

* В.П.Мещерский издавал крайне реакционную и лакейскую, но влиятельную газету «Гражданин», на которую ежегодно — по высочайшему повелению — получал щедрую правительственную субсидию (сперва 80, потом 18 тысяч рублей). Будучи гомосексуалистом, он постоянно находился в окружении нескольких молодых людей, о чьей судьбе проявлял неустанную заботу. Благодаря его связям и влиянию все они делали головокружительную карьеру.

** Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 227.

6 мая тайное стало явным: Безобразову был пожалован пост статс-секретаря его величества. Когда его жена (из-за болезни она жила в Женеве, но приехала представляться при дворе) узнала, какую силу забрал ее благоверный, она не могла сдержать изумления: «Никак не могу понять, каким образом Саша может играть такую громадную роль, неужели не замечают и не знают, что он полупомешанный»*.

Полупомешанный стал поводырем полуневменяемого.

Япония не раз обращалась с предложениями урегулировать отдельные вопросы и весь комплекс двусторонних отношений, но Николай, демонстрируя свое пренебрежение к «макакам», высокомерно отвечал послу Страны восходящего солнца: «Япония дождется того, что рассердит меня». Для вящего посрамления «макашек» все дела с ними были переданы начальнику Квантунской области, возведенному в ранг заместителя на Дальнем Востоке, адмиралу Е.И.Алексееву. Это само по себе было оскорбительно для суверенной державы, а при полной никчемности адмирала Алексеева прямо вело к конфликту.

Карьера Алексеева была одиозна даже по тем временам. Молодым морским офицером он попал в свиту великого князя Алексея Александровича и угождал ему особой услужливостью. Оказавшись в Марселе, великий князь с компанией русских моряков отправился «в веселое заведение с дамами», где подвыпивший член императорской фамилии так надебоширил, что в «заведение» явилась полиция. Запахло международным скандалом. Но наутро в полицейский участок пожаловал молодой офицер Алексеев и дал показания, что это он бесчинствовал в публичном доме, а не великий князь Алексей; в протоколе-де оказалась ошибка из-за сходства имени одного и фамилии другого.

За подобные услуги великий князь и двигал вверх Алексеева. Не пройдя реальной выучки ни в сухопутных войсках, ни во флоте, ни в административном аппарате, он оказался во главе дальневосточной политики империи, а затем и воюющей армии.

Возможно, инстинкт самосохранения все-таки удержал бы Николая на краю пропасти, если бы вслед за Безо-

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 174.

бразовым его не стал в нее спихивать Плеве. Последним препятствием оставалось сопротивление министра финансов. Витте был честолюбив и хотел удержаться у власти, но не любой ценой: ему было важно, какое место он займет в истории. Неминуемо приближался день, когда царь с необычной любезностью выслушал его очередной доклад и, пряча глаза от смущения, произнес:

«Я вас хочу назначить на пост председателя комитета министров, а на пост министра финансов я хочу назначить [управляющего государственным банком Э.Д.Плеске]. И — с лицемерным недоумением: «Разве вы недовольны этим назначением? Ведь это самое высокое место, какое только существует в империи»*.

«Высокое место» было почетной отставкой, так как главой правительства был царь, каждый министр отчитывался только перед ним и получал указания только от него. Когда обескураженный Витте удалился, Николай с облегчением перевел дух, сказав только одно слово: «уф»**. Гора спала с плеч многострадального Иова: ведь он так не любил обижать людей! Но другого выхода у него не было, путь к катастрофе должен был быть расчищен!

Самым поразительным было то, что, провоцируя военный конфликт, великий конспиратор не считал нужным к нему готовиться. Война началась в январе 1904 года «неожиданным» нападением японских кораблей на русскую эскадру и осадой Порт-Артура. Николай заметил, что это для него как булавоочный укол (хотя тысячи русских моряков уже кормили рыб на дне Тихого океана). Попытки Плеве инспирировать патриотические шествия провалились. Война с самого начала была непопулярной, а по мере того, как приходили вести о поражениях — все более крупных и позорных, — она становилась все ненавистнее.

С развитием событий на Дальнем Востоке вал революционного движения пошел круто вверх. В июле 1904 года, как уже упоминалось, эсеровский боевик Егор Созонов достал-таки Плеве. Взрывом бомбы всесильного министра разнесло на куски. Сам террорист был тяжело ранен, конту-

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 232.

** Там же. С. 269.

жен и тут же избит. Когда Созонов-отец выехал из родной Уфы в Петербург, чтобы попытаться облегчить участь арестованного сына, он боялся, что в поезде его узнают и — растерзают. Его узнали. И стали обнимать, откупоривать бутылки шампанского, произносить тосты в честь его сына. Вряд ли среди этих добропорядочных и весьма состоятельных обывателей были революционеры. (Созонов-отец был богатым лесопромышленником и ездил в первом классе.) Ненависть к первому министру и олицетворяемому им режиму была всеобщей.

Убийство Плеве показало, наконец, Николаю, как далеко завела его десятилетняя борьба против общества. Не на шутку перепугавшись, он назначает на главный пост в стране князя П.Д.Святополка-Мирского — человека иного склада и ориентации. В прошлом это был тот земский деятель, который, выслушав речь о «несбыточных мечтаниях», *не* пошел в Казанский собор заказывать молебен. Побывав затем на разных постах, в том числе и шефом корпуса жандармов, он сумел сохранить репутацию разумного и довольно либерального администратора, готового прислушиваться к голосу общественности вместо того, чтобы с ней воевать. В годы правления Плеве князь Святополк-Мирский занимал пост Виленского губернатора, и его открытость, доступность и готовность к сотрудничеству с обществом особенно заметно контрастировала со скулодробительной политикой Петербурга. Назначение его министром внутренних дел окрылило всех сторонников либеральных и демократических реформ. Стало казаться, что «несбыточные мечтания» могут сбыться, и очень скоро. В первом же выступлении перед чинами министерства Святополк-Мирский сказал: «Плодотворность правительственного труда основана на искренне благожелательном и искренне доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще. Лишь при этих условиях работы получим мы взаимное доверие, без которого невозможно ожидать прочного успеха в деле устроения государства»*.

* Цит. по: Игнатъев А.В., Голиков А.Г. Комментарии. В кн.: Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 554.

Таких слов от власти в России не слышали, кажется, за всю ее тысячелетнюю историю! Причем за словами последовали и дела. В числе первых — возвращение из ссылки земских деятелей, попавших в опалу при Плеве, и ослабление цензурных препонов. Началась эпоха *гласности и перестройки*.

Но Николай, поддавшись этому настроению из страха, тотчас дал задний ход. Прямо и косвенно Мирскому стали ставить палки в колеса. Слово «выборы», появившееся в некоторых его документах, для Николая оставалось крамольным. Напрасно Мирский внушал государю, что промедление смерти подобно, так как ситуация выходит из-под контроля. Николай давал обещания и тотчас от них отказывался. А общество, видя, что кулак власти разжимается, усиливало нажим.

В декабре 1904 года Святополк-Мирский подготовил царский указ о разработке ряда реформ, включая созыв «представительных учреждений». Но царь вычеркнул крамольный пункт, в значительной мере обесценив весь документ. Он не терпел «парламентриляндии адвокатов». Презрительный неологизм он соорудил из слов *парламент* и *Финляндия*. Особый статус Финляндии с ее сеймом и конституцией не давал царю покоя; он не раз пытался ограничить полномочия сейма, обломать непослушных депутатов, что приводило к острым эксцессам. Финляндский генерал-губернатор Н.И.Бобриков, рьяно проводивший политику подавления конституционных свобод, вскоре будет убит террористом. Даже императрица-мать Мария Федоровна тщетно просила сына «не травить финляндцев». И вот теперь, «парламентриляндию» ему предлагали распространить на всю империю! Это никак не совмещалось с усвоенными им «началами».

Однако большая часть программы Мирского была утверждена, причем конкретная разработка реформ поручалась канцелярии Комитета министров, что частично возвращало к активной деятельности Витте, в ком Мирский видел своего союзника. Томившийся бездельем Витте стал энергично создавать комиссии и особые совещания по подготовке решений в духе новых начинаний. В короткий срок были составлены проекты постановлений о водворении законности, о веротерпимости, об облегчении положения

старообрядцев и сектантов, о свободе пользования украинским языком (в то время запретным), о рабочем законодательстве, о печати (то есть о более либеральном цензурном уставе). Возобновилась работа по земельной реформе, начатая им еще в 1903 году.

Напуганный государь большинство предложений утверждал без сопротивления. Но вскоре он «по обыкновению заколебался», ибо «пошли наушничанья из темных углов», и «сделав шаг вперед, он уже решил сделать шаг назад»*. А ведь речь шла об очень умеренных шагах навстречу не столько даже требованиям общества, сколько требованиям здравого смысла. «То, что говорилось [в Комитете министров], почиталось бы между всеми конституционными фракциями, не говоря о тайных и явных революционерах, обскурантизмом», признавал тот же Витте**.

С Дальнего Востока приходили известия о новых поражениях. Без толку и смысла гибли тысячи солдат. Под напором общественности царь назначил командующим Куропаткина (тогда еще пользовавшегося престижем решительного вояки), но оставил на посту и главнокомандующего Алексеева. Перед отъездом в действующую армию Куропаткин явился к Витте за советом: что ему делать по прибытии на место? Тот ответил, что первым делом следует арестовать адмирала Алексеева и отправить его под конвоем в Петербург, а царю послать телеграмму с просьбой либо казнить за самоуправство, либо дать возможность вести войну с несвязанными руками, ибо ничего не может быть опаснее на войне, чем двоевластие. Куропаткин это понимал, но совету последовать не мог. Не того калибра был человек.

Двоевластие в Дальневосточной армии отражало двоедушие мечущегося государя. Шарахаясь из стороны в сторону, он с неумолимой последовательностью принимал самые губительные решения. Великий князь Сандро картинно живописует, как несколько раз убеждал Николая *не* посылать на Дальний Восток эскадру адмирала З.П.Рожественского и как Николай «твердо» с ним соглашался, а затем столь же «твердо» менял решение. Произошло неминуемое:

---

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 342.

** Там же.

«Наш флот был уничтожен в Цусимском проливе, адмирал Рожественский взят в плен. Если бы я был на месте Никки, я бы немедленно отрекся от престола. В Цусимском поражении он не мог винить никого кроме самого себя (будто в чем-то другом самодержец мог винить других, но не себя! — С.Р.). Он должен был бы признаться, что у него не доставало решимости отдать себе отчет во всех последствиях этого самого позорного в истории России поражения. Государь ничего не сказал, по своему обыкновению. Только смертельно побледнел и закурил папиросу»*.

Ситуация на внутренних фронтах складывалась еще опаснее, чем на дальневосточных. И здесь тоже царило двое- и многовластие. Даже самые крутые приверженцы самодержавия не строили иллюзий относительно того, на ком лежит основная вина за все переживаемые бедствия. Представлявшийся государю в апреле 1905 года один из наиболее образованных и умных «монархистов» Б.В.Никольский** записал в дневнике:

«Нервность его ужасна. Он, при всем самообладании и привычке, не делает ни одного спокойного движения, ни одного спокойного жеста. Когда его лицо не движется, то оно имеет вид насильственно, напряженно улыбающийся. Веки все время едва уловимо вздрагивают. Глаза, напротив, робкие, кроткие, добрые и жалкие. Когда говорит, то выбирает расплывчатые, неточные слова, и с большим трудом, нервно запинаясь, как-то выжимая из себя слова всем корпусом, головой, плечами, руками, даже переступая... Точно какая-то непосильная ноша легла на хилого работника, и он неуверенно, шатко, тревожно ее несет»***.

---

* Вел. кн. Александр Михалович. Ук соч. С. 341.

** Борис Владимирович Никольский был профессором Римского права, преподавал в Юрьевском и Петербургском университетах и в элитарном училище Правоведения. Был активным участником и идеологом монархического «Русского собрания», из которого затем вырос «Союз русского народа». После раскола «Союза» в 1908 году Никольский примкнул к группе Дубровина, хотя в дневнике характеризовал его «противным, грубым животным». Принимал активное (но не афишировавшееся) участие в выработке стратегии черносотенных организаций в связи с делом Бейлиса.

*** Дневник Бориса Никольского. «Красный архив». 1934. Т. 2 (63). С. 72.

Никольский считал, что «не быть ему [самодержавию] нельзя... Быть или не быть России, быть или не быть самодержавию — одно и то же»*. Но, по мере ухудшения ситуации, записи в его дневнике становятся все более жесткими, даже заговорщическими. Вот пассаж от *15 апреля*: «Я думаю, что царя органически нельзя вразумить. Он хуже, чем бездарен! Он — прости меня Боже, — полное ничтожество. Если так, то нескоро искупится его царствование. О, Господи, неужели мы заслужили, чтобы наша верность была так безнадежна?.. Я мало верю в близкое будущее. *Одного* покушения [на царя] теперь мало, чтобы очистить воздух. Нужно что-нибудь сербское**. Конечно, мне первому погибать. Но мне жизни не жаль — мне России жаль»***.

26 апреля: «Мне дело ясно. Несчастный вырождающийся царь с его ничтожным, мелким и жалким характером, совершенно глупый и безвольный, не ведая, что творит, губит Россию. Не будь я монархистом — о, Господи! Но отчаяться в человеке для меня не значит отчаяться в принципе»****.

19 мая: «В какое ужасное время мы живем! Чудовищные события в Тихом океане превосходят все вероятия. Что дальше будет, жутко и подумать. ...Конец России самодержавной и, в лучшем случае, конец династии. На чудо рассчитывать нечего... Но, конечно, если бы я верил в чудеса и в возможность вразумить глупого, бездарного, невежественного и жалкого человека, то я предложил бы пожертвовать одним-двумя членами династии, чтобы спасти ее целостность и наше отечество. Повесить, например, Алексея и Владимира Александровичей, Ламздорфа и Витте, запретить по закону великим князьям когда бы то ни было занимать ответственные посты, расстричь Антония*****,

---

* Дневник Бориса Никольского. «Красный архив». 1934. Т. 2 (63). С. 73.

** В Сербии в 1903 году группой офицеров был совершен государственный переворот; король и королева были убиты.

*** Дневник Бориса Никольского. «Красный архив». 1934. Т. 2(63). С. 80.

**** Там же. С. 80—81.

***** Митрополит Петербургский и Ладужский Антоний (Александр Васильевич Вадковский) выступал за меньшую зависимость церкви от Святейшего синода, то есть от светской власти. Предложенную им

разогнать всю эту шайку и пламенным манифестом воззвать к народу, заключив мир до боя на сухом пути. Тогда еще все могло бы быть спасено. Но это значит: распорядись, чтобы сейчас стала зима. Замени человека другим человеком... Я не Бог, чтобы из бабы делать мужчину, из Николая — Петра... Агония может еще продлиться, но что пользы? ... Династия — вот единственная жертва. Но где взять новую? Ведь придворный переворот безнадежен, ибо при нем — долой закон о престолонаследии, а тогда полная смута. Словом, конец, конец!.. Еще если бы можно было надеяться на его самоубийство — это было бы все-таки шансом. Но где ему!..»*

Вот когда, оказывается, — не у марксистов или эсеров, а у самых крайних «патриотов» и адептов самодержавия — появились мысли о необходимости устранить Николая! Впрочем, есть свидетельство, на мой взгляд, сомнительное, что еще раньше, в 1903 году, Витте обратился к А.А.Лопухину с конкретным предложением:

«У директора Департамента полиции ведь, в сущности, находится в руках жизнь и смерть всякого, в том числе и царя, — так нельзя ли дать какой-нибудь террористической организации возможность покончить с ним; престол достанется его брату (тогда еще сына у Николая II не было), у которого я, С.Ю.Витте, пользуюсь фавором и перед которым могу оказать протекцию и тебе»**.

Витте не был особенно близок с Лопухиным, и не доверял ему как сотруднику Плеве и вряд ли решился бы на такую откровенность. В крайнем случае, мог сделать намек, которому Лопухин впоследствии дал свое толкование. Но мысль о том, что гибель государя могла бы стать спасением для страны и монархии, наверняка посещала Витте!

Однако ни в убийстве, ни в самоубийстве царя необходимости не было. Вполне достаточно было отречься от престола. Какую огромную услугу он этим оказал бы любимому отечеству! Но для принятия хотя бы такого решения

реформу торпедировал обер-прокурор синода К.П.Победоносцев. Как видим, предложения Антония были не по нутру и идеологам черной сотни, охотно выступавшими под флагом православия.

* Дневник Бориса Никольского. С. 83.

** Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. М.—Пгр., 1926. С. 73.

нужно было быть личностью, а не «тварью дрожащей». Так что — «где ему!»

Но законно было бы спросить того же Никольского, где был он и подобные ему «патриоты», щедрые на красивые фразы вроде: «мне жизни не жаль, а России жаль»? Видя единственное спасение России в устранении Николая, они отваживались только на кукиш в кармане.

Что же касается террористов из революционного лагеря, то отваги им было не занимать, но эмоции застили разум экзальтированным юношам. Не то чтобы они щадили царя — конечно, нет! Но настоящей злости к нему у них не было. Слишком он был мелок, ординарен, неприметен, походил на тень самодержавного деспота. Своей податливостью, мягкостью, умело разыгрываемой ролью тихони, он прятался за спину «сильных личностей» типа Плеве, а позднее Столыпина (одновременно ревнуя к их репутации), подставляя их под пули и бомбы вместо себя. Центральный Комитет партии социалистов-революционеров даже принял особое решение, запретившее своей Боевой Организации покушаться на царя. Запрет был снят только на излете деятельности Боевой Организации, когда она, благодаря двойной игре возглавлявшего ее Евно Азефа, была под надежным колпаком у тайной полиции. Коронованный революционер оказался куда более ловким конспиратором, чем все Азефы и Савинковы вместе взятые.

Витте назвал внутреннюю политику тех судьбоносных месяцев «реакционными шатаниями» с «искрами напускного либерализма»; они «не только не успокаивали смуту, а производили совершенно обратное действие»*.

Этот диагноз мне представляется точным.

Одной из «искр либерализма» стало удаление в отставку московского генерал-губернатора Сергея Александровича, давно ставшего символом всего самого жестокого и реакционного в реакционном режиме, хотя сам великий князь был игрушкой в руках обер-полицеймейстера Москвы, к тому времени уже генерала, Д.Ф.Трепова.

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 351—352.

Трепов «принципиально» ушел в отставку вслед за своим патроном, громогласно заявив, что он «не согласен» с политикой Святополка-Мирского и намерен отправиться в действующую армию. В сущности, это был открытый выпад против государя, который Святополк поставил. Но выпады «справа» царя не оскорбляли, он не чувствовал себя уязвленным ими; напротив, к тем, кто это себе позволял, он тотчас проникался большой симпатией. Когда бравый конногвардеец, перед тем, как отправиться на фронт, приехал в Петербург, министр двора барон Фредерикс — тоже бывший конногвардеец, по традиции протезировавший «своим», — представил его государю. И тот не только принял фрондера, но с первого взгляда, как гимназистка, «влюбился» в бравого генерала с выпяченной грудью и страшными глазами. Трепов тотчас был назначен петербургским генерал-губернатором. Об его отъезде на Дальний Восток вопрос уже не стоял. Вслед за тем Трепов был назначен заместителем министра внутренних дел и командующим Петербургским гарнизоном. Заняв три ключевых поста, облеченный исключительным доверием государя, он фактически стал главой исполнительной власти с почти диктаторскими полномочиями.

Между тем анархия, разгулявшаяся в стране, проникла в само государственное управление. На всех уровнях власти царили неразбериха, растерянность, боязнь ничего не предпринимать и еще больший страх действовать.

То, что на воскресенье 9 января 1905 года назначено массовое шествие рабочих к Зимнему дворцу для передачи царю петиции с изложением их нужд, ни для кого не было секретом. То, что манифестация будет мирной, под руководством священника Григория Гапона, вскормленного в Департаменте полиции «самим» Зубатовым, тоже было известно. Копию петиции рабочих Гапон заблаговременно передал властям — в ней не было ничего крамольного. Да и петербургский градоначальник генерал И.А.Фуллон лично знал Гапона и полагался на него. Казалось бы, к такой демонстрации следовало отнестись благосклонно.

Однако когда намеченный день придвинулся и стало ясно, что демонстрация примет небывалый размах, власти охватила паника. Пример подал сам государь, заблаговре-

менно убравшийся в Гатчину. 8 января вечером Святополк-Мирский собрал совещание, на котором был принят план градоначальника Фуллона и генерал-губернатора Трепова — самое нелепое из всех возможных решений: не препятствовать демонстрантам при прохождении по улицам города, но на Дворцовую площадь не допускать, загородив подходы к ней полицейскими кордонами; а в случае отказа разойтись, пустить в ход оружие. Если бы намеренно хотели устроить кровавую баню, то нельзя было изобрести лучшую ловушку.

Пока шло заседание у Мирского, к Витте, видимо, как к наиболее здравомыслящему представителю власти, пришла депутация от редакции «Наших дней» (включавшая Максима Горького). Она указывала на тревожную ситуацию и просила принять срочные меры для недопущения кровопролития. Обер-министр без портфеля, уязвленный тем, что даже не приглашен на совещание к Мирскому*, ответил, что он не у дел, ни во что не посвящен, помочь не может. Правда, он позвонил Мирскому и попросил его выслушать депутацию; тот ответил, что принять ее не может, добавив, что ее точка зрения ему известна, но выполнить ее нельзя.

На следующий день прозвучали ружейные залпы. Страна содрогнулась от кровавой расправы, в которой неизвестно чего было больше — трусости, подлости или бездушия. Либеральная печать, вчера еще благоволившая к Святополку-Мирскому, обвиняла его в «слабости» и в этом сошлась с дворцовой камарильей. Недолгая эпоха «доверия к обществу» кончилась. «Слабый» Мирский был отставлен, зато позиции «сильного» Трепова — главного виновника Кровавого воскресенья — укрепились.

Министром внутренних дел царь назначил добродушного А.Г.Булыгина, много лет состоявшего в Москве вто-

---

* Приглашению Витте воспротивились некоторые министры, в особенности В.Н.Коковцов, который имел с ним счеты и потом сводил их до конца жизни, в том числе в своих двухтомных воспоминаниях. О совещании у Мирского вечером 8 января он пишет в таких выражениях, будто оно не имело никакого значения, а сам он в нем хотя и участвовал, но к принятию решения никакого отношения не имел. (Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919. Книга 1. М.: Наука, 1992. С. 62.)

рым человеком после генерал-губернатора Сергея, но не имевшего никакого влияния, так как все держал в своих руках Д.Ф.Трепов, и теперь оказавшийся его заместителем («товарищем»). Двоевластие продолжалось!

Генерал Трепов представлял собой ухудшенное издание Плеве: он был столь же «решителен», но необразован, глуп и обладал склонностью влипнуть в нелепые ситуации, вроде команды «смотри веселей», отданной им на похоронах Александра III.

Кровавое воскресенье послужило детонатором для новой волны беспорядков, перекинувшихся теперь даже в армию и во флот. В феврале в Москве был убит великий князь Сергей Александрович. Акция эсера Каляева была тем более бессмысленной, что великий князь был уже не у дел. Но общественный эффект она произвела даже больший, чем недавнее убийство Плеве: ведь жертвой террора стал виднейший член царствующего дома.

Николай в высшей степени странно отреагировал на гибель августейшего дяди и свояка*. Через два часа после получения страшного известия иностранные послы стали свидетелями изумившей их сцены: государь и великий князь Сандро сидели на узком диване и изо всех сил спихивали с него друг друга; и оба заливались хохотом...

Говорило ли это о чудовищной бессердечности Николая, в чем его упрекал А.Ф.Кони, или он пребывал в шоковом состоянии, когда атрофируются все чувства, или это был истерический хохот непреодолимого страха? Кто может это знать!..

Если осенью 1904 года царь отверг предложение Мирского пополнить Государственный совет выборными представителями земств, а в декабре — вычеркнул из его программы пункт о представительных учреждениях, то летом 1905 года уже спешно обсуждался законопроект о Булыгинской (законосовещательной) Думе.

Деваться было некуда, земля — в буквальном смысле — горела под ногами российского самодержавия. «Вся Россия была в огне, — живописал великий князь Сандро. — В течение всего лета [1905 года] громадные тучи дыма стояли

---

* Сергей Александрович был женат на сестре царицы Александры Федоровны — великой княгине Елизавете Федоровне.

над страной, как бы давая знать о том, что темный гений разрушения всецело овладел умами крестьянства и они решили стереть всех помещиков с лица земли. Рабочие бастовали. В Черноморском флоте произошел мятеж, чуть не принявший широкие размеры»*.

6 августа царь издал манифест о «даровании» представительных учреждений. Конечно, речь шла не о всенародном представительстве: рабочие, студенты, солдаты, бедное городское население не получали никаких избирательных прав. Остальное население было разбито на курии, в которых выборы должны были проводиться многоступенчато, в каждой по своей норме, причем явное преимущество получали дворяне и верхний слой буржуазии, а следом шло крестьянство. Вопреки тому, что происходило в стране, Николай упрямо продолжал верить, что крестьяне консервативны и стоят за неограниченного царя-батюшку; а потому, чем больше крестьяне будут представлены в Думе, тем лучше. В этом отношении он полагался на крестьян даже больше, чем на дворян: среди них было много «умников», то есть интеллигентов, выступавших с теми или иными «мечтаниями».

Как бы то ни было, а стране было обещано нечто вроде парламента! Пусть без права издавать законы, но все-таки с правом их обсуждать, выражать свое независимое мнение! Это уже было не шуточное завоевание либерально-демократического общества. Но оно не верило царскому слову. Столько раз давались обещания и столько раз не выполнялись! Что может помешать царю опять отступить-ся? Тем более что Дума была связана с именем Булыгина, а правил бал Трепов.

За спиной Булыгина творились акции, о которых он сам узнавал из газет, а когда к нему обращались за разъяснениями, так и отвечал: ничего не знаю, не посвящен! Он просился в отставку, но государь его не отпускал: треповский срам нуждался в прикрытии фиговым листком. Дошло до того, что «вахмистер по воспитанию и погромщик по убеждению», как вскоре назовет Трепова князь С.Д.Урусов с трибуны Первой Государственной Думы (не

---

* Вел. кн. Александр Михайлович. Ук. соч. С. 341.

совещательной Булыгинской, так и не состоявшейся, а законодательной, Виттевской!), организовал в Департаменте полиции публикацию нелегальных прокламаций погромного содержания, о чем уже упоминалось. Конспирация в квадрате! Когда позднее, благодаря Лопухину, Витте разоблачил эту преступную затею и доложил о ней государю, венценосный конспиратор нисколько не удивился, косвенно признав, что для него это не новость!

Интересно, что эту полицейскую акцию Солженицын называет личным «конспиративным предприятием авантюриста Комиссарова», которое якобы было вскрыто и пресечено министром внутренних дел П.Н.Дурново. Он разоблачает имеющиеся на этот счет «лжеверсии, [которые] присохла так присохла, а особенно на отдаленном Западе, откуда Россия виделась всегда в черном тумане, а пропаганда против нее звучала отчетливо» (стр. 403). Тут же, конечно, и «Ленину было под стать налепить: царизм "ненависть измученных нуждой рабочих и крестьян к помещикам и капиталистам старался направить на евреев"; и его подручный Лурье-Ларин выкручивался объяснять это классово» (стр. 403).

Но С.Ю.Витте — не отдаленный Запад и не Ленин—Лурье, все объясняющие классово. В осведомленности ему не откажешь, как и Лопухину, разузнавшему об «авантюре», видимо, благодаря своим прежним связям в Департаменте полиции. Со своими разоблачениями он не случайно пошел к Витте, а не к Дурново. Витте четко указывает, что секретный комиссаровский отдел «был организован еще при Трепове и находился в ведении [известного мастера полицейских провокаций П.И.]Рачковского»*. Поэтому он (Витте) вызвал к себе Комиссарова *в обход Дурново* (который к тому времени снюхался с Треповым, но об этом у нас речь впереди), выпросил у него о его деятельности и, доложив государю, убедился, что тот вполне в курсе комиссаровской провокации. Только *после этого* Витте поручил Дурново провести официальное расследование этого дела и доложить о нем на заседании Совета министров.

«В моем архиве, — пишет Витте, — хранится сообщение Дурново о результатах следствия, которое не отрицает фактов, но, конечно, их значительно преуменьшает»**.

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. III. С. 82.

** Там же. С. 83.

Что же касается ротмистра Комиссарова, то его рвение было оценено по достоинству: вместо того, чтобы за свои преступные действия, отягощенные злоупотреблением служебным положением, пойти под суд и на каторгу, он был «прощен» царем за *прошлые заслуги*, отправлен в провинцию, где уверенно продолжал свою карьеру, в 1916 году — уже в чине полковника — был возвращен в столицу для охраны Распутина, а 1917 год встретил в чине генерала!

Вот когда тот же Лопухин разоблачил двойную игру своего бывшего агента Азефа, прошлые заслуги многолетнего начальника Департамента полиции в зачет не пошли: он был предан суду и сослан в Сибирь! Подробнее об этом речь впереди, здесь же эти беглые штрихи приводятся потому, что они либо обойденные Солженицыным, либо перетолкованные им таким образом, чтобы они не ударили по его навязчивой (вернее, навязываемой читателю) идее, что царская власть погромов не организовывала и не инспирировала, а только неумело с ними боролась!

Отправляясь на театр военных действий, генерал А.Н.Куропаткин подготовил стратегический план — вполне грамотный и здравый. Поскольку основная часть армии еще не прибыла на Дальний Восток, Куропаткин намеревался избегать крупных сражений. Ведя планомерное отступление и сдерживая продвижение противника, он хотел дожидаться развертывания основной части войск, а затем перейти в контрнаступление. Однако на месте Куропаткин стал подгонять свою «кутузовскую» тактику под шапкозакидательство главнокомандующего Алексеева. Одно позорное поражение следовало за другим. Дважды уничтожив российский флот и овладев океаном, японцы добились подавляющего превосходства и на суше. Многократно разбитые русские войска к лету 1905 года были обескровлены и деморализованы. Но и японцы к этому времени выдохлись.

На фронтах наступило затишье. Президент США Теодор Рузвельт выступил с мирной инициативой, за что российские власти, конечно, ухватились. Граф Ламздорф сразу же предложил государю отправить на переговоры Витте. Царь знал, что это наилучший выбор, но мелочное само-

любие, как всегда, брало верх над государственными интересами. С каким лицом он должен был просить Витте ехать за океан расхлебывать кашу, которую тот так упорно просил его не заваривать, за что и попал в опалу! Говоря слогом самого Витте, «его величеству были отлично известны мои убеждения и мои старания предотвратить от России и ее монарха великие бедствия и что мои старания не увенчались успехом потому, что его величеству не угодно было в этом вопросе оказать мне доверие»*.

Царь решил возложить миссию на посла в Париже Нелидова — того самого, который когда-то чуть было не втравил его в босфорскую авантюру, но доверия не утратил. Однако Нелидов, сославшись на преклонный возраст и болезни, от многотрудного задания уклонился. Тогда царь обратился к посланнику в Дании Извольскому (будущему министру иностранных дел), но тот ответил, что такое дело ему не по плечу и что единственный человек, способный его вытянуть, — это Витте. Следующим кандидатом стал посол в Италии Н.В.Муравьев (бывший министр юстиции).

Муравьев явился в Петербург, но, узнав, что на расходы главы делегации ассигнуется 15 тысяч рублей, а не 100 тысяч, как он рассчитывал, он на аудиенции у государя расплакался и, сославшись на болезни, стал просить уволить от столь тяжелой миссии.

Пришлось-таки самодержцу всероссийскому прищемить собственный хвост и пойти на поклон к опальному председателю Комитета министров!

Витте отправился за океан и добился такого соглашения, что весь мир ахнул. Такую дипломатическую победу после столь позорного военного поражения, кажется, никто еще никогда не одерживал! Получив телеграмму о благополучном исходе переговоров, государь, по своему скудоумию и бедности воображения, не понял, что же произошло в этом далеком Портсмуте. И только когда на него обрушился шквал поздравлений со всего света, он осознал масштаб случившегося.

По возвращении Витте в Петербург Николай сердечно благодарил его за то, что он *не только по букве, но и по духу* выполнил все инструкции, и возвел его в графское

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 375.

достоинство. А через год, когда черносотенная пресса стала поносить вторично опального *графа* Витте, ставя ему в вину и Портсмутский мир, заключенный в угоду «жидам и масонам», газета «Новое время» привела слова государя: «Тогда все, кроме меня, были за то, чтобы заключить мир».

Говорил это царь или нет, неизвестно, но, как замечает Витте, «конечно, Суворин бы этого не печатал, если бы он не знал, что сие будет встречено свыше одобрительно»*.

Пока Витте вытаскивал Николая из кровавой дальневосточной трясины, в которую тот себя загнал с помощью кузена Вилли, Безобразова и Плеве, Николай ухитрился попасть в новую ловушку, расставленную тем же неугодным кузеном. Летом 1905 года состоялась встреча двух императоров в Бьерках. Официально она была объявлена частным свиданием родственников, не имеющим отношения к политике. На самом же деле кузен Вилли, преследуя именно политические цели, выцарапал у кузена Никки не больше не меньше, как договор о военном союзе на случай войны с какой-либо третьей страной. При этом оговаривалось, что договор войдет в силу *после* ратификации мирного договора России с Японией. То есть в случае провала переговоров в Портсмуте (они шли в то время) и возобновления военных действий на Дальнем Востоке Россия на помощь Германии рассчитывать не могла. А вот если бы Германия ввязалась в войну с какой-либо страной, а как раз обострился ее конфликт с Францией из-за притязаний обеих стран на Марокко, то Россия обязалась выступить на стороне Германии!

Кузен Никки сделал приятное кузену Вилли, ни с кем не проконсультировавшись и даже *скрыв* подписанный им документ от министра иностранных дел и всех остальных министров. Лишь три месяца спустя граф Ламздорф смог ознакомиться с текстом договора и пришел в ужас. Россия состояла в военном союзе с Францией, по которому страны обязывались защищать друг друга. А теперь получалось, что в случае военного столкновения между Францией и Германией Россия по одному договору должна выступить на стороне Франции, а по другому — на стороне Германии!

---

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 452.

Когда вдумываешься в такие факты, то, право, начинаешь подозревать, что ум российского самодержца был столь же недоразвит, как и его воля. Ведь несовместимость этих двух договоров очевидна любому школьнику, не понимать этого может только умственно отсталый человек.

Ламздорф, с помощью Витте и великого князя Николая Николаевича, настоял на внесении «поправки» в Бьеркские соглашения, которая их фактически аннулировала. Но это привело к ненужному осложнению отношений с Германией. Союз ведущих держав континентальной Европы — Франции, Германии и России, к чему стремились наиболее прозорливые политические деятели всех трех стран, оказался невозможным. Так конспиративными действиями кузен Никки еще раз объегорил самого себя. Европа осталась разделенной, что, в конечном счете, ввергло ее в Первую мировую войну и привело к гибели императорской России (и императорской Германии).

Двоедушие царя проявлялось буквально во всем, а самым губительным образом — в том двоевластии, которое продолжало расшатывать устои государства. В один и тот же день публиковался манифест, подтверждающий незыблемость самодержавия, и рескрипт, поручающий Булыгину разработать проект о представительных учреждениях. Мало того, что Булыгин и Трепов тянули в разные стороны, смута проникла в душу самого «железного» Трепова. Тараща вахмистрские глаза и выпячивая грудь погромщика, затаченную в генеральский мундир, бравый конногвардеец праздновал труса.

«Ему, как всякому невежде, все сначала казалось очень просто: бунтуют — бей их; рассуждают, вольнодумствуют — значит надо приструнить... Никакой сложности явлений нет, все это выдумки интеллигентов, жидов и франкмасонов», — издевался Витте*. Но как только *простота, что хуже воровства*, стала давать осечки, Трепов «сделался политическим вахмистром-Гамлетом» и стал шарахаться из одной крайности в другую. Он стоял за *начала* неограниченного самодержавия, а в проект Булыгинской Думы предлагал внести такие положения, что даже крайние ли-

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. II. С. 334.

бералы считали их слишком левыми. Он требовал выгнать из университетов всех профессоров и студентов как главных носителей крамолы, а потом настаивал (и настоял!) на предоставлении вузам самой широкой автономии. Он был автором знаменитого приказа «холостых залпов не давать, патронов не жалеть» и тут же высказывался за широкую политическую амнистию...

Неудивительно, что в сентябре, когда Витте, заключив мир, с триумфом вернулся в Петербург, страна была залита огненной лавой бунтов, забастовок, многотысячных митингов и демонстраций, тюремных голодовок, отстрела губернаторов, жандармов и других наиболее ретивых представителей власти, а заодно, конечно, гибли посторонние, ни в чем не повинные люди. Мир пришел слишком поздно и лишь подлил масла в огонь. Резервисты, мобилизованные на время войны, рвались разъехаться по домам, а вывезти их с Дальнего Востока было невозможно, так как всеобщая забастовка парализовала железные дороги, в том числе и Транссибирскую магистраль. Да и опасно уже стало возвращать столь беспокойную массу понюхавших пороху и ничего не боявшихся людей, явно не лояльных правительству. Власти стремились поскорее вывезти с Дальнего Востока именно регулярные войска, дабы бросить их на усмирение волнений, но из-за этого волнения резервистов передались и регулярным частям, и теперь уже становилось безопаснее держать тех и других подальше, так как на них нельзя было положиться.

В правительственных сферах царила растерянность, все в один голос говорили о необходимости срочных уступок. Даже «суперпатриотические» газеты стали требовать конституции. В «Новом времени» об этом писали такие твердые «монархисты», как Меньшиков и Никольский, в «Гражданине» князь Мещерский.

6 октября председатель полубездействующего Комитета министров (по возвращении из Портсмута Витте вернулся на прежний пост) запросил аудиенцию у государя, дабы «изложить соображения о современном крайне тревожном положении». Он понял, что настает его время. 9 октября он был вызван в Петергоф, где «имел счастье явиться к его величеству» с всеподданнейшей запиской. В ней излагалось

два возможных выхода из создавшегося положения — либо назначить полновластного диктатора и «с непоколебимой энергией путем силы подавить смуту во всех ее проявлениях», либо стать на путь конституционных преобразований. 10 октября Витте снова был вызван к императору. На этот раз при разговоре присутствовала императрица Александра Федоровна, и он детально повторил свои соображения в ее присутствии.

После долгих обсуждений с разными лицами, после составления нескольких проектов манифеста, после настоятельных рекомендаций Витте вообще никакого манифеста не издавать, а обнародовать только его всеподданнейший доклад, утвержденный государем, было все-таки решено сопроводить доклад манифестом, «дабы все исходило лично от государя»*.

Ведя переговоры с Витте, венценосный конспиратор оставался верен себе: по секрету он поручил редактирование манифеста И.Л.Горемыкину и барону А.А.Будбергу.

«Если бы в это решающее на много лет судьбы России время вели дело честно, благородно, по-царски, то многие происшедшие недоразумения были бы избегнуты. При всей противоположности моих взглядов с взглядами Горемыкина и тенденциями балтийского канцеляриста барона Будберга, если бы они были призваны открыто со мною обсуждать дело, то общее чувство ответственности, несомненно, привело бы нас к более или менее уравновешенному решению, но при игре в прятки, конечно, события шли толчками, и документы составлялись наскоро, без надлежащего хладнокровия и неторопливости, требуемых важностью предмета»**.

Увы, Николай думал не о важности предмета, да и вряд ли понимал значение того, что происходит. Он думал только о том, как бы не продешевить, как бы не уступить слишком многого, сверх абсолютно необходимого минимума! Да, может быть, и минимума не потребуется, авось все еще как-нибудь обойдется!..

Ознакомившись, наконец, с горемыкинским вариантом Манифеста, который поздно ночью привез ему барон

---

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. III. С. 34.

** Там же. С. 38.

Фредерикс, Витте, взвинченный до предела, сказал, что вполне с ним согласен, но при том условии, что выполнять правительственную программу будет поручено ее автору. Он предложил свою программу и берется ее проводить в жизнь, но не чужую.

Вскоре после возвращения Фредерикса в Петергоф туда прибыл великий князь Николай Николаевич, имевший репутацию «сильного» человека и военного стратега. Фредерикс сказал ему, что для спасения самодержавия надо установить диктатуру и он, великий князь, должен стать диктатором. В ответ на это страшно возбужденный Николай Николаевич выхватил револьвер и сказал, что сейчас пойдет к государю и либо заставит его принять программу Витте, либо застрелится на его глазах. Взять на себя роль диктатора Николай Николаевич боялся, да и опереться диктатуре было не на что.

Свершилось! Конспирировавший против самого себя и своей собственной власти государь император Николай II «добился» того, чему так упрямо противился. Он вынужден был «даровать» народу России конституцию (хотя в манифесте она обтекаемо называлась «основными законами»), парламент (названный народным представительством), основные гражданские свободы — то есть отказаться от тех «начал» самодержавия, которые он так упорно подрывал все одиннадцать лет с момента восшествия на престол.

Так кончилась первая половина царствования Николая II.

Коронованный революционер. Эпоха Витте. 1905—1906

«Уступки следует делать заблаговременно и в позиции силы, а не в условиях слабости», — пишет Солженицын по поводу издания Манифеста 17 октября (стр. 368).

Справедливое замечание, но беда в том, что если бы такой совет был дан самому Николаю II (и давали не раз!), он бы его просто не понял. Достаточно вспомнить его реакцию на «бессмысленные мечтания» тверского дворянства, чтобы убедиться, что ни единой крохой своей абсолютной

власти он *в позиции силы* не поступился бы. И не потому, что он так сильно ею дорожил (напротив, власть для него была тяжелой обузой), но таково было его понятие долга. Такие представления были внушены ему с детства, а затем усиленно в нем культивировали те, кто его окружал. При желании в этом можно видеть смягчающие обстоятельства, но ведь только он сам определял, кому быть, а кому не быть «особами, приближенными к императору». Даже с минимальными ограничениями, установленными для себя самим самодержавием, Николай и его камарилья не хотели считаться.

«Представление Николая II о пределах власти русского самодержца было во все времена превратное, — писал В.И.Гурко. — От воли государя зависело самовластно и единолично отменить закон и издать новый, но поступить вопреки действующему закону он права не имел. Между тем Николай II... этого положения не признавал и неоднократно, по ничтожным поводам и притом в вопросах, весьма второстепенных, нарушал установленные законы и правила*». Гурко был в числе тех высокопоставленных бюрократов, которые хорошо знали все внутренние пружины государственной системы, так как сами были ее частью.

Однако негодование Солженицына направлено не по адресу слабого и лукавого деспота, вынужденно подобравшего когти, а по адресу «либерального и революционного общества»: почему оно не удовлетворилось крохами и захотело большего?

Верный своему методу, Солженицын ищет опоры в еврейских источниках. Г.Слиозберг, часто оспариваемый автором книги, в данном случае опять ко двору. «Достигнута была цель, к которой стремились в течение десятилетий лучшие русские люди, — солидарно цитирует его Солженицын. — ... Добровольный по существу отказ Государя от самодержавной власти и обязательство передать законодательную власть на решение народных представителей... Казалось, всех должна была объять радостью весть об этой перемене" — а встретили ее с прежней непримиримой революционностью: борьба продолжается! На улицах срыва-

---

* Гурко В.И. Царь и царица. Цит. по: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 366—367.

ли национальные флаги, царские портреты и государственные гербы» (стр. 369 со ссылкой на мемуары Г.Слиозберга).

Реальная картина снова деформирована. Во-первых, общество отнюдь не отринуло свобод, дарованных Манифестом 17 октября, а встретило их с ликованием. Люди, принадлежавшие к самым разным слоям населения, нацепив красные банты, выходили на улицы, обнимались, целовались, смеялись и плакали от радости. Во-вторых, то, к чему стремились «лучшие русские люди», далеко еще не было достигнуто. И, в-третьих, те же «лучшие русские люди» сознавали, что на дальнейшие преобразования власть по собственной воле не пойдет; ее можно только заставить.

А главное, сам царь и его подобострастное окружение полностью разделяли это мнение!

Дарование народу свобод для них было именно *уступкой*, а вовсе не принципиальной переменой стратегического курса. Пойти на коренное преобразование государственного строя, так, чтобы все в равной мере подчинялись законам; чтобы народ, в лице своих избранников, мог сам решать свою судьбу; чтобы верховная власть стала воплощать сбалансированные интересы разных групп населения, а правительство — служить этим интересам? В окружении Николая нельзя было высказать большей крамолы. При его понимании долга монарха — сохранить самодержавную власть и во всей полноте передать ее сыну — требовалось остановить время, заморозить политическую жизнь страны, надеть на нее ледяной панцирь. А поскольку жизнь брала свое, постольку многострадальный Иов чувствовал себя уязвленным в лучших своих чувствах. А те, кого он считал наиболее себе преданными (и впереди всех обожаемая супруга), не уставали льстиво и вместе с тем укоризненно нашептывать, что все неурядицы происходят от безграничной его доброты, покладистости, от его голубиного характера.

Царь, камарилья и полицейско-бюрократический аппарат исходили из того, что чем больше власти у царя, тем меньше прав и свобод у народа. И наоборот. Потому вынужденные уступки, должны были быть минимальными и, по возможности, временными.

«Ограничения царской власти, провозглашенного Манифестом 17 октября 1905 года и закрепленного в 1906 году новым содержанием Основных Законов Империи, Николай II определенно не признавал, — продолжает В.И.Гурко. — Правда, самого факта издания этого манифеста он никогда не мог простить ни самому себе, ни тем, которые его к тому подвинули, и в душе, по-видимому, лелеял мысль манифест этот со временем отменить, но, тем не менее, упразднения самодержавия он в нем не усматривал»*.

Властитель слабый и лукавый упирался до того, что уже готовили корабль для бегства царской семьи за границу, под крылышко кузена Вилли, услужливо предложившего свое гостеприимство. А когда он уступил, то «всю королевскую рать», вдруг оказавшуюся в положении больших роялистов, чем сам король, Манифест 17 октября поверг в смятение. Это был удар в спину, надругательство над «патриотическими» чувствами, а главное, подрыв ее — королевской рати — сверхпрочного положения. И ответила она на царский Манифест о свободах *своим* бунтом против Манифеста, бессмысленным и беспощадным, направив его в привычное русло.

Девятый вал еврейских погромов покатылся по городам и весям черты оседлости и даже выплеснулся за черту. «Вы хотели свободы — вот вам свобода!» Таков был основной лозунг монархистов, возмущенных уступчивостью монарха. По масштабу, количеству жертв, по неистовости разгула темных страстей эти кровавые оргии во много раз превзошли еще недавно казавшийся таким чудовищным Кишиневский погром.

Говорить об этом разгуле ненависти и насилия вкратце нельзя, а чтобы рассмотреть гору всевозможных материалов, надо писать отдельную книгу. Я останавлиюсь только на том, как эти события освещены Солженицыным, который им отводит 45 страниц текста, почти десятая часть всего первого тома.

Солженицын в основном ограничивается пересказом отчетов двух сенатских ревизий — сенатора Турау о погро-

---

* Гурко В.И. Ук. соч. С. 366.

ме в Киеве и сенатора Кузминского о погроме в Одессе. Но *анализом* хотя бы этих двух документов он себя не утруждает. Сенат, по Солженицыну, «был авторитетнейшим и независимым юридическим учреждением», а ревизии сенаторов — это «высший класс достоверного расследования, применявшийся в императорской России» (стр. 370). Чего же тут анализировать!

Но с такой комплиментарной оценкой трудно согласиться уже потому, что в самодержавном государстве независимые учреждения невозможны по определению. Правда, как уже отмечалось, по закону назначение в Сенат было пожизненным, что могло служить *некоторой* гарантией самостоятельности сенаторов, но свои собственные законы, как мы знаем, самодержец постоянно нарушал. Строптивых сенаторов под тем или иным предлогом удаляли, а на их место ставили угодных и готовых угодничать. Обычной практикой было *сбрасывание* в Сенат несильно проштрафившихся или просто ставших ненужными чиновников высшего ранга, и они там старательно выслуживались в надежде, что их снова отличат и поднимут на более высокую ступень власти. Или, напротив, в Сенат *подбирали* за особые заслуги и усердие чиновников относительно низкого ранга, от которых можно было ждать еще большей угодливости. Так, прокурор Киевской судебной палаты Чаплинский был назначен в Сенат за усердие при фабрикации дела Бейлиса. С другой стороны, Н.Н.Кутлер, составивший слишком «дерзкий» проект земельной реформы и за это уволенный с высокого поста, почти равного министерскому, ни в Государственный совет, ни в Сенат определен не был. Сопоставление только этих двух примеров показывает, какого сорта личности преимущественно оседали в Сенате и чем многие из них руководствовались при выполнении деликатных поручений.

Ознакомление с отчетами двух сенаторов-ревизоров, на которые опирается Солженицын, обнаруживает их предвзятость — большую у Турау, меньшую, но тоже вполне очевидную, у Кузминского*.

---

* Я говорю о предвзятости, которая видна невооруженным глазом, то есть в самом тексте отчетов. Еще в большей мере она обнаружива-

В каждом из отчетов имеется длинная вступительная часть, подробно излагающая последовательное развитие революционных события 1905 года соответственно в Киеве и в Одессе. В обоих декларируется прямая связь этих революционных выступлений с еврейскими погромами, последовавшими за Манифестом 17 октября, — на том основании, что в противоправительственных акциях евреи «выделялись». Полуцитируя, полупересказывая отчет сенатора Турау, Солженицын четко расставляет акценты:

«"Еврейская молодежь, — говорится в отчете, — преобладала и на митинге 9 сентября в политехническом институте; и при оккупации (?! — *С.Р.*) помещения литературно-артистического общества"; и 23 сентября в актовом зале университета, где "сошлись до 5 тысяч студентов и посторонних лиц и в том числе 500 женщин". 3 октября в политехническом институте "собралось до 5 тысяч человек... преобладала еврейская молодежь женского пола". И дальше упоминания о преимущественном участии евреев: на митингах 5—9 октября; и в митинге 12 октября в университете...» (стр. 372)

Из приведенного фрагмента видна руководящая идея сенатора, который, как для большей вескости подчеркивает Солженицын, опросил более 500 свидетелей. Что и говорить, материал был собран обильный! Но именно поэтому он мог быть обобщен по-разному. Только от самого сенатора Турау зависело, что в этом материале считать характерным, а что случайным, что важным и заслуживающим доверия, а что второстепенным или сомнительным. Сам язык изложения, местами сухой и точный, каким и должен быть юридический язык ревизора, в других местах намеренно зыбок, расплывчат, что выдает стремление не столько прояснить истину, сколько создать нужное *впечатление*.

В одном случае, как мы видели, сенатор, указывая на участие в революционном митинге необычно большого

ется при сопоставлении этих отчетов с фактами, изложенными в независимых от власти источниках, в частности в книге очевидца одесского погрома 1905 года Изгоева А.С. «Русское общество и революция» (М., 1910. С. 142—143). См.: Максудов С. Не свои. «Культура». № 113. 29 июня 2001.

числа женщин, вполне определенно проставил оценочную цифру: пятьсот из пяти тысяч участников. А вот говоря о другом похожем митинге, сенатор обходится без цифр: *преобладала «еврейская молодежь женского пола»!*

В каком смысле — преобладала? Из пяти тысяч участников женщины составляли больше двух с половиной тысяч? Вряд ли! И откуда известно, что все они — еврейки? Паспортов у них не проверяли, имен не переписывали, а по внешности не каждую еврейку определишь с первого взгляда. За юридически установленный факт здесь выдается *личное впечатление* каких-то свидетелей — скорее всего, антисемитски настроенных, в чьих глазах евреи *преобладают* и *выделяются* во всем, что эти люди не одобряют. Такой лексикон не подобает сенатской ревизии. Он более уместен в псевдоэмоциональной мемуаристике-беллетристике В.В.Шульгина!

Чтобы понять цену этим «ревизиям», надо вспомнить, что революционные выступления в 1905 году проходили по всей стране, а основная масса евреев концентрировалась в черте оседлости. В городах и местечках черты оседлости евреи составляли от двадцати до пятидесяти процентов населения (где-то и больше) и, конечно, участвовали в революционных выступлениях. Но ничто не говорит о том, что накал борьбы из-за этого был большим, чем вне черты, где евреев либо вообще не было, либо было очень мало, причем среди них преобладали люди обеспеченные — не те, кто рвался на баррикады. Не еврейская молодежь женского пола жгла помещичьи усадьбы в Саратовской губернии, с чем никак не мог совладать бесстрашный губернатор П.А.Столыпин. Не еврейская молодежь восстала на «Потемкине» и «Очакове», митинговала в Дальневосточной армии, парализовала всеобщей забастовкой железные дороги и крупнейшие предприятия Петербурга, Москвы и других городов!

Но главное, что хотелось бы спросить обоих сенаторов: где коза и где капуста?

Царь издал манифест о даровании свобод, народ в радостном возбуждении высыпал на улицы — какие основания считать, что эти вполне *законные* (ведь разрешена же свобода собраний и манифестаций!) выступления *в поддержку* царского манифеста носили антиправительствен-

ный характер? Правда, такие представления укоренились в постсоветской России, что обнаруживается самым неожиданным образом. Например, при переиздании в Москве ранее запретной книги воспоминаний дочери П.А.Столыпина помещена фотография с подписью: «Демонстрация в Киеве, направленная против царского манифеста»*, хотя на самом деле демонстрация была *в поддержку* манифеста. *Против* манифеста были направлены именно вспыхнувшие следом еврейские погромы.

Но вернемся к повествованию Солженицына. Изложив содержание доклада сенатора Турау, он добавляет — уже от себя:

«Смею сказать, в такой неистовости ликования проявилась черта и неумная и недобрая: неспособность удержаться на границе меры. Что толкало евреев, среди этих невежественно (? — С.Р.) ликующих киевских сборищ так дерзко предавать осмешке то, что еще свято простому народу?*** Понимая неутвержденное положение в государстве своего народа, своих близких, — могли бы они 18—19 октября по десяткам городов не бросаться в демонстрации с таким жаром, чтобы становиться их душой, и порой большинством?» (стр. 375).

---

* Бок М.П. П.А.Столыпин. Воспоминания о моем отце. М.: «Новости», 1992 (блок фотографий между стр. 64 и 65).

** Имеется в виду эпизод, широко известный по экспрессивному описанию В.В.Шульгина, но приводимый Солженицыным по отчету сенатора Турау. (Вероятно, Шульгин тоже позаимствовал его у Турау, но раскрасил беллетристически.) В Киеве, в ходе демонстрации, последовавшей за манифестом, возбужденная толпа якобы ворвалась в здание Городской Думы, сорвала портрет царя, и молодой еврей, вырезав в портрете дыру и просунув в нее голову, радостно кричал: «Теперь я государь». Сенатор Турау занес этот эпизод в свой отчет со слов опрошенных им свидетелей, но не похоже, чтобы эти свидетели сами присутствовали при эпизоде. Скорее всего, они передавали ходившие по городу слухи. Тут за версту разит черносотенным мифом. Но даже если допустить, что факт имел место и что неизвестный молодой человек обладал ярко выраженной еврейской внешностью, то прямыми очевидцами надругательства над царским портретом могли быть лишь очень немногие лица. Если *осмешник* так сильно оскорбил их святые чувства, то почему же они не растерзали его на месте или не сдали полиции? Ничего такого не произошло, зато, по версии Турау—Шульгина—Солженицына, *тысячи* людей, которые при этом эпизоде *не присутствовали*, были настолько потрясены и возмущены, что на следующий день бросились громить еврейские кварталы!

Выходит, православному народу ликовать можно — хотя бы по его простоте и невежеству. А евреям (среди них «простого народа» нет!) надобно помнить, что в изъявлениях радости им следует соблюдать субординацию, ибо ликующий рядом «большой народ» может осерчать. Радовались бы втихомолку, глядишь, пронесло бы. А они туда же, плясать на улицах! Словно забыли про свое «неутвержденное положение в государстве»!

Так Солженицын итожит сенатские ревизии.

Но надо отдать справедливость почтенным сенаторам. При явном стремлении показать, что погромы хотя бы отчасти инициировали сами евреи, они не скрыли того, что и в Киеве, и в Одессе жертвами бесчинств стали те, кто не имел никакого отношения *ни к каким* выступлениям — ни антиправительственным, ни проправительственным. Удостоверили и то, что избиения евреев проходили при попустительстве, поощрении и прямом участии полиции, войск, военных и гражданских чинов высоких рангов. Впрочем, как могли бы они утаить то, что в обоих городах было известно каждому обывателю, и по всей России разошлось широко — благодаря прессе, ставшей, наконец, почти свободной!

Сенатор Турау отдал под суд два десятка полицейских чинов во главе с полицмейстером Киева Цихоцким (погромщики его с восторгом качали за поощрение их бесчинств, а он им кланялся), а сенатор Кузминский — четыре десятка, включая градоначальника Одессы Д.Б.Нейгардта. Солженицын видит в этом доказательство безупречной объективности обоих ревизоров: наказали виновных, невзирая на звания и чины! (А тем показали и непричастность более высокого, петербургского, начальства, что от них и требовалось!)

Вот о том, были ли судимы и осуждены шесть десятков мундирных погромщиков Одессы и Киева, Солженицын молчит. Вынужден молчать и я, ибо никаких данных об их участии мне найти не удалось, если не считать упоминания Витте о том, что Д.Б.Нейгардт был им уволен, но снова «выплыл на поверхность административного влияния при Столыпине в качестве брата его жены»*.

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. III. С. 132.

Витте не уточняет, в чем именно состояла роль выплывшего Нейгардта. Но об этом можно узнать из других источников, например, из воспоминаний почетного лейб-медика, академика Г.Е.Рейна, на чьих руках умирал в 1911 году смертельно раненый П.А.Столыпин. Рейн пишет, что «принял на себя организацию ухода за раненым министром, пока не прибыли супруга министра Ольга Борисовна и два ее брата сенаторы Александр Борисович и Дмитрий Борисович Нейгардт»*. (Курсив мой. — С.Р.)

Так вот в каком качестве «выплыл» одесский обер-погромщик, отданный сенатором Кузминским под суд, — в качестве его коллеги-сенатора! Но не надо думать, что Нейгардту его кровавые преступления сошли с рук только благодаря протекции высокопоставленного родича. О том, что и других мундирных погромщиков ждала отнюдь не мученическая судьба, видно по аналогичному погромному делу того времени.

«Провокаторская деятельность департамента полиции по устройству погромов дала при моем министерстве явные результаты в Гомеле, — засвидетельствовал Витте. — Расследованием... неопровержимо было установлено, что весь погром был самым деятельным образом организован агентами полиции под руководством местного жандармского офицера графа Подгоричани, который это и не отрицал. Я потребовал, чтобы [министр внутренних дел П.Н.]Дурново доложил это дело Совету министров. Совет, выслушав доклад, резко отнесся к такой возмутительной деятельности правительственной секретной полиции и пожелал, чтобы Подгоричани был отдан под суд и устранен от службы. По обыкновению был составлен журнал заседания, в котором все это дело было по возможности смягчено... На этом журнале Совета министров государь с видимым неудовольствием 4 декабря (значит, через сорок дней после 17 октября) положил такую резолюцию: "Какое мне до этого дело? Вопрос о дальнейшем направлении дела графа Подгоричани подлежит ведению министерства внутренних дел"»**.

* Цит. по кн.: П.А.Столыпин. Жизнь и смерть за царя. Речи в Государственном совете и Думе. Убийство Столыпина. Следствие по делу убийцы. М.: Рюрик, 1991. С.45.

** Витте С.Ю. Ук. соч. Т. III. С. 84.

В другом месте Витте уточняет: «На мемории по этому делу, конечно, не без влияния министра внутренних дел Дурново, его величество соизволил написать, что эти дела не должны быть доводимы до его сведения (вероятно, по маловажности?..)»*. А вот и итог: «Через несколько месяцев я узнал, что граф Подгоричани занимает пост полицмейстера в одном из черноморских городов»**.

Солженицын к таким свидетельствам глух и слеп. Зато с орлиной зоркостью он высматривает себе созвучное — в особенности, в так называемых еврейских источниках. «Мы абсолютно уверены, — цитирует он Л.Прайсмана, со ссылкой на статью 1987 года в израильском русскоязычном журнале «22», — что Департамент полиции не был таким хорошо организованным учреждением, чтобы подготовить в одну и ту же неделю погромы сразу в 660 местах". За те погромы "несет ответственность не только и не столько администрация, сколько само русское и украинское население черты оседлости". Вот с последним — соглашусь и я, — одобряет Александр Исаевич. — Но только с существенной поправкой: что и еврейская молодежь того времени — весомо делит ту ответственность» (стр. 404). Имеется в виду еврейская самооборона; по логике Солженицына, еврейские юноши, дававшие отпор там, где бездействовали войска и полиция, несут вину за погромы наряду с самими громилами!

А дальше — обобщение, далеко выходящее за рамки «того времени»: «Тут трагически сказалась та черта русско-украинского характера (не различая, кого из громил кем считать), что в минуты гнева мы отдаемся слепому порыву «раззудись плечо», не различая правых и виноватых, а после приступа этого гнева и погрома — не имеем способности вести терпеливую, методическую, многолетнюю деятельность к исправлению бед. В этом внезапном разгуле дикой мстящей силы после долгой дремли — на самом деле духовная беспомощность наших обоих народов» (стр. 404—405).

Я оказываюсь в парадоксальном положении: мне ли, «лицу еврейской национальности», отстаивать достоинство

---

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. III. С. 132.

** Там же. С. 84.

русского и украинского народов, оспаривая такого безупречного русака, как Солженицын? Но я вырос среди русских, воспитан на русской культуре, русский язык — это язык моих мыслей и чувств; русская литература, наука, история — предмет моих занятий на протяжении всей сознательной жизни. Думаю, я достаточно знаю русский национальный характер — с его достоинствами и недостатками. К последним отношу излишнюю инфантильность, с которой связываю многие неурядицы российской общественной, государственной, экономической жизни в прошлом и настоящем. Преувеличенное представление о своей особой духовности, *богоносности* на протяжении столетий тоже не содействовали взрослению нации. Но объявлять «внезапный разгул дикой мстящей силы», помноженный на «духовную беспомощность», прирожденной особенностью народа значит ставить его вне человеческой цивилизации!.. Куда только смотрит Игорь Шафаревич, неумоимо рыщущий по литературным текстам в поисках истинных или мнимых обидчиков «большого народа»!

Шафаревич молчит, а с ним и вся гвардия воителей против «русофобии». Многие из них с подобострастием цитируют Солженицына, не высказывая в его адрес ни одного критического замечания*. Видимо, они согласны с Александром Исаевичем. А я не согласен. Я считаю русский народ — такой, каким он сложился в результате выпавшей на его долю исторической судьбы, — достаточно цивилизованным, чтобы причислить его к цивилизованным народам мира. Может быть, ему недостает немецкой аккуратности, американской деловитости или китайского трудолюбия, но это не признаки духовной ущербности. Русский народ имеет великие достижения и великих представителей, которыми по праву гордится; имеет он и своих мерзавцев, на что, по известной формуле В.Жаботинского, всякий народ имеет право.

Погромы 1905 года и других лет совершал не русский народ, а его отребье, руководимое властями и черной сот-

---

* На что, нелишне заметить, Солженицын взаимной любезностью не отвечает. Ни в первом, ни во втором томе «Двухсот лет вместе» он ни разу не упоминает своих предшественников и единомышленников из национал-патриотического фланга современной российской общественной жизни.

ней. То, что отребья оказалось так много, русских не украшает, но основная вина в том лежит на тех же властях и идеологах черной сотни. Это они растлевали народ ненавистью к евреям и другим меньшинствам, доводя часть его до «нравственного одичания». Кто же срамит Россию — тот, кто объясняет творившиеся в ней безобразия действиями наделенных властью *мерзавцев* разного калибра, или тот, кто приписывает разгул низменных страстей духовной ущербности самого народа? Не знаю, найдет ли Солженицын выход из логического капкана, в который сам себя загнал.

Возвращаясь на Олимп власти, можно сказать, что первые полгода после Манифеста 17 октября напоминали отчаянную борьбу над пропастью между самоубийцей, рвущимся к роковому прыжку, и его спасителем, который пытается оттащить его от края бездны.

«Я вступил в управление империей при полном ее если не помешательстве, то замешательстве, — вспоминал Витте. — Ближайшими признаками разложения общественной и государственной жизни было общее полное недовольство существующим положением, что объединило все классы населения; все требовали коренных мер государственного переустройства»*.

Это еще мягко сказано. Комментируя «Воспоминания» Витте, А.В.Игнатъев и А.Г.Голиков с протокольной точностью указывают, что кроме массовых забастовок и манифестаций в городах, крестьянских бунтов, всевозможных требований, раздававшихся с трибун съездов земских, городских и иных организаций, «осень 1905 г. была отмечена массовыми выступлениями в армии и на флоте. С октября 1905-го до начала 1906 года было 195 массовых выступлений. Причем в 62 случаях дело доходило до различных форм вооруженной борьбы, включая восстания. Наиболее крупными выступлениями осени 1905 года были отмеченные С.Ю.Витте "волнения" в Кронштадте и Севастополе. В Кронштадте матросы 12 флотских экипажей из 20 и солдаты гарнизона крепости в течение двух дней вели

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. III. С. 127

бои с правительственными войсками. Военно-полевой суд грозил полутора тысячам матросов и нескольким сотням солдат. Под воздействием 160-тысячной всеобщей забастовки рабочих Петербурга дело было передано не в военно-полевой, а в обычный военно-окружной суд. Угроза смертной казни для восставших миновала»*.

Затем последовала широкая амнистия политических заключенных и другие шаги, направленные на смягчение противостояния власти и общества. Хотя и неровно, толчками, но началось успокоение. Вопреки утверждению Солженицына, что общество «злорадно истолковало Манифест как капитуляцию и оттолкнуло его» (стр. 368), в Петербурге вскоре прекратилась всеобщая забастовка. Хотя Петербургский совет рабочих депутатов, который еще накануне чувствовал себя полным хозяином в столице, постановил забастовку возобновить, это решение не было выполнено. Снова заработали заводы и фабрики. Пошли поезда по железным дорогам. Заработал телеграф.

Витте хотел тотчас отдать приказ об аресте председателя Петербургского совета Г.С.Носаря (Хрусталева), но ему посоветовали с этим повременить, дабы не вызвать нового возмущения еще не остывших рабочих. Солженицын называет Носаря-Хрусталева подставной фигурой, за чьей спиной якобы орудовали «несравненные руководители Парвус и Троцкий» (стр. 370). Но это не что иное, как опрокидывание будущего в прошлое — по рецепту марксиста Покровского, для которого история была не наукой, а политикой, туда «опрокинутой».

Впоследствии Троцкому пришлось сыграть выдающуюся роль в революционном движении, тогда как роль Носаря была незначительной и весьма шаткой. Более того, после захвата власти большевиками Носарь-Хрусталева был расстрелян чекистами. Но в 1905 году подлинным лидером рабочего движения в столице был именно Носарь-Хрусталева, чистокровный русский, происходивший, кстати говоря, из казаков. Беспартийный интеллигент, затем примкнувший к меньшевикам, юрист по образованию, он оказался блестящим организатором и трибуном. Его авторитет

* В кн.: Витте С.Ю. Ук. соч. Т. III. С. 583.

в рабочей среде был непререкаем. Это были те самые рабочие, которые всего за несколько месяцев, в январе, под руководством Гапона, с хоругвями и церковными песнопениями, шли поклониться царю и просить выслушать их нужды, но, встреченные картечью, разбегались, оставляя на мостовых истекающих кровью товарищей. В октябре, под лидерством Носаря, они были сплочены и непреклонны, что, конечно, не может устроить тех, для кого революция — дело рук евреев. Но после 17 октября рабочее движение стало утрачивать свою монолитность, а авторитет Совета и его председателя — быстро падать.

Учитывая все это, Витте согласился выждать.

Любопытно сопоставить то, как эти события отложились в памяти разных участников — в зависимости от сектора обзора каждого из них. Если Витте делал ставку на то, чтобы расколоть единый антиправительственный фронт и прибегал к маневрированию, то жандармский генерал А.В.Герасимов, в то время начальник Петербургского охранного отделения, понимал борьбу с революцией так, как ему и было положено по должности: «держаться и не пускать». Все, кроме лобовых ударов, с его точки зрения, лишь способствовало успеху революции. Под его пером Манифест 17 октября не ослабил революционного напора, а усилил его. Для него малейшее неодобрение скулодробительных мер — это свидетельство слабости и некомпетентности. «Философия» генерала Герасимова прекрасно выражена в приводимом им эпизоде, касающемся первого его доклада у вновь назначенного министра внутренних дел П.Н.Дурново:

«Я чувствовал, что мой доклад был Дурново несколько не по вкусу. Он морщился и наконец перебил меня:

— Так скажите: что же, по-вашему, надо сделать?

— Если бы мне разрешили закрыть типографии, печатающие революционные издания, и арестовать 700—800 человек, я ручаюсь, что успокоил бы Петербург.

— Ну, конечно. Если пол-Петербурга арестовать, то еще лучше будет, — ответил Дурново. — Но запомните: ни Витте, ни я на это нашего согласия не дадим. Мы — конституционное правительство. Манифест о свободах дан и назад взят не будет. И вы должны действовать, считаясь с этими намерениями правительства как с фактом.

Наша беседа длилась около часа. Больших надежд она в меня не вселила»*. (Правда, через некоторое время Дурново, согласно Герасимову, «исправился», то есть стал проводить линию на усиление репрессий, получая на то согласие царя и Трепова через голову Витте.)

Носарь-Хрусталеv был арестован только 26 ноября, никаких эксцессов не последовало. 3 декабря был арестован весь Совет рабочих депутатов в составе 267 человек. Это также не вызвало беспорядков в столице.

Через три дня после ареста Петербургского Совета в Москве состоялся съезд железнодорожников, который призвал к всеобщей забастовке и превращению ее в вооруженное восстание. Но мало где последовали этому призыву, кроме самой Москвы. И так как вооруженное восстание во второй столице оказалось одной из немногих изолированных вспышек, то и подавить его не составило большого труда. Петербург же, вопреки опасениям Герасимова, оставался относительно спокойным. Это позволило снять наиболее надежный Семеновский полк под командованием генерала Г.А.Мина и послать его на помощь московскому генерал-губернатору адмиралу Ф.В.Дубасову**.

Жестоко подавленное Декабрьское восстание и стало высшей точкой революции, после чего она пошла на спад. Как только наступило успокоение во второй столице, адмирал Дубасов, не желая мстить побежденным, поверг на высочайшее имя предложение судить мятежников не военным, а гражданским судом (это значило — не применять к ним смертной казни). Но император не понял такой мягкотелости. Как мелкий человек, он был мстителен.

Конечно, до полного успокоения было еще далеко. На жестокие акции властей революционное подполье усилило акты индивидуального террора. В Петербурге две группы боевиков вели охоту на министра внутренних дел Дурново. Дело сорвалось только потому, что глава Боевой организации эсеров и тайный агент охранки Евно Азеф искусно

---

* Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Всероссийская мемуарная библиотека. Основана А.И.Солженицыным. Серия «Наше недавнее». № 4. Paris: YMCA-PRESS, 1985. С. 43.

** Существует версия, будто Декабрьское восстание в Москве было спровоцировано властями, желавшими получить предлог для кровавой расправы, но она маловероятна.

направлял своих товарищей-террористов по ложному следу. Но он же содействовал покушению в Москве на адмирала Дубасова, чудом уцелевшего: бомбой, брошенной в его экипаж, был убит его адъютант; сам Дубасов был выброшен из экипажа и получил контузию, от которой потом долго лечился. После ухода Витте (апрель 1906 года) Дубасов тоже подал в отставку. Царь его не удерживал*.

Отвечая ударами на удары «непримиримых», Витте пытался навести мосты к умеренным общественным кругам, но процесс примирения шел бы значительно быстрее, если бы не самодержавный конспиратор, все время хватавший своего премьера за руки.

Видные общественные деятели, которых Витте склонял к сотрудничеству (в их числе М.А.Стахович, князь Е.Н.Трубецкой, Д.Н.Шипов)**, готовы были войти в правительство или оказать ему частичную поддержку. Но они ставили условия. Одно из них — введение прямого и равного избирательного права вместо системы куриий, которую Витте унаследовал от Булыгина, хотя и расширил избирательные права низших слоев общества. Но о «четырёххвостке», то есть *всеобщем, прямом, равном и тайном* голосовании, царь не хотел слышать: слишком это походило бы на конституционные режимы европейских стран!

П.Н.Милюков, у которого премьер тоже «просил совета», хотя министерского портфеля ему не предлагал, сказал, что коль скоро правительство «решило дать России конституцию, то оно лучше всего поступило бы, если бы прямо и открыто сказало это — и немедленно откroировало*** бы хартию, достаточно либеральную, чтобы удов-

---

* Отставка не прекратила охоту на Дубасова: ему мстили за подавление Московского восстания. Позднее в него стрелял какой-то юноша в Петербурге, но, испуганный собственной акцией, промахнулся. (Дубасов просил его помиловать.) В августе генерал Мин был выслежен и убит эсеровским боевиком Зинаидой Коноплянниковой.

** М.А.Стахович (предводитель дворянства Орловской губернии) и Д.Н.Шипов (председатель Московской земской управы) были в числе основателей партии октябристов, но Шипов затем перешел в большую партию Народного обновления. Князь Е.Н.Трубецкой (профессор философии Московского университета) был в числе создателей партии кадетов, однако, оказавшись в ней на правом фланге, тоже перешел в партию Народного обновления.

*** Откroировать конституцию — значит пожаловать ее волей монарха, а не принять голосованием в парламенте.

летворить широкие круги общества». Как на образец Милюков «указал на болгарскую конституцию, явно доступную для русского народа, или какую-нибудь другую разновидность бельгийской, — во всяком случае, с всеобщим избирательным правом». Указал он и на то, что «проект такой конституции уже разработан земским съездом». «Уклоняясь от прямого ответа по существу, — продолжает в своих воспоминаниях Милюков, — он начал возражать мне очень извилистой и внутренне противоречивой аргументацией... Я хотел добиться от Витте прямого ответа и спросил его в упор: "Если ваши полномочия достаточны, то отчего вам не произнести этого решающего слова: конституция?" Витте, уже охлажденный моими предложениями, ответил каким-то упавшим голосом, лаконично и сухо, но так же прямо: "Не могу, потому что царь этого не хочет". Это было то, что я ожидал: краткий смысл длинных речей. И я закончил нашу беседу словами, которые хорошо помню: "Тогда нам бесполезно разговаривать. Я не могу подать вам никакого дельного совета"»*.

Но если относительно избирательного закона Витте еще мог как-то сговориться с наиболее умеренными общественными кругами, то их оттолкнуло то, что портфель министра внутренних дел он предложил П.Н.Дурново. В глазах общественного мнения это был один из самых одиозных столпов режима полицейского произвола. Сам Витте знал его как человека нечистоплотного и даже «пострадавшего» еще при Александре III за то, что свое положение начальника Департамента полиции использовал для слежки за своей содержанкой и ее любовником — испанским (по версии А.В.Герасимова, бразильским) послом. Был он нечистоплотен и в финансовых делах. Тем не менее «либеральный» премьер на нем остановил свой выбор, хотя у него было минимум два других варианта.

Ему рекомендовали князя С.Д.Урусова, человека принципиального, с немалым административным опытом и безукоризненной репутацией. На посту Кишиневского губернатора, куда он был назначен после погрома, Урусов в короткий срок добился успокоения и возвращения жизни

* Милюков П.Н. Воспоминания. М.: «Современник», 1990. Т.1. С. 330—331.

в нормальное русло; при этом он не побоялся пойти на конфликт с самим Плеве. Однако когда в разговоре с Витте о предполагавшемся его назначении на пост министра внутренних дел Урусов заикнулся о своей неопытности, тот поспешил с ним согласиться. Витте знал, что для успокоения разбушевавшегося революционного моря придется прибегать к *разным* мерам; на посту министра, в чьем ведении находилась полиция, жандармерия, тайный сыск, такие люди, как Рачковский и Герасимов, ему нужен был человек, не отличавшийся излишней чистоплотностью.

Второй вариант, который предлагали общественные деятели, — возглавить наиважнейшее министерство самому премьеру! Это многих устраивало, но не самого Витте. Он отговорился тем, что премьерство съедает все силы и время, совмещать два поста в столь трудное время он не сможет. Конечно, истинная причина была более серьезной. Видимо, он не хотел брать на себя *прямую* ответственность за грязную и кровавую работу, которой было не избежать.

Дурново для этого вполне подходил. С министерством внутренних дел была связана вся его карьера. Он дорос до поста товарища министра и пересидел целую серию сменявшихся шефов: Сипягина, Плеве, Святополка-Мирского, Булыгина. Главным для Витте было то, что ко всем ним — столь разным по личным качествам и проводимому курсу — Дурново был лоялен. Ну, а еще важнее было то, что он не ладил с Треповым! Это внушало уверенность, что он станет надежной опорой премьеру.

Трепов опрокинул эти хитроумные расчеты. По его наущению, царь утвердил Дурново только *исполняющим обязанности* министра, а значит, в любой момент он мог быть смещен. И теперь от Трепова, а не от Витте зависело, удержится ли он на возделенном посту. Дурново это хорошо понял. Он стал угождать Трепову и ставить палки в колеса премьеру, который из-за него осложнил и без того сложные отношения с обществом, а заполучил в его лице опасного врага.

Но и появление столь одиозной личности во главе карательной системы правительства не могло остановить общей тенденции к успокоению. Причину этого просто объяснил П.Н.Милюков: «начался шелест избирательных бюл-

летней». Хотя сложная, многоступенчатая система выборов обеспечивала огромные преимущества одним группам населения за счет других*, однако Витте не устал разъяснять, что Манифест и Основные законы — это только начало преобразований; дальнейшее развитие реформ будет зависеть от избранных законодателей. Это звучало убедительно. Заново возникавшие или выходявшие из подполья политические партии видели смысл в том, чтобы от силовой конфронтации с властью перейти к предвыборной борьбе. Даже в ЦК партии эсеров заговорили о том, что следует приостановить террористическую борьбу и направить основные усилия на пропагандистскую работу в массах. Непримируемыми оставались только некоторые крайние революционеры, но они оказались в изоляции. Большевики призвали рабочий класс к бойкоту выборов и этим только лишили себя представительства в Думе; рабочие же в массе своей от участия в выборах не отказались.

Но — чем дальше царь отодвигался от края пропасти, тем меньшим становилось влияние премьера. Сбывалось пророчество одного из самых близких царской семье людей, товарища министра двора князя Н.Д.Оболенского. Он на коленях умолял Александру Федоровну воздействовать на государя с тем, чтобы тот *не* ставил Витте во главе правительства. Что бы ни делал Витте для успокоения страны, говорил ей Оболенский, личная неприязнь к нему государя, а она известна, будет только накапливаться, перейдет в чувство мести, и при первой возможности Витте будет отставлен; в результате пострадают и государь, и Россия.

Когда все произошло именно по этому сценарию, в немилость впал... князь Оболенский. Его перестали приглашать во дворец, а если он должен был являться с докладом (в отсутствии министра двора барона Фредерикса), то царь всегда назначал аудиенцию на вторую половину дня, чтобы не приглашать к завтраку, как было заведено еще

---

* Система курий была устроена таким образом, что один голос помещика приравнивался к трем голосам городской буржуазии, 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Военные, учащиеся, «бродячие инородцы» и некоторые другие слои населения вообще не имели голоса.

со времен Александра III. Принять Оболенского перед завтраком и не пригласить к столу было неловко, а пригласить при охладившихся отношениях, рискуя получить нахлобучку от решительной супруги, тоже было неловко. «Какой маленький — великий благочестивейший самодержавнейший Николай II!» — восклицает по этому поводу Витте*.

Из тех, кто снова стал тянуть государя к пропасти, первую скрипку играл все тот же Д.Ф.Трепов. С назначением Витте премьером он должен был оставить свои посты петербургского генерал-губернатора и товарища министра внутренних дел. Но царь назначил его дворцовым комендантом, то есть своим личным охранником, что давало ему возможность по несколько раз в день общаться с императором. Так влияние Трепова на государя усилилось, хотя, не занимая официального поста в правительстве, он теперь не нес ровно никакой ответственности за принимаемые решения**.

«Трепов во время моего министерства имел гораздо больше влияния на его величество, нежели я; во всяком случае, по каждому вопросу, с которым Трепов не соглашался, мне приходилось вести борьбу. В конце концов, он являлся как бы безответственным главою правительства, а я ответственным, но маловлиятельным премьером»***.

Вскоре обнаружили и другие поползновения атаковать правительство с тыла, то есть со стороны самой власти. П.И.Рачковский, поставленный Дурново во главе политической полиции империи, стал создавать по всей стране «монархические» организации Союза Русского народа — во главе с доктором Дубровиным. Союз стал в прямую оппозицию к Манифесту 17 октября, как подрывающему самодержавие. «Союзников» тут же взял под свое покровительство великий князь Николай Николаевич, а вскоре и сам государь стал их поддерживать. Он теперь не уставал повторять, что Манифест у него «вырвали», причем имелось в виду, что это сделал не Николай Николаевич, разыгравший перед ним мелодраму с приставленным к соб-

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. III. С. 36.

** Как не вспомнить Коржакова при президенте Ельцине!

*** Витте С.Ю. Ук. соч. Т. III. С. 85.

ственному виску револьвером, а граф Витте. И в то время, когда премьер с огромным трудом пытался проводить курс реформ, намеченный царским Манифестом, царь все более откровенно отмежевывался от самого себя!

С февраля 1906 года Витте стал говорить о том, что поставлен в невозможное положение: он несет всю ответственность за происходящее в стране, подвергается нападкам со всех сторон, а проводить свой курс ему не дают безответственные элементы, окружающие трон. Он заговаривал об уходе в отставку то с Треповым, то с министром двора Фредериксом (понимая, что эти разговоры будут переданы по назначению), то с самим государем. Конечно, он знал, что в нем нуждаются и не отпустят, бряцание отставкой было способом борьбы с противодействием его начинаниям.

Но, по мере того, как ситуация в стране становилась менее острой, царь становился все более подозрителен к своему премьеру. Играя на его слабостях, ему все настойчивее нашептывали о коварстве Витте, о том, что тот чуть ли не готовит заговор, дабы свергнуть монархию и самому стать президентом республики. Николай благосклонно выслушивал наветы и, наконец, дал понять премьеру, что не возражает против его ухода, но не раньше, чем тот завершит основные дела по вытаскиванию страны и монарха из ямы. Для этого оставалось вернуть с Дальнего Востока армию, успешно провести по всей стране выборы и заключить крупнейший в истории иностранный заем, без чего государство неумолимо катилось к банкротству — со всеми вытекающими последствиями, вплоть до нового, и уже ничем не остановимого, революционного взрыва. Он был намерен выжать из премьера последние соки, а затем выбросить вон.

И когда все было исполнено — в апреле 1906 года — за несколько дней до открытия Государственной Думы, «просьба» Витте об отставке была удовлетворена.

Прощаясь с ним, верный в своем постоянном непостоянстве государь сказал, что решил вручить бразды правления его врагам, но не потому, что они его враги, а потому, что «в настоящее время такое назначение полезно».

Прекрасно зная, на ком государь — по наущению Трепова — остановил свой выбор, Витте спросил: «Ваше величество, может быть вам будет угодно мне сказать: кто это такие мои враги, ибо я не догадываюсь о том». И после того, как государь назвал И.Л.Горемыкина, Витте сказал: «Какой же, ваше величество, Горемыкин мой враг? Во всяком случае, если все остальные лица такого калибра, как Горемыкин, то они мне представляются врагами очень малоопасными»*.

Государь усмехнулся, оценив иронию. Когда-то он уволил Горемыкина с поста министра внутренних дел, потому что ему «надоели пешки». И вот теперь он ставил эту пешку на капитанский мостик корабля, которому предстояло плавание по далеко еще не успокоенному и притом совершенно неведомому морю! Почему?

«Для меня главное то, что Горемыкин не пойдет за моей спиной ни на какие соглашения и уступки во вред моей власти, и я могу ему вполне доверять, что не будет приготовлено каких-либо сюрпризов, и я не буду поставлен перед совершившимся фактом, как было с избирательным законом, да и не с ним одним»**. Так он объяснит В.Н.Коковцову. Объяснит лицемерно, еще раз продемонстрировав свою мелочность и ничтожество. Ни избирательного, ни какого-либо иного закона Витте не мог издать «за спиной» государя. Все делалось с его согласия и одобрения! Правда была только в том, что премьер настаивал на нововведениях, исходя из *широко понимаемых* государственных интересов, тогда как государь превыше всего ставил свои *личные* интересы, и понимал их *узко* — так, как их понимали льстивые ничтожества, составлявшие его ближайшее окружение. Горемыкин подходил больше, чем Витте, ибо «его [государя] доверие направилось к тем, кто толкал его к гибели»***.

Дрейф к краю пропасти не мог не возобновиться.

* Витте С.Ю. Ук. соч. Т. III. С. 328.

** Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919 гг. Книга 1. М.: Наука, 1992. С. 152.

*** Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума. Воспоминания современника. London: Overseas Publications Interchange LTD, 1991. С. 10.

Коронованный революционер. Эпоха Столыпина. 1906—1911

Поработать с Государственной Думой, которую он породил, Витте не дали, а И.Л.Горемыкин не имел ни малейшего понятия о том, с какой стороны подступиться к такому чудищу. Как предупредил государя В.Н.Коковцов, «личность Ивана Логгиновича, его величайшее безразличие ко всему, отсутствие всякой гибкости и прямое нежелание сблизиться с представителями новых элементов в нашей государственной жизни, все это не только не поможет сближению с ними, но послужит скорее лозунгом для усиления оппозиционного настроения»*.

Такая характеристика нового премьера (Коковцов, по его словам, «до мельчайшей подробности» передал этот разговор самому Горемыкину, во что трудно поверить) не помешала назначению Коковцова министром финансов в горемыкинский кабинет! Пойдя на образование *солидарного* Совета министров, Николай продолжал делать все, чтобы солидарности не допустить. Кажется, «разделяй и властвуй» был единственный метод управления, которым он владел. Он походил на капитана тонущего корабля, который, вместо того, чтобы налаживать дружную работу команды, дабы попытаться задраить брешь и дотянуть до спасительного берега, озабочен только тем, как бы старший помощник и боцман не сговорились между собой и тем не нанесли ущерба его безграничной власти на судне.

Нечего и говорить, что коль скоро ему так важно было противопоставлять друг другу министров, то куда важнее было поссорить правительство с Государственной Думой, еще даже не открывшейся. Если созданное *для работы с Думой* правительство в чем-то и было солидарно, то именно в том, чтобы с Думой *не* работать! Когда Государственный контролер П.К.Шванебах заметил, что в новом правительстве оказалось «немалое количества элементов, не

---

* Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919 гг. Книга 1. М.: Наука, 1992. С. 152.

слишком нежно расположенных к идее народного представительства и едва ли способных внушить к себе доверие со стороны последнего», Коковцов резонно ответил: «Пожалуй, что и все мы принадлежим к тому же разряду, начиная с нашего председателя»*.

А вот картина приема депутатов Думы царем в Тронном Георгиевском зале Зимнего дворца — перед началом ее занятий.

«Вся правая половина от трона была заполнена мундирной публикой, членами Государственного Совета и — дальше — Сенатом и государевой свитой. По левой стороне, в буквальном смысле слова, толпились члены Государственной Думы и среди них — ничтожное количество людей во фраках и сюртуках, а подавляющее же количество их, как будто нарочно, демонстративно занявших первые места, ближайšie к трону, — было составлено из членов Думы в рабочих блузах, рубашках-косоворотках, а за ними толпа крестьян в самых разнообразных костюмах, некоторые в национальных уборах, и масса членов Думы от духовенства»**.

Ради чего Николай устроил эту бестактную демонстрацию пышности в пышной своей резиденции вместо того, чтобы самому явиться в Таврический дворец и показать свое уважение к народным избранникам? А ради того, чтобы показать прямо противоположное: в державе ничего не изменилось и меняться не будет! Он снизошел к народным чаяниям по безграничной своей милости и добросердечию; но тот, кто раздает милости, может их и отобрать. Народные представители в своих жалких зипунишках и косоворотках должны знать свое место!

Понятно, как восприняли этот прием представители народа. Они стояли насупленные, глядели исподлобья, а «наглое лицо» одного из депутатов дышало «таким презрением и злобой», что новый министр внутренних дел П.А.Столыпин сказал стоявшему рядом с ним Коковцову: «Мы с вами, видимо, поглощены одним и тем же впечатлением, меня даже не оставляет все время мысль о том,

* Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919 гг. Книга 1. М.: Наука, 1992. С. 155.

** Там же. С. 155—156.

нет ли у этого человека бомбы и не произойдет ли тут несчастья»*.

Состав Думы оказался в большинстве оппозиционным, а отчасти и революционным. Поскольку избирательный закон давал многократные преимущества привилегированным классам, то было ясно, что настроение широких масс в среднем было еще более радикальным.

Вопреки антисемитской демагогии черной сотни, которая так импонировала царю и дворцовой камарилье, основной движущей силой революции было крестьянство. Как вскоре скажет П.А.Столыпин, «смута политическая, революционная агитация, приподнятые нашими неудачами, начали пускать корни в народе, питаюсь смутою гораздо более серьезною, смутою социальной развившейся в нашем крестьянстве... Социальная смута вскормила и вспоила нашу революцию»**.

Это не значит, что другие вопросы — в особенности рабочий и национальный (польский, финский, еврейский и другие) — стояли менее остро. Но крестьянство составляло основную массу населения, и потому главный вопрос, который требовалось решить, чтобы всерьез и надолго оградить страну от потрясений, был вопрос о земле.

До отмены крепостного права земля в России была *собственностью* помещиков (а также государства и монастырей), но часть помещичьей земли находилась *в пользовании* крестьян. Они обрабатывали барщину, а остальное время трудились на «своем» наделе, что избавляло помещика от необходимости их содержать. Крестьянская часть помещичьей земли находилась в ведении *мира*: от него каждая семья получала надел — пропорционально числу едоков. Обычно крестьянский надел состоял из нескольких участков в разных местах, дабы равномерно распределялись лучшие и худшие, удобные и неудобные земли. А поскольку одни семьи росли быстрее других и образовывались новые семьи, то производился передел *мирской* земли.

---

* Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919 гг. Книга 1. М.: Наука, 1992. С. 156.

** Столыпин П.А. О праве крестьян на выход из общины. Речь на заседании Государственного совета 15 марта 1910 г. Цит. по: Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. М.: Рюрик, 1991. С. 135.

Когда Александр II решил покончить с крепостным правом, сразу возник вопрос о земле. Сохранить все земли за ее владельцами, значило превратить вчерашних крепостных в толпы голодных бродяг, рыщущих в поисках пропитания. Последствия неминуемой смуты могли быть ужасными. Отдать же *мирскую* землю крестьянам значило разорить помещиков, оставив их хозяйства без рабочей силы, а города — без *товарного* хлеба. Было принято компромиссное решение: вместе с личной свободой крестьян обеспечивали землей, но в собственность общины — за выкуп — переходила только *часть* той земли, что раньше была в ее пользовании. Так удалось избежать коренной ломки экономических отношений: свободные крестьяне все-таки должны были работать на помещиков — теперь уже по найму, так как урожай, снимаемый с урезанных наделов, стал меньшим, и крестьянам нужны были заработки для выкупа земли и уплаты податей. С годами производительность полей при общинной уравниловке не росла, но стремительно росло народонаселение; положение крестьян ухудшалось.

В книге Солженицына говорится об опережающем росте еврейского населения, в чем он видит показатель его процветания (хотя демографический взрыв характерен для бедных и отсталых обществ); но такова была общая тенденция — со сходными последствиями и для русских крестьян, и для евреев: быстрое обнищание. Острота положения для евреев смягчалась эмиграцией (в основном в Америку, а частично в Палестину); русские крестьяне тоже «эмигрировали» — в города, где они превращались в пролетариев, или на свободные земли Сибири и Средней Азии, для чего правительство предоставляло поощрительные льготы. Но эти процессы поглощали только небольшую часть избыточного населения. Социальное напряжение росло, и к 1905 году вылилось в массовые крестьянские бунты по всей стране.

Растерянность властей граничила с паникой. Даже Д.Ф.Трепов носился с идеей принудительного отторжения части помещичьих земель в пользу крестьян, объясняя, что он сам помещик и готов отдать половину своей земли, чтобы сохранить вторую половину.

Витте, давно работавший над проблемой земельной реформы, хорошо знал, что в Западной Европе крестьяне-собственники собирали в три-четыре раза большие урожаи, чем русские крестьяне-общинники, а потому ликвидация общины — это путь к наращиванию урожаев и улучшению жизни крестьян. Он и сделал первые шаги к преобразованию общины в частновладельческие наделы: провел закон о сокращении вдвое выкупных платежей в 1906 году и полной их ликвидации в 1907-м, ибо пока на крестьянской общине висели долги за землю, раскассировать ее было невозможно. При крайней необходимости Витте готов был пойти и на принудительное изъятие части земли у помещиков в пользу крестьян, указывая на реформу 1861 года как на исторический прецедент. В любом случае он считал, что земельную реформу нельзя вводить бюрократическим путем, да еще в канун созыва Государственной Думы. Гражданские свободы дарованы для того, чтобы народ сам — через своих представителей — решал такие вопросы. Навязанная сверху, реформа будет принята в штыки, какой бы «хорошей» она ни была. Предварительно можно было начать составлять *проект* реформы, что он и поручил Н.Н.Кутлеру, главноуправляющему земледелия и землеустройства (так официально назывался пост министра земледелия).

В основу проекта Кутлера были положены две определяющие идеи: частичное отторжение помещичьих земель в пользу крестьян (за выкуп по справедливой оценке) и постепенная замена общины фермерством. Но, как только появились признаки успокоения, в высших сферах отпала охота «отдать половину, чтобы сохранить вторую половину». Когда проект Кутлера был готов к предварительному обсуждению, он уже стал неуместным. Витте счел за лучшее отмежеваться от него и *сдал* одного из лучших своих сотрудников. Царь был настолько рассержен, что отклонил просьбу Витте назначить Кутлера в Государственный Совет или хотя бы в Сенат (как обычно поступали с отставляемыми сановниками высокого ранга). Да и собственные дни Витте у власти были сочтены.

С открытием Думы сразу же со всей остротой был поставлен вопрос об аграрной реформе. Самый радикальный

вариант выдвигали эсеры: национализация всей земли и передача ее в пользование «тем, кто ее обрабатывает». Но это был только лозунг: для его осуществления нужен был полный социальный переворот, а в 1905 году он не удался*.

Иным был законопроект кадетов. Он основывался на тех же принципах, что проект Кутлера**. Кадеты доминировали в Думе, и к ним присоединилась группа «трудовиков», вторая по численности, объединившая большинство депутатов-крестьян.

Глава политической полиции П.И.Рачковский устроил для крестьянских депутатов особое общежитие, где их накачивали «патриотической» идеологией («царь и народ едины, а воду мутят евреи»), пытаясь втянуть в орбиту Союза русского народа. Но затея провалилась. «Всем крестьянам, как бы правы [по своей политической ориентации] они ни были, было присуще стремление получить землю. А потому, как только выяснилось, что левые партии за отчуждения [части помещичьих земель]... «большой» план Рачковского — привлечение на сторону правительства правых крестьян, потерпел полное крушение», — вспоминал генерал А.В.Герасимов***.

Горемыкин понятия не имел, что предпринять. В Думе он объявил кадетский законопроект «недопустимым», что было прямым посягательством на ее права и «вызвало среди депутатов целую бурю»****. Даже очень умеренные из них выступили с требованием отставки правительства.

Таков был разрыв между царским правительством и народным представительством, и наводить мосты Горемыкин не пытался. Его председательство в правительстве было фикцией. Заседания Совета министров он проводил редко, наскоро, для проформы. Общую линию кабинета не вырабатывал. Он твердил, что он только слуга своего государя,

---

* Он удался через 12 лет, когда пришедшие к власти большевики, не имея своей аграрной программы, перехватили эсеровскую. Ленинский декрет о земле предусматривал национализацию всей земли и передачу ее в «вечное» пользование крестьянам.

** Вскоре Н.Н.Кутлер войдет в партию кадетом, и во второй Думе именно ему будет поручено готовить и отстаивать кадетский законопроект.

*** Герасимов А.В. Ук. соч. С. 76—77.

**** Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М.: Современник. С. 37.

и ждал указаний. Именно такого премьера хотел иметь Николай, но это оказалось не так комфортно, как он воображал. К роли амортизатора между царем и Думой Горемыкин не годился. Д.Ф.Трепов, чьими интригами он был поставлен, теперь стал внушать царю, что народное представительство против государя ничего не имеет, в конфронтации между правительством и Думой виновато правительство. То же самое напевала вся камарилья, и государю такая песня была по душе.

Но кем заменить Горемыкина? Очевидно, тем, кто сможет работать с Думой!

Трепов делает очередной пируэт и набрасывает список будущих министров. В него попадают С.А.Муромцев (председатель Совета), П.Н.Милюков, И.И.Петрункевич, В.Д.Набоков, В.Д.Кузьмин-Караваев, Н.Н.Львов, М.Я.Герценштейн, Д.Н.Шипов, то есть самые видные кадеты и близкие к ним общественные деятели. Они-то наверняка устроят Думу! (В список, как видим, попал даже еврей, правда, крещеный — через месяц он будет убит черносотенцами.)

Но тут-то и обнаружился предел влияния всесильного дворцового коменданта! При его шатаниях вправо оно было безграничным, при отклонении влево натолкнулось на стену.

Когда царь по секрету показал список предполагаемых министров Коковцову, тот, по его собственным словам, пришел в сильное волнение. Для него в *таком* правительстве места не было. И он сразу же стал запугивать государя: если тот передаст власть кадетам, то вскоре сам лишится власти и трона!*

В тот же день к Коковцову явился не менее взволнованный А.Ф.Трепов, родной брат дворцового коменданта, и рассказал о «безумном» проекте. Он просил «раскрыть глаза государю на всю катастрофическую опасность этой затеи», иначе проект может «проскочить под сурдинку». (В способность государя самому понять, что к чему, он не верил.) «Невежественные люди, привыкшие командовать эскадрой, но не имеющие ни малейшего понятия о государственных делах», ведут Россию к гибели», — негодовал А.Ф.Трепов на своего брата**.

* Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 176.

** Там же. С. 177—178.

Встретившись с П.Н.Милюковым, Д.Ф.Трепов стал почти навязывать ему и его партии власть, объясняя, что сознает степень риска, но «когда дом горит, приходится прыгать и из пятого этажа»*. Милюков выставил два условия: царь должен согласиться на частичное отторжение помещичьей земли в пользу крестьян и на полную амнистию политических заключенных. Иначе, объяснил он, кадеты не смогут «разоружить революцию, заинтересовав ее в сохранении нового порядка»**. Но Трепову уже стали выламывать руки. Он «безусловно отвергал принцип экспроприации [земли]» и «находил по-прежнему невозможным говорить о "полной амнистии"». И тогда на авансцену был выдвинут министр внутренних дел П.А.Столыпин.

Теперь уже он «по поручению государя» пригласил лидера кадетов для беседы. Согласно Милюкову, обсуждался вопрос о коалиционном правительстве. Столыпин предлагал себя в качестве председателя и оставлял за царем исключительное право назначать ключевых министров — военного, иностранных и внутренних дел, а также министра двора; остальные портфели отдавались избранникам Думы, то есть кадетам. Милюков не соглашался на председательство Столыпина и, главное, на то, чтобы оставить вне контроля Думы Министерство внутренних дел, то есть карательную систему империи***. А.В.Герасимов, которому Столыпин в тот же вечер подробно передал ход беседы, подтверждает: «Столыпин говорил, что готов был поддерживать план создания думского министерства, но с большими оговорками»****. Столыпин позднее это отрицал*****.

Как бы то ни было, а сделка не состоялась. Царь и Столыпин не захотели выпрыгивать с пятого этажа горящего дома. Еще один шанс к гражданскому примирению в стране был упущен.

7 июля, на восемь часов вечера, в дом Горемыкина были приглашены все министры, но хозяина не оказалось на месте. Не было и министра внутренних дел Столыпина.

---

* Милюков П.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 382.

** Там же. С. 383.

*** Там же. С. 384.

**** Герасимов А.В. Ук. соч. С. 77—78.

***** Милюков П.Н. Ук. соч. С. 385.

Выяснилось, что оба, хотя и порознь, были вызваны в Царское Село и еще не вернулись.

Через час явился Горемыкин, и первые слова его были: «Поздравьте меня, господа, с величайшей милостью, которую мне мог оказать государь, я освобожден от должности председателя Совета министров, и на мое место назначен П.А.Столыпин с сохранением, разумеется, должности министра внутренних дел»*.

Коковцов уверяет, что радость Горемыкина была неподдельной: он «чувствовал себя школьником, вырвавшимся на свободу»**. Но сам Горемыкин доверительно рассказал своему врагу Витте, что его съел Трепов. Витте, сам съеденный Треповым, заметил, что такая же участь постигла бы и Столыпина, если бы внезапная смерть не выключила Трепова из игры.

Но дворцовый комендант еще при жизни стал политическим трупом. После того как царь отбыл на своей яхте «Штандарт» в шхеры, а Трепов приглашен не был, он впал в хандру и умер от разрыва сердца. Короткая, но бурная эпоха конногвардейца, метавшегося между погромной и либеральной политикой, между «патронов не жалеть» и «отдать половину земли, чтобы сохранить другую половину», кончилась.

Началась эпоха Столыпина.

Миф о Столыпине как о несостоявшемся спасителе отечества, убитом евреями, возник после революции в эмигрантских кругах праворадикального толка, а затем был оприходован Всероссийской фашистской партией — малочисленной, но крикливой организацией, образовавшейся в 1920-е годы под влиянием успехов Муссолини и Гитлера. Биография Столыпина, изданная в дальневосточной цитадели партии, в Харбине, носила название «Первый русский фашист»***. Там же действовала *Столыпинская академия*, как была названа Высшая партийная школа русских фашистов****.

* Коковцов В.Н. Ук. соч. С. 185—186.

** Там же. С. 186.

*** Горячкин Ф.Т. Первый русский фашист: Петр Аркадьевич Столыпин. Харбин: «Меркурий», 1928.

**** См. Stephan John J. The Russian Fascists. Tragedy and Farce in Exile, 1925—1945. New-York, Hagerstown, San Francisco, London: Harper & Row, 1978. С. 159.

С разгромом и дискредитацией Гитлера и его союзников миф, казалось бы, должен был угаснуть. Но *хранители огня* — из числа прямых потомков и близких к ним почитателей П.А.Столыпина — этого не допустили. Конечно, миф пришлось подновить: из коричневой униформы штурмовика Столыпина переодели в белые одежды патриота-свободолюбца. Огонек этот, мало кем замечаемый, десятилетиями теплился на обочине общественного сознания, пока Александр Солженицын не превратил его в олимпийский факел, понесенный вперед и выше.

На крыльях всемирной славы Солженицына столыпинский миф впорхнул в самую сердцевину диссидентской и неконформистской России, и так глубоко в нее врос, что с начала 1990-х годов, когда рухнул коммунизм, а с ним и цензурные преграды, он стал одним из немногих объединяющих мифов русскоязычного «информационного пространства». Отчасти он выплеснулся и на Запад, о чем свидетельствует книга американского политолога Дэниэла Махони*. Столыпин был водружен на пьедестал, где до него перебывали все главные советские вожди. Чем объясняется неистребимая потребность России в таком культе, я судить не берусь. А.И.Солженицын писал, сочувственно цитируя В.В.Шульгина: «Русские не способны делать дела через самозарожденную организованность. Мы из тех народов, которым нужен непременно вожак»**. С этим я спорить не стану: тем, кто претендует на понимание загадочной славянской души, виднее. Нужен вожак, и все тут. И если его нет, его надо выдумать!

Чтобы показать, как это делается, приведу только одну выписку:

«За 15 лет пребывания «макиавеллистого» (по выражению А.И.Солженицына) Витте на высших государственных постах, неизбежно расстраивались: железные дороги —

---

* См. Mahoney Daniel J. Alexander Solzhenitsyn: The Ascent from Ideology. New York—Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. Lanham-Boulder, 2001, а также мою рецензию на эту книгу и последовавшие отзывы в: The Washington Times. September 23, 27 & 28. 2001; Резник С. Солженицын между Востоком и Западом. «Вестник». 28 марта 2002. № 7. С. 37—41.

** См. Солженицын А.И. Россия в обвале. М.: Русский путь, 1998. С. 166.

крушение царского поезда с Александром III произошло в бытность его министром путей сообщения; финансы — в бытность его на посту министра финансов; обороноспособность страны — в бытность его на посту министра внутренних дел, и, наконец, первые грозные симптомы гражданской войны проявились в бытность его на посту премьер-министра. <...> Фактически сделав все для возникновения в стране острого политического, экономического и военного кризиса, правительство Витте подало в отставку.

На предложение государя Петр Аркадьевич ответил царю немедля: «Это против моей совести, ваше величество. Ваша милость ко мне превосходит мои способности... Я не знаю Петербурга и его тайных течений и влияний». Но Николай II настоял. <...> Молодой, статный, с характером необычайно решительным и выдержанным, чуждый кичливости, блестящий оратор, Столыпин сразу же стал инициатором и проводником реформ и законоположений, поучительность и результативность которых поражает и сегодня. Главным делом его жизни стала земельная реформа. Жизни стоившая, но давшая ему всемирную и вневременную известность»*.

Непременным атрибутом мифотворчества должна быть демонизация конкурента на роль лучезарного героя. (Как не вспомнить Эммануэля Голдстейна, противопоставляемого Старшему Брату в гениальной сатире Джорджа Оруэлла!) Был ли Витте «макиавеллистом»? Безусловно. Иные в высшем эшелоне власти не удерживались, что в равной степени относится и к Столыпину. Что же касается крушения царского поезда, то оно, как мы помним, произошло *до того*, как Витте стал министром путей сообщения (это крушение и заставило Александра III вспомнить о предостережениях сотрудника «жидовской» дороги и поставить его во главе министерства). Будучи министром финансов, Витте сумел укрепить курс рубля и перевести его на золотое обеспечение, а также привлечь иностранные капиталы для развития экономики страны. Министром внутренних дел Витте никогда не был; обороноспособность страны раз-

* Столыпин П.А. Жизнь и смерть. Сост. Александр Серебрянников и Геннадий Сидоровнин. Приволжское книжное издательство, 1991. С. 42—43.

валили те, кто втянул ее в позорную японскую войну, против чего Витте возражал. А «гражданская война» (то есть революционные события 1905 года) началась, когда Витте был в опале; для того, чтобы ее погасить он предложил план конституционных преобразований и, став премьером, в труднейших условиях проводил его в жизнь. При всех его ошибках, непоследовательности и «макиавельности», не подлежит сомнению стремление Витте искать выхода из системного кризиса, в который загнал страну Николай II, в сотрудничестве с обществом, что открывало путь к эволюционным преобразованиям вместо революционных. Но *такой* Витте создателей культа Столыпина устроить не может. По отношению к нему пускаются в ход оруэлловские «две минуты ненависти», дабы ярче воссияло солнце «всемирного и вневременного» *Старшего Брата*, конечно же «молодого, статного, чуждого кичливости» и т.п.

Что же представлял собой *исторический* Столыпин? Об этом можно судить по его конкретным делам в конкретных обстоятельствах.

Для роспуска Государственной Думы, назначенного на воскресенье 9 июля, новый премьер разработал в деталях строго законспирированную операцию. Были приняты особые меры против преждевременной утечки информации об Указе, печатавшемся накануне ночью в Сенатской типографии. В качестве отвлекающего маневра на понедельник 10 июля было назначено слушание в Думе объяснений правительства по депутатскому запросу о еврейском погроме в Белостоке: никто не должен был заподозрить, что до понедельника Дума не доживет. Для еще большего усыпления бдительности депутатов Столыпин просил Коковцова не отменять обычного субботнего отъезда в деревню: перемена в рутинных перемещениях министра финансов могла бы послужить нежелательным сигналом тревоги. «А что, если вспыхнет забастовка на железной дороге и я не смогу вернуться?» — спросил Коковцов. Премьер тотчас позвонил министру путей сообщения и распорядился, в случае необходимости, доставить министра финансов специальным паровозом, так что и это было предусмотрено!*

* Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 191.

Предосторожности отнюдь не были лишними! Ведь готовился акт, означавший крутой разворот в политике царского правительства — от медленного, осторожного, но все-таки сближения с обществом к новой крутой конфронтации. Согласно Основным законам, роспуск Думы при некоторых обстоятельствах допускался. Но сделать это меньше чем через два с половиной месяца после начала ее работы! Да назначить новые выборы так, чтобы новая Дума начала работать только через семь месяцев! Да и где гарантии, что новые выборы — и новая Дума — вообще состоятся! Внезапный разгон общественность могла интерпретировать как государственный переворот, отнимающий у народа свободы, дарованные так недавно! Словом, власть шла на новую конфронтацию с обществом и имела все основания бояться организованного сопротивления.

Хорошо зная характер неустойчивого государя, И.Л.Горемыкин официально еще не оставленный в субботу 8 июля пораньше исчез из дома, а вернувшись поздно вечером и убедившись, что из Царского Села указаний не поступало, приказал швейцару ни под каким видом себя не будить. Ночью, как потом говорили, было-таки доставлено повеление царя — *отложить* исполнение Указа! Но Горемыкин спал; пакет до утра пролежал не распечатанным! Коковцов, приводя эту подробность, добавляет: «Лично я совершенно не доверяю этому рассказу и не допускаю мысли, чтобы государь мог в такой форме изменить сделанное им распоряжение... за спиной человека [Столыпина], на которого он только что возложил такой ответственный долг. Но рассказ этот характерен как показатель настроения, господствовавшего в ту пору»*. Однако вечно конспирирующий против всех и вся государь *мог* действовать таким манером. И Столыпину, и Коковцову предстояло многократно испытать это на себе.

В воскресенье утром депутаты Думы прочли Указ. Бросившись к Таврическому дворцу, они увидели, что здание оцеплено, все двери заперты. Население, тоже застигнутое врасплох, организовать не смогло, так что специального паровоза за Коковцовым посылать не понадобилось. Вроде

* Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 192.

бы все прошло без сучка без задоринки. Но часть депутатов Думы, потолкавшись у оцепленной своей резиденции, незаметно, по одному или небольшими группами, направились на Финляндский вокзал, оттуда в Выборг — город, как-то защищенный от полицейского произвола финской конституцией. В зале одной из гостиниц собралось около 230 депутатов — большинство кадетов, и Муромцев, заняв председательское место, невозмутимым голосом объявил: «Заседание Государственной Думы продолжается!»

Воззвание под названием «Народу от народных представителей», подписанное большинством депутатов, собравшихся в Выборге, резко осуждало роспуск Думы. «Целых семь месяцев правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодную Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой Думы». «Правительство не имеет права без согласия народных представителей ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную Думу, вы вправе ему не давать ни солдат, ни денег».

Это был призыв к *мирному* гражданскому неповиновению. Ни ко всеобщей забастовке, ни к вооруженному восстанию призыва не было, так что, по тем временам, это было умеренное воззвание, отражавшее умеренную левизну партии кадетов. Позднее, на суде Муромцев даже скажет, что, призывая народ к *пассивному* сопротивлению, Выборгское воззвание ставило целью предотвратить *активное* сопротивление, то есть новый революционный взрыв.

Воззвание не достигло своей прямой цели, ибо массовых отказов платить налоги и служить в армии не последовало. Но оно достигло гораздо большего — заставило власти *доказывать*, что закона они не нарушили и обещание провести выборы в новую Думу выполнят. Выборгцы заплатились тремя месяцами тюрьмы каждый, но то была небольшая плата за срыв заговора против конституционного строя!

А пока, пользуясь свободой рук в междумный период, Столыпин развернул бурную деятельность, показывая каждым своим словом и действием, что кулак, разжимавшийся целых два года, теперь будет сжиматься. Это послужило новым мобилизующим импульсом для революционного подполья. Ведь оно разгромлено не было, хотя лишилось той безусловной поддержки умеренных кругов, какой пользовалось до Манифеста 17 октября. В его собственных рядах возникли сомнения, колебания, разброд. Руководство самой крупной революционной партии — эсеров — в ответ на Манифест 17 октября постановило прекратить террор, но возобновило его после жестокого подавления Декабрьского восстания в Москве. В связи с созывом Думы Совет партии снова постановил прекратить террор, дав Центральному комитету право, «не дожидаясь следующего собрания Совета, возобновить террор в тот момент, когда этого потребуют интересы революции»*. Правда, наиболее радикально настроенные террористы с этим не согласились и выделились в самостоятельную группу «максималистов». В разных местах действовали другие автономные группы. Тем важнее было для власти проводить курс, который бы привлекал или хотя бы нейтрализовал как можно более широкие слои населения, обрекая экстремистов на изоляцию. Правительство во главе со Столыпиным избрало противоположный путь, так что направление ответного удара можно было предвидеть.

Пикантная подробность побоища в доме премьера на Аптекарском острове состояла в том, что прямым соучастником его был... сам премьер. История этого злодеяния прямо связана с тем, что в июне, в Киеве, некто Соломон Рысс, арестованный «при попытке ограбления артельщика», стремясь избежать смертного приговора, предложил свои услуги полиции. Начальник Киевского охранного отделения полковник Еремин спешно доложил в Петербург о возможности приобретения ценного агента. Получив одобрение от начальника Департамента полиции М.И.Трусеви-

---

* Николаевский Б. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. New York: Russica, 1980. С. 194.

ча, Еремин устроил преступнику побег, а два охранника, упустившие его якобы по халатности, были судимы и приговорены к каторге!*

Рысса переправили в Петербург для внедрения в группу максималистов и туда же перевели с большим повышением полковника Еремина, поставленного «заведовать всей секретной агентурой». Ни с кем другим из полицейского начальства провокатор контактировать не желал, а с его условиями приходилось считаться**. Своей властью проводить эти перемещения и назначения Трусевич, конечно, не мог: он должен был испросить одобрение министра внутренних дел Столыпина.

Рысс потребовал до поры не арестовывать никого из группы максималистов, к которой он примкнул. Трусевич снова обратился к Столыпину, а тот запросил мнение начальника Петербургского охранного отделения. У Герасимова не было принципиальных возражений против использования в целях сыска преступников типа Рысса: он сам действовал такими же методами. Он только высказал сомнения в надежности *данного* агента, — скорее всего потому, что тот проходил не по его Отделению. Именно так это расценил Столыпин: выслушав его сомнения, он все же «присоединился к мнению Трусевича и подтвердил приказ о производстве арестов максималистов»***.

12 августа к дому Столыпина на Аптекарском острове, в обычное время приема, когда там толпилось много посетителей, в открытом ландо подкатили два жандарма. Они быстро вошли в вестибюль, неся каждый по тяжелому портфелю. Заметив какие-то неурядицы в их форме, охрана бросилась наперерез, но уже было поздно. Страшный взрыв разнес в клочья обоих «жандармов» и отправил на тот свет еще 25 человек. Часть дома взлетела на воздух.

---

* Николаевский Б. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. New York: Russica, 1980. С. 88.

** Там же.

*** Герасимов А.В. Ук. соч. С. 90. Заимствуя факты из вполне надежных в этом отношении воспоминаний А.В.Герасимова, я в то же время хочу оттенить очевидное стремление автора всячески подчеркивать свое профессиональное превосходство — в противовес дилетантизму всех его бывших соперников и товарищей по оружию.

Сквозь клубы дыма и пыли слышны были жалобные стоны, ржание раненых лошадей. Тяжело пострадали дочь и сын премьера.

Чудом уцелевший Столыпин проявил самообладание и мужество. То, что злодеяние было совершено при прямом участии агента полиции и соучастии самых высших чинов, удалось скрыть от общественности. Даже после этой бойни Рысс не был арестован и продолжал служить сексотом.

Зато уже через неделю, по представлению Столыпина, царь подписал чрезвычайный закон о введении скорострельных военно-полевых судов. Этот «решительный» ответ власти маскировал то, что действенного средства борьбы с террором у Столыпина не было.

В чем, в чем, а в кровавой юстиции недостатка в России не ощущалось. Гражданское судопроизводство смертной казни не знало, но параллельно действовали военные суды, причем двух различных типов. Достаточно было объявить ту или иную губернию на военном положении (три четверти губерний в то время), как в юрисдикцию военных судов автоматически переходила определенная категория уголовных дел. Суд вершился скорый, без излишних формальностей; смертный приговор часто выносился при юридически ничтожных уликах.

Адепт пунктуальной законности В.А.Маклаков подчеркивал, что при всей жесткости такой юстиции в ней еще не было абсолютного произвола, так как это была «общая мера для всех»*. Но ее дополняла другая категория военных судов — на основе Положения о чрезвычайной охране. Это положение позволяло предавать военному суду *любого* подозреваемого по усмотрению генерал-губернатора, то есть *по произволу*. В.А.Маклаков видел в этом миниатюрную модель всей системы *старого* самодержавия. «В этом был разврат, который всех приучал к беззаконию, заменял закон произволом и этим "воспитывал нравы"»**.

В.А.Маклаков, правый кадет, еще более поправивший в эмиграции, в своих воспоминаниях о Второй Думе склонен выставлять Столыпина в максимально выгодном свете.

* Маклаков В.А. Ук. соч. С. 21.

** Там же. С. 21.

Тем не менее, задавая вопрос, что же сделал Столыпин с доставшейся ему карательной системой, он отвечает: «Он не только не исправил, хотя бы частично, "исключительных положений", но он их в самом "неврологическом пункте" ухудшил. Единственная новелла, введенная им в эту область, была знаменитая мера 19 августа 1906 г. о "военно-полевых судах"» (курсив В.А.Маклакова. — С.Р.)*.

«Новелла» обрекала на виселицу почти каждого, кто попадал в мясорубку. По положению, суд происходил не позднее 48 часов после ареста, так что ни о каком серьезном следствии не могло быть и речи. В состав суда входили строевые офицеры, без допущения юристов (даже военных). Для профессиональной оценки представленных улик у них не было квалификации. А приговор приводился в исполнение не позже, чем через 24 часа после его вынесения; обжалованию или пересмотру он не подлежал. Очевидная цель максимального сближения преступления (чаще всего не доказанного!) и наказания (почти всегда неотвратимого!) состояла в одном — в *устрашении*. Тогда как террористы безнаказанно творили кровавые дела (нередко при содействии полиции), петля в большинстве случаев затягивалась на шее тех, кто ни к какой революционной работе причастен не был. Во Второй Думе Столыпин бросит в зал знаменитое: «Не запугаете!» Но сам он делал ставку именно на запугивание. Большевики многократно усовершенствуют эту систему и придадут ей небывалый размах, но в числе тех, кто выращивал ее ростки, одно из самых видных мест принадлежало Столыпину.

Поскольку законоположения, принятые в промежутке между Первой и Второй Думами, надо было как-то оформить, то они вводились царскими указами по 87-й статье Основных законов. Эта статья позволяла во время перерыва в работе законодательных учреждений, «если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном», вводить временные законы, при условии, что после возобновления работы Думы они должны ею утверждаться

---

* Маклаков В.А. Ук. соч. С. 21.

или прекращать свое действие. Это значило, что такие законы должны были носить временный и обратимый характер.

В свете этого положения закон о военно-полевых судах, строго говоря, мог быть принят по 87-й статье, так как впоследствии он мог быть (и был) отменен Думой (хотя тысячи повешенных уже нельзя было воскресить). Но этого никак не скажешь о ряде других законов, включая наиболее важный из них — закон от 9 ноября 1906 года, положивший начало аграрной реформе.

В Советском Союзе столыпинскую реформу предавали анафеме, а в постсоветской России (в диссидентских и нонконформистских кругах много раньше) увидели в ней спасение для сельского хозяйства страны, доведенного коммунистической властью до полного развала и деградации. С зияющих высот колхозного строя иного видения столыпинской реформы трудно было бы ожидать. Но если спуститься в долину дореволюционной России, то легко увидеть, что столыпинский вариант реформы был не единственным и, видимо, не наилучшим. Он не решил главного: острой нехватки земли, которую испытывали крестьянские массы. Альтернативный столыпинскому проект реформы, предлагавшийся партией конституционных демократов в Первой, а затем во Второй Думе, также предполагал постепенное превращение крестьян-общинников в фермеров-собственников. В этом оба проекта *сходились*. Разница состояла в том, что кадеты настаивали на увеличении крестьянской доли землевладения за счет помещиц. Они учитывали основные требования крестьянства, сводившиеся к одному короткому слову: «Земли!» Удовлетворить это требование хотя бы частично — значило ослабить социальное напряжение в стране.

Но Столыпин восстал против посягательств на «священные права собственности». Не потому, что он не признавал крестьянскую нужду в земле. Прекрасно сознавал. Поэтому он предлагал ускорить процесс переселения крестьян на свободные земли Сибири, готов был поступиться некоторыми казенными землями, реформировал систему кредита, облегчавшую покупку крестьянами земли у помещиков, *желавших* ее продать.

Все эти меры были полезными и достаточно эффективно проводились в жизнь, ибо, будучи способным администратором, Столыпин сделал немало для улучшения работы государственного аппарата. Но глава правительства — прежде всего политик, а потом уже администратор. Как политик он должен либо согласовывать интересы различных групп населения, смягчая противоречия между ними, либо брать сторону одних групп в ущерб другим. Политика Столыпина в земельном вопросе сводилась к тому, чтобы идти навстречу крестьянам лишь до тех пор, пока это не ущемляло интересы помещиков. Принудительного выкупа помещичьей земли он не допускал, а это означало, что крестьяне в большинстве регионов страны должны были довольствоваться теми наделами, которые получают при выходе из общины. Вот когда научатся хозяйствовать на *своей* земле, тогда урожай возрастет, и даже малые наделы станут давать достаточно хлеба — таков был основной посыл Столыпина.

Но — улита едет, когда-то будет. И премьер хорошо знал — когда. Неспроста он говорил: «Дайте мне двадцать лет, и вы не узнаете России». А как протянуть эти двадцать лет? Прозябать в нищете? Крестьяне не были в восторге от такой перспективы. Приватизацию общинной собственности даже черносотенные депутаты от крестьян считали недостаточной мерой, резко расходясь в этом вопросе с черносотенными депутатами-помещиками*. Показывая, что «священному праву собственности» 130-ти тысяч помещиков власть отдает предпочтение перед сытостью десятков миллионов крестьян, Столыпин лишь подтверждал то, что внушала массам революционная пропаганда: власть стоит на страже интересов «помещиков и капиталистов».

Вопреки Солженицыну и другим апологетам Столыпина, историческая реальность состояла в том, что его аграрная реформа *не* решала основного вопроса русской революции. О чем, между прочим, ярко свидетельствует одно вскользь брошенное замечание М.В.Родзянко, относящееся к последним месяцам царского режима:

---

* Подробнее об этом см.: Степанов С.А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М.: ВЗПИ А/О «Росвузнаука», 1992. С. 245—250.

«Так как на дворянство и духовенство уже не полагались, то по мысли [министра внутренних дел] Протопопова решено было привлечь на сторону правительства крестьян и с этой целью стали разрабатывать законопроект о наделении крестьян — георгиевских кавалеров [!] — землей в количестве до тридцати десятин, путем *принудительного отчуждения* от частных владельцев» (курсив мой. — С.Р.)*. Конечно, такая незначительная мера ничего изменить не могла, но сама мысль показывает однозначно: столыпинская реформа, которая должна была создать в деревне опору власти в виде среднего класса крепких крестьян-собственников, не работала. Стремление крестьян получить землю было таково, что одной из причин, почему летом 1917 года, вопреки усилиям Временного правительства, стал разваливаться фронт, состояла в том, что солдаты массами разбегались по домам, где, по слухам, начинался *передел земли*, и они боялись, что останутся обделенными. (Нередки были случаи, когда дезертиры, побывав в своей деревне и убедившись, что никакого передела земли не происходит, возвращались в свои воинские части!) В этом же причина того, что после Октября ленинский декрет о земле (наряду с декретом о мире) бросил солдат и крестьян в лагерь большевиков.

Таковы были *дальние* последствия столыпинской реформы; в момент ее принятия их трудно было предвидеть. Но очевиден был ее правовой аспект и *немедленные* последствия. Речь шла о реформе *необратимой* (после передачи общинной земли в частные руки ее уже нельзя было вернуть обратно), рассчитанной *на долгий срок* и *не имеющей* характера чрезвычайной срочности. Вводить ее царским указом по 87-й статье можно было, только профанируя эту статью и Основные законы в целом. Против этого должны были протестовать все, для кого дарованные (или вырванные у царя) свободы не были пустым звуком. Столыпин это не останавливало: он сознательно шел на попрание законов.

«Столыпин... юридической стороне придавал наименьшее значение, и если для него какая-нибудь мера пред-

* Родзянко М.В. Крушение империи. Нью-Йорк, 1986. С. 217.

ставлялась необходимой, то он никаких препятствий не усматривал... Тут его рассуждения были таковы, что, когда в государственной жизни создается необходимость какой-нибудь меры, — для таких случаев закона нет»*. Такое объяснение действия Столыпина, исходящее от министра юстиции в его кабинете И.Г.Щегловитов — человека, с чьим именем связаны самые скандальные беззакония той эпохи, многого стоит! Впрочем, и сам Столыпин, не стесняясь, излагал свое кредо: «Не думайте, господа, что достаточно медленно выздоравливающую Россию подкрасить румянами всевозможных вольностей, и она станет здоровой», заявил он в Думе (уже в Третьей)**.

А если так, к чему вообще румяна и прочая косметика?

Разгон Второй Думы был предreshен, причем на этот раз Столыпин прибегнул не только к конспирации, но к провокации. Ключевая роль выпала на долю Екатерины Шорниковой***, агента охранки по кличке Казанская. Шорникова была секретарем некоей петербургской военно-революционной группы и держала в своих руках все нити ее пропагандистской работы среди солдат гарнизона. Этой группой, при активном участии Шорниковой, а может быть, и по ее инициативе, был составлен «солдатский наказ» для социал-демократической фракции Государственной Думы. Шорникова заблаговременно передала текст «наказа» начальнику охранного отделения Герасимову, а тот Столыпину, который и санкционировал все дальнейшие действия.

«Он потребовал, чтобы аресты были произведены в тот момент, когда солдатская делегация явится в социал-демократическую фракцию, чтобы, так сказать, депутаты были схвачены на месте преступления», — свидетельствует Герасимов.

---

* Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Редакция П.Е.Щеголева. См. Л.; М.: Госиздат, 1925. Т. II. С. 439. (Допрос И.Г.Щегловитова.)

** Столыпин П.А. О деле Азефа. Речь на заседании Государственной Думы 11 февраля 1909 г. Цит. по: П.А.Столыпин. Жизнь и смерть за царя. С. 119. См. также: Столыпин А.А. П.А.Столыпин. 1862—1911. Париж, 1927; репринт — М.: Планета, 1991. С. 46.

*** В воспоминаниях В.Н.Кокковцова она ошибочно названа Марией.

В чем же состояло «преступление» депутатов? Может быть, кто-то из них находился в предварительном сговоре с солдатской группой, участвовал в составлении «наказа» или хотя бы знал о нем? Нет, сам Герасимов подтверждает: «для самой социал-демократической фракции появление этой [солдатской] делегации оказалось полной неожиданностью»*.

Поскольку состава преступления не было, то охранка должна была его создать. И провалилась! «Приняв от них [неожиданно явившихся солдат] наказ, депутаты [заподозрившие неладное] поспешно выпроводили их из помещения через черный ход»**.

Когда явились жандармы, уже было поздно. Но *этих* гостей выпроводить не удалось. Депутатские удостоверения, гарантировавшие парламентскую неприкосновенность, не заставили их ретироваться. Они перевернули все помещение, перерыли и забрали кучу бумаг, но ни солдатской делегации, ни крамольного «наказа» не нашли, то есть поймать депутатов с поличным, как того требовал Столыпин, не сумели. Но премьера и это не остановило. Крамольных солдат арестовали в казармах — по списку Шорниковой. Приобщили к делу полученную от нее же копию «наказа». Был выписан ордер и на ее арест, но ей, конечно, «удалось скрыться». (И потом много лет она так удачно «скрывалась», что, числясь в списках преступников, разыскиваемых Департаментом полиции, в том же Департаменте получала справки о благонадежности для устройства на работу.)

Итак, борьба с революционной пропагандой в армии служила только прикрытием куда более важной операции. То был столыпинский «поджог Рейхстага»! Готовился новый государственный переворот, и под него следовало подвести фундамент***.

---

* Герасимов А.В. Ук. соч. С. 110.

** Там же.

*** Кокцов уверяет, что «никто из нас», в том числе и Столыпин, не знал о провокаторской роли Шорниковой. Это не может не вызвать иронической усмешки — в свете его же повествования о большой неприятности, выпавшей на его долю через пять лет, когда Шорникова появилась в Петербурге и стала требовать денег, чтобы уехать в Америку — от преследований бывших товарищей по партии. Кокцов

Выступая в Думе с требованием лишить парламентской неприкосновенности всю эсдековскую фракцию в количестве пятидесяти пяти депутатов и выдать их для суда, Столыпин к их мнимому заговору пристегнул еще один, куда более зловещий. Отвечая на запрос правых депутатов (для этой цели и поданный), премьер «подтвердил» слухи о раскрытии «образовавшегося в составе партии социалистов-революционеров *сообщества*», которое поставило «целью своей деятельности *посягательство на священную особу Государя императора и совершение террористических актов, направленных против великого князя Николая Николаевича и председателя Совета министров*» (курсив в тексте. — С.Р.)*.

Никаких имен и подробностей Столыпин не сообщил, но имелось в виду дело группы Владимира Наумова, сына начальника Петергофского почтово-телеграфного отделения. Познакомившись с казаком Ратимовым, служившим в охране царского дворца, Наумов стал ему говорить о предстоящей революции, а когда тот доложил об этом начальству, то ему велели продолжать контакты, прикидываясь сочувствующим. Остальное было делом техники. Режиссуру первоначально взял на себя начальник дворцовой охраны полковник Спиридович (через несколько лет он сыграет роковую роль в судьбе Столыпина), а затем «сам» Герасимов. Доведя дело до нужной кондиции, Герасимов арестовал Наумова, запугал его предстоявшим смертным приговором, а затем пообещал даровать жизнь — в обмен, как водится, на известные услуги. Наумов оговорил многих друзей и знакомых, но позднее, на суде, от большинства своих показаний отказался, а других серьезных улик против восемнадцати (!) обвиняемых не было.

цов, тогда уже премьер, должен был лично заниматься этим делом, для чего вызвал из отпуска министра юстиции Щегловитова и даже ставил вопрос на обсуждение Совета министров. Столыпин такие вопросы на заседания Совета министров не выносил, поэтому неудивительно, что в 1906 году Коковцов не был посвящен в тайные игры охранки. Но Столыпин, будучи не только премьером, но и министром внутренних дел, лично ею руководил. Ни одного серьезного шага охранка без него не делала.

* Столыпин П.А. О заговоре против Государя императора, великого князя Николая Николаевича и П.А.Столыпина. Ответ на запрос правых партий от 7 мая 1907 г. В кн.: Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. С. 98.

Чтобы спасти дело, пришлось вызвать свидетелем... начальника хранного отделения Герасимова. Ради конспирации и пушего эффекта он давал показания густо загримированным. Но и сквозь грим проступали следы раздутой полицейской провокации. Юридическая несостоятельность сфабрикованного дела о несостоявшемся цареубийстве «вызвала протесты в рядах защиты, и один из защитников, кажется, В.А.Маклаков, во время моих показаний с возмущением покинул зал заседания»*. Это не помешало пригласить Наумова и еще двух человек к смертной казни, а десяток других отправить на каторгу. Партия эсеров с самого начала отрицала связь с группой Наумова, и на суде такая не была выявлена.

Но даже если бы это дело не граничило с блефом, то какое отношение террористическое сообщество эсеров могло иметь к депутатской фракции эсдеков, которым какие-то переодетые солдаты принесли свой «наказ»? Зато *посягательство на священную особу, плюс на особу великого князя, плюс на импозантную особу* стоящего тут же на трибуне премьера — это звучало гордо! На такой липе и основывалось требование премьера Столыпина о снятии парламентского иммунитета и выдаче пятидесяти пяти депутатов Государственной Думы! Выскочивший на трибуну вслед за Столыпиным экспансивный Пуришкевич завопил, что «преступники должны быть немедленно выданы и отправлены на виселицу»**.

Крайне правые, к которым принадлежал черносотенный бессарабский помещик, составляли среди депутатов Второй Думы ничтожное меньшинство, с ними Дума могла не считаться. Все же отвергать с порога требование премьера она не стала, а постановила передать вопрос для изучения в Комиссию, дав ей сроку один день. И тут предсовмина запаниковал. «По существу Столыпин рассчитывал именно на несогласие Государственной Думы», объясняет смысл всей провокации Герасимов***. На самом деле Столыпину нужны были не головы депутатов-эсдеков, а повод для разгона Думы.

---

* Герасимов А.В. Ук. соч. С. 107.

** Цит. по: Маклаков В.А. Ук. соч. С. 243.

*** Герасимов А. В. Ук. соч. С. 111.

С разгоном давно уже торопил царь, причем он «не входил вовсе в рассмотрение детального вопроса о необходимости соблюсти какую-то особенную осторожность при роспуске, — свидетельствует Коковцов. — Его взгляд был до известной степени примитивен, но ему нельзя, по справедливости, отказать в большой логичности. Я хорошо помню, как на одном из моих всеподданнейших докладов между 17 апреля и 10 мая государь прямо спросил меня, чем я объясняю, что совет министров все еще медлит представить ему на утверждение указ о роспуске Думы и о пересмотре избирательного закона»*.

Тут сквозило неудовольствие Столыпиным (о чем Коковцов поспешил ему сообщить), а предсовмина, столь грозный и решительный вне стен Царскосельского дворца, стелился перед государем. Что, если Дума выдаст депутатовец-эсдеков? Он тут же жалобно запросил: «Можно ли Думу не распускать, если она согласится на исполнение требования?» Николай, к счастью, понял, что в таком случае роспуск был бы неудобен. Но к еще большему счастью премьера...

«Заседание 2-го июня длилось недолго, — сообщает летописец Второй Думы В.Маклаков. — К концу его Кизеветтер, председатель комиссии, занимавшейся делом социал-демократов, пришел доложить, что комиссия работы своей не окончила, и просил продлить ей срок до понедельника. Предложение было принято Думой»**.

Дальше медлить было нельзя. И напрасно в тот же вечер, уже около полуночи, втайне от всего света, включая своих товарищей по фракции, В.А.Маклаков и трое других правых кадетов отправились к Столыпину уговаривать его проявить терпение. «Было что-то возмущающее в том, что этот роспуск надвинулся как раз в тот момент, когда Дума благополучно обошла последние подводные камни и когда настоящая работа ее, наконец, началась, и могла продолжаться»***. Столыпин какое-то время валял ваньку, а потом, «как будто перестав притворяться, грустно сказал: "Пусть все это так; но есть вопрос, в котором мы с вами все равно согласиться не сможем. Это — аграрный. На нем конфликт неизбежен. А тогда к чему же тянуть?"»****

* Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 226.

** Маклаков В.А. Ук. соч. С. 245.

*** Там же. С. 243.

**** Там же. С. 246.

Аграрный закон, принятый по 87-й статье, подлежал утверждению Думы, а она стояла за кадетский законопроект, включавший принудительный выкуп части помещичьей земли. Так что не депутаты-эсдеки были камнем преткновения, а то, что Столыпин не желал уступить ни пяди помещичьей земли!

«Он кончил неожиданной любезностью, — завершает эту сцену В.А.Маклаков. — "Желаю с вами всеми встретиться в 3-й Думе. Мое единственное приятное воспоминание от Второй Думы, — это знакомство с вами. Надеюсь, что и вы... узнали нас поближе [и] не будете считать нас такими злодеями, как это принято думать". Я ответил с досадой: "Я в 3-й Думе не буду. Вы разрушили всю нашу работу и наших избирателей откинете влево. Теперь они будут *не нас* избирать". Он загадочно усмехнулся. "Или вы измените избирательный закон, сделаете государственный переворот? Это будет не лучше. Зачем же мы тогда хлопотали?" Он не отвечал, и мы с ним простились»*.

Давно подготовленный Указ о роспуске Думы был подписан в тот же вечер. Одновременно был изменен избирательный закон, хотя, по конституции, только сама Дума имела на это право. Путем государственного переворота от участия в выборах отсекалось большинство крестьян, рабочих и даже мешан. В еще большей степени были урезаны избирательные права жителей окраин империи, дабы в Думу могло пройти как можно меньше инородцев. Словом, обеспечивался сдвиг всего депутатского корпуса далеко вправо, с таким расчетом, чтобы правительство всегда имело большинство. Витте назовет Третью Думу не избранной, а *подобранной*, а мы, имея за плечами советский опыт, легко угадываем в ней прообраз будущего Верховного Совета. Коммунисты довели подмену *избранных* депутатов *подобранными* до логического конца, но начат процесс был Столыпиным.

Манипулирование законом было ведущим методом государственной деятельности Столыпина, на чем он, в конечном счете, и подорвался. Его политическое влияние кончилось весной 1911 года (за полгода до смерти) в связи со скандалом вокруг закона о Западном земстве.

* Маклаков В.А. Ук. соч. С. 247.

Создатели культа Столыпина видят в этом законе свидетельство его умеренности и даже демократичности, что, увы, снова не соответствует исторической реальности.

Особенность Западного края состояла в том, что значительная часть крупных поместий принадлежала польским земельным магнатам, тогда как русские помещики, владевшие там крупными имениями, как правило, в них не жили и в местных делах не участвовали. Введение земского самоуправления на тех же основаниях, что во внутренних губерниях, привело бы к преобладающему положению в нем поляков. Чтобы этого не допустить, «национально» мыслявший премьер «демократизировал» систему выборов, понизив в десять раз имущественный ценз для избирателей. Это давало право голоса более широким слоям населения, в основном православного. Но именно таким избирателям Столыпин не доверял, считая их малограмотными и малокультурными для самостоятельного участия в политической жизни; чего доброго, по своей несознательности, они могли голосовать за кандидатов-поляков, если бы те соблазнили их какими-нибудь посулами. Чтобы понижение избирательного ценза работало так, как задумано, Столыпин специально для Западного края вводил систему национальных курий, то есть русские должны были избирать только русских (и за ними закреплялось 84 процента мест в земских собраниях), а поляки — поляков. На поверку демократизация выборов превращалась в манипулирование избирателями.

Имея твердое большинство в Государственной Думе, Столыпин без труда провел в ней этот законопроект, но сопротивление возникло в Государственном совете, хотя половина его членов назначалась государем, так что правительство, казалось бы, всегда имело гарантированное большинство. Но в данном случае, произошло иное. Лидер правых членов Совета — им был бывший министр внутренних дел П.Н.Дурново — написал записку государю, в которой изображал законопроект о Западном земстве как почти революционную затею. Его единомышленник В.Ф.Трепов (еще один брат покойного дворцового коменданта) запросил у Николая аудиенцию, на которой выставил Столыпина заговорщиком, стремящимся лишить его

власти. Августейший конспиратор, по своему обыкновению, скрыл эти закулисные наущничанья от премьера, а В.Ф.Трепову поручил передать противникам столыпинского законопроекта, что они могут голосовать «по совести». Намек был понят так, как надо.

Неожиданный провал законопроекта в Государственном совете поразил Столыпина, а когда ему стали известны подробности тайной интриги, которая этому предшествовала, он понял, что получил от обожаемого государя удар ниже пояса и оставаться на своем посту больше не может. Но недалекий государь ждал от премьера всего, что угодно, только не прошения об отставке! Рассчитал ли премьер ответный ход, или так получилось «само собой», но он тоже ударил ниже пояса, повергнув государя в смятение.

Вообще-то Столыпин давно уже надоел Николаю, давно уже было ему некомфортно с премьером. Слишком тот был авторитарен, решителен, уверен в себе, словом, *заслонял* государя своей крупной фигурой. Давно уже государь давал это понять премьеру разными способами. А.В.Герасимов сообщает об удивительном разговоре Николая со Столыпиным еще в 1909 году, о чем премьер тогда же поведал ему на возвратном пути из Царского Села:

«Ваше величество, по мнению генерала Герасимова, вам во время этой поездки [в Полтаву] никакой опасности не грозит. Он считает, что революция вообще подавлена и что вы можете теперь свободно ездить, куда хотите».

"Я не понимаю, о какой революции вы говорите, — последовал ответ. — У нас, правда, было беспорядки, но это не революция. Да и беспорядки, я думаю, были бы невозможны, если бы у власти стояли люди более энергичные и смелые. Если бы у меня в те годы были несколько таких людей, как полковник Думбадзе, все пошло бы по-иному"»*.

Столыпин ждал «удовольствия и благодарности», а получил щелчок по носу. Полковник Думбадзе, комендант Ялты, «отличался беспощадным преследованием мирных евреев, которых он с нарушением всех законов выселял из Ялты», поясняет Герасимов. «Как-то раз (кажется в ту зиму

* Герасимов А.В. Ук. соч. С. 146.

1908—09) на Думбадзе было совершено покушение. Неизвестный стрелял в него на улице и скрылся затем в саду прилегавшего дома, перепрыгнув через забор. Думбадзе вызвал войска, оцепил дом и арестовал всех его обитателей, а затем приказал снести сам дом с лица земли артиллерийским огнем. Приказ был исполнен»*.

Такие действия были по нраву тишайшему императору, а, главное, «замечательного грузина» превозносила пресса Союза русского народа. Усердный почитатель «союзников», государь дал понять премьеру, что тому не следует похвально крутизной своих мер: можно найти людей и покруче.

Однако Столыпин, с точки зрения государя, продолжал позволять себе слишком многое, даже вторгаться в святая святых: в отношения царя и царицы со «старцем» — Гришкой Распутиным.

О похождениях Гришки Столыпин имел исчерпывающие сведения: их собирала охранка, усердно следившая за каждым шагом шарлатана, втершегося в доверие к царице и к самому царю. Когда премьер впервые спросил государя о старце, тот, заметно смутившись, ответил, что слышал о нем от государыни, но сам его ни разу не видел. Премьер понял, что государь юлит, и сам прибегнул к хитрости:

- Простите, ваше величество, но мне доложили иное.
- Кто же доложил это иное?
- Генерал Герасимов»**.

Герасимов уверяет, что в то время, когда состоялся этот разговор, он еще не имел сведений о личных встречах царя с Распутиным и ничего подобного Столыпину не докладывал, так что тот брал Николая на пушку. И провокация удалась!

— Ну, если генерал Герасимов так доложил, то я не буду оспаривать. Действительно, государыня уговорила меня встретиться с Распутиным, и я видел его два раза.

Выдав из себя это признание, царь перешел в атаку: «Но почему, собственно, это вас интересует? Ведь это мое личное дело, ничего общего с политикой не имеющее. Разве мы, я и моя жена, не можем иметь своих личных знакомых? Разве мы не можем встречаться со всеми, кто нас интересует?»***

* Герасимов А.В. Ук. соч. С. 146.

** Там же. С. 162.

*** Там же. С. 163.

Столыпин выложил государю все, что было ему известно о похождениях Гришки из агентурных сведений: о его попойках, сексуальных оргиях, хлыстовской ереси и, главное, о том, как слухи о близости его к царской семье подрывают престиж царской власти. Николай был поражен (а скорее, сделал вид, что поражен) и обещал больше не встречаться со «святым чертом». Но обещания не сдержал, а только затаил еще большую неприязнь к премьеру, которая становилась тем более лютой, что бродила внутри, не находя выхода, так как высказать ее прямо государь не умел.

В.Н.Коковцов свидетельствует о том, что видел записку государя Столыпину, датированную 10 декабря 1910 года: Николай «в резких выражениях» выговаривал премьеру за появление скандальных публикаций о Распутине в прессе*.

Вероятно, под влиянием этой записки Столыпин вызвал к себе Гришку, и, если верить М.В.Родзянко, накричал на него и велел немедленно убраться из столицы, пригрозив арестом и судом за сектантство**. Гришка понял, что премьер не шутит, и поспешно уехал в свое родное село Покровское, но можно себе представить, какую истерику после этого закатила государю супруга и сколько ненависти вылила на премьера, представив его ослушником царской воли.

Не воспользоваться интригой Дурново-Трепова мстительный Николай после этого просто не мог. Но согласиться на отставку Столыпина он тоже не мог: получилось бы, что уход премьера обусловлен неодобрением законодательного органа! Так водилось в какой-нибудь республиканской Франции или в Англии, где король царствовал, но не управлял. В императорской России такого посягательства на «начала» терпеть было нельзя.

«Во что же обратится правительство, зависящее от меня, если из-за конфликта с [Государственным] советом, а завтра с Думой, будут сменяться министры»***, растерянно ска-

* Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 2. С. 26.

** Родзянко М.В. Крушение империи. С. 42.

*** Коковцов В.Н. Ук. соч. Т.1. С. 389.

зал государь Столыпину и предложил найти другой выход из патовой ситуации, в которую он сам загнал их обоих.

Почувствовав себя опять на коне, Столыпин всадил в бока шпоры. Он согласился остаться при условии выполнения двух требований: во-первых, принять закон о Западном земстве по чрезвычайной 87-й статье, а для этого распустить обе законодательные палаты на три дня. Во-вторых, отправить Дурново и Трепова в длительный отпуск, дабы впредь никому не повадно было затевать интриги за его спиной.

Пока царь раздумывал над этим ультиматумом, императрица-мать Мария Федоровна предсказала дальнейший ход событий, словно читала открытую книгу:

«Я ни минуты не сомневаюсь, что государь после долгих колебаний кончит тем, что уступит, — сказала она Коковцову, — [но] будет глубоко и долго чувствовать всю тяжесть того решения, которое он примет под давлением обстоятельств... и чем дальше, тем больше у государя будет расти недовольство Столыпиным, и я почти уверена, что теперь бедный Столыпин выиграет дело, но очень ненадолго, и мы скоро увидим его не у дел»*.

Дума и Государственный совет были распущены на три дня, закон о Западном земстве утвержден по 87-й статье, Дурново покорно ушел в преждевременный отпуск, а Трепов предпочел унижению полную отставку. Но для Столыпина то была пиррова победа.

«Можно сказать без преувеличения, что почти вся печать была враждебно настроена по отношению к Столыпину... Она критиковала с полной беспощадностью роспуск палат, проведение нескрываемым искусственным способом... отвергнутого закона и еще более резко отзывалась о мерах преследования лиц, хотя бы и замешанных в интриге, но подвергнутых совершенно несвойственным мерам взыскания. Клубы, особенно близкие к придворным кругам, в полном смысле слова дышали злобой и выдумывали всякие небылицы. Столыпин был неузнаваем. Что-то в нем оборвалось, былая уверенность в себе куда-то ушла»**.

* Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 394—395.

** Там же. Т. 1. С. 297.

Конечно, не критика в печати повергла в уныние Столыпина, а то, что царь, уступивший диктату премьера, теперь брал реванш за свое унижение. В апреле 1911 года премьерство Столыпина фактически кончилось. Правда, сам он еще на что-то надеялся, зная, с каким нетерпением теперь царь ждет его прощения об отставке, упорно этого «не понимал». Из-за чего поплатился уже не карьерой, а жизнью.

Столыпин, конечно, не изобрел провокацию. Он унаследовал ее от Плеве, Рачковского, Зубатова, Дурново и более ранних предшественников. Но при нем она достигла расцвета. Герасимов, Трусевич и их коллеги, непосредственно насаждавшие провокацию, ничего не делали без одобрения Столыпина. Герасимов почти ежедневно являлся к нему с обстоятельными докладами, сопровождал его в поездках к царю, стал доверенным человеком семьи. Столыпин настолько высоко ценил начальника Петербургского охранного отделения, так хорошо говорил о нем государю (когда еще был в фаворе), что тот тоже захотел с ним познакомиться.

«По традиции только особы высших четырех классов (по рангу) имели право личного доклада царю. Я же по [тогдашнему] чину полковника принадлежал лишь к пятому классу»*, — сообщает генерал Герасимов об оказанной ему чести. Беседа продолжалась полтора часа, а поскольку сидеть в присутствии его величества полковнику не полагалось, то и Николай весь прием простоял.

Что же он вынес из задушевной беседы? «Это настоящий человек на настоящем месте», — сказал государь Столыпину, а тот, конечно, поспешил передать самому имениннику**.

Главным козырем Герасимова был Евно Азеф, служивший под его началом и «по совместительству» возглавлявший Центральную боевую организацию партии эсеров. Добрая половина книги Герасимова посвящена Азефу, и главное, что он пытается доказать, это что *при нем* Азеф «честно»

* Герасимов А.В. Ук. соч. С. 98.

** Там же.

служил охранке. О том, что и как Азеф делал в прежние годы, Герасимов якобы не знал и не интересовался, хотя получил его с рук на руки от Рачковского, который хорошо знал, как далеко зашла преступная работа агента на *втором фронте*.

Но шила в мешке не утаишь. Герасимов вынужден признать свою осведомленность в том, что, по крайней мере, одно покушение — на адмирала Дубасова в Москве — произошло при участии Азефа. Об этом донес другой агент, Зинаида Жученко. Герасимов пишет об этом, петляя, запутывая кровавые следы, но они проступают помимо его желаний, словно в фильме ужасов. В конце концов, он признает:

«Существовала возможность, что Жученко принимала участие в организации покушения на Дубасова, но этим не исключалось и предположение, что Азеф, будучи в те немногие месяцы свободен [!] от своей службы в Департаменте полиции, мог по поручению партии принять на себя организацию покушения, а сорганизовав, он расстроить его не сумел. Кажется, только одно не подлежит сомнению: как Азеф, так и Жученко знали о готовящемся покушении, но по соображениям шкурного характера они не доносили о нем, так как оба были на подозрении в партии»*.

Герасимов умалчивает то, о чем сам Азеф позднее рассказал Бурцеву: как Рачковский кричал на него *в присутствии Герасимова*: «Это его дело в Москве!» На что Азеф не без вызова ответил: «Если мое, то арестуйте меня!»** Он знал, что арестовать его они не могли, так как были повязаны с ним общей веревкой, то бишь общими преступлениями.

Об Азефе Герасимов постоянно докладывал Столыпину, и тот проникся к нему таким уважением, что интересовался не только его агентурными сведениями, но и политическими суждениями.

«Столыпин несколько раз в беседах с Герасимовым выражал даже желание лично встретиться с Азефом для того,

---

* Герасимов А.В. Ук. соч. С. 84.

** Цит. по: Николаевский Б. Ук. соч. С. 189. (См. также «Падение царского режима...» Показания В.Л.Бурцева.)

чтобы в устной беседе подробнее ознакомиться с настроениями и взглядами, распространенными в революционной среде. Такую встречу Столыпина с Азефом Герасимов по разным причинам устроить не мог, но вопросы Столыпина Азефу передавать ему приходилось часто... Азеф знал, кто именно ставит перед ним эти вопросы, был несомненно польщен вниманием к нему Столыпина и с особенным старанием давал свои ответы»*. Герасимов сообщает, что Азеф «почти с восхищением... относился к аграрному законодательству Столыпина»**. (Вот был ли польщен премьер такой высокой оценкой сексота, Герасимов не сообщает!)

Охранка оберегала от ареста не только самого Азефа, но и его команду, а когда кто-то попадался по оплошности — своей или полиции — организовывала побег, да так, чтобы сами беглецы не могли догадаться о том, кто им покровительствует. Не без юмора Герасимов повествует о том, как — по требованию Азефа — устроил побег Петру Карповичу и как измучился жандарм, на которого была возложена эта деликатная миссия. Очень трудно заставить бежать арестанта, который этого не хочет! Жандарма (якобы переводившего Карповича в другую тюрьму) мучила то жажда, то расстройство желудка. Вместе с арестантом он заходил то в кофейню, то в пивную, то в ресторан. Подолгу отсиживался в туалете. А тот все сидел и ждал, как болван, пока, наконец, не догадался, что спокойно может уйти. А ведь на его счету было как минимум одно мокрое дело: это он открыл счет самым громким убийствам XX века, застрелив в 1901 году министра просвещения Н.П.Боголепова. Когда Карпович, бежав с каторги, примкнул к группе Азефа, тот донес о нем Герасимову, зная, что таков лучший способ обеспечить террористу прикрытие. И не ошибся: когда Карповича замели по оплошности, сама охранка устроила ему побег!

Что ж, коронованный революционер был прав: Герасимов был «настоящий человек на настоящем месте». Как и его соратник Азеф. Оба мастера провокаций устраивали и

* Николаевский Б. Ук. соч. С. 211.

** Герасимов. Ук. соч. С. 144.

государя, и премьера Столыпина, а не устраивали — их разоблачители!

Когда потрясенный А.А.Лопухин узнал от В.Л.Бурцева, какими делами занимался его бывший агент на *втором, революционном, фронте*, он написал письмо Столыпину, своему гимназическому товарищу. Лопухин давал шанс премьеру самому разоблачить и покарать провокатора. Ответ от своего бывшего однокашника он получил не прямой, но выразительный. К нему на квартиру явился... сам Азеф. Уговорами и угрозами он пытался принудить Лопухина к молчанию. И этим, конечно, ускорил развязку. Заверенную копию своего письма, подтверждающего связи Азефа с охранкой, Лопухин передал Бурцеву, а сам отправился в Лондон для встречи с лидерами партии эсеров, перед которыми открыл истинное лицо главы Боевой организации (разоблачениям, исходившим от одного Бурцева, они не верили). По возвращении в Россию Лопухина ждали арест и суд, санкционированные государем по докладу Столыпина.

Состава преступления в действиях Лопухина не было, но российские власти с такими мелочами не привыкли считаться. Был бы человек, а статья найдется! Найти статью для своего бывшего приятеля премьер поручил особенно сноровистому в таких делах министру юстиции И.Г.Щегловитову. Лопухина «оформили» по 102-й статье Уголовного уложения, хотя «для применения [этой статьи] необходима была принадлежность подсудимого к тайному преступному сообществу, что, конечно, не имело ни малейших фактических оснований»*. Ни малейших! Так впоследствии написал генерал Курлов, заместитель Столыпина по полицейской части и сам большой дока по части провокаций.

Это тот самый генерал Курлов, которого общественное мнение заклеило как чуть ли не главного организатора убийства Столыпина, а он сам, открещиваясь от этих обвинений, представлял себя преданным другом и почитателем своего бывшего шефа и всячески его превозносил. Тем

---

* Ген. Курлов П.Г. Гибель императорской России. Берлин: «Отто Кирхнер», 1923. С. 101.

не менее, даже он вынужден был признать, что дело против Лопухина было от начала до конца сфабриковано в отместку за разоблачение Азефа. Правда, Курлов пишет об этом без тени осуждения. Да и как он мог осуждать то, что сам широко практиковал в полной уверенности, что так и надо! (В 1917 году, на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, Курлову был задан вопрос, считает ли он законным использование полицией двойных агентов, которые сами участвуют в преступных акциях, а затем выдают своих соучастников, на что Курлов, не моргнув глазом, ответил: «Законным — нет, но необходимым — да».)*

Нечего и говорить, что, фабрикуя дело против Лопухина, премьер был уверен в полной солидарности с ним государя: ведь на докладе по этому делу тот изволил собственноручно начертать: «Надеюсь, что будет каторга». А когда шемякин суд эту надежду оправдал, государь воскликнул от радости: «Здорово!»**

Учинив расправу над безвинным Лопухиным, Столыпин встал горой за Азефа — тоже, конечно, с одобрения государя: «Обстоятельств, уличающих его в соучастии в каких-либо преступлениях, я, пока мне не дадут других данных, не нахожу»***. Вот что глава правительства говорил с высокой трибуны Государственной Думы в то время, когда «другие данные» (заблаговременно представленные ему Лопухиным) потрясали мировую прессу!

Но, скажут мне, революционеры делали свое черное дело не в белых перчатках, так могли ли чистоплюствовать власти? Что ж, оставим в стороне морально-уголовную сторону балансирования «на лезвии с террором» и

---

* Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Редакция П.Е.Щеголева. Л.; М.: Госиздат, 1925. Т. III. С. 204. (Допрос П.Г.Курлова.)

** Там же. Т. II. С. 400 (Допрос И.Г.Щегловитова). А.А.Лопухин был приговорен к четырем годам каторги, которые высшая судебная инстанция заменила вечным поселением в Сибири. Он вернулся в 1913 году по амнистии.

*** Столыпин П.А. О деле Азефа. Речь на заседании Государственной Думы 11 февраля 1909 г. Цит. по: Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. С. 127.

зададимся прагматическим вопросом: была ли кровавая игра *полезна* для борьбы с революцией? Проще всего ответить на этот вопрос словами самого Азефа. Встретившись через несколько лет (15 августа 1912 года) с Бурцевым для выяснения отношений, он был вполне откровенен.

«Ну, вы сравните сами, — убеждающим голосом говорил он. — Что я сделал? Организовал убийство Плеве, убийство вел[икого] кн[язя] Сергея... — и с каждым новым именем его правая рука опускалась все ниже и ниже, как чаша весов, на которую падают грузные гири... — А что я дал им? Выдал Слетова, Ломова, ну еще Веденяпина..., и, называя эти имена, он не спускал, а наоборот, вздергивал кверху свою левую руку, наглядно иллюстрируя все ничтожество полученного полицией по сравнению с тем, что имела от его деятельности революция»*. И тут же: «Он надеялся, что ему удастся убить царя, тогда он рассказал бы всю правду. Но в этом ему помешал он, Бурцев: "Если бы не вы, — с упреком в голосе говорил Азеф, — я его убил бы..."»**

Не успел отшуметь скандал с разоблачением Азефа, как Герасимов завербовал другого эсеровского бомбиста, Александра Петрова (Воскресенского) — ветерана, даже потерявшего ногу в этих баталиях. Петров вместе с группой подпольщиков приехал в Саратовскую губернию — подымать крестьянские восстания, но вскоре вся группа попала в руки полиции. Зная, что многолетнюю каторгу он — одноногий — не вынесет, Петров предложил свои услуги охранке. Из Саратова последовал запрос в центр, после чего Петров был тайно доставлен в столицу, где сам Герасимов, учинив ему строгий экзамен, уверился в искренности его желания переквалифицироваться из террориста в доносчика. С одобрения начальника Департамента полиции и министра внутренних дел Столыпина, была проведена тонкая операция. Петров был возвращен в саратовскую тюрьму (так же секретно, как вывезен), там симулировал сумасшествие, был переведен в психбольницу, откуда уже мог бежать, не вызывая подозрений у своих то-

* Цит. по: Николаевский Б. Ук. соч. С. 363—364.

** Там же. С. 363.

варищей. План этот разработал сам Петров, Герасимов его одобрил, «конечно, испросив на проведение его в жизнь согласия Департамента Полиции и Столыпина»*. Это еще один пример *личного* участия премьера в подобных беззакониях. Как признает Герасимов, «несомненно формальное нарушение закона нами тогда было сделано. Но это небольшое [!] нарушение закона давно стало своего рода традицией для политической полиции»**. Что ж, сказано вполне откровенно!

Но вскоре Герасимов пал жертвой интриг. По его версии, Столыпин хотел назначить его своим заместителем по полицейской части, но Распутин и враждебный к Столыпину дворцовый комендант Дедюлин провели на этот ключевой пост свою креатуру — генерала Курлова. Тот поспешил отправить Герасимова в длительный отпуск, после чего к сыскной работе его уже не допустили. Петров перешел под начало нового главы Петербургского охранного отделения полковника Карпова, который снял для него конспиративную квартиру на Астраханской улице. Через какое-то время они стали друзьями: вместе бражничали по ресторанам, нередко ночевали друг у друга. А тем временем Петров устраивал из своей квартиры западню, начиненную динамитом. Карпову он рассказал по секрету, что опальный Герасимов вступил с ним в контакт. Он жаждет мести и склоняет его убить генерала Курлова, сломавшего его карьеру. Герасимов обещает большие деньги и гарантирует безнаказанность, но он, Петров, решил *сдать* Герасимова. Он готов заманить его в свою квартиру для обсуждения деталей покушения, а из соседней комнаты разговор может быть подслушан, и таким образом Герасимов будет изобличен.

Карпов доложил ошеломляющую весть начальству, план секретного сотрудника был одобрен. Чтобы уличить Герасимова в преступном замысле, в соседней комнате должны были засесть три человека: сам генерал Курлов, заместитель начальника Департамента полиции Виссарионов и, конечно, Карпов. Таким образом, почти вся верхушка политического сыска попадала в западню. Петрову надо было

* Герасимов А.В. Ук. соч. С. 168—169.

** Там же.

только выйти в прихожую и соединить два проводка. Причем, самому себе он отнюдь не готовил роль самоубийцы: у него оставался шанс уцелеть и скрыться.

Осуществлению грандиозного плана в полном объеме помешала слишком близкая дружба террориста с его шефом и... грязная скатерть, покрывавшая стол и провода, соединенные с детонатором, находившимся под столом в мешке с динамитом. Накануне рокового дня к Петрову неожиданно пожаловал полковник Карпов с выпивкой и снедью, но скатерть на столе ему показалась несвежей, и он ее сдернул, требуя заменить. Вместе с обнажившимися проводами раскрылся и замысел Петрова. Ему ничего не оставалось, как выскочить (выковылять на одной ноге!) в прихожую и соединить провода. Полковника Карпова разорвало на куски. Петрову же далеко уйти не удалось: он был схвачен и отдан под суд.

Взрыв в квартире на Астраханской улице снова потряс всю Россию. Столыпину опять пришлось отдуваться в Государственной Думе. Он «торжественно обещал, что будет произведено исчерпывающее расследование всего и что результаты его [расследования] будут опубликованы»*. И в очередной раз обманул. «Суд состоялся при закрытых дверях, отчеты о заседаниях не были опубликованы, и загадка Астраханской улицы так и осталась неразгаданной после того, как Петров взошел на эшафот»**, итожит Герасимов.

Загадка осталась неразгаданной не только для современников, но и для нас, потомков. На следствии и на суде Петров продолжал утверждать, что генерал Герасимов подговаривал его к убийству Курлова! Это обязывало открыть судебное дело против Герасимова, за что и высказалось большинство участников специального совещания по данному вопросу, в их числе Виссарионов, Еремин и Курлов. Но вмешался Столыпин. Он «распорядился не давать делу дальнейшего хода»***, чем навсегда похоронил тайну одного из самых интригующих эпизодов в истории российского политического сыска. (Вскоре царь так же похоронит тайну убийства самого Столыпина.)

---

* Герасимов А.В. Ук. соч. С. 172.

** Там же.

*** Там же.

Однако дело Петрова — было уже одной из последних туч рассеянной бури, ибо маска, сорванная с Азефа разоблачениями Бурцева и Лопухина, повергла в состояние шока все революционное движение, и особенно партию эсеров. Впервые широкая общественность стала осознавать предостережения Ф.М.Достоевского, которые П.Г.Григоренко уже на нашей памяти отлил в чеканную формулу: «В подполье можно встретить только крыс». Террористическая деятельность в России резко пошла под уклон. Приток молодежи, жаждавшей «революционного подвига», почти прекратился. А тех, кто уже был заангажирован, разъедали сомнения, разлады; в спаянные группы въелась страшная подозрительность. Террористические акты после этого стали редкими и осуществлялись в основном одиночками.

Недолгое относительное успокоение Столыпин приписывал собственной заслуге; но в куда большей степени это заслуга таких людей, как Лопухин, приговоренный к каторге почти в то самое время, когда Петрову устроили побег, дабы он мог каторги избежать! Черные дела творятся во тьме суперсекретности, конспирации и подполья; свет правды для них губителен. Этого света как раз и боялся Столыпин. Есть неумолимая логика в том, что он пал жертвой той самой азефовщины, которую насаждал.

Таков реальный *исторический материал*, из которого сотворился *миф* о Столыпине, наиболее полно воплощенный в романе А.И.Солженицына. По всем правилам жанра, неотъемлемой частью этого большого мифа должен быть маленький миф, или подмиф, о его убийце.

В книге «Двести лет вместе» читаем: «В октябре 1911 года в Государственную Думу был подан запрос октябристов о смутных обстоятельствах убийства Столыпина. И тотчас депутат Нисселович протестовал: почему октябристы в своем запросе *не скрыли*, что убийца Столыпина — еврей?! Это, — сказал он, — антисемитизм!

Узнаю и я этот несравненный аргумент. Через 70 лет и я получил его от американского еврейства в виде тягчайшего обвинения: почему я [в «Августе 1914»] *не скрыл*, почему я тоже назвал, что убийца Столыпина был еврей?.. *нескрытие* с моей стороны — это был антисемитизм!!» (стр. 442—443; курсив везде Солженицына. — С.Р.).

Против таких обвинений я готов протестовать вместе с автором книги как против недоброй и бездоказательной выходки. Но кто, где и когда позволил себе этот враждебный выпад против всемирно известного и всемирно почитаемого писателя? Поскольку ссылки Солженицын не дает, то выяснить это невозможно. Но можно сопоставить текст романа с историческими материалами, легшими в его основу.

Кому и для чего надо было убить Столыпина? На этот счет высказано множество суждений, но однозначного ответа не будет получено никогда, так как державный конспиратор принял к тому надлежащие меры. Известно, однако, что Дмитрий Богров был не единственным участником этого акта.

Незадолго до начала киевских торжеств по случаю открытия памятника Александру II генерал-губернатор Киева Ф.Ф.Трепов получил уведомление, что все дело охраны царя и его приближенных в Киеве изымается из его ведения и передается в руки заместителя министра внутренних дел генерала Курлова. Это было вопиющим нарушением давно установленного порядка: охрана царя при его поездках всегда была прерогативой местных властей. Считалось, что они для этого более эффективны, так как лучше знают местные условия. Поэтому отстранение от столь важного дела Ф.Ф.Трепов воспринял как плевок в лицо и, видимо, был уверен, что обязан этим Столыпину — как родной брат интриговавшего против премьера, но переигранного им В.Ф.Трепова. Ф.Ф.Трепов немедленно направил телеграмму премьеру с просьбой доложить государю о его желании уйти в отставку.

Но отставка второго Трепова в столь короткий срок была бы воспринята как nepозволительная демонстрация, и Столыпин докладывать такое прошение не решился. Вместо этого он ответил Ф.Ф.Трепову, что *не советует* огорчать государя в канун столь большого праздника. Действительно ли он участвовал в комбинации, составленной с целью унижить Ф.Ф.Трепова и возвысить Курлова, или она была затеяна вопреки нему, — такова еще одна загадка в

цепи неразгаданных тайн, окружающих его убийство. Дочь Столыпина свидетельствует, что Курлов интриговал против ее отца, и настолько серьезно, что однажды ей вместе с мужем пришлось срочно приехать из Берлина в Петербург, чтобы предупредить его об этом, так как почте доверить то, что им стало известно, они не могли. Причем, выслушав их, Столыпин будто бы сказал: «Да, Курлов единственный из товарищей министра, назначенный ко мне не по моему выбору»*.

Сам Курлов, конечно, подчеркивал свою безграничную преданность Столыпину, но по лживости его воспоминания бьют все рекорды. Курлов в 1905 году был губернатором Минска, где устроил форменное побоище. После того, как на него было совершено покушение, он просил перевода в другую губернию, но таковой для него не нашлось, и его причислили к Министерству внутренних дел, как бы в резерв. Столыпин долго не давал ему ходу, но в 1909 году вынужден был назначить его своим заместителем по полиции и начальником корпуса жандармов, хотя прочил на это место Герасимова (по другой версии, Трусевича). Одно это ставило Курлова в антагонистические отношения ко всем трем. От Герасимова, как мы знаем, ему вскоре удалось избавиться, Трусевич был «сослан» в Сенат, а когда зашатался Столыпин, Курлов увидел, что для него открывается возможность дальнейшего продвижения. На пост премьера он претендовать не мог, а вот Министерство внутренних дел само плыло в руки. Чтобы закрепить его за собой, надо было чем-то отличиться. Охрана киевских торжеств могла стать отличным трамплином.

Киевское охранное отделение во главе с полковником Н.Н.Кулябко перешло под прямое начало Курлова и приехавших с ним начальника дворцовой охраны полковника Спиридовича и вице-директора Департамента полиции Виригина. Спиридович был близким родственником Кулябко, к которому и явился секретный сотрудник Дмитрий Богров с вестью о том, что в Киев прибыл террорист Николай Яковлевич; что он дожидается приезда террористки Нины Александровны; что ими задумано убийство пре-

* Бок М.А. Ук. соч. С. 300—301.

мьера Столыпина, а может быть, другого министра или самого царя.

Кулябко и его столичные начальники поверили (или сделали вид, что поверили!) легенде Богрова. Полученные от него сведения они не проверяли, попыток выследить и обезвредить мифического Николая Яковлевича не делали, за самим Богровым слежки не установили. Зная, что Столыпин в опасности, оставили его без личной охраны и вообще постоянно «забывали» о нем, давая понять, что он на торжествах — лишний. Наконец, они всячески способствовали появлению Богрова в тех местах, где бывал Столыпин (как установил потом сенатор Трусевич, у Богрова было минимум три возможности застрелить премьера), хотя инструкции категорически требовали в подобных ситуациях секретных сотрудников не допускать на пушечный (не то что на револьверный) выстрел к высокопоставленным лицам и вообще не спускать с них глаз. Словом, если бы Курлов, Спиридович, Виригин и Кулябко *знали* об истинных намерениях Богрова и *хотели* ему помочь, то они должны были действовать именно так, как действовали!

Их ненамеренное (в лучшем случае) или намеренное (в худшем) соучастие в преступлении Богрова было очевидным с первых же минут. Коковцов, по закону заместивший раненого Столыпина, пишет, что Курлов сразу же явился к нему с вопросом: «угодно ли мне, чтобы он немедленно подал в отставку, так как при возложенной на него обязанности руководить всем делом охраны порядка в Киеве, я могу считать его виновным в случившемся»*.

Суд над убийцей тоже пришел к заключению: руководители охраны допустили столь вопиющие нарушения, что против них должно быть возбуждено отдельное уголовное дело.

Предварительное сенатское расследование было поручено бывшему начальнику Департамента полиции Трусевичу. Впоследствии, на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, Трусевич показал:

«Для меня, конечно, это было самое тяжелое дело, какое выпадало на мою долю, потому что это был, можно

* Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 410.

сказать, вихрь предположений. Высказывались и крайние предположения — о злоумышлении убийства Столыпина ген[ералом] Курловым»*. И дальше: «Кулябко давал крайне сбивчивые показания, и все вертелось на вопросе, были ли осведомлен Курлов о том, что агент Богров был допущен в театр... Мне стало ясно, что Курлов был осведомлен об этом»**.

На вопрос Председателя комиссии Н.К.Муравьева, не могло ли быть умысла со стороны Курлова, Трусевич ответил: «Я скажу одно: мотив какой-нибудь должен быть; занять место Столыпина — единственный мог быть мотив... Но ведь этим убийством он губил себя, потому что, раз он охранял и при нем совершилось убийство, шансы на то, чтобы занять пост министра внутренних дел, падали, — он самую почву у себя из-под ног выбивал этим, и выбил»***.

Таково самое веское соображение в пользу того, что Курлов и его сподвижники *не* были *намеренными* соучастниками убийства. Однако вескость этого аргумента значительно снижается, если допустить, что Курлов действовал не на свой страх и риск, а по указанию или хотя бы намерку из более высоких сфер. (Иван Карамазов тоже не инструктировал Смердякова убить старика Карамазова, а «только» незаметно его к этому подталкивал и поощрял.)

Муравьев скептически отнесся к объяснениям Трусевича, напомнив ему, что «Столыпин был неприятен Распутину». Ведь тот, кто был «неприятен» Распутину, тотчас впадал в немилость к царице. В этом контексте особенно знаменательно то, что уже через месяц после гибели Столыпина его преемник услышал от ее величества:

«Мне кажется, что вы очень чтите его память и придаете слишком много значения его деятельности и его личности. Верьте мне, не надо так жалеть тех, кого не стало. Я уверена, что каждый исполняет свою роль и свое назначение, и если кого нет среди нас, то это потому, что он уже окончил свою роль и должен был ступешеваться... Я увере-

* Падение царского режима. Т. III. С. 230.

** Там же. С. 321.

*** Там же. С. 232.

на, что Столыпин умер, чтобы уступить вам место и что это — для блага России»*.

А через некоторое время сам царь, прервав очередной доклад предсовмина, вдруг заговорил о том, что у него на душе лежит тяжелый камень, который он хочет снять. Заметно волнуясь и глядя прямо в глаза Коковцову, он сказал:

«Я знаю, что я вам причиню неприятность, но я хочу, чтобы вы меня поняли, не осудили, а главное не думали, что я легко не соглашаюсь с вами. Я не могу поступить иначе. Я хочу ознаменовать исцеление моего сына каким-нибудь добрым делом и решил прекратить дело по обвинению генерала Курлова, Кулябки, Веригина и Спиридовича. В особенности меня смущает Спиридович. Я вижу его здесь на каждом шагу, он ходит как тень около меня, и я не могу видеть этого удрученного горем человека, который, конечно, не хотел сделать ничего дурного и виноват только тем, что не принял всех мер предосторожности. Не сердитесь на меня, мне очень больно, если я огорчаю вас, но я так счастлив, что мой сын спасен, что мне кажется, что все должны радоваться кругом меня, и я должен сделать как можно больше добра»**.

Напрасно Коковцов стал объяснять, сколько *зла* принесет такое решение самому царю, престижу его власти. Напрасно растолковывал, что его «великодушия» никто не оценит, тем более что за ним остается право помилования — после суда! Милуя же тех, кто еще не осужден, государь «закрывает самую возможность пролить свет на это темное дело, что могло дать только окончательное следствие, назначенное Сенатом, и Бог знает, не раскрыло ли бы оно нечто большее, нежели преступную небрежность, по крайней мере, со стороны генерала Курлова»***.

«Макиавельно» согласившись с министром, что поступил опрометчиво, царь сказал, что решения переменить не может, потому что уже объявил о нем Спиридовичу. (Как будто в других случаях его это останавливало!) Как ви-

* Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 2. С. 8.

** Там же. Т. 2. С. 116.

*** Там же. С. 118

дим, государь прекрасно знал, что делал! Досудебное «помилование» четверки преступников обнаруживало только одно: он *не желал*, чтобы на темное дело был пролит свет — именно потому, что тогда могло бы выявиться *нечто большее, нежели преступная небрежность!* И потому навсегда останется тайной, кто же кого в этом деле обманывал и использовал: Богров своих полицейских начальников, или эти начальники — Богрова, или их всех — сам государь. Немало темных деяний творилось при последнем русском самодержце, но ни от одного из них не разит так сильно смердяковщиной, как от убийства Столыпина.

Но пора перейти к личности убийцы. Кем он был — «пламенным» революционером или сотрудником охраны? Споры об этом начались чуть ли не на следующий день после его роковых выстрелов в Киевском оперном театре. Но постановка вопроса некорректна, ибо Богров не был ни революционером, ни сотрудником охраны, или, если угодно, был и тем, и другим. Он был *provokatorom!*

В 1905 году восемнадцатилетний юноша, внук известного русско-еврейского писателя и сын состоятельного адвоката и домовладельца с солидными связями в высшем киевском обществе, поступил в Киевский университет и сразу же попал в среду революционно настроенной молодежи. Из боязни, что опасные увлечения доведут до беды, отец вскоре услал его за границу, в Мюнхенский университет, где уже учился старший брат Дмитрия Владимир. Но Дмитрий почти не посещал университетских занятий; он просиживал все дни в библиотеке, накачиваясь революционной дурью. По свидетельству брата, его кумирами стали теоретики анархизма: Кропоткин, Реклю, Бакунин. Вернувшись в 1906 году в Киев, Богров вошел в кружок киевских анархистов-коммунистов, но вскоре «разочаровался» в них и предложил свои услуги охране. Полковник Еремин, сделавший карьеру на провокаторе Рыссе, занимал уже высокий пост в Петербурге, а на его место был назначен Н.Н.Кулябко. Он положил Богрову 150 рублей в месяц и присвоил агентурное имя Аленский.

Но Богров не был Азефом, он был маленьким азефиком. Да и Кулябко был не чета таким мастерам провока-

ции, как Рачковский или Герасимов. Он вроде бы действовал «по правилам»: проведя операцию против выдаваемых Богровом лиц, полиция устроила обыск и у самого доносчика. А в другой раз даже подвергла его аресту на пару недель. Но делалось это неумело, так что у друзей Богрова возникли подозрения на его счет. Он, конечно, все отрицал, и так как твердых улик против него не было, а сам он на какое-то время затихал или уезжал за границу, то подозрения сглаживались, забывались. Но и эффективность его работы сексота снижалась. И Богрову приходилось снова увеличивать свою революционно-доносительскую активность: жалование надо было отрабатывать.

Высокий, худой, толстогубый, с выпуклым лбом и лошадиными зубами, Богров всегда был изысканно одет. Его часто видели в дорогих клубах и ресторанах, он кутил в обществе женщин легкого поведения, азартно играл в карты. (Его брат впоследствии это отрицал, но факты не на его стороне.) Отец давал Дмитрию средства на безбедное существование, но денег ему не хватало; приварок от охранного отделения никогда не был лишним. Залезал он и в революционную кассу, из-за чего (об этом ниже) имел серьезные неприятности.

Нравилась ли Богрову двойная жизнь? Видимо, и да, и нет.

В революционных идеях он разочаровался, едва с ними познакомившись, власть презирал всей душой. Он мнил себя исключительной личностью, но подкрепить свое высокое представление о себе ему было нечем. Привязанностей у него не было. Семью он использовал как дойную корову, оставаясь равнодушным к отцу, матери, брату. Кажется, ни разу не был влюблен. Близких друзей не имел. Да и как занять друга тому, кто никому не может открыться, поведать о том, что лежит на душе! Порой он упивался состоянием оглушительного одиночества: именно оно создавало иллюзию исключительности; но чаще оно лишь усиливало черную тоску. Никакой цели впереди он не видел, будущее рисовалось ему как «бесконечная череда котлет», которые ему предстояло скушать.

Что же толкнуло его на сомнительный подвиг? Утрата интереса к жизни? Стремление прославиться любой це-

ной? Или трехтысячелетняя еврейская ненависть к России, которую усмотрел в нем Солженицын? Власти постарались скрыть внутренние пружины преступления Богрова, но кое-что о его мотивах узнать можно.

В 1910 году Богров, к тому времени закончивший юридический факультет, получил незначительное казенное место в Петербурге, куда и перебрался. А вперед полетела шифрованная телеграмма полковника Кулябко его столичному коллеге полковнику фон Коттену.

Фон Коттен, сменивший убитого Карпова, казалось бы, должен был быть осторожен. Но рекомендация Кулябко, видимо, имела вес. Он без колебаний согласился на конспиративную встречу с Богровым и предложил ему те же 150 рублей в месяц (не Азеф, получавший у Герасимова тысячу!), а тот обещал поднести ему на блюдечке петербургскую организацию анархистов-коммунистов. Но обоих ждало разочарование: никаких анархистов в столице не оказалось!

Тогда они решили попытать счастья у эсеров, и вскоре Богров вышел на след некоего Егора Лазарева.

Тот согласился встретиться, но вопросов не задавал, сам отвечал односложно. Едва начавшийся разговор увядал; Богров чувствовал, что первая встреча может стать и последней. Тогда-то он и заговорил о Столыпине. Скорее всего, это была импровизация — попытка просунуть ногу в дверь, пока та окончательно не захлопнулась. Однако неожиданное заявление Богрова о том, что он задумал убить главу правительства, лишь усилило настороженность Лазарева. Заметив это, Богров поспешил добавить, что никакой помощи от партии эсеров не ждет: свой замысел он исполнит в одиночку. Что же тогда ему надо? Только одно: пусть потом, когда дело свершится, партия эсеров заявит о своей причастности — это придаст акту большой политический вес. Но и на эту удочку Лазарев не клюнул. Он только сказал, что если намерение Богрова серьезно, то ему следует меньше об этом болтать.

Словом, ничего полезного ни для революционного дела, ни для охраны провокатор не извлек. А затем уехал за границу и в Питер уже не вернулся. В марте 1911 года (он

снова в Киеве) к нему явился Петр Лятковский, один из прежних товарищей-анархистов, только что освободившийся из тюрьмы, где между политическими заключенными много было толков о вероятном предательстве Богрова.

Позднее Лятковский расскажет, что Богров первый заговорил с ним о том, что товарищи его подозревают в связях с охранкой; что он опозорен, успел поседеть от переживаний и не знает, как доказать свою невиновность. Лятковский посоветовал ему «реабилитировать себя». На это Богров мрачно усмехнулся и сказал, что может пойти и убить первого попавшегося городского, но какая от этого будет польза? И вдруг патетически воскликнул:

«Только убив Николая, я буду считать, что реабилитировал себя!»

«Да кто же из революционеров не мечтает убить Николая?» — возразил Лятковский.

«Нет, — воскликнул Богров, — Николай — ерунда. Николай — игрушка в руках Столыпина. Ведь я — еврей — убийством Николая вызову небывалый еврейский погром. Лучше убить Столыпина. Благодаря его политике задушена революция и наступила реакция».

Лятковский опять возразил: Столыпина охраняют почти так же плотно, как и царя; чтобы *достать* его, нужна долгая подготовка, работа целой организации. Богров ответил, что в групповой акции участвовать не может: если произойдет случайный провал, то в этом опять обвинят его. Прощаясь, он несколько раз повторил: «Вы и товарищи еще обо мне услышите». Лятковский пишет, что не придавал серьезного значения этой похвальбе, но и уверенности в том, что перед ним провокатор, — не вынес*.

Через два месяца к Богрову снова явились гости: два давних знакомых из парижской анархистской группы «Буревестник». Эти парни оказались покруче. Одного из них Богров знал по кличке *Вася*, второй никак не назвался. От имени ревизионной комиссии «Буревестника» они потребовали вернуть деньги, растроченные им еще 1908 году, —

* Воспоминания П.Лятковского. См.: Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. С. 122.

520 рублей. Богров отчаянно торговался и скостил сумму вдвое. Сроку ему дали два дня, но когда пришли снова, то сказали, что «на прежнее решение не согласны и что требуют все деньги сполна». Неясно, чем они ему угрожали, но, видимо, чем-то серьезным. Ему пришлось подчиниться. 150 рублей он выпросил у матери, 210 — у отца; остальные 160 наскреб сам*.

Выпроводив крутых «буревестников», Богров полагал счета с прежними товарищами поконченными. Но не тут-то было. В июле он получил заказное письмо из Парижа, подписанное четырьмя «буревестниками». В крайне враждебном тоне от него требовали ответа по поводу ряда провалов за несколько лет. А в августе к нему явился еще один старый знакомый, «Степа». Подлинного его имени Богров не знал (или утаил его на допросе), зато сообщил о нем некоторые подробности. «Степа» был отпетый террорист. Однажды, идя выполнять какой-то террористический акт, он увидел, как на улице офицер распекает солдата, не отдавшего ему чести. Душа «Степы» взыграла, и он разрядил в офицера свой браунинг. С каторги ему удалось бежать, и он без копейки денег появился в Киеве. Тогда-то (в 1908 году) и познакомился с ним Богров, но в охранное отделение на него не донес, а дал ему восемь рублей и адрес конспиративной квартиры в Черкассах. Оттуда «Степе» удалось выехать за границу. Теперь он явился в ином качестве. Он сообщил, что в Париже над Богровым состоялся партийный суд, его провокаторская роль была полностью установлена. Листовка с изложением данных о его предательстве в ближайшее время будет распространена всюду, где он бывает, — в коллегии присяжных поверенных, в суде, в университете. От него отшатнутся, как от прокаженного. А следом за тем он будет убит, ибо ему вынесен смертный приговор. Но ему оставлен шанс — «реабилитировать» себя террористическим актом.

Желательной жертвой «Степа» назвал начальника Киевского охранного отделения Кулябко, но добавил, что, поскольку в конце августа в Киев съедутся двор и пра-

---

* Показания Д.Богрова жандармскому подполковнику П.Иванову от 10 сентября 1911 г. См.: Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. С. 159.

вительство, то появится «богатый выбор». Окончательный срок для «реабилитации» — 5 сентября*.

Можно ли верить этим показаниям Богрова? Думаю, не в меньшей степени, чем всем остальным его показаниям. Даже в гораздо большей степени. И вот почему.

Судя по сохранившимся документам, арестованного Богрова допрашивали четыре раза, но только три из этих допросов были сняты с него *до* суда: 1, 2 и 4 сентября. Столыпин умер 5-го, так что Богров первоначально обвинялся не в убийстве, а «в нанесении опасных поранений с целью лишения жизни». Это давало маленький шанс на спасение.

Первый и третий допросы вел сотрудник Охранного отделения жандармский подполковник Иванов; второй — работник прокуратуры, следователь по особо важным делам Фененко.

После третьего допроса — самого короткого и ничего к первым двум не добавившего — скорострельное следствие было закончено. 9 сентября состоялся военный суд. Он длился три часа. Судили уже за убийство. Смертный приговор был обеспечен, терять подсудимому было нечего.

Что именно говорил Богров на суде, навсегда останется тайной: стенограмма либо не велась, либо была уничтожена. Но вскрылись какие-то *неожиданные* обстоятельства, что и заставило подполковника Иванова 10 сентября еще раз допросить Богрова, — уже приговоренного к повешению и отказавшегося ходатайствовать о помиловании.

Богров умел лгать, поэтому его показания не могут вызывать доверия. Но даже протоколы трех *досудебных* допросов не обнаруживают ни малейшей попытки с его стороны смягчить свою вину и облегчить свою участь. Если он был не вполне искренен, то только в той мере, в какой изображал из себя идейного революционера. Но, похоже, что на суде и на допросе *после* суда, когда все было решено окончательно и бесповоротно, у него уже не было сил доиграть эту роль. Тогда и выплыл визит Лятковского,

---

* Показания Д.Богрова жандармскому подполковнику П.Иванову от 10 сентября 1911 г. См.: Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. С. 160—161.

затем «Вася» с безымянным товарищем и, наконец, «Степа» со смертным приговором и предложением «реабилитироваться».

В романе А.И.Солженицына ничего этого нет и в помине, зато романский Д.Богров говорит Е.Лазареву:

«Я запланировал убийство Столыпина со всей тщательностью и я готов исполнить мой план, чего бы это ни стоило. Он слишком хорош для этой страны — если позволите так выразиться. Я решил убрать его с политической сцены по своим собственным идеологическим соображениям»*. И дальше: «Именно потому, что я еврей, для меня невыносимо сознавать, что мы продолжаем жить — позвольте вам это напомнить — под тяжелой рукой черносотенных лидеров. Евреи никогда не забудут Крушеванов, Дубровиных, Пуришкевичей. Вспомните, что произошло с Герценштейном. И Иоллосом**. А тысячи евреев, жестоко забитых до смерти? Главный виновник всегда остается безнаказанным. Так вот, я его накажу»***. И еще через несколько страниц, уже «змеясь» по театральному проходу к своей цели, вынимая из кармана браунинг, Богров «слышит тихий, уверенный зов трех тысяч лет» [еврейской истории]****.

Так романский Богров объясняет мотивы задуманного им убийства Столыпина.

Ну, а исторический Богров?

На первом допросе он показал:

«Покушение на жизнь Столыпина произведено мною потому, что я считаю его главным виновником наступившей в России реакции. Т.е. отступления от установившегося в 1905 году порядка: роспуск Государственной Думы, изменение избирательного закона, притеснение печати,

---

* Здесь и далее цитирую в обратном переводе с английского — по изданию, которое только и могло вызвать отклики со стороны «американского еврейства»: Alexandr Sozlhzenitsyn. August 1914. The Red Weal/Knot 1. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1989. P. 499.

** Герценштейн М.Я. и Иоллос Г.Б., депутаты Государственной Думы от партии кадетов, были убиты террористами черной сотни.

*** Alexandr Sozlhzenitsyn. August 1914. The Red Weal/Knot 1. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1989. P. 499.

**** Там же. С. 516.

инородцев, игнорирование мнений Государственной Думы и вообще целый ряд мер, подрывающих интересы народа»*.

И на втором допросе:

«Я решил убить министра Столыпина, так как я считал его главным виновником реакции и находил, что его деятельность для блага народа очень вредна»**. (Примерно так же, как мы помним, он объяснял свое намерение в разговоре с П.Лятковским.) Высказывал ли он при этом свои сокровенные убеждения или только *озвучивал* стереотипные мнения революционной среды, этого мы не знаем. На последнем допросе (на мой взгляд, наиболее правдивом) он объяснял проще: «Тогда же ночью я укрепился в мысли произвести террористический акт в театре. Буду ли я стрелять в Столыпина или в кого-либо другого, я не знал, но окончательно остановился на Столыпине уже в театре, ибо, с одной стороны, он был одним из немногих лиц, которых я раньше знал [т.е. видел и мог узнать в лицо], отчасти же потому, что на нем было сосредоточено общее внимание публики»***.

Как видим, *исторический* Богров, в отличие от *романного*, объяснял свои мотивы не тем, что Столыпин *слишком хорош* для России и уж конечно не тем, что он должен быть отомщен за преследования евреев. *Исторический* Богров в одном случае называл Столыпина реакционером, подрывающим права и интересы народа, то есть считал его *слишком плохим* для России. А в другом случае объяснял свои действия просто тем, что кого-то он должен был убить, чтобы не быть убитым самому, а Столыпина выбрал как наиболее заметную и им самим легко узнаваемую фигуру.

Любопытно также сопоставить *романную* и *историческую* версии решения Богрова отдать «предпочтение» Столыпину перед царем.

Романный Богров поясняет Лазареву:

«Я это хорошо обдумал. Если убить Николая, будет погром. Но погрома не будет из-за Столыпина. И, в любом

---

* Допрос Дмитрия Богрова от 1 сентября 1911 г. См.: Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. С. 147—148.

** Там же. С. 151.

*** Допрос Дмитрия Богрова от 10 сентября 1911 г. Там же. С. 161.

случае, Николай только пешка в руках Столыпина. Более того, убийство царя ничего не даст. При его наследнике Столыпин будет продолжать свою нынешнюю политику с еще большей уверенностью»*.

И еще подробнее *романный* Богров объясняет самому себе: «Этот царь — всего лишь название, не больше. Недостойная цель. Объект публичного осмеяния, полное ничтожество, которого заслуживает эта презренная страна. Зачем его убивать? Никакой наследник не сможет ослабить страну больше, чем этот царь. Уже десять лет здесь убивают министров и генералов, но царя никто не трогал. Люди знали, что делали. С другой стороны, если он будет убит или ранен, то поднимется такая волна мести, что опрокинет цель Богрова. Если бы царя убил кто-то другой, было бы неплохо. Но если это будет сделано в Киеве и сделает это он, это вызовет страшный погром. Поднимется вся возмущенная чернь. Киевское еврейство — это его плоть и кровь. Погром — это то главное, чего Богров не хотел допустить на Земле. Киев не должен стать местом массового выступления против евреев — ни в этом и ни каком-либо другом сентябре. Он слышал тихий, но уверенный зов трех тысячелетий»**.

Ну, а *исторический* Богров? Примерно то же самое, что он говорил о царе Петру Лятковскому, он повторил и на втором допросе, но когда дошло до подписания протокола, потребовал это место исключить. В результате к *подписанному* Богровым протоколу был приложен еще один документ, подписанный прокурорами Чаплинским и Брандорфом и следователем Фененко. В нем излагалась *неподписанная* часть показаний Богрова, где он, «между прочим упомянул, что у него возникла мысль совершить покушение на жизнь государя, но была оставлена из боязни вызвать еврейский погром. Он, как еврей, не считал себя вправе совершить такое деяние, которое вообще могло бы навлечь на евреев подобное последствие и вызвать стеснения их прав»***.

* Alexandr Sozłzhenitsyn. August 1914. The Red Weal/Knot 1. P. 499.

** Там же. С. 515—516.

*** Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. С. 155—156.

В том, что *исторический* Богров это действительно сказал, вряд ли можно сомневаться, но почему же он настоял на исключении данного места из своих показаний? Это тут же и объясняется. Он хотел, чтобы его *дела* поощрили революционно настроенных юношей, в том числе и евреев, на новые террористические акты, и не хотел, чтобы его *слова* их удерживали. Мысль о том, что участие евреев в терроре может вызвать антисемитские акции, мелькала у него в голове, но его не остановила. И он не хотел наводить на нее других.

Главное, что побудило его стрелять в Столыпина, а не в царя, заключалось в значительности первого и ничтожестве второго. Того же, что убийство премьера *не* отзовется погромом, он предвидеть не мог.

Черносотенная молодежная организация «Двуглавый орел» во главе со студентом В.Голубевым уже полгода вела погромную агитацию в связи с убийством Андрюши Ющинского, атмосфера в городе была накаленной; лучшего подарка, чем выстрел Богрова, Голубев и его «орлята» не могла получить! «В населении Киева, узнавшем, что преступник Богров — еврей, [возникло] сильнейшее брожение и готовился грандиозный еврейский погром», — свидетельствовал В.Н.Коковцов. Еврейскую часть населения охватила паника. «Всю ночь они укладывались и выносили пожитки из домов, а с раннего утра, когда было еще темно, потянулись возы на вокзал. С первыми отходящими поездами выехали все, кто только мог втиснуться в вагоны, а площадь перед вокзалом осталась загруженной толпой людей, расположившихся бивуаком и ждавших подачи новых поездов»*.

Государь, как ни в чем не бывало, уехал на маневры, и туда же отправились войска. (Намеченная программа торжеств должна была выполняться и была выполнена!) Силы полиции в городе были незначительны. О том, чтобы своей властью вернуть часть удалившегося гарнизона, генерал-губернатор Ф.Ф.Трепов не мог и помыслить, как и о том, чтобы ночным звонком разбудить государя и испросить указаний. Коковцов, по закону вступивший в ис-

* Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 409.

полнение обязанностей премьера, на свою ответственность, приказал вернуть в город три казачьих полка. Они явились к семи часам утра, заняли ключевые позиции и бесчинств не допустили. За эти «непатриотичные» действия Коковцову тотчас и досталось, отнюдь не от рядового обывателя. То был не названный им по имени «избранный представитель вновь учрежденного земства, член Государственной Думы третьего созыва, впоследствии член Государственного Совета по выборам». Это господин подошел к нему в Михайловском соборе, куда оба явились на молебствие об исцелении раненого премьера, и, с явным расчетом на скандал, заявил:

«Вот, Ваше высокопревосходительство, представлявшийся прекрасный случай ответить на выстрел Богрова хорошеньким еврейским погромом теперь пропал, потому что вы изволили вызвать войска для защиты евреев»*.

Коковцов пишет, что отбрил наглеца, «выразив удивление, что в храме Христа, пострадавшего за грехи человека и завещавшего нам любить ближнего, вы не нашли ничего лучшего, как выразить сожаление о том, что не пролита кровь неповинных людей»**.

Дерзкая выходка высокопоставленного черносотенца настолько обеспокоила Коковцова, что после молебствия он разослал зашифрованные телеграммы всем губернаторам черты оседлости с требованием не допускать погромов всеми законными способами, «до употребления в дело оружия включительно». Поэтому бесчинств не было и в других городах.

Мог ли *исторический* Богров, стреляя в Столыпина, все это предвидеть? Разумеется, нет. Он переиграл самого себя в своих революционно-доносительских играх, был обречен на гибель и, как азартный игрок, решил: погибать, так с музыкой! Равнодушный ко всем, кроме самого себя, он мало беспокоился о том, как его выстрелы отзовутся на судьбе евреев и не евреев.

Если, какой-то неумный рецензент ставил в вину Солженицыну *нескрытие* того, что Богров был евреем, то вряд

* Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 410—411.

** Там же. С. 410.

ли он мог это делать от имени «американского еврейства», столь редко в чем-либо согласного. Для критики были куда более серьезные основания, и, конечно, не от «имени и по поручению». В 1989 году, после выхода обновленной версии «Августа 1914» в английском переводе, в моей рецензии, опубликованной в газете «Вашингтон таймс», говорилось:

«Для Солженицына главное в Богрове — его еврейское происхождение. Автор заставляет его играть роль не русского революционера (или охранника), а представителя еврейского народа и потому — врага России... "Живое, родственно ощущаемое еврейство Киева" служит главным источником его побуждений и действий. По мнению солженицынского Богрова, Столыпина надо убить, потому что он "слишком хорош для этой страны" (не слишком плох!). На убийство его толкает "трехтысячелетний тонкий уверенный зов", то есть наследие всей еврейской истории. Иначе говоря, Солженицын настаивает на том, что террорист Богров не делал различия между Россией и российским деспотизмом: стреляя в Столыпина, он стрелял в саму Россию. Такого различия не делает и сам писатель. Согласно Солженицыну, два выстрела террориста решили "судьбу правительства. Судьбу страны. И судьбу моего народа"»*.

Как видит читатель, это критика не за *нескрытие* какой-либо правды, а, напротив, за ее искажение. Видимо, против такой критики труднее возражать, нежели приписывать критикам противоположное тому, что они утверждали.

Прежде чем завершить эту тему, я должен сказать, что в новой книге Солженицын пошел еще дальше по пути мифологизации своих героев. Здесь уже находим утверждение: «Богров убил Столыпина, предохраняя киевских евреев от притеснений» (стр. 444). Вот, оказывается, в чем был его побудительный мотив, пафос всей акции! Уже не в отмщении за гонения, не в стремлении погубить Россию, а в том, чтобы защитить киевских (почему только киевских?) евреев от будущих гонений! Каким образом —

---

* The Washington Times. 1989. July 24.

хотя бы гипотетически — этого можно было достигнуть, убив *лучшего* из русских, Солженицын не поясняет, зато не жалеет места на то, чтобы показать: *лучший*-то, *лучше* всего относился именно к евреям! (И как только не заметил этого Богров и вместе с ним все его современники?)

В трактовке Солженицына, Столыпин всю старался положить конец всем антиеврейским законам и ограничениям.

Да и царь не возражал против отмены — только немного умерил пыл премьера. А воспрепятствовали ему в осуществлении этих благородных намерений сами евреи и их ставленники во Второй Государственной Думе, каковыми он изображает кадетов. Вопреки стремлениям Столыпина, «закон о еврейском равноправии не довели [в Думе] даже до обсуждения, не говоря о принятии», сообщает Солженицын, усматривая в этом политический расчет: «в борьбе с самодержавием играть и играть дальше на накале еврейского вопроса, сохранять его неразрешенным — в запас. Мотив этих рыцарей свободы был: как бы отмена еврейских ограничений не снизила бы их штурмующего напора на власть. А штурм-то — и был для них всего важней» (стр. 423).

Что здесь от истории и что от мифологии?

Как свидетельствует В.Н.Коковцов, в начале октября 1906 года* Столыпин, завершив официальную часть заседания Совета министров и удалив канцелярских работников, предложил обсудить «один конфиденциальный вопрос, который давно озабочивает его». Выражаясь корявым, но, тем не менее достаточно точным языком В.Н.Коковцева, речь шла «об отмене в законодательном порядке некоторых едва ли не излишних ограничений в отношении евреев, которые особенно раздражают еврейское население России и, не внося никакой реальной пользы для русского населения, потому что они постоянно обходятся со стороны евреев, — только питают революционное настроение еврейской массы и служат поводом к самой возмутительной противорусской пропаганде со стороны самого могущественного еврейского центра — Америки»**.

* А не в декабре, как указывает Солженицын.

** Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 1. С. 206.

Все министры поддержали идею, а когда каждый из них представил список предлагаемых к отмене ограничений, касающихся его ведомства, Столыпин свел их в единый документ — для утверждения царским указом по 87-й статье*. Однако, продержав законопроект около двух месяцев (до 10 декабря), государь вернул его неутвержденным, объяснив в сопроводительном письме:

«Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, — внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям. Я знаю, вы тоже верите, что "сердце царево в руцех Божиих". Да будет так»**.

Кажется, это был первый случай, когда Столыпин получил щелчок по носу от своего государя. Он тут же бросился извиняться в самых лакейских выражениях: «Вашему величеству известно, что все мои мысли и стремления направлены к тому, чтобы не создавать вам затруднений и оберегать вас, государь, от каких бы то ни было неприятностей»***.

Свое намерение смягчить антиеврейское законодательство, да еще по 87-й статье, то есть в порядке чрезвычайной срочности, Столыпин объяснил более кратко и внятно, чем впоследствии Коковцов:

«Еврейский вопрос поднят был мною потому, что, исходя из начал гражданского равноправия, дарованного Манифестом 17 октября, евреи имеют законные основания домогаться [!] полного равноправия; дарование ныне частичных льгот дало бы возможность Государственной Думе *отложить разрешение этого вопроса в полном объеме на долгий срок*»****. (Курсив мой. — С.Р.)

Все ясно, не правда ли?

Прошло уже больше года после провозглашения Манифестом 17 октября равноправия всех граждан России

* О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев. Особый журнал Совета министров за 1906 г. Цит. по: Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. С. 413—419.

** Переписка П.А.Столыпина и Николая II. Красный архив. 1924. № 5. С. 105. Цит. по: Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. С. 419—420.

*** Там же. С. 420.

**** Там же.

независимо от сословных, национальных, религиозных и иных различий. Пора платить по векселям, но платить-то не хочется! Между тем надвигается открытие Второй Думы, она-то непременно предъявит векселя ко взысканию. И вот, как с аграрной реформой и другими законами, срочно вводимыми по 87-й статье, Столыпин спешит сыграть на опережение. Бросить кость с царского стола, отменить наиболее бессмысленные ограничения, которые сама жизнь смела, и этим снять остроту вопроса! Тем самым предоставление евреям конституционных прав «в полном объеме» отложится на долгие годы. Да в каком положении окажется Дума (еще не созванная, но уже ненавистная), когда чрезвычайный закон будет вынесен на ее утверждение! Отклонить — значит, выступить против отмены ограничений. Утвердить — значит, законодательно закрепить остающиеся ограничения!

Таковы были «макиавеллистые» намерения Столыпина, но в книге Солженицына он представлен как «первый русский премьер, честно [!] поставивший и вопреки Государю выполнявший задачу еврейского равноправия» (стр. 440).

Ну, а Дума, столь проеврейски (по Солженицыну) настроенная?

Почему, в самом деле, она не поспешила с законом о еврейском равноправии? При ближайшем рассмотрении все оказывается просто. Для народных представителей еврейское равноправие было неотделимо от общей проблемы равенства всех граждан перед законом. Солженицыну это известно, ибо он указывает тремя страницами раньше: «Дума поставила вопрос о еврейском равноправии в рамках общего уравнивания всех граждан в правах — то есть следуя логике царского Манифеста» (стр. 420). Основные положения этого закона она утвердила, но до окончательного принятия требовалось проработать детали, а для этого нужно было время. Но, увы, «Дума еще проговорила один нетерпеливый месяц... пока не была распущена. И закон о гражданском равенстве, в том числе и еврейском, повис» (стр. 420).

Кем, как и почему Вторая Дума была распущена, мы уже знаем. Остается спросить: кто же «играл дальше на накале еврейского вопроса, сохранять его неразрешенным — в запас»: столь неуважаемые Солженицыным рыцари сво-

боды, или мифологизируемый им премьер, давивший стремление к свободе и равноправию всеми доступными ему способами — от азефовщины и виселиц до мелких подачек?

Настаивая на том, что Столыпин проводил «среднюю линию», Солженицын подчеркивает, что он подвергался нападкам не только слева, но и справа. Верно, покусывали его и князь Мещерский в «Гражданине», и Меньшиков в «Новом времени», и самые непотребные черносотенные издания типа «Земщины» Маркова Второго. Но это были отдельные редкие эпизоды. Они участились и действительно стали жалить только в последние месяцы его премьерства, когда определилось с очевидностью его скорое падение. Не те нравы царили в среде «патриотов», чтобы поддержать падающего; напротив, подсечь, подтолкнуть и — добить! Если же отбросить последние полгода, то об истинном характере отношений Столыпина с правыми организациями и их печатью лучше всего говорили финансовые ведомости. «Честный бухгалтер» Коковцов, стоя на страже казны и борясь с бессмысленными, по его разумению, тратами (кабы со смыслом, то и он бы не возражал!), свидетельствует:

«Кадеты совсем не фигурируют в списках, что и понятно по их враждебности к Столыпину. Октябристы также упоминаются весьма редко и то больше в качестве передаточной инстанции ничтожных сумм, по преимуществу благотворительного характера. Зато имена представителей организаций правого крыла фигурировали в ведомости, так сказать, властно и нераздельно. Тут и Марков 2-й, с его "Курской былью" и "Земщиной", поглощавший 200 000 р. в год; пресловутый доктор Дубровин, с "Русским знаменем", тут и Пуришкевич с самыми разнообразными предприятиями, до "Академического союза студентов" включительно; тут и представители Собрания националистов, Замысловский, Савенко, некоторые епископы с их просветительными союзами, тут и листок Почаевской лавры. Наконец, к великому моему удивлению, в числе их оказались и видные представители самой партии националистов в Государственной думе»*.

* Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 2. С. 11.

Причем, если Коковцов, как министр финансов, а затем и премьер, пытался ограничить (не отменить — нет, а только ограничить!) выдачу «темных денег» (как их окрестили в Думе), то Столыпин, напротив, всячески поощрял эти выдачи. Причем, распорядился ими бесконтрольно и безотчетно, дабы рука берущая никогда не забывала о том, кому персонально принадлежала рука дающая. Так премьеру легче было держать расхристанную черносотенную братию в некоторой узде. Вот еще одно свидетельство Коковцова:

«Еще в 1910-м году на почве подготовки выборов в Государственную Думу, упавших на лето 1912 года, между мною и Столыпиным произошли серьезные недоразумения. Столыпин, ссылаясь на то, что ни в одном государстве правительство не остается безразлично к выборам в законодательные учреждения*, и что, несмотря на наш избирательный закон 3-го июля 1907-го года, такое безучастное отношение приведет неизбежно к усилению оппозиционных элементов в Думе и даст преобладание кадетской партии, потребовал от меня — и получил, несмотря на все мое сопротивление, крупные суммы на так называемую подготовку выборов. Ему хотелось разом получить от меня в свое распоряжение до 4-х миллионов рублей, и все, что мне удалось сделать, — это рассрочить эту сумму, сокративши ее просто огульно, в порядке обычного торга, до 3-х с небольшим миллионов рублей и растянуть эту цифру на три года 1910—1912, разбив ее по разным источникам, находившимся в моем ведении»**.

Вряд ли после этого можно говорить о сколько-нибудь серьезном противостоянии черной сотни Столыпину. Да и откуда могла бы проистекать такая враждебность, если Столыпин пять лет возглавлял *царское* правительство, служил своему государю верой и правдой, а государь не только не скрывал, но афишировал свои симпатии, да и прямую принадлежность к черной сотне.

---

* Чисто «макиавелистая» аргументация. Хорошо известно, что во всяком государстве тайное финансирование (иначе говоря, подкуп) правительством отдельных политических групп считается преступлением и, в случае обнаружения, становится источником крупных политических скандалов.

** Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 2. С. 9.

После того, как Д.Б.Нейгардт, уличенный как соучастник Одесских погромов 1905 года, был заменен генералом А.Г.Григорьевым, тот посчитал своей обязанностью положить предел разгулу в городе черносотенной анархии. В Одессе местное отделение Союза русского народа имело свои «чайные», где проводились «патриотические» митинги и всякие сборища, оттуда распространялись погромные листовки и там же были склады оружия. Глава отделения граф Коновницын имел свою дружину: вооруженные отряды молодчиков в полувоенной форме браво маршировали по улицам города, наводя ужас на всех обывателей. Дружинники куражились над прохожими, избивали ни в чем не повинных людей на глазах державшейся в стороне полиции. Почти каждый день происходили убийства. Нередко жертвами бесчинств оказывались сотрудники иностранных консульств, что приводило и к международным осложнениям. Словом, то были предтечи будущих штурмовиков СД и СС (как и нынешних баркашовцев, «памятников», бритоголовых).

В ответ на попытки Григорьева как-то обуздать дружинников граф Коновницын поехал в Петербург, получил аудиенцию у государя, и тот заверил его, что Союз русского народа — это единственная его надежда и опора, о чем, возвратившись, воодушевленный граф раструбил на всю Одессу. Особенно охотно он рассказывал о том, как маленький наследник престола, присутствовавший на встрече, взобрался к нему на колени, теребил его бороду и, увидев на его груди ленту Союза русского народа — такую же, как у него самого, спросил: «Ты союзник?»; и, получив утвердительный ответ, сказал: «Я тоже союзник!»*

Градоначальник Григорьев сам поехал в столицу, чтобы рассказать государю правду о Коновнице и его братве. Но — «когда государь явился, то генерал, к своему ужасу, увидел на его груди значок Союза русского народа, такой же, какой красовался в Одессе на груди у участников погромов»**. Заготовленная Григорьевым речь застряла у него в горле.

* Цит. по: Степанов С.А. Черная сотня в России. М.: ВЗПИ, 1992. С. 150.

** Там же. С. 151.

Вскоре Одесса получила «правильного» градоначальника, И.Н.Толмачева, который тотчас вступил в сговор с черной сотней. Условились даже о том, что черносотенные газеты будут его время от времени «продергивать»: так Толмачеву было удобнее сохранять видимость беспристрастного стража законности и порядка (сторонника *средней* линии!).

Не такую ли роль в общероссийском масштабе играли «продергивания» премьеры Столыпина в праворадикальных газетах — даже если между ними и не было прямого сговора? Возможно, не всегда их нападки нравились премьеру, но по большей части они были ему на руку, как противовес критике слева.

Для понимания цены праворадикальных нападков, перепавших Столыпину, надо помнить, что сам черносотенный лагерь не представлял собой монолитного целого. Как на левом фланге большевики боролись с меньшевиками, те и другие с анархистами и все вместе с эсерами, так и на правом фланге шла грызня между отдельными группами и их лидерами. Сперва Пуришкевич со своей группой «Архангела Михаила» откололся от дубровинского «Союза русского народа», потом Марков Второй вышвырнул группу Дубровина. Все дружно обвиняли друг друга в подрыве монархического начала, «потворстве жидам», антипатриотизме... Понятно, что поддерживая какие-то из этих групп, правительство получало на орехи от других, считавших себя обойденными. И, конечно, представители власти использовали эти столкновения для сведения своих счетов.

А.В.Герасимов, который вместе с Рачковским энергично насаждал в столице первые организации Союза русского народа, позднее в них «разочаровался». Причиной или поводом послужило то, что новый градоначальник Петербурга фон Лауниц, прославившийся карательными экспедициями против крестьян Тамбовской губернии, взял столичных «союзников» под свое крыло. Он активно поощрял и финансировал их из городского бюджета, а они сформировали отряд для его личной охраны. Герасимов формально подчинялся фон Лауницу, но, имея поддержку Столыпина и прямой выход на него, не посвящал градоначальника

в свои тайные игры «на лезвии с террором» и всячески пресекал все его попытки вмешаться в дела охраны. Они невзлюбили, а затем и возненавидели друг друга.

3 января 1907 года фон Лауниц был убит террористом во время многолюдных торжеств по случаю освящения Медицинского института, основанного принцем Ольденбургским. Там же планировалось убийство Столыпина. Получив об этом сведения накануне, Герасимов лично отправился сначала к Столыпину, а затем к Лауницу — предупредить об опасности и убедить их не появляться на торжествах. Столыпина он убедил, а Лауница — нет. На предостережение тот высокомерно ответил: «Меня защитят русские люди!» (Имелись в виду его черносотенные телохранители.) Судя по тону, каким пишет об этом Герасимов, он нисколько не сожалел о гибели Лауница. Невольно возникает подозрение, что он не без умысла разозлил градоначальника, подставив его под пулю террориста. Если Азеф использовал охранку для устранения своих противников в партии эсеров, то почему его шеф не мог использовать террористов для устранения *своих* противников?

Так что, хотя между Столыпиным (и его людьми) и черносотенными организациями порой возникали трения, в основе их лежали карьерные или амбициозные мотивы, а отнюдь не принципиальные расхождения.

Солженицын, пытаясь доказать противоположное, опирается на селективно подобранные материалы, что вообще характерно для его труда. Как мы помним, его указание на то, что поэт Владислав Ходасевич был внучатым племянником Якова Брафмана, привело в восторг иных критиков, потрясенных его эрудицией. Но вот о том, что высокопоставленный одесский погромщик Д.Б.Нейгардт состоял в близком родстве с П.А.Столыпиным, что он (так же как его брат) служил верной опорой Столыпина в Сенате, а потом в Государственном совете, Солженицын не пишет, хотя Нейгардт был своим человеком *и в семье* премьера.

Об А.А.Столыпине, который после вознесения его брата на Олимп власти, был катапультирован в ведущие публицисты «Нового времени», Солженицын вообще не упоминает. Между тем А.А.Столыпин — благодаря близости к главе правительства — имел большой вес как выразитель

официозной точки зрения. При его особой роли в ведущей газете он должен был в своих статьях сдерживать личные эмоции; зато после смерти брата шлюзы прорвало, и он побил все рекорды печатного выражения злобы и нетерпимости. Должен здесь повторить выписку из его статьи, которую я приводил в моей книге «Растление ненавистью»:

«Необходимо понять, что расовые особенности так сильно отграничили еврейский народ от всего человечества, что они из них сделали совершенно особые существа, которые не могут войти в наше понятие о человеческой натуре. Мы можем их рассматривать так, как мы рассматриваем и исследуем зверей, мы можем чувствовать к ним отвращение, неприязнь, как мы чувствуем к гиене, к шакалу или пауку, но говорить о ненависти к ним означало бы их поднять к нашей ступени... Распространение в народном сознании понятия, что существо еврейской расы не то же самое, что другие люди, а подражание человеку, с которым нельзя иметь никакого отношения... История знает о вымирающих племенах. Наука должна поставить не еврейскую расу, а характер еврейства в такие условия, чтобы оно сгнуло»*.

Это та самая «наука», которая привела к Бабьему Яру и Освенциму, а в несколько модифицированном виде — к ГУЛАГу, раскулачиванию, Катыни и прочим большевистским оргиям. Я не вижу существенной разницы в том, какого типа ненависть служит «теоретическим» обоснованием массовых гонений и убийств — расовая, классовая, религиозная или какая-либо иная. Если справедливо евангельское изречение, что *сначала было слово*, то одним из первых в России его сказал родной брат премьера Столыпина, аккуратно вынутый Солженицыным из истории «русско-еврейских отношений».

Изъятые и другие теоретики расовой ненависти, например, В.Розанов и П.Флоренский, «открывшие» такую *расовую особенность* евреев, как *неутолимая кровожадность*** . Правда, имя В.Розанова в книге Солженицына присутствует, но в сугубо позитивном контексте. Читаем:

* «Новое время». 1911. 5 октября. См. также: Резник С. Растление ненавистью: Кровавый навет в России. Москва — Иерусалим: Даат/Знание, 2001. С. 74—75.

** См. Резник С. Растление ненавистью. С. 72—76.

«Сейчас опубликовано, что В.Розанов в декабре 1912 написал: "После [убийства] Столыпина у меня как-то все оборвалось к ним [евреям:] посмел ли бы русский убить Ротшильда и вообще "великого из *ихних*"» (стр. 442).

Этот пассаж, базирующийся на концепции *коллективной вины*, приводится Солженицыным вполне сочувственно — при его не только человеконенавистнической сути, но и при полной нестыковке (скажем так) с жизненными реалиями. Розанову хорошо были известны громкие убийства «союзниками» «великих из *ихних*»: членов Государственной Думы Герценштейна и Иоллоса (о чем солженицынский Богров напоминал в «Августе 1914»). А тысячи жертв погромов — «малых из *ихних*»! А множество других кровавых преступлений черной сотни, оставшихся нераскрытыми по той причине, что столыпинские *карательные* ведомства не вербовали из ее рядов Азефов, Шорниковых, Петровых, Богровых, да и вообще ими не занимались (хотя ими занимались его *финансовые* ведомства)!

Отодвигая эти исторические реалии, Солженицын странно рассуждает о «капризности Истории», о «*непредвиденности последствий*, которую она подставляет нам, последствий наших действий» (стр. 443). Тут действительно есть над чем задуматься: история (даже если писать это слово с маленькой буквы) полна таких примеров.

Только вот цепочка вытекающих одно из другого гипотетических событий выстраивается Солженицыным как-то не особенно убедительно. По его логике, если бы Столыпин не был убит в 1911 году, то он предотвратил бы мировую войну, а значит, и ее проигрыш царской Россией, а значит, и захват власти большевиками, которые оказались столь бездарными, что (уже во Второй мировой войне) «быстро отдали немцам пол-России, в том охвате и Киев», а гитлеровцы «уничтожили киевское еврейство». Все это строение возводится на исходном тезисе: «От убийства Столыпина — жестоко пострадала вся Россия, но не помог Богров и евреям» (а наслал на них гибель) (стр. 444).

Это, конечно, мифология — наподобие той, что делала товарища Сталина лучшим другом железнодорожников, а Леонида Ильича Брежнева — полководцем, отстаившим отечество на Малой Земле.

Исторический Богров не для того стрелял в Столыпина, чтобы защитить евреев. Откуда могла бы явиться такая цель, если, по Солженицыну, Столыпин только и делал, что сам их защищал и улучшал их положение! Если бы не покушение Богрова, то *исторический* Столыпин мог бы прожить еще много лет на радость своим родным и близким, но от власти он был бы отстранен, что признает и Солженицын. А если бы царь вернул его к власти «в круговращательном безлюдьи 1914—16 годов» (стр. 444) (что вряд ли было возможно при враждебном отношении Распутина), то в том же круговращении и вышвырнул бы его снова, как вышвыривал Коковцова, Горемыкина, Штюрмера, А.Ф.Трепова, о чем речь впереди.

В безбрежном пространстве мифотворчества можно переписывать историю, исходя из самых разных допущений (что было бы, если бы Столыпин не был убит, Ленин не родился, а Сталин не пошел на сговор с Гитлером в 1939 году), но к пониманию реальной истории такая игра воображения не приближает, скорее наоборот.

Куда содержательнее представить себе иное: если бы Столыпин не делал ставку на провокацию, то не погиб бы от руки провокатора. Если бы не задействовал Шорникову для разгона Думы и государственного переворота, а проводил в жизнь дух и букву Манифеста 17 октября, то, глядишь, число недовольных в стране стало бы таять, революционные партии — терять влияние, и Россия пошла бы по пути «нормального» эволюционного развития. Вот тогда не было бы ни мировой войны, ни Февраля, ни Октября, ни ГУЛАГа, ни коллективизации, ни Бабьего Яра. Но и такой логический ряд имеет коренной изъян, ибо, проводил бы Столыпин *такую* политику, так не продержался бы у власти и пяти месяцев, не то что пяти лет! *Исторический* Столыпин действовал в рамках, определенных царем, а тот упорно рубил сук, на котором сидел. Остановить самоубийственный дрейф государственного корабля на рифы большевизма можно было только одним способом — устранив Николая с капитанского мостика. Он и был устранен, но слишком поздно.

Коронованный революционер. Эпоха Распутина. 1911—1916

Анна Александровна Вырубова (в интимном кругу — Аннушка), ближайшая подруга императрицы и главная посредница между ней и «старцем» Распутиным, после Февральского переворота была арестована, помещена в Петропавловскую крепость и многократно допрашивалась Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства по расследованию преступлений царского режима. Аннушка отрицала какую-либо причастность — свою и старца — к политическим решениям. Она утверждала, что с царем и царицей Распутин виделся редко и говорил с ними о Боге, молитвах, врачевании; с ней самой он вел только душеспасительные беседы. В воспоминаниях, написанных потом в эмиграции, она держалась той же линии*. Когда в советском альманахе «Минувшие дни» появился «Дневник» Вырубовой, который свидетельствовал как раз об обратном, Аннушка заявила в печати, что ничего общего с этим дневником не имеет. И действительно, вскоре его подложность подтвердила научная экспертиза. Оказалось, то была «шалость» писателя А.Н.Толстого и литературоведа и историка П.Е.Щеголева.

Однако при всей сомнительности такого литературного приема, в *поддельном* «Дневнике» Вырубовой содержалось куда больше исторической правды, чем в ее *подлинных* мемуарах. Ничего мистического в этом не было. В 1917 году Щеголев был секретарем Чрезвычайной следственной комиссии, которая допрашивала Аннушку и десятки других лиц. Большевистский переворот пресек работу Комиссии, но она успела накопить обширный материал. Позднее Щеголев обработал и издал стенограммы допросов в семи объемистых томах — бесценный источник для всех, кто интересуется закатными годами императорской России. Авторам «Дневника» было на что опереться.

Что же касается *подлинных* материалов о Распутине, то они больше похожи на мистификацию, чем подделка Тол-

* Вырубова А.А. Страницы из моей жизни. Париж—Нью-Йорк, 1923.

стого-Щеголева. Многие очевидцы, подчеркивавшие свою близость к Распутину и оставившие сотни страниц «личных воспоминаний», на поверку едва были с ним знакомы. Те же, кто хорошо знал «старца», либо намеренно замалчивали свои связи с ним, либо многократно их преувеличивали. Так, известный нам генерал П.Г.Курлов был возвращен в высший эшелон власти Распутиным, о чем есть ряд надежных свидетельств*, но сам Курлов это категорически отрицал.

Товарищ обер-прокурора Святейшего синода князь Н.Д.Жевахов, уверяет, что репутацию распутинца заработал незаслуженно, так как, напротив, всеми силами боролся против «старца». Впрочем, он уверяет, что старец вообще никакого значения не имел и что так думают о его роли «честные люди». Думают же они, «как Бог велит, а не так, как приказывают думать жида»**.

Однако слишком хорошо известно, что старец Распутин особенно плотно контролировал духовное ведомство; никто не мог занять высокий пост в Синоде и церкви без благоволения «отца» Григория.

Но и материалы, исходящие от тех, кто не скрывал своей близости к Распутину, столь же сомнительны. В глазах некоторых из них Распутин был святым, пророком, прорицателем, воплощенным божеством; для них он объект беспредельной любви и поклонения. Для других он был жуликом, извращенцем, сексуальным маньяком — средоточием низости и порока. Особое место занимают почитатели Распутина, которые затем сделались его врагами, как неистовый иеромонах-расстрига Илиодор (Сергей Труфанов), который был одержим «одной, но пламенной страстью» — уничтожить, стереть в порошок ненавистного Гришку! Мало кто опубликовал о Распутине столько разоблачений, но

---

* См., например: Белецкий С.П. Григорий Распутин. В кн.: Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т. I. М.: Терра, 1997. С. 129.

** Князь Жевахов Н.Д. Воспоминания. Там же. С. 542. Князь Жевахов также известен как один из самых яростных *жидоедов*. В двадцатые годы в эмиграции активно занимался пропагандой «Протоколов сионских мудрецов», доказывал их подлинность «еврейским» характером власти большевиков.

доверять ему можно только в тех случаях, когда имеются надежные подтверждения из других источников.

Словом, самые, казалось бы, достоверные материалы о Распутине — это царство кривых зеркал. Найти в них адекватное отражение старца — дело почти безнадежное. Возможна ли золотая середина между крайними суждениями? Пока ее никто не нашел.

Доктор филологических наук Татьяна Миронова опубликовала доклад, в котором заявлено, что существовало *два* Распутина: подлинный и фальшивый. Подлинный Распутин был праведником, патриотом, сгустком русской народной мудрости; он беспрестанно молился за Россию, ее самодержца, его семью, спасал от смерти больного наследника, радел об укреплении трона и о благе России. А дебоширил по ресторанам, устраивал хлыстовские оргии, изгонял оптом и в розницу «блудного беса» из своих почитательниц — *двойник* Распутина! Двойник манипулировал министрами, губернаторами, церковными владыками. Двойник писал нарочито безграмотные записочки-приказы, обделывая все те грязные дела, которые приписывали Распутину.

«Ни один чиновник, получивший от просителя-мошенника такую записку, не знал ни действительного почерка Распутина, ни его самого... И какая же буря негодования должна была взметнуться в душе высокопоставленного лица, получившего невозможную по наглости просьбу мошенника, с подобным сопроводительным письмом "от Гришки". И эта буря негодования немедленно распространялась на Государя, чего и добивались еврейские аферисты»*. Вместе с праведным *Игорием* жертвами клеветы становились царь, царица, подрывался престиж государства. «Для этого и была изобретена иудейская афера с появлением фальшивой личности — двойника Григория Распутина»**, итожит ученая филология.

Разобравшись с *жизнью* старца Игория, г-жа Миронова вступает в единоборство с его смертью. До сих пор было

---

* Татьяна Миронова, доктор филологических наук. Игорь Распутин: оболганная жизнь, оболганная смерть. Доклад на конференции «Исторические мифы и реальность» (Москва, 4 октября 2002 года). «Русский вестник». № 38—39, компьютерная распечатка. С. 7.

** Там же. С. 4.

известно, что Гришку Распутина убили во дворце князя Юсупова, причем наиболее активную роль играли сам Феликс Юсупов, великий князь Дмитрий Павлович и член Государственной Думы В.М.Пуришкевич. Опубликованы дневник Пуришкевича и воспоминания Юсупова. Оба в подробностях описали убийство, нисколько не умаляя своего участия: по их мнению, это был патриотический подвиг! Однако г-жа Миронова считает, что изданный посмертно дневник Пуришкевича был сочинен кем-то другим, а князь Юсупов писал воспоминания под диктовку тех же таинственных лиц. «Не только жизнь Григория Ефимовича исказили, оклеветали, сфальсифицировали, но и смерть его мученическую оболгали»*.

Что же было на самом деле? Уж не убили ли в юсуповском дворце *двойника* Распутина, тогда как праведник был спасен промыслом Божиим? Нет, говорит г-жа Миронова, убит был подлинный Распутин, но в другом месте, другими лицами и другим способом. «Умышленно запутали историю страшной смерти, и все это делалось и продолжает делаться только для одного — сокрыть ритуальный характер убийства»**.

Так вот чем завершилась иудейская афера — ритуальным убийством!

А ведь это что-то новое. В традиционной антисемитской мифологии еврейский заговор и ритуальные убийства существовали параллельно, не пересекаясь; а тут убийство Распутина становится точкой пересечения параллельных: и заговор против России, и ритуал! Вклад в науку, достойный Н.И.Лобачевского.

Не менее плодотворно и открытие распутинского двойника. Я вообще люблю двойников: с ними жить лучше и веселее. Не зря же они так густо населяют вороны слободки шуток и анекдотов. Каких только двойников тут не встретишь — и Ленина, и Сталина, и Берии; недавно появился забавный фильм о двойнике Наполеона. А вот эпизод из реальной российской жизни рассматриваемой нами эпохи. Когда был вынесен приговор Дмитрию Богрову, киевские черносотенцы захотели присутствовать при каз-

* Миронова Т. Игорь Распутин: оболганная жизнь, оболганная смерть. Доклад на конференции «Исторические мифы и реальность» С. 7.

** Там же. С. 7.

ни — чтобы убедиться в том, что Богрова не подменят его *двойником*. Просьба была уважена.

На месте Татьяны Мироновой я пошел бы дальше: призвал к участию в «иудейских аферах» подставного царя, подставной царицы, подставной Аннушки Вырубовой... Чем больше двойников, тем объяснимей все исторические загадки, парадоксы и несуразности. А уж для полного объяснения всего и вся надобен двойник (двойница) автора открытия. Не могла же доктор филологии выступить с такой распутинщиной: не иначе как ее подменили евреи — с коварной целью подорвать престиж патриотической филологии!

Впрочем, в контексте патриотического распутиноведения открытия г-жи Мироновой выглядят не столь ошеломляюще. Исаак Ньютон не зря говорил, что видел дальше других, потому что стоял на плечах гигантов. Вот и у доктора филологии задвоилось в глазах после того, как она взобралась на плечи предшественников, из коих особенно высоко стоит Олег Платонов, автор объемистого труда «Жизнь за царя (Правда о Григории Распутине)»*. Сама Миронова на предшественников не ссылается, что тоже укладывается в традицию докторов и академиков патриотических наук. Все они хотят иметь последователей, но не предшественников. Каждому из них (как, кстати, и Солженицыну) предпочтительна роль первопроходца, в одиночку «вторгшегося на абсолютно заминированное поле еврейской темы»**. Шагают-то они по этому полю батальонами вот уже двести лет, и мины почему-то не срабатывают: никто пока не подорвался; но каждый заявляет претензию на то, что он первый и единственный. Например, И.Шафаревич в своей скандально знаменитой «Русофобии» заявлял претензию на то, что он-де «СКАЗАЛ ПРАВДУ, произнес, наконец, боязливо умалчиваемые слова», после чего уже готов и «спокойно умереть»***. И ничего, жив до сих пор.

* Платонов О. Жизнь за царя (Правда о Григории Распутине). СПб.: Воскресенье, 1996. Интернет-версия на сайте «Русское небо».

** Лошак В. Русские? Евреи? Русские евреи? [Интервью с А.И.Солженицыным]. МН. № 50 (1168). 24—30 декабря, 2002. С. 21.

*** Шафаревич И. Сочинения в трех томах. М.: Феникс. Т. 2. С. 164.

В книге Олега Платонова нет эвристических наитий, как в докладе Татьяны Мироновой, зато им вводится в оборот большое число новых материалов, и уже по одному этому ее нельзя обойти. Правда, бескомпромиссный «патриотизм» пересиливает в авторе исследовательский азарт. Всякую информацию, им же самим цитируемую, но не подтверждающую святость Распутина, он дезавуирует как клеветническую, а носителей ее клеймит как врагов России, масонов, заговорщиков и просто негодяев. Его праведный гнев не ведает пределов. Так, дабы не оставить камня на камне от разоблачающей старца книги монаха-расстриги Илиодора (Труфанова), О.Платонов делает его... «большевиком-чекистом», уточняя для пушей убедительности: «Предложение стать чекистом, по словам того же Труфанова, сделал ему сам Дзержинский, который привлекал его к выполнению самых «деликатных» (а значит, самых грязных и кровавых) поручений»*.

Труфанов был, конечно, аморальным типом, но как он мог стать сотрудником ВЧК, если это заведение возникло в советской России в декабре 1917 года, а он бежал из царской России в 1914-м (в Норвегию, откуда позднее перебрался в США). Не хочет ли О.Платонов сказать, что глава ВЧК специально ездил в Нью-Йорк, чтобы завербовать Труфанова? Мне приходилось писать о Дзержинском** и для этого изучить широкий круг материалов. Никаких данных о его поездке за океан не имеется.

За последние годы О.Платонов издал горы «трудов», разоблачающих «жидо-масонский заговор против России», — во всем многообразии вариантов этого «заговора». Многочисленные выписки из опубликованных и неопубликованных источников, частоколы библиографических и архивных ссылок, объемистые приложения, в которых перепечатывается историко-литературный хлам столетней и двухсотлетней давности, призваны придать работе вид научной основательности. Но это только обрамление, упаковка. А внутри — та же псевдо-патриотическая труха***.

* Платонов О. Ук. соч. Интернет-версия. С. 55.

** Резник С. Феликс Дзержинский. Эскиз к литературному портрету. «Новое Русское Слово». Нью-Йорк, 1987; 5, 6, 8, 12, 15, 19, 22, 24, 27 мая.

*** Подробнее см. Резник С. Раствление ненавистью: Кровавый навет в России. Москва — Иерусалим: Даат/Знание, 2001. С. по указателю.

Житие Распутина изготовлено им по такой же методе, и цель такая же: вызвать ненависть к евреям, масонам и иным «врагам» России. А реальный результат — глумление над Россией и русской историей. Чего стоит само название книги Олега Платонова, ставящее Гришку Распутина в один ряд с легендарным национальным героем Иваном Сусаниным!

Взобравшись на плечи предшественника, Татьяна Миროнова не останавливается на достигнутом, но идет дальше и выше. Ведь как не водрит Олег Платонов свое перо, стремясь опорочить *все* не угодные ему материалы, они часто говорят сами за себя. Учтя этот опыт, доктор филологии не вступает в донкихотскую войну с документами, а просто переадресовывает их *двойнику* старца, «подсунутому» евреями на погибель России.

У Солженицына евреи делают ставку не на двойника Распутина, а на него самого — единого и неделимого. «Если раньше ходатайством за евреев занимался открыто барон Гинцбург, то вокруг Распутина этим стали прикрито заниматься облепившие его проходимцы», читаем в книге (стр. 496). Подтверждающие «еврейские источники» — это в основном книга Арона Симановича «Распутин и евреи»*, хотя сам Солженицын считает ее «хвастливой» и содержащей «разный бытовой вздор и небывлые эпизоды» (стр. 496).

Оценка более чем справедливая. Из тьмы «небылей», на которые щедр Симанович, Солженицын выбирает только одну: приписанные великому князю Николаю Николаевичу «сотни тысяч казненных и убитых евреев» (стр. 496). Конечно, это перегиб. Сотни тысяч убитых появились позднее, в пору деникинских и петлюровских погромов. А когда Николай Николаевич был главнокомандующим российской армией, сотни тысяч евреев по его приказу всего лишь *высылались* из районов боевых действий. Их обвиняли в шпионаже и депортировали вглубь страны — как позднее, при Сталине, депортировали крымских татар, калмыков, чеченцев, карачаевцев, как, возможно, собирались депортировать тех же евреев... Только организовано дело

---

* Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Рига: Историческая библиотека, 1991.

при Николае Николаевиче было похуже, сноровистости не хватало. Там, где поголовная депортация не удавалась или была слишком затруднительна, из евреев брали заложников. Некоторых заложников расстреливали. Но счет убитых мог идти на десятки, сотни — не на сотни же тысяч!

Однако, оспорив напраслину, возведенную Симановичем на великого князя, Солженицын почему-то с доверием относится к другим его «небылям».

Маленькому человечку хотелось зацепиться, оставить следок в истории — таков, видимо, единственный мотив творческих поползновений Симановича. Именуя себя *личным секретарем* Распутина, он рисует свои отношения со старцем так, словно это Распутин был у него в секретарях и даже в лакеях. Он упивается своим якобы неограниченным влиянием на Распутина и тем, как денно и ночно через старца выхлопывал для евреев всякие льготы, поправки и привилегии. Элементарное чувство меры не оставляло полета его фантазии.

«Протопопов, решив выдвинуть себя на пост министра, вошел сперва в сношения со мной, — без тени смущения сообщает личный секретарь. — Мы скоро с ним подружились и стали на ты [!]. Я его свел с Распутиным, который начал ему доверять... Мы выдвинули ему наши условия: заключение сепаратного мира с Германией и проведение мер к улучшению положения евреев. Он согласился. Я его потом познакомил с выдающимися представителями еврейства, и он им подтвердил свое согласие относительно евреев»*.

Беда в том, что *никакими другими источниками* близость Симановича к Протопопову не подтверждается. Автор озвучивает слухи о тайных мирных переговорах с Германией, распускаящиеся в то время, но не подтвержденные расследованием Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (и никакими другими данными). Об обещаниях Протопопова по еврейскому вопросу *личный секретарь* Распутина просто выдумывает. Но Солженицын все это принимает (и выдает!) за чистую монету.

О том, что таких *личных* секретарей вокруг старца толкалась целая толпа, Симанович — и следующий за ним Сол-

* Симанович А. Ук. соч. С. 106.

женицын — не упоминают. А ведь были среди них не менее заметные личности, к примеру, некий Добровольский, которого сам Симанович и «съел».

«Добровольский заведовал корреспонденцией Распутина, был посвящен в тайны влияния Распутина на высочайших особ... Поставляя Распутину деловую клиентуру, Добровольский заставил... приглашать себя к участию в прибылях при проведении через Распутина денежных дел»*, свидетельствует С.П.Белецкий, к которому стекались агентурные сведения. Непомерными аппетитами Добровольский создал себе врагов; этим и воспользовался Симанович, чтобы вытеснить конкурента из распутинского круга.

Назвав Симановича «весьма оборотистым и умелым... торговцем бриллиантами, богатым ювелиром», Солженицын недоумевает: «и что б ему «секретарствовать» у нищего Распутина?...» (стр. 496) Но Распутин не был нищим (после его смерти осталось не меньше 300 тысяч рублей — крупное состояние по тем временам), а Симанович был куда более оборотистым вралем, нежели умелым ювелиром. Он оказывал Распутину некоторые услуги по части устройства его финансовых дел, не забывая и своей выгоды.

Опираясь на такую «документальную» основу, Солженицын составляет ближайшее окружение Распутина также из банкира Д.Л.Рубинштейна, промышленника И.П.Мануса и «выдающегося авантюриста» И.Ф.Манасевича-Мануйлова (стр. 496—499). Старец настолько плотно «облеплен» четырьмя евреями, что для *сотен* проходимцев куда более крупного калибра места не остается. Да и того же Манасевича-Мануйлова Александр Исаевич обрисовывает селективно: «Он побывал и чиновником м.в.д., и агентом тайной российской полиции в Париже; и он же продавал за границу секретные документы Департамента полиции; и вел тайные переговоры с Гапоном; потом при премьер-министре Штюрмере исполнял особые "секретные обязанности"» (стр. 497). Опущен такой подвиг Мануйлова, как фабрикация (вместе с М.Головинским и под руководством П.Рачковского) «Протоколов сионских мудрецов»**. О журналистской работе Мануйлова в «Новом времени», где

* Белецкий С.П. Ук. соч. С. 194.

** И вторично опущен во втором томе, уже в рассказе о «Протоколах», о чем будет подробнее в заключительной главе.

он травил евреев бок о бок с М.О.Меньшиковым, А.А.Столыпиным, В.В.Розановым, тоже не упомянуто. Так в «еврейское» окружение Распутина вводится тот, кто свои еврейские корни обрубил и из кожи вон лез, чтобы сеять ненависть к породившему его народу.

Не проводя параллелей между тандемом Платонов-Миронова и А.И.Солженицыным, не могу не указать на то, как сходятся крайности. У Платонова и Мироновой старец — величина положительная, и евреи «облепляют» его главных ниспровергателей и даже делают его жертвой ритуального убийства. В книге Солженицына Распутин — величина отрицательная, и он «облеплен» евреями.

Селективный метод, которым пользуется Солженицын, позволяет непомерно усиливать роль одних лиц и целых групп и вовсе отключать других. Так, у О.Платонова самый злостный и коварный из врагов Распутина — журналист В.Б.Дувидзон (почти столь же злостный, как расстрига-«чекист» Труфанов). Он даже становится «женихом» дочери старца Матрены, чтобы вернее клеветать и готовить покушение на него (хотя в ее собственных воспоминаниях журналист Давидсон — только мимолетный ухажер). Зато Солженицыным этот враг Распутина вообще не упоминается. А, с другой стороны, за пределами повествования остается не только Добровольский, но и такой «секретарь» Распутина, как полковник Комиссаров — тот самый, который в 1905 году печатал погромные листовки в тайной типографии Департамента полиции (тогда он был еще ротмистром). Когда его конспиративная типография была раскрыта и разразился общественный скандал, ротмистра услали в провинцию, где он дослужился до полковничьего чина, после чего его вернули в столицу. Полковника Комиссарова прочили в начальники охранного отделения, но так как скovyрнуть с этого поста полковника Глобачева не удалось, то ему доверили присмотр за Распутиным. За старцем был установлен двойной контроль: тогда как филеры Глобачева мерзли в подъезде, комиссаровцы располагались прямо в квартире старца, а сам Комиссаров близко сошелся со своим подопечным*.

* Белецкий С.П. Ук. соч. С. 195—198 и др. Именно Комиссарову было поручено организовать убийство Распутина, но он, при поддержке Белецкого, этот приказ саботировал.

Впрочем, серьезные дела решались не на секретарском уровне.

Куда более влиятельные силы использовали Распутина, чтобы подняться в высшие этажи власти и затем там удерживаться. Они-то и облепляли старца, действуя заодно с ним и через него. О том, как именно это делалось, подробно изложил товарищ министра внутренних дел С.П.Белецкий, рассказавший в частности, как он и его шеф А.Н.Хвостов съезжались с Распутиным у Вырубовой. На этих полуконспиративных совещаниях — у Солженицына о них ни полслова — и определялось, с чем старцу пожаловать к «маме» и «папе», какие советы давать по части назначений, перемещений, помилований, награждений, многомиллионных подрядов и концессий. В числе особых заслуг Белецкого, прежде занимавшего пост начальника Департамента полиции, — использование секретных фондов для подкупа экспертов на процессе Бейлиса. Так что, как ни раскладывай этот пасьянс, а получается, что черносотенцы и погромщики «облепляли» старца куда гуще, чем евреи.

В чем состоял секрет влияния и власти Распутина?

Став русской царицей, Александра Федоровна мечтала как можно скорее подарить мужу и своей новой стране наследника престола. В этом она видела свой религиозный и патриотический долг. Но у нее рождались дочери. Страстное желание родить мальчика привело однажды даже к *мнимой* беременности. Организм Александры Федоровны перестроился так, что сначала ей самой, а потом и всем окружающим стало ясно: императрица в интересном положении! Когда все сроки прошли, а родовых схваток не наступало, стеснительная государыня согласилась допустить к себе врача. Он и установил, что ее набухшее чрево наполнено... *пустотой!* То было самовнушение огромной силы, полная победа духа над материей! Увы, не совсем полная... На такое способны только очень страстные, одержимые натуры. Одержимые душевной болезнью — *истерией*.

Через десять лет после замужества императрица добилась того, к чему стремилась: родила сына! Радость августейших супругов была безмерной. Но затем на них обру-

шился удар невероятной силы. Наследственная болезнь цареви́ча, гемофи́лия, была почти равносильна смертному приговору. (Дефектный ген, передаваясь в роду предков Александры Федоровны по женской линии, проявлялся у мужчин.)

Глубоко религиозная женщина, Александра Федоровна должна была бы увидеть в своем несчастье знак Божий. Возмездие за гордыню, за непокорность судьбе: «Ты хотела сына — вот тебе сын, обреченный на муки и раннюю смерть».

Но не такой была *ее* вера в Бога, *ее* религиозность! Покориться? Нет, только не это. Ведь Господь Бог может все. ВСЕ! Надо достучаться, докричаться, домолиться до него. Надо найти к нему путь. К мольбам простых смертных Господь глух: грехи обесценивают их молитвы. Но есть праведники, Божьи люди, на них лежит благодать. *Их* молитвы доходят до престола Всевышнего; на *их* просьбы Он откликается. Молитвами праведника наследник будет спасен. Да и всю царскую семью, и Россию он будет беречь от невзгод и несчастий, как талисман. Надо только найти такого праведника, найти *свой* талисман!

И случилось так, что, когда наследник при очередном обострении болезни лежал обессиленный от потери крови и растерявшиеся врачи предсказывали самое худшее, «отец» Григорий возложил на него свои заскорузлые руки с грязными ногтями и уверенно сказал, что мальчик будет жить.

И мальчик выжил!..

Квадратура круга была решена: царица обрела свой талисман.

В литературе о Распутине есть немало уверений, что он действительно обладал даром ясновидения, гипнотического внушения, пророчества. В эту мутную область я не вторгаюсь. Бесспорно одно — умение старца распознавать людей и находить правильный тон с теми, кто склонен был поддаваться его чарам. Императрицу он раскусил безошибочно. Понял, как она одинока, как тяжело себя чувствует в свете, с его условностями, лицемерием, искательством, лестью, злословием. Хитрый и умный мужик надел на себя

маску еще большего простака и грубияна, чем был на самом деле. Это был правильный ход. Императрицу не шокировали его мужицкие манеры, нечесанные патлы, наглый взгляд, вульгарное «тыкание». Все, что было в нем отталкивающего, ее привлекало, так как свидетельствовало о его бесхитростной натуре, искренней преданности и — прямой связи с небесными силами. Она внушила себе (а внушить себе она могла *все!*), что *его* устами с ней говорят Бог и Народ. Тот Бог, от которого исходила власть ее мужа и зависело исцеление ее сына; и тот Народ, который безмерно обожал своего государя и свою государыню, — в противоположность «образованному классу», всегда недозвольному и чего-то требующему.

В родном селе Покровском (Тюменского уезда, Тобольской губернии) Гришку Распутина знали как бездельника, хулигана и конокрада. От его дебошей стонало все село, сладу с ним не было и в семье: спьяну Гришка буянил, избивал родного отца. Попытки местного священника усмирить Гришку сделали их врагами. Но загулы сменялись периодами набожности. Уже имея собственное хозяйство, семью, детей, он «бросил все» и пошел странствовать по монастырям и обителям. Он ходил в рубище, изнурял себя постами, носил вериги, в истовости религиозного бдения ему не было равных. Не умея читать, но обладая цепкой памятью, он в беседах с монахами и священниками усвоил немало отрывков из Священного Писания. Понимал он их на свой манер. При народной образности речи и туманности суждений его сентенции порой казались неожиданными, как бы внушенными свыше. Бесхитростные монахи и батюшки представляли его более высоким церковным иерархам; Гришка и им умел внушать доверие к себе и своему благочестию. Молва о Божьем страннике, «старце», ширилась и поднималась все выше.

Странствия по глухим местам привели Гришку в сектантский «корабль» «Божьих людей» (хлыстов). По их учению, Иисус не вознесся на небо, а обитает среди живущих, вселяясь в праведников-«христов». Гришке это понравилось. Понравились и «радения» «Божьих людей». Они сопровождались хлестанием собственного тела, трясением и плясками до полного изнеможения, а кульминацией

становился «свальный грех», которой у хлыстов считался не грехом, а Божьим очищением.

В Петербурге Распутин появился примерно в 1904 году, но молва опередила его и помогла войти в круг известных и почитаемых священнослужителей. Его отличили популярный религиозный деятель Иоанн Кронштадтский, епископ Гермоген, инспектор Петербургской Духовной академии и личный духовник императрицы архимандрит Феофан.

От своего духовника Александра Федоровна и услышала впервые о благочестивом «старце». Привели же его к ней «черногорки» Анастасия и Милица Николаевны. Дочери черногорского князя Негоша, они были женами великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича. С Александрой Федоровной их сближало то, что все трое были иностранками и все трое увлекались мистикой. Черногорки активно искали *блаженных* и охотно поставляли их Александре Федоровне.

После того, как Распутин «доказал» свое благотворное влияние на здоровье наследника, ему уже нетрудно было убедить набожную мать, что от него зависит благополучие всей царской семьи и короны.

Но появление Распутина во дворце еще не означало, что в России наступила эпоха Распутина. Это произошло значительно позже, когда он стал, так сказать, политической силой, хотя и личную его силу не следует преувеличивать. Начало этого периода примерно приходится на последний год премьерства Столыпина, а завершается февральским переворотом 1917 года, когда самого Распутина уже несколько месяцев не было в живых. Эпоха Распутина — это одряхление всего государственного организма. Воля к самосохранению, остатки которой спасли царизм в 1905 году, теперь была на исходе. Распутин не был причиной болезни, а лишь наиболее рельефным ее проявлением. Поэтому и устранение Распутина, вопреки надеждам его убийц, ничего не изменило. С другой стороны, даже в пору наивысшего влияния старца оно не было абсолютным. Прежде чем повернуть очередное дельце, Вырубова и Распутин тщательно расследовали обстановку, го-

товили почву, но если чувствовали, что с каким-то вопросом лучше не возникать, то и не возникали.

(Так, с Распутиным сблизился С.Ю.Витте, надеявшийся снова занять ведущий пост в государстве. Распутину льстила эта дружба, но, зная отрицательное отношение к Витте «мамы» и «папы», он даже в период наиболее сильного своего влияния так и не решился предложить его кандидатуру. Распутин был противником войны с Германией, но, когда она началась, стал сторонником «войны до победного конца». Это еще одна иллюстрация к тому, что распутищина была следствием, а не причиной гангрены, поразившей государственный организм.)

Общение с Распутиным быстро стало для императрицы острой потребностью, но она не могла слишком часто принимать его во дворце, где каждое посещение фиксировалось и становилось известным. Странная дружба мужика и царицы и без того вызывала толки и пересуды, доходившие до насмешек и даже скабрзных намеков. Потребовалось подыскать нечто вроде конспиративной квартиры или дома свиданий, где царица могла бы встречаться со старцем без огласки. Выбор пал на дом Аннушки Вырубовой, благо она жила в Царском Селе, поблизости от императорского дворца.

Аннушка была дочерью управляющего императорской канцелярией А.С.Танеева и, можно сказать, выросла во дворце. В больших широко распахнутых глазах пухленькой миловидной девушки Александра Федоровна читала столько преданности и восхищения, что не могла не проникнуться к ней взаимной симпатией. Когда Аннушка подросла, императрица сделала ее своей фрейлиной. Отношения между ними были самыми сердечными — до тех пор, пока государыня не стала замечать, как Аннушка вспыхивает всякий раз при появлении государя. Надо было срочно удалить потенциальную соперницу, но сделать это так, чтобы не обнаружить своей ревности и не нанести ей обиды. Для этого был один простой способ — выдать ее замуж: служба фрейлины этим автоматически прекращалась. Энергично взявшись за дело, императрица подыскала жениха — лейтенанта флота Вырубова.

Незадолго до свадьбы великая княгиня Милица Николаевна пригласила невесту к себе — «на старца Распутина». Сильного впечатления он на нее не произвел, но, улучив момент, она все-таки спросила, что ждет ее в замужестве. Тот ответил:

«Замуж ты выйдешь, но счастья не найдешь».

Старец как в воду глядел!

Лейтенант флота Вырубов оказался половым извращенцем, садистом и импотентом. Какие фокусы он проделывал на брачном ложе с молодой супругой, можно только догадываться. Единственное, на что он был неспособен, это лишить ее девственности. Аннушка много месяцев скрывала следы истязаний, но в конце концов поведала о своем горе матери. Когда тайное стало явным, супруги разъехались, позднее и развелись. Григорий Распутин приобрел еще одну — до гроба верную — поклонницу. А Александра Федоровна прониклась чувством вины к своей бывшей фрейлине: ведь это она, из собственных эгоистических побуждений, устроила скоропалительный брак, столь трагически неудачный!

Между двумя женщинами произошло объяснение. Они плакали, целовались, просили друг у друга прощения, клялись в вечной дружбе и преданности. Аннушка чистосердечно призналась в любви к государю, но дала слово, что никогда не позволит себе никакой нескромности, могущей осложнить отношения августейших супругов. Александра Федоровна ей поверила. Особенно же их сблизило общее преклонение перед старцем. А так как Аннушка умела держать язык за зубами, то в ее маленьком домике государыня могла бывать хоть каждый день, не возбуждая любопытства к тому, кто еще там бывает...

Однако слухи о близости простого мужика ко двору, о его целительном воздействии на наследника, а со временем и на некоторые назначения (сперва по духовному, потом и по другим ведомствам) ширились. Вокруг Распутина сложился кружок почитателей и особенно почитательниц. Наиболее преданными старцу были неуравновешенные, легко внушаемые девицы и женщины, пережившие какое-то личное горе и, видимо, страдавшие половой психопатией. Бывали и нормальные женщины; они прихо-

дили похлопотать за мужа, сына, брата, жениха, любовника. На шумных сборищах у Распутина не различали чинов и званий. Графини и генеральши были равны служанкам и уличным проституткам. Распутин шумно и бесцеремонно «любил» всех своих поклонниц: смачно их обцеловывал, грубовато обласкивал, хватал за «мягкие места». Он проповедовал «очищение через унижение». Его туманные проповеди вызывали восторг, но если какая-то из поклонниц восхищалась слишком бурно, Распутин ее грубо осаживал, осыпал оскорблениями, на что она, довольная, отвечала еще большим восхищением. Самый распространенный способ «унижения» состоял в совместных хождениях в баню: дамы мылись вместе со старцем и мыли его. Лечь с Гришкой в постель для изгнания «блудного беса» считалось особым отличием. Связей этих большинство не скрывало. Иные шли на них с согласия и даже по настоянию своих мужей: такова была плата за гришкины услуги. Если какая-то из новеньких посетительниц с непривычки отклоняла домогательства, старец искренне обижался, но домогательств не прекращал. Сулил непременно исполнить просьбу, но не раньше, чем получит требуемый аванс.

Подачки и подношения — дорогими винами, яствами, бобровыми шубами, пачками ассигнаций — были не в счет. Денег он не жалел, охотно раздавал небольшие суммы бедным просителям, остальные просаживал в дорогих ресторанах. Кутежи его были многолюдными, шумными, с музыкой, плясками, цыганским хором, битьем зеркал. Впрочем, когда приходило время платить по счету, Григория Ефимовича обычно просили не беспокоиться: все уже было уплачено.

Отнюдь не праведная жизнь «старца», столь приближенного к коронованным особам, становилась предметом пересудов в гостиных и клубах, в разных слоях общества. Только во дворце ничего «не знали». По указанию Столыпина, а затем и его преемников, за Гришкой велось полицейское наблюдение, все его похождения фиксировались филерами и докладывались начальству. Но для государыни, а под ее давлением и для государя, все это была клевета на праведника, месть знати и интеллигенции за то, что царь напрямую общается с «человеком из народа».

Архимандрит Феофан, поняв, как сильно ошибся в «Божьем человеке», попытался открыть на него глаза царице. Но едва он заговорил о Гришке, как услышал, что должен немедленно удалиться, иначе будет приказано его вывести. Затем его вообще убрали из Петербурга.

Черногорки тоже поняли, *кого* привели в свое время во дворец. Но стоило им заикнуться об этом перед Александрой Федоровной, как дружба кончилась навсегда. Родная сестра императрицы, великая княгиня Елизавета Федоровна (вдова убитого великого князя Сергея Александровича), после гибели мужа постриглась в монахини и прославилась своей праведной жизнью и благотворительной деятельностью. Она тоже пыталась объяснить сестрице, какое впечатление на общество производит пригретый ею старец. Отношения между сестрами прекратились. Воспитательница великих княжон доложила, что Распутин заходит в спальни девушек в неурочный час, когда они уже лежат в постелях, и она, воспитательница, не может этого допустить. Она лишилась места.

Разочаровался в Гришке епископ Гермоген и — был удален из Священного синода. Его верный ученик иеромонах Илиодор — настоятель монастыря в Царицыне, где за короткий срок развил бурную деятельность и стал очень популярен, — поначалу особенно близко сошелся с праведным старцем. Распутин не раз приезжал в Царицын, а Илиодор вместе с ним ездил в его родное село Покровское. Но чем ближе молодой монах наблюдал старца, тем сильнее его точил червь сомнения. Особенное смятение в его душу вносили «изгнания блудного беса». Илиодор был молод, горяч, окружен богомолками, среди которых попадались писанные красавицы. Дабы не впасть в греховные искушения, он старался на них не заглядываться; и то, что «святой старец» вытворял с женщинами на глазах у всех, его глубоко изумляло. На осторожные вопросы Григорий отвечал, что святостью своей добился полной свободы от «блуда»; и баб он тоже освобождает от блуда, потому они и льнут к нему. С особым смаком он рассказывал, как после совместного мытья в бане они ложатся вокруг него, одна прижимается к правому боку, другая к левому, третья обвивает правую ногу, четвертая левую, а он изгоняет

«бесов». Две знатные дамы даже подрались, потому что ни одна не хотела уступать место у его правого бока!

От таких разговоров у иеромонаха туманилось в голове, возникали греховные видения. Стали закрадываться подозрения: уж не дурачит ли Гришка его и весь Божий свет? Илиодор гнал от себя эти мысли как недостойные и греховные, но они возвращались. Праведник он или дьявол? Коль скоро вопрос возник, доискаться ответа было нетрудно: некоторые поклонницы старца исповедовались у Илиодора. Несколько наводящих вопросов, и ему стало ясно, *какими* прикосновениями старец изгонял из них «блудного беса».

Однако с разоблачениями Илиодор не спешил. Предстояла тяжелая борьба. Илиодор знал, как велика власть Гришки над самыми влиятельными особами. Вот как он описал сцену, при которой присутствовал:

«Распутин в это время прямо-таки танцевал около Вырубовой; левой рукою он дергал свою бороду, а правой хватал за плечи, бил ладонью по бедрам, как бы желая успокоить игривую лошадь. Вырубова покорно стояла. Он ее целовал... Я грешно думал: «Фу, гадость! И как ее нежное, прекрасное лицо терпит эти противные жесткие щетки...» А Вырубова терпела, и казалось, что находила даже некоторое удовольствие в этих старческих поцелуях. Наконец Вырубова сказала: «Ну, меня ждут во дворце; надо ехать, прощай, отец святой...» Здесь совершилось нечто сказочное, и если бы другие говорили, то я бы не поверил, а то сам видел. Вырубова упала на землю, как простая кающаяся мужичка, дотронулась лбом обоих ступней Распутина, потом поднялась, трижды поцеловала «старца» в губы и несколько раз его грязные руки»*.

Когда Вырубова ушла, Гришка, заметив ошеломление монаха, не без горделивой усмешки намекнул, что нечто подобное происходит и с «царями». И это походило на правду.

Только набрав достаточно большой, как ему казалось, компромат, Илиодор сбросил маску и тогда уже накинул-

---

* Сергей Труфанов (бывший иеромонах Илиодор). Святой черт. В кн.: «Григорий Распутин. Сборник исторических материалов». Т. I. М.: Терра, 1997. С. 336—337.

ся на Гришку со всей неистовостью своего темперамента, не щадя и его церковных покровителей, в чем, возможно, была его главная ошибка.

Его пытались урезонить, потом последовал указ о высылке его из Царицына. В ответ Илиодор забаррикадировался в своем монастыре вместе с тысячами преданных ему богомольцев и продолжал произносить громовые речи, а газеты разносили их по всей стране. Кончилось тем, что указ о высылке монаха был отменен. Его пригласили в Петербург, царь удостоил его аудиенцией.

«Николай, считающий, по словам самого же Распутина, «старца» Христом, на приеме страшно нервничал, моргая своими безжизненными, усталыми, туманными, слезящимися глазами, мотая отрывисто правой рукою и подергивая мускулами левой щеки, едва успел поцеловать мою руку, как заговорил буквально следующее:

— Ты... вы ты не... трогай моих министров. Вам что Григорий Ефимович говорил... говорил. Да. Его нужно слушать. Он наш... отец и спаситель. Мы должны держаться за него... Да... Господь его послал... Он... тебе, вам, ведь говорил, что... жидов, жидов больше и революционеров [надо ругать], а министров моих не трогай... На них и так нападают враги... жида. Мы слушаемся отца Григория, а вы что же...»*

Когда разговоры о скандальных похождениях Гришки перекочевали в газеты, Николай потребовал от Столыпина прекратить вмешательство в «частную жизнь его семьи». Увы, законы о печати позволяли карать газеты за революционную пропаганду или за «оскорбление величества»; похождения Григория Распутина под эти категории не попадали. На газеты оказывали неофициальное давление, но заставить их замолчать можно было только одним путем: удалением Гришки от трона. Столыпин вызвал к себе Распутина и, пригрозив полицейскими мерами, велел ему немедленно уехать в Покровское. По свидетельству М.В.Родзянко, которому об этом говорил сам Столыпин, он действовал при «кажущемся безмолвном согласии государя»**.

* Сергей Труфанов (бывший иеромонах Илиодор). Святой черт. В кн.: «Григорий Распутин. Сборник исторических материалов». Т. I. М.: Терра, 1997. С. 344.

** Родзянко М.В. Ук. соч. С. 42.

Гришка испугался и подчинился. Но государыня пришла в ярость. Закатив сцену августейшему супругу, она отправила Вырубову за старцем, и та с торжеством вернула его.

Когда Распутин опять появился в Петербурге, Илиодор и епископ Гермоген, у которого тот остановился, зазвали Гришку к себе. «Старец» пришел — насупленный, готовый к тяжелому разговору, со слабой надеждой на примирение. Они попытались усостыжить его; требовали, чтобы он перестал злоупотреблять доверием царя и царицы; объясняли, что своим присутствием при дворе, чем он к тому же не перестает хвастаться, он наносит царю и всей России страшный вред. Завязался спор, посыпались оскорбления, и — два дюжих священнослужителя набросились на Гришку с ножом!

По одной версии, они хотели его убить, по другой — кастрировать. Обливаясь кровью, рыча от боли и ярости, Гришка сумел вырваться из западни. Пощады с его стороны ждать не приходилось. Без суда и следствия Гермоген был лишен сана и сослан в дальний монастырь. Илиодор скрылся, но был пойман и под стражей препровожден в другой далекий монастырь, где содержался, как в тюрьме. Позднее ему удалось бежать за границу. Он отрекся от Бога и от монашества и стал публиковать скандальные разоблачения. Самой убийственной была публикация писем императрицы и ее дочерей к «отцу Григорию». Когда они еще дружили, Гришка показал Илиодору пачку таких писем, сполна насладился его изумлением и подарил по одному письму от царицы и от каждой из великих княжон. Вот что говорилось в письме Александры Федоровны:

«Возлюбленный мой и незабвенный учитель, спаситель и наставник. Как томительно мне без тебя. Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову свою склоняю на твои блаженные плечи. О, как легко мне тогда бывает. Тогда я желаю мне одного, заснуть, заснуть на веки на твоих плечах, в твоих объятьях. О, какое счастье даже чувствовать одно твое присутствие около меня. Где ты есть? Куда ты улетел? А мне так тяжело, такая тоска на сердце... Только ты, наставник мой возлюбленный, не говори Ане о моих

страданиях без тебя. Аня добрая, она хорошая, она меня любит, но ты не открывай ей моего горя. Скоро ли ты будешь опять около меня? Скорее приезжай. Я жду тебя и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благословения и целую твои блаженные руки. Во веки любящая тебя. М[ама]»*.

Столь откровенное письмо царицы отнюдь не значило, что она была в интимных отношениях с Гришкой. Во дворце Распутин вел себя развязно, но известной черты не переступал. Даже в отношениях с Аннушкой Вырубовой он держал дистанцию. Позднее, при Временном правительстве, под следствием, Вырубова говорила, что Распутин как мужчина был ей «неаппетитен». А когда ей не поверили, она потребовала медицинского освидетельствования, и оно подтвердило: главная-то распутинка — девственница! Не приходится спорить с Коковцовым, когда он пишет, что письмо царицы к старцу было только «проявлением ее мистического настроения». Но, по его же словам, оно «давало повод к самым возмутительным пересудам»**.

Как минимум, *давало повод!* Жена цезаря — и такое подозрение!

Ну, а сам цезарь? Что испытывал несчастный государь, когда ему пришлось познакомиться с изливаниями его августейшей супруги к Григорию Ефимовичу — даже если он не сомневался в том, что для нее этот мужик только облако в штанах?

Но гневался он не на свою истеричку-жену, не на старца, сорившего *такими* письмами, даже не на Илиодора, опубликовавшего их в зарубежье, и не на лидера октябристов (*партии власти!*) Гучкова, почти открыто распространявшего гектографические копии в Государственной Думе и по всей России. Виноваты были чины, которые допустили, недоглядели, не пресекли...

«Виноватее всех», конечно, был главный страж порядка, министр внутренних дел А.А.Макаров. «Я застал его в очень угнетенном настроении, — вспоминал Коковцов. —

* Илиодор. Ук. соч. С. 331.

** Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 2. С. 20.

Он только что получил очень резкую по тону записку от государя, положительно требующую от него принятия «решительных мер к обузданию печати» и запрещению газетам печатать что-либо о Распутине»*.

От Макарова требовали невозможного, как годом раньше от Столыпина. Но если Столыпин тогда отреагировал высылкой Распутина из столицы, хотя бы кратковременной, то его преемники пошли другим путем.

Коковцов пишет, как Макаров, другие министры и он сам уламывали редакторов и издателей газет. «Я воспользовался визитом ко мне М.А.Суворина и Мазаева [из «Нового времени»] и старался развить перед ними ту точку зрения, что газетные статьи с постоянными упоминаниями имени Распутина и слишком прозрачными намеками только делают рекламу этому человеку, но, что всего хуже, — играют в руку всем революционным организациям, расшатывая в корне престиж власти монарха, который держится, главным образом, обаянием окружающего его ореола, и с уничтожением последнего рухнет и самый принцип власти»**.

Но если не одна, то другая газета подхватывала очередной скандал, а остальные перепечатавали, комментировали, смаковали подробности.

Макаров, бессильный справиться с ситуацией, чувствовал, что тучи над ним сгущаются. Желая показать свою расторопность и преданность государю, он провел сверхсекретную разведывательно-финансовую операцию по изъятию оригиналов злополучных писем императрицы и великих княжон. Хотя они широко разошлись в печатных копиях, их подлинность не была подтверждена. Но они могли быть в любой момент опубликованы в *фотокопиях*, и тогда каждый, кому доводилось получать какие-либо записки от императрицы, мог бы сличить почерк. А что если их представят на графологическую экспертизу, а затем опубликуют заключение независимых экспертов? Не допустить этого можно было только одним путем — завладеть письмами. А для этого — узнать, где они хранятся и затем выкрасть или выкупить их.

* Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 2. С. 26.

** Там же. С. 20.

Задуманная операция блестяще удалась! Но, заполучив вожаденные письма, Макаров стал в тупик — что с ними делать? Он колебался между двумя вариантами: спрятать их подальше или передать государю.

«Макаров дал мне прочитать все письма, — пишет Коковцов. — Их было 6. Одно сравнительно длинное письмо от императрицы, совершенно точно воспроизведенное в распространенной Гучковым копии; по одному письму от всех четырех великих княжон, вполне безобидного свойства, написанных видимо под влиянием напоминаний матери... и — одно письмо, или вернее листок чистой почтовой бумаги малого формата с тщательно выведенной буквою А, маленьким наследником»*.

На просьбу дать совет, какой из двух вариантов избрать, Коковцов отверг оба. Он пояснил, что в первом случае Макаров даст повод к подозрению в каких-то неблагоприятных намерениях; во втором — только поставит в неприятное положение царя, а в царице наживет врага. Коковцов посоветовал испросить аудиенцию у императрицы и передать письма ей — без свидетелей, из рук в руки.

Макаров согласился, но передумал. Ведь государыня, скорее всего, уничтожила бы письма, ничего не сказав государю, и тот даже не узнал бы о высокоценной услуге министра! Он решил все же обрадовать подарком самого Николая.

«По собственному его [Макарова] рассказу, — завершает этот эпизод Коковцов, — государь побледнел, нервно вынул письма из конверта и, взглянув на почерк императрицы, сказал: "Да, это не поддельное письмо", а затем открыл ящик своего стола и резким, совершенно непривычным ему жестом швырнул туда конверт. Мне не оставалось ничего другого, как сказать Макарову: "Зачем

---

* Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 2. С. 44. Не могу здесь не напомнить, что, согласно Илиодору, он получил от Распутина только пять писем — императрицы и четырех ее дочерей, по одному от каждой; что же касается листка с буквой «А», выведенной Алексеем (мальчик только начал учиться писать), то его Распутин *показал* Илиодору, но не отдал. Если так, то Макаров не мог завладеть этим *шестым* документом. Не преувеличивает ли Коковцов свою осведомленность? Похоже, что об этих письмах он писал не столько по памяти, сколько по книге Илиодора, но прочел ее невнимательно.

же вы спрашивали моего совета, чтобы поступить как раз наоборот, теперь ваша отставка обеспечена"»*.

Чтобы прийти к такому заключению, не надо было обладать пророческим даром Распутина.

Между тем скандал перешел с альковного уровня на церковный.

Приват-доцент Московской духовной академии Новоселов, специалист по сектантству, собрал материалы, доказывавшие близость проповедей и поведения Распутина к хлыстовской ереси, и обвинил Священный синод и церковное руководство в потворстве сектантству.

Макаров приказал изъять брошюру Новоселова из продажи, но этим только подлил масло в огонь. Газета «Голос Москвы» поместила статью Новоселова, в которой тот повторил основные положения своей брошюры. Тогда на газету был наложен крупный штраф, а номер — конфискован.

«Эти репрессии имели, однако, обратное действие, — свидетельствовал председатель Государственной Думы М.В.Родзянко. — Брошюра Новоселова и номер газеты в уцелевших экземплярах стали покупаться за баснословные деньги, а в газетах всех направлений появились статьи о Распутине и о незаконной конфискации брошюры; печатались во всеобщее сведение письма его бывших жертв, прилагались фотографии, где он изображен в кругу своих последователей. И чем больше усердствовали цензура и полиция, тем [газеты] больше писали и платили штрафы»**.

Группа депутатов Думы во главе с Гучковым подала запрос о «незаконмерных» действиях правительства по отношению к печати. В текст запроса была включена статья Новоселова в полном объеме, и она стала достоянием всей страны: Запрос, как официальный документ Думы, напечатали почти все газеты в обеих столицах и на местах.

«Верховная власть была поставлена лицом к лицу с необходимостью решить безотлагательно вопрос: быть или

---

* Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 2. С. 44.

** Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Первое полное издание записок председателя Государственной Думы, с дополнениями Е.Ф.Родзянко. Нью-Йорк, 1986. С. 47.

не быть Распутину, — писал Родзянко. — Всякому было ясно, что борьба распутинского кружка с Россией должна была разрешиться победой или поражением той или другой стороны. Силы, однако, были неравные. На стороне Распутина стояла волевая и властная императрица Александра Федоровна, имевшая подавляющее влияние на своего августейшего супруга, и поддержанная придворной камарильей, хорошо знавшей, чего она хочет. А в лагере противников царила нерешительность, опасение энергичным вмешательством разгневать верхи и отсутствовало объединение, потому что не помнили главного — блага России»*.

В борьбу за удаление Распутина были втянуты многочисленные родственники государя, двор императрицы-матери Марии Федоровны. Она приглашала к себе премьер-министра Коковцова, председателя Думы Родзянко и выслушивала ужасы о художествах «старца».

«Несчастливая моя невестка не понимает, что она губит и династию и себя. Она искренне верит в святость какого-то проходимца, и все мы бессильны отвести несчастье», — горько обливаясь слезами, говорила императрица-мать Коковцову, и он назвал ее слова «пророческими»**.

Однако, если верить Родзянко, это *он* внушал ей: «Государыня, это вопрос династии. И мы, монархисты, больше не можем молчать»***.

И снова вопрос: «А что же царь?»

В его восковой душе и ватном мозгу, как всегда, происходило перетягивание каната. Его разрывало на части, шатало из стороны в сторону. Все зависело от того, какая из команд в данный конкретный момент тянет сильнее.

Волевая августейшая супруга требовала от безвольного августейшего супруга ответить на запрос Думы ее роспуском. Но Коковцов пугал непредсказуемыми последствиями, а Родзянко, шумно демонстрировавший свою преданность престолу, просил принять для личного доклада, и государю было неловко распустить Думу, даже не выслушав ее председателя.

* Родзянко М.В. Ук. соч. С. 50—51.

** Там же. С. 34.

*** Там же. С. 53.

Прием состоялся, и августейший супруг должен был битых два часа, тоскливо глядя в окно, выслушивать много раз слышанное: о том, какую угрозу монарху и монархии представляет близость к трону «грязного хлыста».

Если верить Родзянко, то его доклад произвел столь сильное впечатление, что «государь почти не прикасался к еде за обедом, был задумчив и сосредоточен»*. А на следующий день распорядился: «Пусть он [Родзянко] из Синода возьмет все секретные дела по этому вопросу [о сектантстве Распутина], хорошенько все разберет и мне доложит. Но пусть об этом пока никто не будет знать»**.

Безмерно польщенный, Родзянко тотчас придал секретному поручению самую широкую огласку. Он привлек к делу Гучкова и ряд других лиц — из числа самых ярких разоблачителей Распутина. Александра Федоровна стала срочно принимать контрмеры. Она засылала к председателю Думы своих эмиссаров, передававших ее неудовольствие и повеление прекратить расследование и вернуть дело в Синод. Но тучный председатель Думы стоял как скала, отвечая, что только сам государь может отменить свое поручение. Он подготовил новый доклад, «окончательно» уничтожавший Распутина, но — повторно государь его не принял, под предлогом готовящегося отъезда на лето в Ливадию. Причина, конечно, была в другом: волевая супруга усилила нажим, да и вообще разговоры с напористым председателем Думы царю были тягостны. Впрочем, он тяготился разговорами о Распутине со всеми, кто не считал старца святым.

Стало ему тягостно и с Коковцовым после того, как тот вынужденно принял Распутина, а затем доложил, что старец напомнил ему «типичных представителей сибирского бродяжничества, с которыми [Коковцов] встречался в начале [св]оей службы в пересыльных тюрьмах, на этапах и среди так называемых «не помнящих родства», которые скрывают свое прошлое, запятнанное целым рядом преступлений, и готовы буквально на все во имя достиже-

---

* Родзянко М.В. Ук. соч. С. 61.

** Там же.

ния своих целей»*. Коковцов так же сообщил государю, что *посоветовал* Распутину уехать из Петербурга (не приказал, как годом раньше Столыпин, а только посоветовал).

Распутин и сам решил уехать на время, так как понимал, что находится в эпицентре скандала, и если дойдет до того, что об отъезде его «попросит» сам царь, то ему уже нельзя будет вернуться. Но царице он преподнес дело так, что премьер его *заставляет* уехать, и тот попал к ней в немилость.

Как ни сторонился Коковцов всего, что касалось Распутина, долго выдержать такую линию было невозможно. Чем более высокий пост занимал человек, тем скорее он должен был определиться: либо он *за* Распутина и должен плясать под его дудку, либо он его *враг*. А значит, и враг царицы.

Вскоре государь спросил премьера, как он отнесся бы к перемещению на пост посла в Берлине. Коковцов, естественно, ответил, что готов служить своему государю на любом месте и в любом качестве. Ему было ясно, что его удаления добивается императрица. Окончательное решение вопроса затягивалось только потому, что пост посла в Германии был занят, и министр иностранных дел Сазонов не спешил «сдавать» своего человека.

Отношения царского правительства с Думой продолжали осложняться. Дошло до того, что октябристы перешли почти в прямую оппозицию. По свидетельству Родзянко, на съезде партии октябристов «Гучков в блестящей речи обрисовал внешнее и внутреннее положение политики России. Он говорил о том, что надо одуматься, что Россия накануне второй революции и что положение очень серьезное и правительство неправильной своей политикой ведет Россию к гибели»**.

В резолюции съезда давался следующий наказ депутатам Думы:

«Парламентской фракции Союза 17 октября как его органу, наиболее вооруженному средствами воздействия,

* Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 2. С. 40. В начале своей карьеры Коковцов возглавлял тюремное управление.

** Родзянко М.В. Ук. соч. С. 91.

надлежит взять на себя неуклонную борьбу с вредным и опасным направлением правительственной политики и с теми явлениями произвола и нарушения закона, от которых ныне так тяжко страдает русская жизнь. В парламентской фракции должны быть использованы в полной мере все законные способы парламентской борьбы; как то: свобода трибуны, право запросов, отклонение законопроектов и отказ в кредитах»*.

Лидер кадетов Милюков подтверждал:

«Среди своих верных он [Гучков] чеканит новую эффективную формулу отказа от своей прежней деятельности: «Мы вынуждены отстаивать монархию против тех, кто является естественными защитниками монархического начала, церковь — против церковной иерархии, армию — против ее вождей, авторитет правительственной власти — против носителей этой власти». И он же диктует городскому съезду его заключительную резолюцию об угрозе стране тяжкими потрясениями и гибельными последствиями от дальнейшего промедления в осуществлении реформ 17 октября»**.

Конечно, Милюков всем этим мало доволен; по его мнению, октябристы полевели недостаточно, их оппозиционные настроения в Думе «быстро сходили на нет». Но ничто не демонстрирует так наглядно того, что власть восстанавливала против себя даже те слои общества, которые еще недавно служили ей опорой.

Удалив Макарова, государь поставил на его место черниговского губернатора Н.А.Маклакова, который в своей губернии отличился только тем, что восстановил против себя земство. Зато он был «любимцем» князя Мещерского, а тот делал ему карьеру. На аудиенцию к государю Маклаков явился с бантом Союза русского народа в петлице, держался уверенно и непринужденно. Представленный наследнику, он изобразил влюбленную пантеру, чем очень развеселил мальчика. Вопрос о его назначении был решен. Никаких данных к тому, чтобы возглавить важнейшее ми-

* Родзянко М.В. Ук. соч. С. 91.

** Милюков П.Н. Ук. соч. Т. 2. С. 141.

нистерство, он не имел, на что Коковцов почтительно указал государю. К этому он добавил, что ему будет трудно сработаться со ставленником князя Мещерского, так как они расходятся по всем основным вопросам. Но государь его успокоил:

— Вот вы увидите, какого послушного сотрудника я приготовил вам в лице Маклакова.

Новый министр внутренних дел с каждой неделей входил все больше в фавор. К верноподданническим докладам он непременно приберегал забавные истории. Он умел их рассказывать так, что сдержанный государь хохотал до слез. После доклада Н.А.Маклаков непременно приглашался к завтраку и очень веселил великих княжон и государыню шутовскими выходками. Само собой понятно, что он был другом Распутина и получил высокий пост с его одобрения. И он действительно стал «послушным сотрудником», но не Коковцова, а... Щегловитова, став его подручным в доведении до желательного результата «ритуального» дела Бейлиса, ради чего он творил беззакония с еще большим энтузиазмом, чем до него Макаров, а до Макарова — Столыпин.

Почему же эта грандиозная провокация провалилась?

Прежде всего, потому, что против средневекового мракобесия восстала общественность. Как вспоминал П.Н.Милюков, «высшая точка общественного негодования была достигнута, когда вся неправда режима, все его насилие над личностью воплотилось в попытке сосредоточить на лице невинного еврея Бейлиса обвинение против всего народа в средневековом навете — употреблении христианской крови. Нервное волнение захватило самые глухие закоулки России, когда, в течение 35 дней [сентябрь—октябрь 1913 г.] развертывалась в Киеве, при поощрении или при прямом содействии властей, гнусная картина лже-свидетельства, подкупленной экспертизы, услужливых прокурорских усилий, чтобы вырвать у специально подобранных малограмотных крестьян-присяжных обвинительный приговор. Помню тревожное ожидание этого приговора группой друзей и сотрудников, собравшихся вечером в редакции «Речи». Помню и наше торжество, когда темные

русские крестьяне вынесли Бейлису оправдательный приговор»*.

Из писем и дневников других видных деятелей той эпохи (Александра Блока, Александра Куприна, Зинаиды Гиппиус) известно, насколько сильным у некоторых из них было личное нерасположение к евреям. Так что не ради инородцев русская интеллигенция выступила против судилища над Бейлисом, а ради самой России.

А как реагировал на дело Бейлиса Распутин? Как это ни маловероятно, но в материалах о Распутине я не нашел указаний на то, чтобы старец сказал хоть слово *в пользу* ритуального обвинения или *против* него. Похоже, что старец и его ближайшее окружение были настолько поглощены улаживанием скандалов, вызываемых похождениями старца, что главное общественное событие, будоражившее всю страну больше двух лет, ими просто не было замечено! Однако личная непричастность старца к делу Бейлиса не отменяет того факта, что оно стало одним из самых грозных воплощений распутинщины, показавшей, что система власти поражена гангреной и стремительно деградирует.

Казалось бы, инстинкт самосохранения должен был подсказать необходимость переменить курс и вместо того, чтобы изолировать власть от общества, пойти на сближение с ним. Но для этого у власти должны были стоять люди, способные на смелые решения. Увы, таковых не было и само появление их становилось все менее возможным. Власть лишь сильнее закусывала удила, приближая собственное падение.

«По делу Бейлиса, — итожил Милюков, — на печать были наложены 102 кары — в том числе шесть редакторов арестованы. 120 профессиональных и культурно-просветительных обществ были закрыты или не легализованы. В Петербурге мне с Шингаревым запрещено было сделать доклад избирателям о Четвертой Думе, а в Москве такое же собрание вновь избранных членов Думы к.д. Щепкина и Новикова было закрыто полицией. Закрыто было полицией и юбилейное заседание в честь пятидесятилетия «Русских ведомостей» и банкет по тому же поводу. Мне были

---

* Милюков П.Н. Ук. соч. Т. 2. С. 141.

запрещены лекции по балканскому вопросу в Екатеринодаре и Мариуполе. Это — только отдельные эпизоды из целого ряда подобных. Все это вместе напоминало предреволюционные настроения и полицейскую реакцию на них 1905 года»*.

В.Н.Коковцов, не допустив еврейских погромов «в ответ» на выстрелы Богрова, восстановил против себя не только черную сотню, но и сочувствующую ей часть правительства и двора. Он понял, что продолжать эту линию опасно. Хотя дело Бейлиса сопровождало почти все его премьерство (сентябрь 1911 — январь 1914), в его двухтомных воспоминаниях оно даже не упомянуто. Это молчание очень выразительно! Если бы Коковцов предпринял хоть самую слабую попытку противостоять позорищу, если бы высказал хоть одно скептическое замечание по поводу сопровождавших его беззаконий в Совете министров, или при докладе царю, или в разговоре с тем же Щегловитовым, или с кем-то еще, он бы впоследствии об этом не промолчал!

На роль главы правительства Коковцов ни по силе характера, ни по уровню государственного мышления не вытягивал. К тому же он возглавлял правительство, которое не он формировал. Министры не чувствовали себя обязанными ему, как раньше Столыпину. Не облегчало положение премьера и то, что за ним остался пост министра финансов. Блюда финансовую дисциплину, «честный бухгалтер» чаще должен был отказывать в просьбах, чем их удовлетворять, множа врагов. Для борьбы с ними у него не было ни воли, ни той власти, какую Столыпину давало совмещение постов премьера и министра внутренних дел, когда в его руках находилась тайная полиция, а, значит, и компромат на любого из министров. Позднее генерал Курлов говорил рвавшемуся к посту премьера А.Д.Протопопову: «Председатель Совета министров должен одновременно быть и министром внутренних дел или иметь на этом месте своего друга, иначе положение пред-

* Милюков П.Н. Ук. соч. Т. 2. С. 141—142.

седателя Совета министров будет непрочно»*. Курлов знал в этом толк!

Одним из наиболее ловких противников Коковцова был министр земледелия Кривошеин, который считал, что министр финансов поглощен бухгалтерской цифирью и не видит за ней леса большой политики. Он сумел внушить еще Столыпину, что прижимистость Коковцова сдерживает проведение аграрной реформы. Кривошеин хотел подгрести под себя Крестьянский банк, а Коковцов категорически против этого возражал. Он доказывал, что кредитная политика должна быть единой, иначе будет подорвана финансовая система государства. Столыпин вел двойную игру: на словах соглашался с Коковцовым, а за его спиной поддерживал Кривошеина, готовя падение министра финансов. Интрига не удалась, потому что государь, не желая быть пешкой в руках «заслонявшего» его Столыпина, взял сторону Коковцова. Но Кривошеин остался в правительстве и продолжал интриговать.

Еще более опасным противником был военный министр В.Сухомлинов. Шумливый и бестолковый краснбай, Хлестаков в чине генерала и в ранге министра, он не пользовался авторитетом ни в армии, ни в обществе. Об уровне военного и политического мышления Сухомлинова (и самого царя) говорит эпизод, случившийся 10 ноября 1912 года. Накануне вечером Сухомлинов позвонил Коковцову, министру иностранных дел Сазонову и министру транспорта Рухлову и сообщил, что они вызваны к государю, но о предмете предстоявшего обсуждения отозвался незнанием. А наутро выяснилось, что решено объявить мобилизацию в двух военных округах (Киевском и Варшавском) — ввиду малочисленности пехоты вблизи границы с Австрией, причем, по словам государя, «военный министр предполагал распорядиться еще вчера, но я предложил ему обождать один день»**.

Опешивший Коковцов стал объяснять, что объявление мобилизации равносильно началу войны, причем не толь-

---

* Протопопов А. Господину председателю Чрезвычайной следственной Комиссии. Дополнительные показания. Цит. по: «Гибель монархии». Москва: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 410.

** Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 2. С. 123.

ко с Австрией, но и с Германией, так как две страны связаны военным договором. Россия к войне не готова. Рассчитывать на союзную Францию нельзя, так как договор с ней обязывает предупреждать о таких акциях или союзник освобождается от своих обязательств.

Доводы премьера были столь элементарными, что все с ним согласилось, включая и Сухомлинова. Закрывая совещание, государь любезно сказал премьеру: «Вы можете быть совсем довольны таким решением, а я им больше вашего». И Сухомлинову: «И вы должны быть очень благодарны Владимиру Николаевичу, так как можете спокойно ехать за границу»*.

Дальше Коковцов продолжает: «Эти последние слова озадачили нас всех. Мы пошли завтракать наверх ... и я спросил Сухомлинова, о каком его отъезде упомянул государь? Каково же было наше удивление, когда Сухомлинов самым спокойным тоном ответил нам: "Моя жена за границей, на Ривьере, и я еду на несколько дней навестить ее". На мое недоумение, каким же образом, предполагая мобилизацию, мог он решиться на отъезд, этот легкомысленнейший в мире господин, без всякого смущения и совершенно убежденно, ответил: "Что за беда, мобилизацию производит не лично военный министр, и пока все распоряжения приводятся в исполнение, я всегда успел бы вернуться вовремя. Я не предполагал отсутствовать более 2—3 недель"»**.

Армия теряла боеспособность, а тактика военного министра сводилась к нападкам на «скаредного» министра финансов. Свои претензии Сухомлинов прямо Коковцову не предъявлял, а приберегал их к личным докладам государю, так что премьер не мог их парировать. Когда же ему становилось о них известно, он, почти со слезами на глазах и с цифрами в руках, объяснял, что никогда в кредитах военному министерству не отказывал, но тех работ и заказов, под которые отпускались деньги в прошлые годы, не проводится. Сотни миллионов рублей остаются неосвоенными. При общем годовом бюджете в два с небольшим

* Коковцов В.Н. Ук. соч. Т. 2. С. 126.

** Там же. С. 126—127.

миллиарда это были астрономические суммы! Государь все это выслушивал и — продолжал конспирировать с Сухо-млиновым против премьера. А армия оставалась дезорганизованной, недовооруженной и недоукомплектованной. Зато за Сухомилинова стоял «наш друг» — старец Распутин.

Дело Бейлиса принесло министру юстиции Щегловитову репутацию изолгавшегося негодяя и монстра, способного на любые, в том числе кровавые, провокации. В глазах всей страны его имя было покрыто несмываемым позором. Зато из «высших сфер» на Щегловитова и на других причастных демонстративно пролился благодатный дождь наград, чинов, денежных выплат, высоких назначений. Так дегенерировавшая власть выражала свое презрение к обществу! Чувствуя себя как никогда прочно, Щегловитов возглавил группу противников Коковцова в Совете министров, намереваясь занять его место.

Вместе с более умеренными министрами Коковцов рассчитывал на поддержку Государственной Думы, но не тут-то было. После столыпинского переворота 1907 года Дума стала послушной. Наибольшее число мест в ней принадлежало созданной «под Столыпина» и возглавлявшейся А.И.Гучковым партии «Союз 17 октября» (правильнее ее было бы называть «Союзом профанации 17 октября»). В 1912 году срок полномочий Третьей Думы истек и состоялись выборы в Четвертую. Благодаря столыпинской избирательной системе и секретным денежным вливаниям в избирательную кампанию, состав Думы изменился мало. Но настроение ведущей парламентской фракции было уже совсем иным: она активно выступала против «темных сил», окружавших престол и губящих государство.

Коронованный революционер, ведомый своей августейшей супругой, полностью поработанной Распутиным, снова привел страну к краю пропасти.

На этот раз отсрочить падение в нее могло только чудо. И оно произошло.

Началась мировая война.

15 (28) июня 1914 года в Сараево был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд, а на следующий день, в далеком сибирском селе Покровское, —

тяжело ранен прибывший на побывку в родное гнездо Григорий Распутин. Эти два террористических акта, разделенные расстоянием в половину земного шара, но почти совпавшие по времени, оказались роковыми для дальнейших судеб России и мира.

Описывая обстоятельства покушения на Распутина, его дочь Матрена сообщает, что Григорию Ефимовичу принесли телеграмму от царицы с просьбой немедленно вернуться в Петербург. Он пошел отбить ответную телеграмму, чтобы следом и выехать; его остановила укутанная в платок нищенка, и, пока он рылся в кармане, она выхватила из-под полы длинный острый нож и ударом снизу вверх пропоролла ему живот.

По версии Матрены Распутиной, террористка Хиония Гусева никогда раньше не встречала ее отца и личных мотивов у нее быть не могло. Она была подослана врагами Распутина и действовала совместно с журналистом Давидсоном (у О. Платонова это Дувидзон), выслеживавшим передвижения старца с самого Петербурга*. Но книга Матрены — одна из самых «распутинских» во всем распутиноведении (впрочем, вполне понятно стремление дочери максимально облагородить собственного отца). Более правдоподобна другая версия: Хиония — одна из многих жертв Распутина, которая доверилась его «святости», а после изгнания «блудного беса» пошла по рукам, заразилась сифилисом и к моменту покушения уже была обезображена тяжелой болезнью. Основной мотив ее преступления — месть за свою загубленную жизнь. Третья версия, не отвергающая, а дополняющая вторую: сообщником Хионии был иеромонах Илиодор. Он и сам не отрицал знакомства с нею, называл ее своей «духовной дочерью» и характеризовал как «девицу — умную, серьезную, целомудренную и трудолюбивую». По его словам, она была «начитана очень в Священном Писании, и на почве этой начитанности она кое-где немного заговаривалась»**. Воспламененная ненавистью к «ложному пророку», Хиония просила Илиодора

* Распутина М. Распутин. Почему? Воспоминания дочери. М.: Захаров, 2000. С. 248—250.

** Илиодор. Ук. соч. С. 449.

благословить ее на кровавое дело. Он уверяет, что благословения не дал, а, напротив, пытался удержать ее от греха человекоубийства*. Так ли это, вряд ли когда-нибудь будет выяснено.

Результатом покушения Гусевой стало то, что вернуться в Петербург по призыву царицы старец не смог. Более того, с быстротою молнии распространилась весть о его гибели, что вызвало бурю ликования в Думе и во всей стране; но известие о смерти Распутина оказалось преувеличенным. А пока старец выкарабкивался с того света, Европа сползала в пропасть войны. С больничной койки он слал телеграммы, «умоляя государя не затевать войну, потому что с войной будет конец России и им самим [царствующим особам] и положат до последнего человека»**. Вырубова лично передала одну из таких депеш царю. Она свидетельствует, что тот принял телеграмму с глухим раздражением, а по другой версии, даже разорвал на мелкие кусочки.

События на Балканах не раз уже приводили Россию на грань войны «за славянское дело», хотя мало кто понимал, в чем, собственно, оно состоит. Освобождаясь от владычества Турции, малые балканские народы тотчас вступали в борьбу друг с другом, а это открывало калитку в их задний двор для Австрии. Россия бряцала оружием, но к войне готова не была. В 1910 году роковое развитие событий предотвратил Столыпин, в 1912-м — Коковцов. В 1914-м (премьером был уже «вынутый из нафталина» Горемыкин) отчаянную попытку остановить царя предпринял Витте. Давний сторонник континентального союза (Франции—Германии—России), он понимал, что война между ними может привести только к гибели. Но Витте был ненавистен слабому и лукавому самодержцу и повлиять на него не мог. Если у кого был шанс остановить его, то только у Распутина. Старец был убежден, что, будь он в тот момент в Петербурге, войны бы не допустил. Так это или нет, проверить невозможно, потому что история не знает альтернативных вариантов. Она сразу пишется набело.

* Илиодор. Ук. соч. С. 449.

** Вырубова А.А. Ук. соч. Т. 3. С. 88—89.

Согласно доминирующему мнению, Первая мировая война открыла путь к революции. Такова основополагающая концепция советской историографии; из нее исходил и Солженицын, когда начинал раскрутку «Красного колеса» с августа 1914 года.

Между тем внутреннее положение России было таково, что война *отодвинула* революционный взрыв, а не приблизила его. После позорного провала дела Бейлиса и распутинских скандалов власть находилась в глухой изоляции от страны и общества. Грозно нарастало забастовочное движение, сопровождавшееся массовыми демонстрациями под красными флагами, с пением революционных песен. За первые четыре месяца 1914 года, суммировала газета «Русские ведомости», в России бастовало 447 тысяч рабочих — против 95 тысяч за такой же период 1913 года, тоже далеко не спокойного*.

Но наиболее важным признаком надвигающегося взрыва был не сам по себе рост рабочего движения, а солидарность с ним почти всех слоев общества. Даже съезд промышленников, словно для намеренного посрамления марксистской ортодоксии, поддержал рабочее движение. В телеграмме на имя премьера Горемыкина съезд указал, что забастовки вызваны причинами, которые лежат «вне сферы действия торговли и промышленности». «Власть борется с рабочим движением средствами, которые промышленники не могут одобрить. Задача промышленности — ввести рабочее движение в должные рамки и смягчить его, а не обострять; между тем правительство в своей борьбе с рабочими знает один лишь лозунг, держится одного лишь принципа: хватай!» — говорили делегаты съезда**.

Правительство насаждает «повсеместный административный произвол», «создает недовольство и глубокое брожение в широких и спокойных слоях населения»***, — констатировала резолюция Государственной Думы, принятая большинством две трети голосов, то есть ее поддержали не

---

* Цит. по: Меницкий Ив. Революционное движение военных годов (1914—1917). Т.1. М.: Изд-во коммунистической академии, 1925. С. 25.

** Там же. С. 29.

*** Там же. С. 27.

только революционные партии, не только умеренная кадетская оппозиция, но и партия октябристов.

«Наше объединенное правительство лишено творческих сил и государственного понимания... На одно только у объединенного правительства хватает энергии и страсти — на борьбу с обществом, — мотивировал резолюцию умеренный депутат-прогрессист Ефремов*. — Земства и города всячески стесняются, школы и суд разрушаются. На права народного представительства [Думы] ведется систематический поход. Только в этом правительство объединено, только в этом здесь оно действует последовательно... Антагонизм различных ведомств во всем, что не касается борьбы с обществом, интриги сановников, своеволия местных властей, вмешательства союзнических [Союза русского народа] организаций и прикрывающихся религиозным мистицизмом развратных проходимцев [Распутин], вмешивающихся в назначение высших должностных лиц и в управление государством, — все это служит ясным показателем разложения и анархии власти»**.

Обстановка грозно напоминала 1905 год, причем становилась все более накаленной. С начала июля на Путиловском заводе начались волнения в знак солидарности с бастовавшими бакинскими нефтяниками, и они тотчас перекинулись на другие предприятия.

«4-го июля, с утра в течение дня, прекратили работу рабочие фабрично-заводских предприятий и типографий, в числе около 60 000 человек, причем большая часть из них, выйдя на улицу, пыталась петь революционные песни и по пути следования снимать с работ небастующих еще рабочих, но чинами полиции демонстранты были немедленно рассеиваемы», — писала газета «Раннее утро»***. В столкновениях с полицией было убито несколько человек; их похороны вылились в еще более грозные демонстрации. Когда против демонстрантов вызывали казаков, рабочие не разбегались, а строили баррикады.

---

* Партия прогрессистов занимала промежуточное положение между октябристами и кадетами.

** Цит. по: Меницкий Ив. Ук. соч. С. 27—28.

*** Там же. С. 33.

Забастовки протеста охватили многие предприятия Москвы, Харькова, Варшавы; в Риге бастовало 40 тысяч рабочих, восемь тысяч — на верфи в Николаеве. Волнения охватили крестьянство, так и остававшееся по преимуществу безземельным и малоземельным.

Но вот — объявлен манифест о войне, и, словно по волшебству, революционные выступления превращаются в «патриотические» манифестации. Улицы запружены народом, но вместо красных флагов над толпами развеваются национальные, вместо революционных песен — звучит «Боже, царя храни!»; с балконов и с возвышений раздаются пламенные речи, но не «долой самодержавие!», а — в защиту «братьев-славян». Председатель Думы Родзянко, смешавшись с толпой, с изумлением узнавал, что она состоит в основном из тех самых рабочих, которые только что «ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи и строили баррикады»*. «Аграрные и всякие волнения в деревне сразу стихли в эти тревожные дни, — продолжает тот же свидетель, — и как велик был подъем национального чувства — красноречиво свидетельствуют цифры: к мобилизации явилось 90% всех призываемых, явились без отказа и воевали впоследствии на славу. Настроение было далеко не революционное, а чисто патриотическое и воодушевленное»**.

Лидер кадетов Милюков и вся его партия без колебаний выступили за войну. Более того, в поддержку войны выступили наиболее авторитетные лидеры революционной эмиграции Плеханов, Кропоткин и другие. В.Бурцев вернулся в Россию, чтобы лично участвовать в борьбе с врагами отечества, но был арестован и отправлен в ссылку. Ленин, конечно, заклеил «социал-предателей», но большевистские лидеры в самой России, зная доминирующие настроения рабочих, растерянно мялись и не знали, каких лозунгов держаться...

Я далек от мысли, что война была развязана с сознательным расчетом — остановить революционный подъем, как это безуспешно пытался сделать Плеве десятью годами

* Родзянко М.В. Ук. соч. С. 242.

** Там же.

раньше. Тут был не расчет, а инстинкт самосохранения власти, и он сработал безошибочно. Войну в Европе, в непосредственной близости от жизненных центров страны, население восприняло иначе, чем далекую японскую.

Непонятно было только одно: какова цель войны? Милюков, считавшийся специалистом по иностранной политике, и в особенности по Балканам, пытался дать «общее понимание смысла войны, ее значения для России, ее связи с русскими интересами, [на чем] предстояло объединить русское общество». Он написал об этом сотни статей, которые «могли бы составить несколько томов», а добился только ироничного прозвища: Милюков-Дарданелльский*. Вот ради чего русский мужик должен был покинуть родную хату, мерзнуть в траншеях, кормить своим немытым телом тифозную вошь. Вот для чего предстояло ему погибнуть или остаться калеккой, вот для чего надо было осиротить целое поколение детей, вконец разорить и без того бедствовавшую русскую деревню, заморить голодом и холодом города, поставить на карту само существование России! Ради Дарданелл.

Мало того, что, ввязавшись в небывалую по масштабам войну, страна не сумела определить своей национальной цели, — под мудрым руководством неунывающего военного министра Сухомлинова она оказалась ужасающе неподготовленной. Правда, по его оптимистическим подсчетам, армия была всем обеспечена сверх головы — на шесть месяцев! А поскольку война должна была закончиться раньше, то беспокоиться было не о чем.

Похоже, что так считал и назначенный главнокомандующим великий князь Николай Николаевич. Патронов войска не жалели, снарядов не берегли, чем и обеспечивались относительные удачи первых месяцев. Правда, армия генерала Самсонова, уверенно двинутая в Восточную Пруссию, попала в окружение и погибла; зато австрийских войска вытеснили из Галиции, вторглись и в австрийскую часть Польши. Потери были велики, но с этим командование не считалось: людишек в России хватало.

---

* Милюков П.Н. Ук. соч. Т. 2. С. 159.

Вот боеприпасы и снаряжение быстро истощались, а пополнений почти не поступало.

Как свидетельствует Родзянко, уже в ноябре 1914 года его вызвал в ставку главнокомандующий и взмолился: «Я в безвыходном положении, армия без сапог, помогите!»

Понадобилось четыре миллиона пар сапог. Много это или мало? Для казенных предприятий, на которые только и ориентировалось правительство, то было непосильное бремя, но не для частной промышленности. Всего-то и дела — собрать съезд представителей общественных организаций, обсудить положение и распределить заказы по предприятиям — соответственно их реальным возможностям. Но когда Родзянко обратился к министру внутренних дел Н.А.Маклакову за официальным разрешением на проведение съезда, тот ответил:

«Я не могу дать вам разрешение на созыв такого съезда; это будет нежелательной и всенародной демонстрацией в том направлении, что в снабжении армии существуют неполадки. Кроме того, я не хочу дать этого разрешения, так как, под видом поставки сапог, вы начнете делать революцию». (Курсив автора. — С.Р.)*

Правительство оказалось неспособным обеспечивать фронт оружием, боеприпасами, продовольствием; но, как собака на сене, не позволяло мобилизовать на это дело общественные организации и частную промышленность.

«При поездке моей в Галицию на фронт, весной 1915 года, я был свидетелем, как иногда отбивались неприятельские атаки камнями, и даже было предположение вооружить войска топорами на длинных древках», — пишет Родзянко**.

В конце концов фронт был прорван, началось беспорядочное отступление, враг вторгся на территорию России. Срочно понадобилось на кого-то свалить вину, но в этом деле расторопности было не занимать. Протопресвитер российской армии и флота отец Георгий Шавельский не без иронии писал:

«Если в постигших нас неудачах фронт обвинял Ставку и военного министра, Ставка — военного министра и

* Родзянко М.В. Ук. соч. С. 247.

** Там же. С. 250.

фронт, военный министр валил все на великого князя, то все эти обвинители, бывшие одновременно и обвиняемыми, указывали еще одного виновного, в осуждении которого они проявляли завидное единодушие: таким «виноватым» были евреи»*.

«Завидное единодушие» трансформировалось в действия:

«Ввиду развившегося шпионажа со стороны евреев, немецких колонистов и разного рода пришельцев, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта приказал...»

«Воспринимаю прибытие в крепостной район лиц иудейского вероисповедания, выселяемых по военным надобностям из Курляндской, Лифляндской и Ковенской губерний и вообще из района военных действий...»

«На основании телеграммы Сувалкского губернатора предписываю немедленно выселять поголовно всех евреев, находящихся в Гмине...»

«Главкомандующий приказал приостановить массовое выселение евреев из пунктов не районов военных действий [значит, и из тыловых районов высылали]. Евреям, выселенным из таких пунктов, главнокомандующим разрешено возвратиться в место своего жительства под ответственность заложников, неправительственных раввинов и богатых влиятельных евреев».

«Верховный главнокомандующий признает поголовное выселение евреев крайне затруднительным и вызывающим много нежелательных осложнений. Главкомандующий допускает применение поголовного выселения только в исключительных случаях и считает необходимым взять заложников из неправительственных раввинов и богатых евреев с предупреждением, что в случае измены со стороны еврейского населения заложники будут повешены»**.

В книге Солженицына такие официальные документы не цитируются, зато, в свойственной ему манере, нанизаны цитаты — преимущественно из «еврейских» источников, — подобранные таким образом, чтобы показать, буд-

---

* О. Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Том I. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1954. С. 271.

** Архив русской революции, издаваемый Г.В.Гессеном. Т. XIX. Берлин, 1928. С. 247—258.

то гонения на евреев были организованы то ли немцами, то ли поляками, то ли инопланетянами. Начальник генерального штаба Н.Н.Янушкевич в связи с этим попадает в разряд «поляков, принявших православие». Такое указание тоже отыскивается в «еврейских источниках». Не отыскано, пожалуй, только то, что главнокомандующий Николай Николаевич и поставивший его император Николай II были «немцами, принявшими православие», ибо, благодаря династическим бракам, русской крови у Николая II было никак не больше одной тридцать второй, а у его двоюродного дяди великого князя — одной шестнадцатой; согласно их официальной родословной — еще в четыре раза меньше*.

Солженицын, конечно, оговаривается: «Да, он [Янушкевич] мог такое [польское] влияние испытать, но мы не считаем эти объяснения достаточными или как-либо оправдывающими русскую Ставку» (стр. 480). Что и говорить, трудно оправдать Ставку, тем более, если учесть, что ни одно ее указание не выполнялось на местах с такой инициативой и энтузиазмом, и уже без всяких чужеродных влияний.

Колоритно свидетельство украинского ученого академика Даниила Заболотного, известного бактериолога и эпидемиолога, о его встрече с одним из ведущих фронтовых генералов, А.А.Брусиловым. Ученый посетовал на то, что для некоторых экспериментов ему нужны обезьяны, но их трудно доставать, на что генерал «серьезно спросил: "А жида не годятся? Тут у меня жида есть, шпионы, я их все равно повешу, берите жидов"». «И не дожидаясь моего ответа, — продолжал ученый, — послал офицера узнать: сколько имеется шпионов, обреченных на виселицу. Я стал доказывать его превосходительству, что для моих опытов люди не годятся, но он, не понимая меня, говорил, выта-

---

* Согласно известному историческому анекдоту, император Александр III как-то потребовал от известного историка сказать ему правду о том, кто был настоящим отцом его прадеда Павла I. Помявшись, историк ответил, что, коль скоро император настаивает, то он вынужден сообщить, что наиболее вероятным отцом Павла был не Петр III, законный муж Екатерины, а ее любовник граф Салтыков. «Слава Богу! — воскликнул царь. — Значит, в моих жилах все-таки течет одна шестнадцатая часть русской крови!»

рашив глаза: "Но ведь люди все-таки умнее обезьян, ведь если вы впрыснули человеку яд, он вам скажет, что чувствует, а обезьяна не скажет". Вернулся офицер и доложил, что среди арестованных по подозрению в шпионаже нет евреев, только цыгане и румыны. "И цыган не хотите? Нет? Жаль"»*.

Не везде дело оканчивалось столь безобидно. Объявленное вне закона еврейское население стало объектом постоянного грабежа, насилий, погромов, бессудных расправ со стороны своей собственной — не вражеской! — армии. Воевать со своим мирным населением оказалось легче, чем с вооруженным врагом. Тысячи еврейских семей, со стариками, больными, беременными женщинами, детьми были изгнаны из своих домов и высланы во внутренние губернии, для чего даже пришлось отменить пресловутую черту оседлости. Появление огромного числа беженцев — бездомных и нищих — тотчас сказывалось на условиях жизни местного населения, и без того нелегких, что вело к уже и понятному ожесточению против непрощенных гостей. Не эти обстоятельства заставили власти прекратить массовые депортации, а полная дезорганизация транспорта. Фронт страдал от этого куда больше, чем от мнимого еврейского шпионства!

Ни о чем подобном Солженицын не пишет, зато наполняет страницы новыми и новыми оговорками, клонящимися именно к *оправданию* этих бессмысленных репрессий: «неубедительно и нереально было бы заключить, что все обвинения [евреев в шпионстве] — сплошь выдумки» (стр. 482). Убедительно же для него вычитанное у протопресвитера Георгия Шавельского (дабы не подумали чего дурного, отыскивается указание на его *еврейское* происхождение): "Вопрос этот слишком широк и сложен... не могу, однако, не сказать, что в поводах к обвинению евреев в то время не было недостатка..."» (стр. 482).

Нельзя не заметить явного противоречия между *этим* высказыванием протопресвитера и приведенным ранее, где

---

* Цит. по: Хейфец М. Цареубийство в 1918 г. Иерусалим, 1991. С. 142. В примечании автор поясняет: «Рассказ Д.Заболотного изложен в статье А.М.Горького «Война и революция», цит. по сборнику: М.Горький. Из литературного наследия. Иерусалим, 1986. С. 355—356».

он иронизирует (впрочем вполне добродушно) над тем, как тыкали друг в друга истинные виновники военных поражений и как дружно сжимали все свои указующие персты в один скулодробительный кулак, обрушенный на евреев. Но читатель книги «Двести лет вместе» этого противоречия не заметит, потому что найдет в ней только *второе* из приведенных здесь высказываний Шавельского, но не найдет *первого*, так что взгляды главы армейского духовенства представлены Солженицыным селективно. Еще очевиднее эта селективность видна в эпизоде, связанном с приездом в Ставку московского раввина Я.И.Мазе (в то время известного всей стране — благодаря его яркому выступлению в качестве эксперта на процессе Бейлиса). Цитата урезана Солженицыным не только ради экономии места. Повторю ее, обозначая выпущенные им места курсивом.

«Беседа наша длилась около трех часов. Д-р Мазе пытался убедить меня, что все нападки на евреев преувеличены, что евреи — как и все другие: есть среди них очень достойные, мужественные и храбрые, есть и трусы; есть верные Родине, бывают и негодяи, изменники. Но исключение не может характеризовать общего. Все еврейство — верно России, желает ей только добра. Огульное обвинение еврейства является, по[э]тому, вопиющей несправедливостью, тем более предосудительной и даже преступной, что оно может повести к тяжелым кровавым последствиям... Д-р Мазе просил меня употребить все свое влияние, чтобы предупредить пролитие невинной еврейской крови. Как ни тяжело было мне, но я должен был рассказать ему все известное мне о поведении евреев во время этой войны. Он, однако, продолжал доказывать, что все обвинения евреев построены либо на сплетнях, либо на застарелой вражде известных лиц к евреям». «Друг друга мы не убедили, но расстались мы все же приветливо»* (стр. 483).

Как видим, отец Георгий изложил аргументацию Мазе куда убедительнее, чем свои возражения. Почему же они «друг друга не убедили»? И в чем, собственно, раввин Мазе убеждал отца Шавельского? В том, что среди евреев

* О. Георгий Шавельский. Ук. соч. С. 273.

нет трусов и негодяев? Ни в коей мере! Он говорил только о том, что за отдельных негодяев нельзя делать ответственным весь народ. Но отец Георгий в концепции коллективной вины не видел ничего предосудительного. Почему же?

Умный и ироничный священнослужитель ядовито описывает, как припеваючи жила Ставка в то время, когда армия истекала кровью; как великий князь Николай Николаевич непременно почивал после обеда; как пекся о своем здоровье и никогда не разрешал шоферу вести автомобиль со скоростью больше 25 верст в час, дабы не произошло какой неосторожности; и как окружил он себя целой сворой лощеных адъютантов, от скуки гонявших голубей под его окнами. Подстать ему был и начальник генерального штаба Н.Н.Янушкевич. Единственное его достоинство, отмеченное протопресвитером, состояло в том, что он сознавал свою некомпетентность и в военно-стратегическую работу генерального штаба не вмешивался, переложив ее на подчиненного ему генерала Данилова. Собственный боевой пыл Янушкевич тратил на создание дымовой завесы вокруг военных просчетов и неудач, а когда скрывать их стало невозможно, — на поиски виновных.

Какой резон было протопресвитеру осложнять свою сладкую жизнь в Ставке, открывая военные действия против двух Николаев Николаевичей — великого князя и Янушкевича? Да пропади они пропадом, эти евреи! Не хотят, чтобы их — всех чохом — обвиняли в трусости и шпионстве, так пусть не чистоплюйствуют и принимают святое крещение! Он же сам не побрезговал, окунулся в купель, — и каких высот достиг!

Но если казенный духовник армии и флота умыл руки, то не таково было отношение к неслыханным гонениям на бесправный народ *подлинных* духовных лидеров России. Передо мной литературный сборник «Щит» 1915 года издания*. Материалы в нем расположены в алфавитном порядке авторов — за исключением двух последних, добавленных тогда, когда сборник уже печатался. Вот авторский

---

* «Щит. Литературный сборник». Под редакцией Л.Андреева, М.Горького и Ф.Сологуба. Петроград, 1915.

коллектив, как он представлен в оглавлении: Л.Андреев, К.Арсеньев, М.Арцыбашев, К.Бальмонт, М.Бернацкий, акад. В.Бехтерев, В.Брюсов, С.Булгаков, И.Бунин, З.Гиппиус, М.Горький, С.Гусев-Оренбургский, Л.Добронравов, Кн. Павел Долгоруков, Вяч.Иванов, А.Калмыкова, проф. М.М.Ковалевский, проф. Кокошкин, Ф.Крюков, проф. И.Бодуэн-де-Куртене, Е.Кускова, П.Малянтович, Вл.Соловьев, П.Соловьев, Ф.Сологуб, Тэффи, Тихобережский, Гр. А.Н.Толстой, Гр. И.И.Толстой, Т.Щепкина-Куперник, А.Федоров, С.Елпатьевский, Вл.Короленко. Это цвет тогдашней русской культуры и литературы.

«Ненависть к еврею — явление звериное, зоологическое — с ним нужно деятельно бороться в интересах скорейшего роста социальных чувств, социальной культуры. Евреи люди, такие же как все, и — как все люди, — евреи должны быть свободны... В интересах разума, справедливости, культуры — нельзя допускать, чтобы среди нас жили люди бесправные; мы не могли бы допустить этого, если бы среди нас было развито чувство уважения к самим себе... Но не брезгуя и не возмущаясь, мы носим на совести нашей позорное пятно еврейского бесправия. В этом пятне — грязный яд клеветы, слезы и кровь бесчисленных погромов... И если мы не попытаемся теперь же остановить рост этой слепой вражды, она отразится на культурном развитии нашей страны пагубно. Надо помнить, что русский народ слишком мало видел хорошего и потому очень охотно верит в дурное... Кроме народа есть еще «чернь» — нечто внесловное, внекультурное, объединенное темным чувством ненависти ко всему, что выше его понимания и что беззащитно... «Чернь» и является главным образом выразительницей зоологических начал таких, как юдофобство». Так писал Максим Горький*.

Я намеренно ограничиваюсь цитированием только одного из авторов сборника, и именно наиболее скомпрометировавшего себя последующим коллаборационизмом с кровавой диктатурой «пролетариата». Горький и в молодости не отличался большой нравственной чистоплотностью. Став редактором провинциальной газеты, он — на потребу

* Горький М. [Без названия.] // «Щит. Литературный сборник». С. 52—57.

не лучшей части публики — печатал залихватские статейки с пошленькими антисемитскими колкостями — пока не получил вежливый, но настоятельный выговор от своего наставника в литературе В.Г.Короленко: «При нашем положении прессы, когда многое говорить нельзя, нужно быть особенно осторожным в том, о чем говорить не следует». Этот урок Горький усвоил надолго. Но не навсегда. Прижизненно возведенный в классики и «назначенный» основоположником, он не только смирился с тем, что под железной пятой большевизма о многом говорить нельзя, но вдохновенно насаждал то, о чем говорить не следовало. Мало кто с таким упоением и талантом потворствовал низменным инстинктам *внекультурной* ленинско-сталинской черни, «объединенной темным чувством ненависти ко всему, что выше ее понимания и что беззащитно». На переломах истории подобные метаморфозы происходят не так уж редко. Об этом, увы, свидетельствует и эволюция А.И.Солженицына.

В авторском коллективе сборника «Щит» нет евреев. Этот «антисемитизм» неслучаен: *защитить беззащитных* русская литература посчитала делом чести *русских* по крови писателей. Таков был духовный климат тогдашнего российского общества. Если бы *теперь* было возможным появление аналогичного сборника, то не было бы нужды мне писать эту книгу.

Сегодняшнее российское «литературное пространство» залито ядом ненависти, она растлевает души и сердца миллионов; но не видно, чтобы принимались серьезные меры против этого оружия массового поражения. Сегодняшняя Россия, похоже, перестала сознать, что племенная, религиозная, классовая и всякая *групповая* ненависть превращает культурный народ во *внекультурную чернь*, как это понимал, но позднее забыл Максим Горький. Даже русские интеллигенты еврейского происхождения не делают серьезных попыток противостоять антисемитским мифам, а многие старательно отмежевываются от своих еврейских корней, надеясь, видимо, что мутная волна через них перекатит и лично их не затронет.

Я двадцать лет живу вне России, но меня она почему-то затрагивает. Потому и занимаюсь ассенизаторской рабо-

той, стараясь в меру своих слабых сил (слишком слабых, увы) защитить евреев от поругания, а неевреев — от расчленения. Как сказал старший современник Иисуса Христа, еврейский законоучитель Гиллель (восхищавший, кстати сказать, Максима Горького), «если я не за себя, то кто за меня; но если я только за себя, то зачем я; если не теперь, то когда?»

К чести властителей дум российского общества *того* времени, они были *не только за себя*.

В новой травле евреев, обвинявшихся в массовом шпионстве, общество безошибочно разглядело неуклюжую попытку властей свалить вину за военные поражения с больной головы на здоровую. Что касается *реального* шпионажа (странно, если бы его не было), то он проводился врагом очень умело. Единственным разоблаченным шпионом высокого уровня оказался полковник С.Н.Мясоедов. Скоропалительный военный суд приговорил его к смертной казни, и он был повешен с молниеносной быстротой: чуть ли не из зала суда отправлен на эшафот. А затем, говоря словами британского историка Г.М.Каткова, «провели облаву по всей России. Арестовали жену Мясоедова, арестовали состоявшее главным образом из евреев [как же без них!] правление пароходной компании, членом которого был Мясоедов, арестовали множество лиц, имевших деловые или вовсе случайные контакты с Мясоедовым... После первого суда всех приговоренных к смертной казни казнили, а остальных судили во второй раз. И выносили новые приговоры — к смертной казни, к тюремному заключению»*.

Однако и это кровопускание было устроено вовсе не для искоренения шпионажа. «Ставке нужен был суд над изменником, чтобы изменой объяснить неудачи на фронте, и особенно поражение Десятой армии. Когда пришло сообщение о казни Мясоедова, стало уже известно, что армии не хватает оружия и боеприпасов, это и была главная причина отступления летом 1915 года»**.

---

* Катков Г.М. Февральская революция. Перевод с английского Н.Артамоновой и Н.Яценко. Париж: YMCA-Press, 1984. С. 141. Книга вышла с предисловием А.И.Солженицына — в серии, издававшейся под его общей редакцией.

** Там же. С. 145.

То есть и Мясоедов был еще одним козлом отпущения. Выбор на него пал не случайно. Еще за два года до войны жандармского офицера Мясоедова, оказывавшего особые услуги военному министру Сухомлинову, публично обвинял в шпионстве А.И.Гучков. Сухомлинов вступился за своего протеже и спас его от суда; Мясоедов дрался с Гучковым на дуэли. Словом, скандал был громкий, и Мясоедову пришлось уйти в отставку. Когда началась война, он был призван в ополчение, но, напомнив о себе Сухомлинову, с его помощью был направлен на фронт, в агентурную разведку Десятой армии, вскоре потерпевшей сокрушительное поражение. Таким образом, новые обвинения Мясоедова прямо били по Сухомлинову.

Перепугавшийся военный министр, вместо того, чтобы потребовать тщательного расследования дела, трусливо сдал «этого негодяя, оплатившего ему черной неблагодарностью», как он написал Янушкевичу*. Этого только и ждал начальник генерального штаба, технично увязавший дело о шпионстве Мясоедова «с резкими жалобами на нехватку оружия и боеприпасов, а тут уж ответчиком, в конце концов, был сам Сухомлинов»**.

Катков замечает: «В этой игре в кошки-мышки Сухомлинов выглядит недостойно и жалко [будто в других играх он выглядел достойнее]. Он даже не пытался оспаривать голословные обвинения Янушкевича, которые, помимо болезненной шпиономании, отдавали антисемитизмом и садизмом»***. Если учесть, что книга Каткова написана с монархических позиций, то эта характеристика высокопоставленных скорпионов, грызущих друг друга у подножья трона в годину тяжелейшей войны, выглядит особенно выразительно.

Фактически заставив царя удалить незадачливого военного министра, генерал Янушкевич должен был тотчас же об этом пожалеть. Новый военный министр генерал Поливанов, назначенный вопреки его известной близости к Гучкову, увидев, в каком катастрофическом состоянии находятся дела, заявил в Совете министров, что «отечество в

---

* Катков Г.М. Ук. соч.

** Там же. С.144.

*** Там же. С. 144—145.

опасности» и больше всех в этом виноват генерал Янушкевич. Его поддержали другие министры, у которых накопилось немало претензий к Ставке. Обретя в лице Поливанова решительного лидера, они потребовали удаления Янушкевича, а в противном случае грозили коллективной отставкой. «Старик» Горемыкин пытался внушить коллегам, что они только покорные исполнители воли государя и никаких условий ставить ему не могут. Он намекал, что их «бунт» может привести совсем не к тому результату, какого они добиваются. Это был намек на «фактор Распутина», но Поливанов и поддерживавшие его министры то ли не поняли его, то ли не придали этому значения. И были повергнуты в состояние шока, когда им было объявлено, что государь решил удалить из Ставки не только начальника штаба, но и Верховного — с тем чтобы самому стать во главе войска.

Начался заключительный этап агонии российского самодержавия.

С великим князем Николаем Николаевичем-младшим (по-домашнему Николашей) императора связывали особые отношения. Будучи наследником престола, Николай служил под командованием Николаши и... страшно его боялся. (Впоследствии он ему в этом признался, чем ввел в большое смущение.) Высокий, стройный, с зычным голосом и уверенными жестами, Николаша был, что называется, «военной косточкой» — таким, каким хотел, но не мог быть сам Николай. Никто не сидел так молодецки в седле. Никто не умел так властно заставлять офицеров ходить по струнке. Никто не умел быть таким простым, грубым и аристократичным в одно и то же время. Никто не выглядел таким уверенным и решительным. Ни зависти, ни ревнивого чувства к Николаше у робкого наследника, а потом императора, почти никогда не возникало: он спокойно признавал превосходство своего бывшего «отца-командира», молча восхищался им.

Великий князь Николаша, со своей стороны, боготворил своего августейшего племянника (*полубоготворил*, если говорить буквально). Как верноподданный и как мистик (фамильная черта Романовых), он вполне серьезно гово-

рил, что хотя государь император не Бог, но он и не просто человек, а нечто среднее — *полубожественное*. Никаких выдающихся качеств у государя он не находил, но боготворил его, так сказать, из принципа — как помазанника Божьего. Государю льстило такое отношение. Даже после того, как Николаша, играя револьвером, заставил его подписать ненавистный Манифест 17 октября, он затаил злобу не к нему, а к Витте.

В течение довольно долгого времени великий князь Николай Николаевич и его брат Петр Николаевич, вместе с их женами-черногорками, не меньше, чем их величества, пьянели от туманных пророчеств «святого старца» — чудодейственного целителя и ясновидца. Секрет этого мистического *пьянения* объяснил сам Гришка: «Ты одно изречешь слово, а они нарисуют себе целую картину»*.

Скандалные похождения Гришки в конце концов заставили протрезветь Николаевичей и их жен, что обеспечило им ненависть царицы. Однако расположение императора к великому князю Николаше и после этого оставалось не поколебленным — насколько это вообще было возможно при его колебательном характере.

Назначив Николашу главнокомандующим, государь наделил его диктаторскими полномочиями не только над армией, но и над губерниями прифронтной полосы. А поскольку фронт должен был взаимодействовать с тылом и интересы фронта были приоритетными, то власть Николаши (и начальника генерального штаба Янушкевича) распространялась на все отрасли управления, тесно связанные с нуждами армии.

Оправившись после раны, нанесенной Хионией Гусевой, Распутин вернулся в столицу, патриотически переименованную из Петербурга в Петроград, и быстро сориентировался в новой обстановке. Став решительным сторонником «войны до победного конца», он телеграфировал Верховному главнокомандующему, что хочет посетить Ставку и фронт, чтобы благословить войска. Николаша ответил

---

* Распутин Г.Е. Житие опытного странника. (Май 1907 г.) Цит. по: Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т. 4. М.: Терра, 1997. С. 358.

кратко и выразительно: «Приезжай, повешу!» Стало ясно, что им двоим на Олимпе власти слишком тесно.

Пока с фронтов поступали победные репортажи, нечего было и думать о том, чтобы пошатнуть положение великого князя. К тому же пошатнулось положение самого Гришки. О новых похождениях «святого старца», выглядевших особенно вызывающими на фоне войны, опять стали трубить газеты. Григорий Ефимович и Аннушка Вырубова без труда объяснили «маме», что это очередные происки врагов, мстящих святому человеку за его близость к «царям». Но когда пришлось объясняться с «папой», Гришка признал грех, оправдываясь тем, что грехи наши тоже угодны Богу: не согрешишь, так не покаешься. «Папа» так осерчал, что даже накричал на «старца» и запретил ему появляться в Царском Селе.

Неизвестно, как долго длилась бы эта опала, если бы не крушение поезда, в котором Аннушка Вырубова ехала из Царского Села в Петроград. С переломанными ногами и бедрами, с разбитой головой и поврежденными внутренностями, она долго пролежала под обломками вагона, замерзая и истекая кровью. В больницу ее доставили в тяжелом состоянии, ее рвало, она металась в бреду и повторяла только одну фразу: «Отец Григорий, помолись за меня». Узнав о случившемся, Гришка примчался в Царское Село (на автомобиле графини Витте, потому что выделенный ему от царя автомобиль был из-за немилости отнят), вошел в больничную палату, раздвинул столпившихся у постели умирающей (тут были ее мать, отец, царь, царица, великие княжны — некоторые всхлипывали), взял Аннушку за руку и громким повелительным голосом сказал: «Аннушка, проснись, поглядь на меня!»

И она открыла свои воловьи глаза, улыбнулась и сказала: «Отец Григорий, это ты? Слава Богу!» После чего снова уснула, но уже спокойным младенческим сном.

«Поправится!» — сказал Гришка, шатаясь, вышел из палаты и от изнеможения рухнул в обморок. (Так гласит легенда.)

Аннушка выжила, хотя осталась калеккой и не расставалась с костылями; а Распутин после этого еще больше усилил свою власть над царицей, а через нее — над царем.

Никакой «клеветы» на старца во дворце не хотели слышать. Все приближенные к царской семье, включая высших чинов министерства двора, дворцового коменданта, фрейлин императрицы, пели осанну «отцу Григорию».

Летом 1915 года заместитель министра внутренних дел и шеф корпуса жандармов генерал В.Ф.Джунковский вынужден был доложить его величеству о результатах дознания в Москве, в связи со скандалом в ресторане «Яр». Согласно донесению полковника Мартынова, «поведение Распутина приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии: он будто бы обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести разговоры с певичками, раздавая некоторым из них собственноручные записки с надписями вроде: "люби бескорыстно"». Развеселившийся старец похвалялся: "Этот кафтан подарила мне сама "старуха", она его и сшила"; "эх, что бы сама сказала, если бы меня сейчас здесь увидела!"»*.

Приведя это полицейское донесение, О.Платонов, конечно, объявляет его сфальсифицированным, причем по заданию самого Джунковского, который доложил о нем царю не потому, что был *обязан* к тому по должности, а потому, что был масоном и имел цель — погубить Россию и ее праведника. Спорить с этим нет необходимости, ибо сам автор признает, что тайная принадлежность Джунковского к масонству раскрылась уже после революции,** царь о его «подрывной» деятельности знать не мог. Однако результатом доклада Джунковского о распутинском непотребстве стала... отставка Джунковского. Снова сработала чудодейственная сила старца!

Великий князь Николаша был куда более твердым орешком, но когда победные репортажи с фронта сменились известиями о беспорядочном отступлении, Распутин и его команда поняли, что пробил час рассчитаться и с ним.

Александра Федоровна стала внушать августейшему супругу, что во всех фронтовых неудачах виноват Верховный.

* Цит. по: Платонов О. Ук. соч. Интернет-версия. С. 117.

** Что, конечно, тоже нельзя принимать всерьез, учитывая тенденцию О.Платонова причислять к масонам всех, кого он считает недостаточно ревностными патриотами.

А все потому, что он — враг «нашего Друга» и друг «наших врагов». Это и подтвердилось — хотя бы тем, что когда пала Варшава и германские войска подступили к городу Слониму, а вблизи, в Жировицком монастыре, томился на положении узника епископ Гермоген, то великий князь отправил его в Москву, да еще подчеркнул свое почтение к нему и его сану, выделив для переезда два отдельных вагона. «Папе» этот эпизод был представлен как заигрывание с оппозиционными кругами, осуждавшими незаконную (через голову Синода) опалу популярного епископа. А дальше пошли разговоры о нелояльности великого князя, о подготовке дворцового переворота. Кем-то были отпечатаны тысячи экземпляров портрета главнокомандующего с подписью «Николай III».

Имея под рукой многомиллионное войско, Верховный мог скovyрнуть императора одним шевелением пальца! Требовалось срочно лишить его такой возможности. Но кого поставить на его место? Любой генерал на посту главнокомандующего будет столь же опасен! Словом, «папа» позволил «маме» и ее (их!) духовному руководителю убедить себя, что у него нет иного выхода, как взвалить на свои плечи еще и это бремя!

Когда решение государя — еще не объявленное стране, но уже бесповоротное — было сообщено на заседании Совета министров, оно вызвало бурю эмоций. Министры вовсе не ждали столь радикальной перемены. Они добивались замены начальника штаба, надеясь, что на месте заносчивого и бездарного Янушкевича появится генерал, с которым можно работать. А великий князь в роли главнокомандующего их вполне устраивал.

Военный министр Поливанов назвал решение государя «непоправимым бедствием». С ним согласились все министры, имевшие собственный голос. Благодаря тому, что царю пришлось вслед за Сухомлиновым отстранить еще нескольких наиболее одиозных министров — Щегловитова, Н.А.Маклакова, обер-прокурора Синода Саблера, в правительстве появились независимые и здравые голоса (увы, ненадолго!). Новые министры понимали, хотя об этом не говорилось прямо, что роковое решение государя вызвано влиянием «темных сил».

Премьер Горемыкин предупреждал, «что любая попытка переубедить государя будет безуспешной. Сейчас же, когда на фронте почти катастрофа, его величество считает священной обязанностью русского царя быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть. При таких чисто мистических настроениях вы никакими доводами не уговорите государя отказаться от задуманного им шага. Повторяю, в данном решении не играют никакой роли ни интриги, ни чьи-нибудь [Распутина!] влияния»*.

Но для министров не было секретом, что сам Горемыкин — креатура Распутина, и ни на что, кроме угодничества перед теми, кто выше и сильнее его, он не способен.

Некоторые министры на ближайших верноподданнических докладах пытались воздействовать на царя, но наталкивались на упрямое молчание. Тогда они, по словам Каткова, «сделали нечто неслыханное: подписали коллективное письмо, в котором еще раз умоляли государя не совершать этот ужасный шаг, угрожающий царю и династии»**.

Эти «отчаянные попытки министров» Катков считает непонятными, но они более чем понятны. Великий князь Николай Николаевич как кадровый военный высокого ранга разбирался в своем деле лучше, чем государь, так что принятие императором Верховного командования не сулило фронту ничего хорошего; ответственность же за возможные новые поражения ложилась теперь непосредственно на государя, то есть каждая военная неудача становилась прямым ударом по престижу власти, и без того крайне шаткой. Но больше всего министров беспокоило то, что, занимаясь фронтом, государь должен был меньше заниматься тылом, а это вело к еще большему вмешательству царицы и ее «старца».

Сформировавшийся в Думе «Прогрессивный блок» согласился поддержать правительство, но поставил условие: оно должно состоять из лиц, «пользующихся доверием общества». Речь шла не о подотчетности правительства Думе, а

* Цит. по: Катков Г.М. Ук. соч. С. 153; автор приводит высказывание Горемыкина по: «Архив русской революции». Т. XVIII. С. 54.

** Катков Г.М. Ук. соч. С. 154.

только о том, чтобы к власти были призваны люди, известные стране и чем-то себя зарекомендовавшие.

Министры, готовые сотрудничать с Думой, стали намекать на необходимость сменить премьера. «Правительство, опирающееся на доверие населения, ведь это нормальный государственный порядок», — говорил Поливанов*. Горемыкин предлагал вместо перемен в Совете министров распустить Думу. Историк Катков обращает внимание на одно место в воспоминаниях В.И.Гурко, «хорошо знавшего закулисную сторону», где он говорит, что «союз Кривошеин—Поливанов был для России последней возможностью избежать того раскола между тронem и общественностью, который... и привел к крушению монархии»**. Правда, сам Катков считает такую «оптимистическую точку зрения» сомнительной***. Но это область чистых спекуляций: этот путь испытан не был. Хотя государь дал согласие на образование «министерства доверия», но его решение тотчас было перерешено. Как пишет Гурко, Распутину Россия «обязана и тем, что осенью 1915 года государь изменил принятое им решение и, вместо призыва к власти лиц, пользовавшихся доверием общественности, уволил от должностей всех министров, для общественности приемлемых»****. О каком «министерстве доверия» можно было говорить, если во главе пирамиды власти стоял уже не вечно колеблющийся государь, и не его «железная леди», и даже не «наш Друг» Распутин, а... распутинский гребешок!

Да, когда Совет министров в полном составе явился по вызову государя в Ставку, чтобы изложить перед ним свои разногласия, государыня срочно настрочила ему письменную инструкцию. Он должен перед встречей с министрами причесаться гребешком, подаренным «нашим Другом», отчего сойдет на него Божеская мудрость, твердость и благодать. Это он и сделал, чтобы потом доложить супруге: гребешок действительно выручил — встреча прошла благополучно;

* Цит. по: Катков Г.М. Ук. соч. С. 161.

** Там же. С. 162.

*** Там же. С. 163.

**** Гурко В.И. Царь и царица. Цит. по: Николай II. Письма. Дневники. СПб.: «Пушкинский фонд». С. 405.

он всех примирил и дал указание, чтобы дальше работали дружно и не «бунтовали». Это не помешало следом одного за другим отправить в отставку министров, которые «пользовались доверием».

Зачем министры, зачем генералы, когда есть старец, который «имел ночное видение» о том, что нужно «начать наступление возле Риги, говорит, что это необходимо, а то германцы там твердо засядут на всю зиму, что будет стоить много крови». О.Платонов, цитирующий письмо царицы, находит, что «многие военные советы Распутина... были, как правило, очень удачны. Ну, а по части гражданского управления его советы были просто бесценны! Как в условиях войны, разрухи, бесконтрольного печатания бумажных денег (побокую золотое обеспечение рубля, введенное Витте и поддерживавшееся изо всех сил его антагонистом Коковцовым!), — как в этих условиях сдерживать инфляцию? Оказывается, нет ничего более простого! «Наш друг думает, — наставляет царица царя, — что один из министров должен был бы призвать к себе нескольких главных купцов и объяснить им, что преступно в такое тяжелое время повышать цены, и устыдить их»*. Вот и решение вопроса, над которым лучшие финансовые умы мира бьются по сей день. Устыди «главных купцов», и все станет на место!

Потешайся после этого над кремлевским мечтателем, который провидел будущее, когда кухарка станет управлять государством. Такое светлое будущее уже было реализовано в прошлом! Государством управлял замечательный кухар! В.И.Гурко, осведомленный о том лучше Ленина, писал: «Царствование Николая II превращалось таким путем в принципе в то самое, что утверждал еще в 1765 году фельдмаршал Миних: «Русское государство имеет то преимущество перед всеми остальными, — говорил Миних, — что оно управляется самим Богом. Иначе невозможно объяснить, как оно существует». Возвести это положение в догму суждено было Николаю II. Не на основании какой-либо

---

* Цит по.: О.Платонов. Ук. соч. Интернет-версия. С. 29. Любопытно, что эти откровения О.Платонов приводит как примеры *благодарного* влияния Распутина на государственные дела!

системы или вперед намеченного плана и не в путях преследования твердо определенных целей стремился он править великой империей, а как Бог ему в каждом отдельном случае "на душу положит"»*. Нужно добавить, что речь идет о том Боге, который являлся старцу Распутину в его видениях.

Судьбе, однако, угодно было дать российскому самодержавию еще один, теперь уже действительно последний шанс. С осени 1915 года фронт стабилизировался. Это не имело отношения к принятию царем верховного командования, но было прямо связано с удалением Янушкевича. (Вместе с великим князем он был отправлен на второстепенный Кавказский фронт.) Начальником штаба стал генерал М.В.Алексеев. Вот *это* назначение меняло дело: фактическое руководство войсками перешло в руки профессионала высокого класса.

Не менее важным было то, что, не пойдя на создание министерства доверия, царь вынужден был пойти на сотрудничество с общественностью. Было разрешено то, что раньше считалось крамолой. В работу по обеспечению фронта включились земство, промышленные союзы, общественные организации. Заработали военно-промышленные комитеты. К фронту двинулись эшелоны с винтовками, патронами, снарядами, продовольствием, обмундированием. Материальные ресурсы страны еще не были исчерпаны. Наступление врага было остановлено, а в летнюю кампанию 1916 года русским удалось перейти в контрнаступление на Юго-Западном фронте (Брусиловский прорыв).

Но административная часть руководства оказалась в руках распутинской клики, то есть нравственно неполноценных, разложившихся казнокрадов, рвавшихся к постам, званиям и жирному государственному пирогу. С невероятной быстротой происходили смены министров. Предлагая «папе» кандидатов на высокие должности, «мама» признавала только один критерий: «любит нашего Друга». Ну, а кто его любит, и кто не любит, подсказывал сам Распутин. Хитрый мужик не всегда действовал прямо. Через Вырубову и других своих ставленников он внушал царице нужную мысль, а потом одобрял «ее» решение.

* Гурко В.И. Ук. соч. С. 367.

«Относительно преувеличения влияния Распутина ныне, после опубликования писем императрицы к государю, говорить не приходится, но нельзя согласиться и с тем, что главный вред произошел от разоблачения той роли, которую играл при дворе этот зловещий, роковой человек, — писал В.И.Гурко. — Нет, вред им приносимый, был непосредственный. Ведь ему Россия обязана тем, что правящий синклит в последний, распутинский, период царствования становился все непригляднее и вызывал к себе, благодаря своей близости к этому человеку, и отвращение, и возмущение»*.

Понятно, что чем больше в человеке было лакейского пресмыкательства, готовности на любую низость и подлость, тем легче ему было втереться в доверие к государыне, государю и святому старцу. Иные качества не играли никакой роли. Так экзарх Грузии Питирим (П.В.Окнов) был поставлен митрополитом Петроградским и Ладужским, хотя перед назначением открылось, что он — «человек сомнительной нравственности», то есть гомосексуалист, состоявший в греховной связи со своим секретарем Осипенко. Ничего более постыдного, чем священнослужитель, впавший в содомский грех, в те времена невозможно было вообразить, а тем более — для людей религиозных, чтящих Священное Писание. Но Распутину был удобен Питирим. Тот взял в столицу и своего секретаря Осипенко, который стал связующим звеном между ним и «старцем» (сам митрополит тщательно скрывал, что знается с Распутиным).

Концентрированным воплощением распутинщины стал тандем Хвостов — Белецкий. Старец провел их на посты министра и товарища министра внутренних дел. А.Н.Хвостов издавна стремился к «высшей власти», но путь к ней был тернист. В 1911 году, когда он был нижегородским губернатором, Распутин приезжал его «смотреть», а после убийства Столыпина, царь хотел поставить его министром внутренних дел. Этому воспротивился Коковцов — он в тот момент был нужнее. Но Хвостов заключил, что его дело не выгорело из-за того, что он не очень почтительно принимал Распутина. Он решил исправиться.

---

* Гурко В.И. Ук. соч. С. 405.

Чтобы быть поближе к старцу и вообще к верхам, Хвостов в 1912 году выставил свою кандидатуру в Четвертую Думу и, злоупотребляя положением губернатора, добился избрания. В Думе он занял место на самом правом депутатском фланге и был так активен, что стал лидером фракции правых. Во дворец он являлся с бантом Союза русского народа в петлице, это нравилось. Но, главное, он сумел заключить с Распутиным своего рода договор о взаимопомощи и взаимных услугах. Для еще большего укрепления своего положения он — с помощью того же Распутина — привел в свои заместители С.П.Белецкого.

Белецкий — такой же черносотенец — сыграл особенно грязную роль за кулисами процесса Бейлиса. Он также служил связующим звеном между властью и главарями черной сотни, именно через него шли секретные выплаты Маркову Второму и другим деятелям того же пошиба. Несмотря на это, Белецкий застрял на посту начальника Департамента полиции, а потом и вовсе был сослан в Сенат. Его ахиллесовой пятой была совестливая жена, которая не жаловала Распутина, заставляя и мужа держаться от него в стороне. Но карьерные соображения перевесили, и Белецкий, по секрету от жены, стал обхаживать «старца», что очень скоро принесло вожделенные плоды.

О том, что представлял собой этот тандем, лучше всего рассказать словами О.Платонова, хотя его текст мне придется сопроводить некоторыми ремарками.

«Хвостов и Белецкий — два классических афериста и проходимца, рожденных разложением высших слоев государственного аппарата, — пишет автор «Жизни за царя». — Такие люди, как они, были не единичны в то время. В жизни их интересовала только карьера, а где и с кем ее делать, их не волновало. Держа нос по ветру, они могли представлять себя ярыми сторонниками и патриотами России и вместе с тем находиться в постоянном контакте с самыми темными антирусскими силами: масонами, кадетами, большевиками».

Соглашаясь в основном с этой характеристикой, я должен поправить О.Платонова относительно «антирусских» сил. Главной такой силой в то время была Германия. Кадеты стояли на патриотических позициях «войны до побед-

ного конца». Кстати сказать, погиб на фронте сын Милюкова, добровольцем пошедший на передовую по настоянию отца, тогда как призванный в армию сын Распутина отсиживался в тылу. В масоны, как мы уже отмечали, О.Платонов записывает всех, кого хочет, а с большевиками Хвостов и Белецкий контактов не имели. (После Октября «контакт» состоял в том, что оба оказались в большевистском застенке и были расстреляны.)

«Хвостов был способен на любую подлость и низость, — продолжает автор Жития Распутина. — Он мог лебезить и пресмыкаться перед людьми, от которых зависела его карьера, и вместе с тем вести против них самые гнусные интриги. Когда был обед по случаю назначения Хвостова министром внутренних дел (которым он был обязан Распутину), то Хвостов отказывался есть, пока Распутин его не благословит. Тогда тот его благословил, а Хвостов поцеловал ему руку».

«Назначая Хвостова и Белецкого руководить министерством внутренних дел, царь и царица рассчитывали, что они положат конец кампании лжи и клеветы против Распутина (они их в этом заверяли). Об этом государыня говорит в своем письме от 20 сентября 1915 года».

Так вот в чем царь и царица видели основную задачу Министерства внутренних дел — в ограждении старца от нападков! Кто же за кого отдал жизнь, старец за царя, или царь и царица поплатились собственной жизнью и жизнью своих детей — если не *за* него, то *из-за* него!

«Но на деле они [Хвостов и Белецкий] оказались низкими интриганам, обдeldывавшими свои делишки, в душе ненавидевшими и презиравшими и царя, и царицу и, конечно, ближайших друзей — Распутина и Вырубову. Хвостов и Белецкий, выдавая себя за настоящих верноподданных, на самом деле вели низкую интригу по дискредитации Распутина и даже подготавливали его убийство».

Эти подробности частично почерпнуты из показаний Манасевича-Мануйлова, который, однако, гораздо живее передает свой разговор с Распутиным: «"Ты знаешь, меня на днях убьют!" Я говорю: "Кто же?" — "Да все, все готово для того, чтобы меня убить..." Я говорю: "Если ты знаешь, то наверное, примешь меры..." — "Так! — говорит, —

вот рука!.. Вот видишь? — моя рука. Вот эту руку целовал министр, и он хочет меня убить". Так как он был выпивши, то я думал, что просто — странная история...» Однако совершенно трезвый А.Симанович тоже сообщил о готовящемся убийстве, и Манасевич решил доложить об этом своему шефу В.К.Штюрмеру, возведенному стараниями Распутина в премьеры, взамен окончательно вышедшего в тираж Горемыкина. «Штюрмер отнесся к этому крайне недоверчиво, — продолжает Манасевич, — говорил, что это фантазия и, вероятно, — как он сказал — какие-нибудь жидовские происки и шантаж против Хвостова, который ненавидит жидов»*.

Но вернемся к тексту О.Платонова:

«Удивительным набором лжи и клеветы являются показания Хвостова и Белецкого перед следственной комиссией Временного правительства. Наглая фальсификация здесь переплетается с лукавой клеветой. Это показания лиц, старающихся переложить ответственность за свои преступления и злоупотребления на мертвого Распутина. Записки Белецкого, точнее показания, которые Белецкий давал комиссии Временного правительства (неизвестно кем отредактированные и изданные книжкой), представляют собой очень сомнительный материал. Они написаны человеком, знавшим, каких показаний от него добиваются в отношении Распутина. Кроме того, это показания человека, стремящегося замести следы своих должностных преступлений, и прежде всего участие в расхищении казны, присвоении средств, которые выдавались на разные секретные цели»**.

Не жалея черной краски при обрисовке двух наиболее одиозных креатур Распутина, О.Платонов, видимо, не сознает, что рикошетит в самого старца. Негодование автора кипит, пенится, переливается через край, выжигая неудобные ему свидетельства тандема, ибо Распутин выглядит в них таким же мерзким, как сами подследственные. Считать их показания абсолютно правдивыми было бы вер-

* Допрос Манасевича-Мануйлова в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства цит. по: Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т. 4. М.: Терра. С. 308—309.

** Платонов О. Ук. соч. Компьютерная распечатка. С. 109—110.

хом наивности, но никакого стремления «переложить ответственность за свои преступления и злоупотребления на мертвого Распутина» в них нет: это просто невозможно. Распутин официальной должности не занимал и должностных преступлений совершать не мог. А то, что они — Хвостов и Белецкий — совершали *свои* преступления при его помощи, их вину только усугубляет.

Хвостов метил попасть в премьеры, а министром сделать Белецкого. Когда этот план не прошел, так как Распутин и царица предпочли Штюрмера, тандем решил отделаться от старца. Технически это было просто: именно их филеры вели наблюдение за Распутиным и охраняли его. Но в этом состояла и трудность, ибо, в случае убийства старца, их обвинили бы, как минимум, в попустительстве и халатности. Белецкий понял, что играет с огнем. Покушения роковым образом не удавались. А затем Белецкий донес на своего шефа. Старец и царица вышвырнули обоих.

Но те, кто пришел на смену, оказались не лучше. Может быть, они не были столь коварны по отношению к старцу, но их некомпетентность, алчность и бездарность были такими же.

Становилось ясно, что распутинщина — это не отдельные личности, в которых ясновидящий старец мог ошибиться, а система. Страна шла к катастрофе, это понимали все, кто только способен был что-либо понимать. Все — кроме царя и «облепившей» его распутинской клики во главе с царицей. Кто только и как только ни пытался пересилить эту страшную силу!

В Ставку приезжает великий князь Николай Михайлович, рисует перед Николаем картину приближающегося краха, умоляет поговорить о том же с самыми доверенными людьми, оставляет памятную записку... Но — возмущенная реакция Александры Федоровны, и все остается без перемен.

Император проводит два дня в Киеве с императрицей-матерью. Она рыдает кровавыми слезами, прося что-то сделать для спасения страны и династии. И снова Александра Федоровна реагирует с возмущением.

Государя осаждают со всех сторон такими же предостережениями, но тщетно. Даже протопресвитер Шавельский,

столь ценивший личное спокойствие, решился поговорить с государем начистоту. Воспоминания его хорошо передают атмосферу тех судьбоносных недель.

«Решаясь на беседу с государем, я сознавал, что делаю насколько ответственный, настолько же лично для себя опасный шаг. Но сознание необыкновенной остроты данного момента и массы соединенных с ним переживаний сделали меня совершенно бесчувственным и безразличным в отношении собственного благополучия.

— Ваше величество! — начал я. — Я четыре дня пробыл в Петрограде и за это время виделся со многими общественными и государственными деятелями. Одни, узнав о моем приезде, сами ко мне поспешили, к другим я заезжал. Все это — честные, любящие вас и Родину люди.

— Верю! Иные к вам не поехали бы, — заметил государь.

— Так вот, все эти люди, и — продолжал я, — обвиняют нас, приближенных ваших, называя нас подлыми и лживыми рабами, скрывающими от вас истину.

— Какие глупости! — воскликнул государь.

— Нет, это верно! — возразил я. — Не стану говорить о других, скажу о себе. В докладах о поездках по фронту и вообще в беседах с вами приятное я всегда вам докладывал, а о неприятном и печальном часто умалчивал. Дальше я не хочу навлекать на себя справедливое обвинение, и, как бы вы ни отнеслись к моему докладу, я изложу вам голую правду. Знаете ли вы, ваше величество, что происходит в стране, в армии, в Думе? ... Там в отношении правительства нет теперь ни левых, ни правых партий, — все правые и левые объединились в одну партию, недовольную правительством, враждебную ему.... Вы знаете, что в Думе открыто назвали председателя совета министров [Штюрмера] вором, изменником и выгнали его вон.... Гроза надвигается... Если начнутся народные волнения — кто поможет вам подавить их? Армия? На армию не надейтесь! Я знаю ее настроение — она может не поддержать вас. Я не хотел этого говорить, но теперь скажу: в гвардии идут серьезные разговоры о государственном перевороте, даже о смене династии... Пора, ваше величество, теперь страшная. Если разразится революционная буря, она может

все смести: и династию, и, может быть, даже Россию. Если вы не жалуете России, пожалейте себя и свою семью. На вас и на вашу семью ведь прежде всего обрушится народный гнев. Страшно сказать: вас с семьей могут разорвать на клочки...

— Неужели вы думаете, что Россия для меня не дорога? — нервно спросил государь.

— Я не смею этого думать, — ответил я, — я знаю вашу любовь к Родине, но осмеливаюсь сказать вам, что вы не оцениваете должным образом страшной обстановки, складывающейся около вас, которая может погубить и вас, и Родину. Пока от вас требуется немного: приставьте к делу людей честных, серьезных, государственных, знающих нужды народные и готовых самоотверженно пойти на удовлетворение их!»*

Испугавшись собственной смелости, отец Георгий стал просить прощения за то, что осмелился беспокоить столь неприятным разговором, и заверял, что руководствовался самыми лучшими побуждениями. Государь благодарил и просил всегда так поступать. А вскоре Шавельскому передали, что императрица, узнав о разговоре, возмутилась: «И ты его слушал!»; на что Николай отреагировал как заведенная кукла: «Еще рясу носит, а говорит мне такие дерзости»**.

Если раввин Мазе «не убедил» отца Георгия вступить за гонимых, то мог ли отец Георгий «убедить» государя спасти самого себя!

Шавельский был не первым и не последним. Приехал в Ставку по делам своего второстепенного фронта великий князь Николай Николаевич. Государь встретил его с прохладцей, но вполне корректно. Николаша не выдержал, заговорил о главном, а затем передал разговор Шавельскому:

«"Положение катастрофическое, — говорю я ему. — Мы все хотим помочь вам, но мы бессильны, если вы сами не поможете себе. Если вы не жалуете себя, пожалейте вот этого, что лежит тут", и я указал ему на соседнюю комнату, где лежал больной наследник. "Я только и живу для него," — сказал государь. — "Так пожалейте же его! Пока

* О. Георгий Шавельский. Ук. соч. Цит. по: Николай Второй. Воспоминания. Дневники. С. 145—147.

** Там же. С. 148.

от вас требуется одно: чтобы вы были хозяином своего слова и чтобы вы сами правили Россией". Государь заплакал, обнял и поцеловал меня. "Ничего не выйдет! — помолчав немного, с печалью сказал великий князь и безнадежно махнул рукой. — Все в ней, она всему причиной..."*.

И еще раньше он твердил Шавельскому: «Дело не в Штюрмере, не в Протопопове и даже не в Распутине, а в ней, только в ней»**.

Чтобы устранить *ее*, надо было устранить *его*, а решиться на это было очень непросто. Политическая и государственная элита пребывала в состоянии психологической сшибки. Измена государю, присяге, да еще в условиях войны, была для всякого верноподданного равносильна измене своему долгу, Родине, всему святому, чтобы было в человеческой душе. С другой же стороны, государь сам изменял Родине, долгу и самому себе! В этом состоянии сшибки родилась паллиативная идея — избавить страну не от никчемного государя, а от его никчемности, от его злого гения-искусителя Гришки Распутина.

О том, кто и как привел в исполнение этот замысел, я говорить не буду, — об этом слишком хорошо известно. Скажу только, что как бы ни было отвратительно это злодеяние, все-таки оно совершилось из патриотических (без кавычек!) побуждений.

Но связанные с ликвидацией Гришки иллюзии быстро развеялись. Распутинщина оказалась шире, глубже, масштабнее Распутина, и она его пережила. Место ясновидца при дворе пытался занять полоумный Протопопов, совмещая роли старца и его ставленника; когда его полоумия недоставало, государыня и ее верная подруга Аннушка черпали недостающее на могиле Распутина, где подолгу каждый день молились. Говоря словами В.И.Гурко, «для всех и каждого было совершенно очевидно, что продолжение избранного государыней и навязанного ею государю способа управления неизбежно вело к революции и к крушению существующего строя»***.

Больше не оставалось сомнений: спасти страну и армию может только устранение *самого!*

---

* О. Георгий Шавельский. Ук. соч. Цит. по: Николай Второй. Воспоминания. Дневники. С. 149.

** Там же. С. 148.

*** Гурко В.И. Ук. соч. С. 405.

Коронованный революционер. Февраль 1917

В сумбурных, непоследовательных, многословных, слишком эмоциональных и субъективных воспоминаниях М.В.Родзянко запечатлен трагичный, бьющий по сердцу эпизод:

«После одного из докладов, помню, государь имел особенно утомленный вид.

— Я утомил вас, ваше величество?

— Да, я не выспался сегодня — ходил на глухарей... Хорошо в лесу было.

Государь подошел к окну (была ранняя весна). Он стоял молча и глядел в окно. Я тоже стоял в почтительном отдалении. Потом государь повернулся ко мне:

— Почему это так, Михаил Владимирович. Был я в лесу сегодня... Тихо там и все забываешь, все эти дразги, суету людскую... Так хорошо было на душе... Там ближе к природе, ближе к Богу...»*

Николай едва выносил Родзянко: считал его бестактным, назойливым, принимал его редко и только при крайней необходимости, с трудом выслушивал его многословные, напыщенные и всегда неприятные предостережения — тем более неприятные, что по сути-то они были верными! И, при всей своей замкнутости, вдруг обнажил перед совершенно чуждым ему человеком нечто самое сокровенное. Родзянко замечает: «Кто так чувствует, не может быть лживым и черствым». К этому нельзя не добавить, что тот, кто так *говорит*, должен быть бесконечно одиноким, растерянным и несчастным.

22 февраля 1917 года государь император, по срочному вызову начальника генерального штаба М.В.Алексеева, отправился из Царского Села в Ставку (располагавшуюся в Могилеве), не подозревая о том, что государем уже не вернется.

---

* Родзянко М.В. Крушение империи. 1986. С. 216.

Алексеев сам только что вернулся в Могилев — после трехмесячного лечения в Крыму. Зачем так срочно понадобился ему царь, если в Ставке все дела решались без него, а его присутствие в основном всех тяготило? Задавшись таким вопросом, исследователь февральских событий Г.М.Катков нашел вполне определенные свидетельства: «государь выехал по телеграфной просьбе генерала Алексеева, *не зная, в чем именно заключается спешное дело, требующее его присутствия*» (курсив мой. — С.Р.)*. Более того, оказалось, что никакие срочные дела его и не ожидали. Катков вполне логично ставит этот странный вызов в связь с показаниями Гучкова в Следственной комиссии Временного правительства о намерении «захватить императорский поезд по дороге между Петроградом и Могилевым»**. Императора заманивали в ловушку!

Но был ли Алексеев в прямом сговоре с Гучковым? Не утверждая этого наверняка, Катков приводит данные о том, что начальник генерального штаба и председатель военно-промышленного комитета имели не только официальные контакты, но вели секретную от государя переписку.

О наличии заговора еще более ясно говорят контакты Председателя земского союза князя Г.Львова (затем первого премьер-министра Временного правительства), через городского голову Тифлиса А.И.Хатисова, с великим князем Николаем Николаевичем. Вернувшись на новый год из Москвы, Хатисов, от имени князя Львова, предложил великому князю... императорскую корону! Он рассказал, что Николая II намечено свергнуть с престола, царицу отправить в монастырь или выслать за границу, а императором провозгласить его, великого князя Николашу, при условии, что он установит конституционную форму правления. Выслушав это, по-видимому, не очень его удивившее предложение, великий князь попросил время подумать, а на следующий день, в присутствии генерала Янушкевича, ответил отказом. Он объяснил, что не уверен, поймет ли такой переворот «мужик» и поддержит ли армия. Николаша сознавал, что никаких прав на престол у него

---

* Катков Г.М. Ук. соч. С. 245.

** Там же.

нет, а он, похоже, чуть ли ни единственный, серьезно относился к юридической стороне переворота. Об его отказе Хатисов уведомил князя Львова условной телеграммой: «Госпиталь открывать нельзя»*.

По долгу воинской присяги и просто верноподданного великий князь обязан был немедленно донести государю о сделанном ему предложении. Он этого не сделал, и, видимо, заговорщики имели основания этого не опасаться. Не донес и генерал Янушкевич, от которого великий князь, очевидно, не имел секретов.

Необходимость устранения Николая для спасения страны от революции и от военного поражения к началу 1917 года стала убеждением почти всей правящей элиты. Насколько это убеждение было справедливо, отдельный вопрос, но оснований для него было достаточно.

Вот как описывал обстановку в стране председатель Государственной думы Родзянко.

«Совершенно ясно, что вся внутренняя политика, которой неуклонно держалось императорское правительство с начала войны, неизбежно и методично вела к революции, к смуте в умах граждан, к полной государственно-хозяйственной разрухе.

Довольно припомнить министерскую чехарду. С осени 1915 года по осень 1916 года было пять [на самом деле шесть] министров внутренних дел: князя Щербатова сменил А.Н.Хвостов, его сменил Макаров, Макарова [А.А.] Хвостов старший [дядя А.Н.Хвостова] и последнего Протопопов. На долю каждого из этих министров пришлось [в среднем] около двух с половиной месяцев управления [на самом деле, меньше; Родзянко забыл, что три месяца пост министра внутренних дел занимал Штюмер, совмещая его с постом премьера]. Можно ли говорить при таком положении о серьезной внутренней политике. За это же время было три военных министра: Поливанов, Шуваев и Беляев. Министров земледелия сменилось четыре: Кривошеин, Наумов, граф Бобринский и Риттих. Правильная работа главных отраслей государственного хозяйства, связанного с войной, неуклонно потрясалась постоянными

* Катков Г.М. Ук. соч. С. 221—222.

переменами. Очевидно, никакого толка произойти от этого не могло; получался сумбур, противоречивые распоряжения, общая растерянность, не было твердой воли, упорства, решимости и одной определенной линии к победе.

Народ это наблюдал, видел и переживал, народная совесть смущалась, и в мыслях простых людей зарождалось такое логическое построение: идет война, нашего брата, солдата, не жалеют, убивают нас тысячами, а кругом во всем беспорядок, благодаря неумению и нерадению министров и генералов, которые над нами распоряжаются и которых ставит царь»*.

Конечно, это свидетельство пристрастное: Родзянко — один из активных участников переворота, завершившегося катастрофой; задним числом он оправдывал свои действия. Но вот взгляд с другой стороны. На допросе в Следственной комиссии Временного правительства последний царский министр внутренних дел Протопопов показал:

«Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность страны — на громадную убыль... пути сообщения — в полном расстройстве... Двоевластие (Ставка и министерство) на железных дорогах привело к ужасающим беспорядкам... Наборы обезлюдели деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность, ощутился громадный недостаток рабочей силы, пополнялось это пленными и наемным трудом персов и китайцев.... Общий урожай в России превышал потребность войска и населения; между тем система запрета вывозов — сложная, многоэтажная, — реквизиции, коими злоупотребляли [Вот откуда берет начало практика продрозверсток времен военного коммунизма!], и расстройство вывоза создали местами голод, дороговизну товаров и общее недовольство... Многим казалось, что только деревня богата; но товара в деревню не шло, и деревня своего хлеба не выпускала. Но и деревня без мужей, братьев, сыновей и даже подростков тоже была несчастна. Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций. Единственного пути к установлению цен — конкуренции — не существовало... Таксы развили продажу «из-под полы», получилось «мародерство»,

* Родзянко М.В. Падение империи. С. 204.

не как коренная болезнь, а как проявление недостатка производства и товарообмена... Армия устала, недостатки всего принизили ее дух, а это не ведет к победе. ... Упорядочить дело было некому. Всюду было будто бы начальство, которое распоряжалось, и этого начальства было много. Но направляющей воли, плана, системы не было и не могло быть при общей розни среди исполнительной власти и при отсутствии законодательной работы и действительного контроля над работой министров. Верховная власть... была в плену дурных влияний и дурных сил. Движения она не давала. Совет министров имел обветшавших председателей, которые не могли дать направления работам Совета... Работу захватили общественные организации, они стали «за власть» [вместо власти], но полного труда, облеченного законом в форму, они дать не могли»*.

В книге «Двести лет вместе» Солженицын всех этих проблем не касается. Заключительные страницы первого тома он посвящает думским дебатам по еврейскому законодательству, хотя ничего нового по сравнению с предшествовавшим периодом в них не было. Крайне правые депутаты, в основном Марков Второй, использовали трибуну Государственной Думы для обычной антисемитской пропаганды. Марков возлагал на евреев вину за все трудности, переживаемый страной, вплоть до... скупки разменной монеты. Кадеты протестовали против такой травли и настаивали на скорейшем предоставлении евреям равноправия. Но хотя кадеты входили теперь в Прогрессивный блок, то есть в коалицию большинства, закона о равноправии евреев они так и не провели, ибо их партнеры по блоку, да и они сами, не считали этот вопрос приоритетным. Солженицын пространно цитирует обе стороны этих дебатов, почти никак их не комментируя. Он приводит путаные объяснения начальника Департамента полиции по поводу разосланных им на места секретных циркуляров, в которых, с одной стороны, на евреев возводятся чудовищные обвинения, а, с другой, предписывается не допускать погромов и других эксцессов. К этому тоже не дается никаких комментариев — кроме того, что правительство якобы планировало к Пасхе

* Цит. по: Милюков П.Н. Т. 2. С. 222.

1917 года предоставить-таки равноправие евреям, да вот не успело из-за февральского переворота. Если вспомнить, что именно к Пасхе особенно часто приурочивались еврейские погромы и обвинения в ритуальных убийствах, то эти планы звучат зловеще.

В числе вопросов, дебатировавшихся в Думе, Солженицын останавливается на «переполненности» евреями университетов. Совет министров в 1915 году разрешил принимать сверх процентной нормы детей евреев, состоявших в действующей армии, а Министерство просвещения распространило эту поблажку и на тыловиков, работавших на войну: служащих земских и городских учреждений, госпиталей, учреждений по эвакуации и т.п. Марков с думской трибуны забил тревогу: «"Университеты пусты, [оттого что] русские студенты взяты на войну, а туда [в университеты] шлют массу евреев". "Спасаясь от воинской повинности", евреи "в огромном количестве наполнил[и] сейчас Петроградский университет и выйд[ут] через посредство его в ряды русской интеллигенции... Это явление... бедственно для русского народа, даже пагубно", ибо всякий народ — "во власти своей интеллигенции". Русские "должны охранять свой верхний класс, свою интеллигенцию, свое чиновничество, свое правительство; оно должно быть русским"», — цитирует Солженицын (стр. 506).

Автор не то чтобы солидарен с суждениями черносотенца, но рациональное зерно в них находит: нехорошо получается, если русские из университетов уходят воевать, а евреи на их место — учиться. «Да вот и мой отец — покинул Московский университет не доучась, добровольно пошел воевать. Тогда казалось — жребий влечет единственно так: нечестно не идти на фронт. Кто из тех молодых русских добровольцев, да и кто из оставшихся у кафедр профессоров? — понимал, что не все будущее страны решается на передовых позициях войны» (стр. 506).

Этот мотив нам до боли знаком по *Второй* мировой войне. Кто из представителей старшего поколения не помнит ядовитых шепотков об «Иване в окопе, Абраме в рабкоопе», муссировавшихся на всех государственно-партийно-обывательских уровнях. Но о *Второй* мировой у нас речь впереди. Что же касается *Первой*, то Александру Исае-

вичу, столь много о ней написавшему, должно быть известно, что, перед лицом поражений на фронте и распутищины в тылу, русская молодежь, рвавшаяся, как его отец, «решать будущее страны на передовых позициях», составляла редкое исключение, а не правило. Весьма осведомленный Родзянко, при всей его приверженности к пышной патриотической фразе, свидетельствовал:

«Справедливость требует указать, что симптомы разложения армии были заметны и чувствовались уже на второй год войны. Так, например, в период 1915 и 1916 гг. в плену у неприятеля было уже около 2 миллионов солдат, а дезертиров с фронта насчитывалось к тому же времени около полутора миллионов человек. Значит, отсутствовало около 4 миллионов боеспособных людей, и цифры эти красноречиво указывают на известную степень деморализации армии.

По подсчету, сделанному одним из членов Государственной Думы, получилось такого рода соотношение: число убитых из состава солдат выразится 15%, но по отношению к офицерству этот процент выразится цифрой 30%, а раненых еще больше.

Процентное отношение пленных ко всему солдатскому составу выражается цифрой около 20%, между тем как по отношению к офицерам этот процентное обозначение выражается 3%. Дезертиров офицеров не было вовсе...

Пополнения, посылаемые из запасных батальонов*, приходили на фронт с утечкой 25% в среднем, и, к сожалению, было много случаев, когда эшелоны, следующие в поездах, останавливались ввиду полного отсутствия состава эшелона, за исключением начальника его, прапорщиков и других офицеров**.

---

* Порядок пополнения армии был таков. Новобранцев призывали в так называемые запасные батальоны, располагавшиеся в тыловых гарнизонах, где, по идее, солдаты должны были проходить интенсивную боевую и «патриотическую» подготовку, а затем отправляться на фронт. Плохая организация набора, часто в избыточном количестве, приводила к тому, что запасные батальоны непомерно разбухали — до 12—19 тысяч человек в каждом — и становились неуправляемыми. Переполненные казармы, плохое питание, недостаток обмундирования и даже стрелкового оружия, низкая дисциплина превращали запасные батальоны в рассадники смуты и разложения.

** Родзянко М.В. Ук. соч. С. 276—277.

(Эти данные были хорошо известны и протопресвитеру Шавельскому, когда он «убеждал» раввина Мазе, что все зло военных неудач — от трусости и дезертирства евреев!)

Родзянко продолжает: «Кроме этого, я должен с большим огорчением констатировать, что далеко не всегда распоряжения высшего командного состава были на высоте своего положения. Так, например, было с блестяще подготовленной, блестяще начатой и имевшей вначале успех операцией прорыва на Стоходе. Когда, под командованием генерала Брусилова, совершен был глубокий прорыв, и наши войска в начале имели крупный успех, этой операцией не было достигнуто поставленных целей и, главным образом, потому, что распоряжения командного состава не всегда обеспечивали успешные действия доблестных наших частей.

Я был на месте этих боев и знаю, что в силу недостаточной артиллерийской подготовки и не выполненных своевременно других условий — я говорю это со слов специалистов и участников боев, — например, гвардейский корпус, пополненный блестяще за время своего отдыха в тылу, потерял до 60% своего состава вследствие неумелого командования, полного отсутствия воздушной разведки (на весь гвардейский корпус было, кажется, только четыре аэроплана) и других причин... Кампания могла и должна была быть окончена тогда же полной победой, именно тогда, в этот период начавшегося наилучшего снабжения армии людскими пополнениями и предметами боевого снабжения: почетный и славный мир мог быть куплен ценой этих жертв и этого последнего напряжения народной энергии, а между тем этого-то достигнуто не было»*.

23 февраля, на следующий день после отъезда государя в Ставку по вызову генерала Алексеева (словно этого только и ждали), в Петрограде начались волнения и забастовки, которые нарастали с каждым днем. Тысячи, затем десятки и сотни тысяч демонстрантов требовали хлеба (в связи с перебоями в снабжении столицы мукой), а затем появились и политические лозунги: «Долой самодержавие!», «Земли и воли!»

---

* Родзянко М.В. Ук. соч. С. 277—278.

Первые два дня в Ставке Николай не имел представления о грозном нарастании событий, так как получал успокоительные послания и от Протопопова, и от начальника Петроградского военного округа генерала Хабалова, и от плохо осведомленной царицы. 26 февраля, когда до него, наконец, дошло, что события приняли угрожающий оборот, он дал Хабалову телеграмму: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией». Приказ этот выполнен не был, и сколько-нибудь серьезных попыток его выполнить тоже не было. Любопытная подробность: в столице стояли лютые морозы, и на ночь демонстранты расходились по домам; но власти не использовали ночные затишья, чтобы установить контроль над стратегическими пунктами города и подавить волнения.

Похоже, что беспорядки в столице были *нужны* властям. Они давали основание Алексееву «на коленях» молить государя о введении конституционной формы правления. Такое же пожелание слали по телеграфу командующий Северным фронтом Рузский и командующий Юго-Западным фронтом Брусилев. В самой Ставке Алексеева поддерживали все генералы. Не отвечая по своему обыкновению ни «да», ни «нет», государь только поощрял их усиливать давление, хотя уступать не собирался. Напротив, он вызвал генерала Н.И.Иванова, которого имел основания считать особо преданным престолу и себе лично, и приказал возглавить карательную экспедицию в столицу, сняв с фронта наиболее надежные части. «Прощаясь с императором, генерал Иванов еще раз попробовал затронуть вопрос о конституционных уступках, но получил уклончивый ответ»*.

Результатом уклончивости государя стала уклончивость «преданного» генерала. Он затянул свой отъезд из Ставки почти на сутки, а направленные в его распоряжение войска до столицы не дошли. С.П.Мельгунов, детально изучивший весь ход тех судьбоносных событий, информацию о том, что «войска, посланные на усмирение бунта, переходят на сторону революции», называет «ложной»**. Зато необходимость двинуть войска кратчайшим путем к Пет-

* Катков Г.М. Ук. соч. С. 309.

** Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 177.

рограду давала повод искусственно затягивать отправление двух императорских поездов (Николаю не терпелось вернуться в Царское Село), а затем пустить их кружным путем: через Смоленск, Вязму и Лихославль к Николаевской (московско-петроградской) железной дороге.

Поздно вечером, еще до отбытия царских поездов, в Ставку позвонил великий князь Михаил Александрович и предложил свою «помощь»: если государь соизволит отречься от престола, то пусть не беспокоится, — он, Михаил, готов стать регентом при несовершеннолетнем императоре Алексее. Кажется, до этой минуты никто еще не ставил перед Николаем вопроса об отречении! Он сухо поблагодарил брата за неуместную инициативу.

Под утро 28 февраля два царских поезда отошли от Могилева, а во второй половине дня маршрут их снова был изменен: от станции Бологое их направили на Псков, где, как было сказано, штаб Северного фронта возьмет их под свою защиту.

«Защита» обернулась неофициальным, но явным арестом. Как записал в дневнике генерал-квартирмейстер северного фронта Болдырев, «решается судьба России... Пскову и Рузскому, видимо, суждено сыграть великую историческую роль... Здесь, в Пскове, окутанному темными силами монарху придется вынужденно объявить то, что могло быть сделано вовремя...»*

Капкан захлопнулся. Катков, столь же тщательно изучивший материалы, как и Мельгунов, рисуют драматическую картину:

«Переговоры между императором и Рузским затянулись до поздней ночи с 1 на 2 марта. Они несколько раз прерывались, в частности — мрачным обедом, во время которого, как обычно, политические темы не затрагивались. Во время перерывов Рузский ждал в императорском поезде, беседуя с встревоженными придворными. Их шокировала его точка зрения, в которой они видели вольнодумство, граничащее с изменой. Рузский не смог удержаться и сказал, что предостерегал от принятого политического курса, упомянув при этом, что во влиянии Распутина видит одну из главных причин всех бед. В какой-то момент его спроси-

* Цит. по: Мельгунов С.П. Ук. соч. С. 176—177.

ли, что же, по его мнению, надо теперь делать, и он, как будто, отвечал: "Сдаться на милость победителя"»*.

Как подчеркивает Мельгунов, этот ответ командующего фронтом зафиксирован в дневниках и воспоминаниях *всех* свитских, которые оставили письменные свидетельства. Разночтения состоят только в том, что «каждый из них относит слова Рузского к разным моментам»**.

«Я много раз говорил, что необходимо идти в согласии с Гос[ударственной] Думой и давать те реформы, которые требует страна. Меня не слушали. Голос хлыста Распутина имел большее значение. Им управлялась Россия"... — с яростью и злобой говорил ген[ерал]-ад[ъютант] Рузский. После разговора с Рузским мы стояли все потрясенные и как в воду опущенные. Последняя наша надежда, что ближайший [к столице] главнокомандующий Северным фронтом поддержит своего императора, очевидно, не осуществится», записал в дневнике один из свитских генералов, историограф Д.Н.Дубенский***.

Больше всех негодовал адмирал К.Д.Нилов. «Он, задыхаясь, говорил, что этого предателя Рузского надо арестовать и убить... Только самые решительные меры по отношению к Рузскому, может быть, улучшили бы нашу участь», записал с его слов генерал Дубенский****. Однако протест Нилова ограничивался... замкнутым пространством его купе. В прошлом он был «любимцем» князя Мещерского, благодаря его протекции попал в свиту и был лакейски предан государю — в границах собственной выгоды и безопасности. Из своего купе он так и не вышел до окончания драмы.

Миллионная армия Северного фронта стояла вблизи от Петрограда. На фронте было зимнее затишье, и во всей стране — относительное спокойствие. То был не 1905 год, когда войско застряло на Дальнем Востоке, промышленность и транспорт были парализованы всеобщей забастовкой, а над необъятными просторами сельской России стелился дым от горевших помещичьих усадеб. В 1917 году положение было иным: очаг смуты был локализован. Од-

* Катков Г.М. Ук. соч. С. 322.

** Цит. по: Мельгунов С.П. Ук. соч. С. 179.

*** Там же.

**** Там же.

нако, вместо того, чтобы употребить силу для водворения порядка в столице, генерал Рузский, как он вспоминал впоследствии, продолжал «уговаривать» государя. «Надо заметить, — уточняет Катков, — что слова Рузского о том, что он «уговаривал» государя, могут ввести в заблуждение. На самом деле он просто не дал императору никакого выбора: план Алексеева—Родзянко он представил как единственную возможность»*.

Между тем Алексеев снова прислал «совет» царю даровать конституционную форму правления и прилагал текст манифеста.

«Нет сомнения, что телеграмма Алексеева была решающим моментом акции», — пишет Катков, явно торопя события. На самом деле, удалившись для подписания манифеста, Николай вернулся с текстом, в котором говорилось не совсем то, что от него ждали. Он назначал Родзянко премьером, но ключевых слов о «правительстве, ответственном перед Думой», не было. Рузский этот текст решительно забраковал.

Еще два часа продолжалось выкручивание рук. А когда нужный текст был, наконец, составлен, Рузский, словно издеваясь над бессильным самодержцем (а скорее, чтобы обезопасить себя), стал лицемерно выпрашивать, сделал ли тот выбор по собственной самодержавной воле и не пожалает ли об этом? Нетрудно представить, как в этот момент Николай его презирал! По обыкновению сдержанный, он ответил с сарказмом: да, он принял решение по собственной воле, потому что два советника, генерал Рузский и генерал Алексеев, *мало в чем между собою согласные*, в этом вопросе единодушны. «Был ли тут намек на сговор?» — спрашивает Катков**. Мне думается, что ответ вполне однозначен.

Но завершился только первый акт драмы!

Второй понадобился потому, что теперь праздновал труса Родзянко. Назначенный премьером «ответственного министерства», чего он так напористо добивался, он убоился ответственности. В его панических телеграммах говорилось теперь об арестах министров, убийстве офицеров, всеоб-

* Катков Г.М. Ук. соч. С. 323.

** Там же.

щей ненависти к царю и династии; о том, что только отречение государя от престола может успокоить страсти и спасти положение. Разгул анархии в столице он сильно преувеличивал, хотя, мне думается, ненамеренно: у страха глаза велики.

Содержание долгого и крайне нервного разговора по телеграфу между Рузским и Родзянко было передано в Ставку, оттуда телеграмма о необходимости отречения была разослана командующим фронтам, и только после получения их ответов они были доложены государю. Приведу только наиболее характерный из них — от великого князя Николаши: «Я как верноподданный считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить ваше императорское величество спасти Россию и вашего наследника, зная чувство святой любви вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте ему ваше наследие»*. Можно лишь удивляться, откуда взялось столько елейного красноречия у необструганного вояки. Такие же лицемерные послания пришли и от других командующих фронтам. Все оказались в сговоре. Его императорскому величеству коленопреклоненно указывали на дверь! «Всюду вокруг трусость, обман и измена», — понял наконец Николай.

2 марта к десяти часам вечера представители Думы Гучков и Шульгин добрались до Пскова и с места в карьер начали обработку царя. Они убеждали, что посылка войск в столицу бесполезна и может только вызвать гражданскую войну. Присоединившийся к ним Рузский повторил, что войск для направления в Петроград у него все равно нет.

Петербургские посланцы готовились к долгой осаде и были поражены, когда царь спокойным, почти отрешенным голосом сказал, что еще в три часа дня принял решение отречься от престола в пользу цесаревича Алексея при регентстве великого князя Михаила, но теперь хочет внести в это решение поправку. Так как, в случае воцарения Алексея, ему, Николаю, вряд ли позволят с ним видетьь-

---

* Катков Г.М. Ук. соч. С. 330.

ся, он решил отречься и за себя, и за сына, а престол передать Михаилу. «Вы поймете чувства отца», — скорбно произнес государь.

Его слова ошеломили всех присутствующих. Они были приятно удивлены тем, что царь так легко сдался, и поражены неожиданной комбинацией, которую он предложил. Питерские эмиссары переглянулись и запросили небольшого перерыва, чтобы посоветоваться.

«Вскоре я пошел к Гучкову и Шульгину, — расскажет позднее Рузский, — и спросил их, к какому они пришли решению. Шульгин ответил, что они решительно не знают, как поступить. На мой вопрос, как по основным законам: может ли [царь] отречься за сына, они оба не знали. Я им заметил, как это они едут по такому важному государственному вопросу и не захватили с собой ни тома Основных законов, ни даже юриста. [Но Основных законов, как видим, не оказалось ни в штабе фронта, ни в царском поезде, ни в поезде свиты — вот какое значение им придавалось!] Шульгин ответил, что они вовсе не ожидали такого решения. Потолковав немного, Гучков решил, что формула государя приемлема, что теперь безразлично, имел ли государь право [отречься за сына] или нет», а Шульгину, которого Гучков назвал "специалистом по такого рода государственно-юридическим вопросам", вопрос: "Алексей или Михаил? перед основным фактом отречения казался частностью". «С этим они вернулись к государю»*.

В этом отрывке важно каждое слово. Невозможно более наглядно показать, как коронованный революционер, долго и упорно рубивший сук, на котором сидел, в последний момент подрубил под корень все дерево российской государственности. И как помогли ему в этом «спасители» монархии — Гучков, Шульгин и Рузский. Оказывается, ни царь, ни его советники не имели понятия об основах государственной системы, которую они «спасали»!

Гучков и Шульгин предложили государю привезенный с собой проект манифеста, в который теперь надо было внести «небольшую» поправку, но Николай ответил, что проект уже подготовлен. Когда манифест был исправлен и

* Цит. по: Мельгунов С.П. Ук. соч. С. 194.

подписан, государь вручил его Гучкову, и тот зачитал вслух. «Пламенный» монархист Шульгин писал об этой сцене напыщенным слогом, усиливая его многозначительность глубокомысленными многоточиями:

«Текст был написан теми удивительными словами, которые теперь все знают. Каким жалким показался мне набросок, который мы привезли... Государь принес и его и положил его на стол... К тексту отречения нечего было прибавить... Во всем этом ужасе на мгновение пробился один светлый луч... Я вдруг почувствовал, что с этой минуты жизнь государя в безопасности... Половина шипов, вонзившихся в сердце его подданных, вырвалась этим лоскутком бумаги... Так благородны были эти прощальные слова... И так почувствовалось, что он так же, как и мы, а может быть, гораздо больше любит Россию»*.

Приведя это «свидетельство очевидца», Мельгунов ядовито замечает, что «история несколько подшутила над мемуаристом, слишком нарочито и неумеренно выставлявшим свои монархические чувствования»**. Оказалось, что благородное прощальное объяснение в любви к России вовсе не было написано Николаем! Проект был изготовлен в Ставке камергером Базили и отредактирован генерал-квартирмейстером Лукомским, а затем самим Алексеевым. Государю принадлежало лишь добавление о передаче престола не сыну Алексею, а брату Михаилу.

Итог свершившемуся подвел на следующий день великий князь Николаша. Из Тифлиса в Ставку пришла депеша: «Ожидал манифест о передаче престола наследнику цесаревичу с регентством великого князя Михаила Александровича. Что же касается сообщенного вами сегодня утром манифеста о передаче престола великому князю Михаилу Александровичу, то он неминуемо вызовет резню»***.

Прогноз оказался точным, но для него не требовалось пророческого дара. Монархия — это вид правления, при котором существует, действует, свято охраняется вековой традицией и самой властью, по крайней мере, один закон, который выше воли монарха: закон о престолонасле-

* Шульгин В.В. Дни. М.: Современник, 1989. С. 257.

** Мельгунов С.П. Ук. соч. С. 195.

*** Цит. по: Катков Г.М. Ук. соч. С. 394.

дии. Он обеспечивает легитимность и преемственность власти. Там, где этого нет, под ликом монархии прячется деспотия. Она держится не на законе, а только на силе. Когда иссякает сила самодержца, происходит переворот.

В России закон о престолонаследии был введен очень поздно, только при Павле I, но подлинным уважением он не пользовался, так что передача власти и дальше основывалась больше на силе, чем на праве*. Николай II, постоянно нарушавший собственные законы, не считался и с законом о престолонаследии. Отрекшись за сына, на что он не имел права, передав престол брату, на что он тоже не имел права, он лишил императорскую власть даже призрачной легитимности. Милюков впоследствии даже допускал, что Николай намеренно совершил незаконный акт: чтобы оставить за собой шанс отказаться от отречения, но вряд ли он был способен на такой «макиавеллизм». Как истинный деспот, он просто не признавал пределов своей власти.

Между тем воцарение несовершеннолетнего Алексея разоружило бы противников режима (кроме самых непримиримых, но не они задавали тон). А введение регентом Михаилом конституционного правления могло бы и вовсе утихомирить страсти. Но то, что мог сделать Михаил в качестве законного регента, он не мог сделать в качестве незаконного императора. А так как силы на его стороне тоже не было, то и он должен был отречься. Российская империя перестала существовать. Не Ленин в Цюрихе, а Николай II в Пскове дал толчок к цепной реакции распада, которая скоро и привела к «резне».

Какую же роль в этих событиях играли евреи? Как видно из всего изложенного, *никакой, или почти никакой*. Миф о *еврейской* революции, или — в более мягком варианте, поддерживаемом Солженицыным, — о *чрезмерно большой роли в ней евреев*, родился из той колоссальной катастрофы, к которой она привела. Я предлагаю поставить мысленный эксперимент и вообразить невозможное: допустим на минуту, что Гучковы, Львовы, Родзянки, Ми-

---

* См. Резник С. Цареубийство в русской истории. «Вестник». 1999. №№ 5—9.

люковы, Керенские оказались на высоте той задачи, которую поставила перед ними история. Допустим, что они сумели удержать в своих руках инициативу, сумели привлечь на свою сторону большинство народа, выведя страну из ненавистной войны, оперативно проведя хотя бы самые назревшие реформы и, в конечном счете, преобразовав Россию в современное правовое государство. Кому бы после этого пришлось в голову говорить о еврейском или полужеврейском характере российского революционного движения вообще и Февральской революции в частности? Можно гарантировать противоположное: наверняка нашлись бы охотники обвинять евреев в *недостаточном* участии в революционном движении. (И это, кстати сказать, нетрудно было бы обосновать ссылками на еврейские источники!)

Но герои Февраля оказались факирами на час. Свержением царя они думали загнать назад в бутылку рвавшегося из нее джинна анархии, а сами выпустили его на простор. Хотели как лучше, а получилось как всегда, то есть плохо. Так плохо, что хуже некуда. Тогда и понадобилось найти виноватого. Особенно забавно читать мемуарно-беллетристические фантазмагии пламенного русского националиста, патриота и монархиста В.В.Шульгина, сыгравшего столь видную роль в развале старой России, а затем с большим пафосом творившего мифы о том, что это сделали евреи. Внимательное ознакомление с первым томом дилогии Солженицына показывает, что его взгляды мало отличаются от взглядов Шульгина.